

ISSN 2072-8522

В

ЕСТНИК

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Русская филология

№2 / 2009

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

**СЕРИЯ
«РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»**

№ 2

**Москва
Издательство МГОУ
2009**

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. – председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. – зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе,
доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. – доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. – директор издательства, доктор философских наук, доцент
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. – кандидат физико-математических наук, доцент

Редакционная коллегия серии «Русская филология»:

Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор (ответственный редактор)
Шаповалова Т.Е. – доктор филологических наук, профессор (зам. ответственного редактора)
Алексеева Л.Ф. – доктор филологических наук, профессор
Аношкина В.Н. – доктор филологических наук, профессор
Копосов Л.Ф. – доктор филологических наук, профессор
Леденёва В.В. – доктор филологических наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 2. – 2009. – М.: Изд-во МГОУ. – 236 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., С.5 и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. См.: Список журналов на сайте ВАК, 12.07.2007 г. и в редакции апреля 2008 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей находится постоянно, обновляясь с внесением необходимых изменений.

© МГОУ, 2009

© Издательство МГОУ, 2009

Русский язык

УДК 811.161.1'373.4

О.А. Головачёва

О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С. ЛЕСКОВА, ПОСВЯЩЕННЫХ «ЖЕНСКОМУ ВОПРОСУ»*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению позиции Н. С. Лескова на актуальный во второй половине XIX века «женский вопрос». Писатель в художественных и публицистических текстах проводит мысль о необходимости подготовки медицинских работников-женщин в России.

Объектом исследования выступают преимущественно номинативные единицы, приобретающие в текстах яркую образность, экспрессивность, актуализирующие позицию Н. С. Лескова – прозаика и публициста.

Ключевые слова: лексические единицы, оценочная и прагматическая семантика.

Показательным признаком нравственного здоровья нации в любую эпоху и в любом цивилизованном обществе является отношение к женщине. Великого русского писателя Н. С. Лескова волновал актуальный для 2-ой половины XIX в. «женский вопрос». Он одним из первых обратил внимание на острую и актуальную для России проблему отсутствия медицинских работников-женщин. Мысль о необходимости иметь в данной области общественной деятельности специалистов-женщин красной нитью проходит в ряде произведений и статей, написанных в 60-е годы XIX в., среди них следующие: «Возможность женской эмансипации на деле. Опыт в калинкинской больнице. — Башкиры и мещеряки как образцы для русских эмансипаторов. — Священник Константин Стефанович. — Как будет идти далее вопрос о женщинах, имеющих право лечить? (далее – «Возможность женской эмансипации»); «Внутреннее обозрение: саратовские крестьянки как общественные деятели. — Болезни женщин. — Нечто об эстляндцах и о том, как «Русский инвалид» попал в число опасных изданий. — О неудобствах корреспонденции между Ригою и Петербургом» и «Специалисты по женской части» (далее – «Саратовские крестьянки как общественные деятели»); «Русские женщины и эмансипация».

Писатель полагает, что проблему надо решать исходя из особенностей менталитета простой русской женщины, потому что неотъемлемая часть ее души – стыдливость. Это свойство природы, проявляющееся в различных ситуациях, о чем Н. С. Лесков говорит в произведениях разных жанров, например, в повести «Житие одной бабы»: *В верхней Гостомле... поставили на выгоне сельскую расправу. Был на трех заседаниях в расправе. На одном из этих заседаний молоденькую бабочку секли за непочтение к мужу и за прочие грешки. Бабочка просила, чтоб ее мужиками не секли: “Стыдно, — говорит, — мне перед мужиками; велите бабам меня наказать” [1].*

---

* © Головачёва О.А.

В этом фрагменте обращает на себя внимание то, что доминирует лексика морально-этического диапазона, причем можно выделить тематическую группу с семантикой 'физическое воздействие на человека': *наказать, расправа, сечь*. Хотя указанные лексические единицы стилистически не отмечены, в повести они обрели яркую образность. Так, глагол *наказать* – «подвергнуть взысканию, налагаемому имеющим право, власть, на того, кто совершил преступление или проступок» [2] в контексте выступает в качестве синонима одного из ЛСВ глагола *сечь* – «наказывать розгами, плетью, хлыстом» (ТСУ). Из текста понятно, что для героини тяжелее не физическая боль, не моральное унижение от наказания за содеянное, а вынужденная необходимость предстать в «срамном» виде перед посторонними мужчинами, что по морально-этическим представлениям того времени являлось неприемлемым, даже когда речь шла о провинившейся женщине.

Не возражая обвинениям и готовясь понести наказание, *молоденькая бабочка* испытывает стыд. Но *стыд* – это «чувство смущения, раскаяния от сознания предосудительности поступка» (ТСУ), а *поступок* – «совершенное кем-то действие» [3]. Причиной же стыда наказуемой является мысль об обнажении тела, которое увидят посторонние мужчины. Н. С. Лесков с сочувствием относится и к женщине, и к тому своеобразному смещению акцентов в понимании ею стыда: стыд за содеянное для нее менее значим, чем стыд за «ненадлежащий» вид при порке. Способом имплицитного выражения авторской оценки героини является, прежде всего, лексика. В контексте это слова с суффиксами деминутивного характера (*грешки, бабочка*).

Автором используется слово *баба*, выполняющее номинативную функцию, – «замужняя крестьянка» (ТСУ), но эмоционально-оценочную нагрузку несет на себе существительное *бабочка* – «ласковое обозначение молодой женщины» (ТСУ), которое ассимилирует и прилагательное *молоденькая* – «уменьшительно-ласкательное к *молодая*» (ТСУ). Писатель, как кажется, симпатизирует *молоденькой бабочке* с ее *грешками* и стыдливостью – для него столь естественной и неотъемлемой чертой характера русской женщины.

В повести «Житие одной бабы» найдем и другие примеры отражения автором в характерах героинь качества женской стыдливости (стремление закрыть тело от постороннего взгляда) – через иносказание (*не махонькая*) и упоминание традиции (не появляться в рубахе, т.е. в нижнем белье, перед чужими мужчинами):

Когда Вукол вышел за двери, Костик встал и, подойдя к кузнечихиной постели, одернул с Насти одеяло и крикнул: “Вставай!”

Настя вскочила, села на кровати и опять потянула на себя одеяло, чтобы закрыть себя хоть по пояс.

— Вставай! — повторил Костик.

— Полно тебе, — сказала кузнечиха. — Отойди от нее, дай ей одеться то. Ведь она не махонькая; не вставать же ей при мужиках в одной рубахе.

Казалось бы, представлена естественная для женщины застенчивость, но Костик и Настя – брат и сестра, выросшие вместе в тесноте крестьянской избы. Однако перед братом (как отмечает Н. С. Лесков, проявляя свой талант бытописателя, знатока народной жизни) Настя испытывает то же смущение, которое испытывала бы и перед любым другим мужчиной.

Русские женщины вследствие особенностей воспитания, образа жизни стыдливы, и это необходимо учитывать, считает Н.С. Лесков, при медицинских осмотрах. В противном случае наступают последствия, пагубные для психики женщины, примеров-аргументов тому он помещает немало в тексте повести «Житие одной бабы»: *...Квартальный забрал старуху с грыжей, одиннадцатилетнюю девочку с золотушным гноетечением... да Настю и под полицейским прикрытием повел их во врачебную управу.*

Используя прием показа события сквозь призму восприятия его каким-либо персонажем, Н. С. Лесков рассказывает о том, как Сила Иваныч Крылушкин, в доме которого находились эти больные женщины, узнав, что случилось во время его отсутствия, поспешил в управу и увидел там следующее:

Баба и старуха сидели на окне. Старуха плакала.

— Чего? что с вами сделали? — спросил перепуганный Крылушкин.

— Отец ты наш! За что же на нас срам-то такой?

— Что, что? скорей говорите.

— Да как же на старости-то лет меня, старуху, осматривать при всех при бесстыжих глазах.

Старуха, т.е. женщина, пережившая за свою жизнь много разного, становится выразительницей оценки автора: происходившее с ней *срам* – «позор, стыд, бесчестье, постыдное, унижительное для кого-чего-нибудь положение, вызывающее презрение» (СО). Писатель стремится показать, что женщина из народа воспринимает фельдшеров и врачей все-таки не как специалистов, а только как мужчин с *бесстыжими глазами*. Очень показательное использование в данном контексте определения *бесстыжий* из синонимического ряда *бесстыдный, наглый, непристойный, неприличный, циничный, охальный, развязный, беззастенчивый, хамский, срамной, откровенный, нескромный*. Если значение членов синонимической парадигмы в наиболее общем виде можно сформулировать как «нарушающий приличия, не чувствующий стыда», то по сравнению с ним семантика адъектива *бесстыжий* усилена компонентом 'в высшей степени'. В составе устойчивого оборота *бесстыжие глаза* слово *бесстыжие* имеет просторечную окраску и употребляется как бранное (ТСУ).

Нравственные мучения русских женщин разного возраста при осмотре их медиками автор показывает через описания психологических и физических проявлений стыда, используя соответствующую лексику: *Здесь стояла девочка, вся красная, как от печи отошла, с слезами на глазах, и подвязывала свои больные уши; Настя с раскрасневшимся лицом и бегающими глазами...*

И у старухи, и у девочки одиннадцати лет, и у молодой женщины в изображении Лескова-реалиста реакция на принудительный медицинский осмотр одинаковая: *старуха плакала – девочка... с слезами на глазах, Настя тихо заплакала*. Лексические единицы, которые передают реакцию стыда, образуют текстовую тематическую группу «Стыд».

Чем тверже нравственные (здесь – патриархальные) устои человека, тем острее он реагирует на то, что противоречит им. Н. С. Лесков подчеркивает, что Настя, испытавшая в жизни много бед и страданий, после такого медицинского насилия никогда уже не сможет оправиться от полученного шока, показывает писатель-гуманист, используя лексику с градуальной семантикой, указывающую на высокую степень проявления чувства, эмоциональной реакции:

Настя вскрикнула, рванулась и, не успев стать на ноги, упала на пол.

Потом вдруг поспешно вскочила и плюнула в лицо англичанину. Инспектор не успел прийти в себя от этого сюрприза, как бедная женщина с раскрасневшимся лицом и бегающими глазами перескакивала от одного к другому и, с каким-то воплем, по очереди всем им плевала в глаза. Настя прыгнула и к Крылушкину, вероятно, с тем же намерением — плюнуть ему в глаза, но тотчас его узнала, обхватила руками шею старика и, упав головой на его грудь, тихо заплакала.

В данном фрагменте повести «Житие одной бабы» Н. С. Лесков выражает свой гнев, негодование таким пренебрежением к специфическим моральным представлениям простой русской женщины через стилистически нейтральные языковые единицы, которые в контексте приобретают коннотативные обертоны смысла и отражают семантику обличения. Например, иноязычное слово *сюрприз* означает «неожиданный подарок» [4]. Этот «подарок» в виде плевка в лицо (реакция негодования от чувства стыда) – средство выражения автором идейно-эстетической концепции, обусловленной особенностью менталитета русского православного человека.

Чтобы подчеркнуть не божеский, а следовательно, и не человеческий подход к женщине, писатель на небольшом текстовом пространстве активно использует прием повтора: *плюнула в лицо англичанину; по очереди всем им плевала в глаза; плюнуть ему в глаза*. Все повторы в произведениях Н. С. Лескова концептуально обусловлены. Глагол *плюнуть* в тексте выражает глубокий символический смысл. Православные люди знали, что всегда плевать разрешено только на сатану: «И дуни, и плюни на него», – говорит, например, священник во время таинства крещения оглашаемого. И крещенные люди понимают, «зачем необходимо это дуновение и плюновение». По мнению П.Ю. Малкова, автора учебника, одобренного современными богословами, «если человек хочет нанести самое страшное оскорбление своему врагу, то он может сказать ему какие-нибудь обидные слова, ударить его, а может и плюнуть ему в лицо. И этот плевок в лицо окажется для врага гораздо худшим, куда более страшным оскорблением, чем все другие» [5]. Героиня Н. С. Лескова по-православному воздаст обидчикам, ее плевки – борьба против «сатанинских» действий врачей-мужчин, – именно так считает простая русская баба, и это стремится донести писатель. Настю активно, а в сложившейся ситуации героически поддерживает Сила Иваныч Крылушкин – добрый и мудрый старик. В речевой партии Крылушкина эксплицированы лексические единицы, обнажающие позицию автора. Прежде всего это лексема *стыдно*, в семантике которой наличествует пейоративная окраска, усиленная за счет повтора. В данном контексте даже традиционное в функции обращения слово *господа* воспринимается как единица негативнооценочная; такое же коннотативное содержание раскрывают предикаты *врач, целитель* – средства обличительного плана (операторы *разве так можно; не... а* в сопоставлении *не врачи, а ...палачи*):

— *Эх, господа! господа! А еще ученые, еще докторами зоветесь! В университетах были. Врачи! целители! Разве так-то можно насиловать женщину, да еще больную! Стыдно, стыдно, господа! Так делают не врачи, а разве... палачи.*

Если в художественных текстах позиция Н. С. Лескова очевидна и понятна читателю, но представлена в соответствии с идиостилевой установкой писателя имплицитно [6], то в публицистике голос автора, по меткому выражению

В. Распутина, «своеобычный и ядреный», звучит сильно и убедительно, оценки эксплицируются в большой мере. Например, в статье «Саратовские крестьянки как общественные деятели» Н. С. Лесков говорит, что естественная стыдливость особенно поселянок *«простирается до того»*, что они *«конфузятся говорить и показывать своё тело врачу»*, *«обмирают»* от медицинских осмотров мужчин, и *«даже предпочитают смерть невыносимому осмотру врача-мужчины»*.

Лексические единицы *конфузиться*, *невыносимый*, *обмирать* входят в тематическую группу с семантикой, обозначающей степень переживания человека, причем такого, которое травмирует личность. Автор констатирует то обстоятельство, что даже говорить о своем теле женщины *конфузятся* – т.е. «испытывают состояние смущения, неловкости, стесняются» (СО), а при осмотрах *обмирают* – «цепенеют от сильного, внезапного потрясения, переживания» (СО). Процедуры подобного рода кажутся ему неприемлемыми в современной крестьянской России, потому что противоречат нравственным устоям и являются для женщин *невыносимыми* – «превышающими терпение, непереносимыми» (СО). Н. С. Лесков в своих статьях призывает общество изменить положение дел, прислушаться к голосу разума, потому что в противном случае пострадают все: те женщины, которые привыкают к таким *операциям*, быстро становятся падшими (*крестьянская баба легко делается развратницею*) и негативно воздействуют на других.

В статье «Возможность женской эмансипации на деле» говорится о таких представительницах: *женщины, промышляющие своим развратом, разрушительным образом влияют на нравственность своих больных соседок*.

Губительные последствия могут наступить даже от соседства с женщинами, забывшими стеснительность и ставшими публичными, отмечает Н. С. Лесков. В данном контексте это показательно подчеркивает употребление частотного в публицистике оборота с опорным компонентом *промышлять*. При сохранении грамматической сочетаемости автор сознательно идет на нарушение семантической синтагматики, предусматривающей валентностные связи слова с субстантивами, обозначающими род занятий, промысел, например, *промышлять охотой, промышлять воровством*. Соблюдая языковую норму, следовало бы употребить выражение *промышляющие проституцией*. Однако Н. С. Лесков меняет иностранное, «обтекаемое» для русского языкового сознания слово *проституция* – «продажа женщинами своего тела с целью добыть средства к существованию» (ТСУ) на общепонятное русское *разврат*, которое к тому же значительно шире по семантике, в том числе и за счет контаминации двух ЛСВ: «половая распущенность, безнравственная половая жизнь» и «все дурное с моральной точки зрения, испорченность» (ТСУ).

Привлекая внимание читающей и мыслящей публики к данному обороту в его этнокультурной значимости, автор усиливает его смысл и тем самым указывает на возможную социальную перспективу: разврат как промысел ведет к деградации, *разрушительным образом влияет на нравственность* тех, кто находится вольно или невольно в близком окружении. *Стремление убивать стыд в женщинах, которые им только и держатся*, непростительно. Автор с болью в душе говорит: *«...Нужно же пощадить простое чувство и дать возможность лечиться без той нравственной пытки, которая невыносима для большинства самых скромных и самых чистых женщин»*. Слова *пытка* и *ле-*

чение не должны без особой установки (ирония, иносказание) в узусе употребляться в качестве синонимов, потому что *лечение* – это «действие, при котором принимают меры к выздоровлению больного» (ТСУ), в то время как *пытка* – это обратное действие, противоположное выздоровлению, – «физическое насилие, истязания, осуществляемые обычно палачами (иногда с помощью специальных орудий) при допросе обвиняемого...» (ТСУ).

Интертекстуальная соотнесенность вышеуказанного фрагмента статьи «Саратовские крестьянки как общественные деятели» с текстом повести «Жизнь одной бабы» (*так делают не врачи, а разве... палачи*) позволяет сделать вывод, что Н.С. Лесков употребил слово *пытка* именно в первичном значении. Физическое насилие неразрывно порождает и душевные муки у *самых скромных и самых чистых женщин*, следовательно, в тексте имеет место контаминация прямого и переносного значений: *пытка* – это еще и «нравственное или душевное терзание». Автор считает: *кому этот вопрос (осмотра) на жизнь и смерть, тем нужно дать средства решать его полегче*. Н.С. Лесков пытается через слово *полегче* – наречие с префиксом *по-* в значении «слабого усиления качества» (СО) – пробудить у медицинских и полицейских властей известные человеческие чувства, отмечает, что *стыдливость поселенок... гораздо сильнее, чем о ней обыкновенно думают*. Смущаясь рассказать симптомы болезни врачу, женщина начинает скрытничать, *болезнь усиливается, передается... одна семья наделяет другую...и наконец село, по народному выражению, «гниет»*. А лекаркам, «*преследуемым чиновниками земской полиции и уездным врачом*», женщины могут дать себя осмотреть, рассказать все подробности течения болезни, которые были бы очень важны для ее диагностики. Таким образом, подтверждается лесковская гуманистическая мысль о необходимости подготовки женщин-врачей и фельдшеров.

Автор в статье «Саратовские крестьянки как общественные деятели» называет стыдливость не дикостью, а естественным проявлением одной из особенностей женской природы, поэтому и считает необходимым как можно скорее «*обучить русскую женщину медицине и дать ей потом в руки медицинский диплом*». Писатель выводит этот вопрос в ряд важнейших, поскольку от того, здорова ли женщина, зависит и здоровье всей семьи, детей рожденных и будущих, в итоге – здоровье общества в целом. Н.С. Лесков говорит: «*...Во всяком случае можно смело ручаться, что одни врачи-мужчины не будут в силах принести той пользы русскому народу, какую могут принести они вместе с знающими дело лекарками*», потому что «*останутся еще кровоточивые женщины и девушки с такими болезнями, с которыми русская поселанка ни за что не пойдет к врачу-мужчине*».

Молодые и грамотные женщины сами это понимали, некоторые из них хотели стать фельдшерами, врачами, но не имели такой возможности, как известно. В обществе полагали предназначение женщины «*быть гувернанткой или актрисой, танцовщицей, всем, даже...конкубиной, но не врачом, не лекаркой*». Н.С. Лесков считает такое положение «*величайшей из великих несообразностей*», потому что *лекарка* – это прежде всего женщина, которой не стыдно показать тело и рассказать о болезни, и благоразумно обучить таких женщин некоторым хотя бы весьма несложным медицинским процедурам. Он категорично говорит об этом в указанных статьях, используя модальные операторы *должны быть, непременно*, включая предикатив *уверен*: «*...Затем мы*

---

*уверены, что женщины-врачи у нас должны быть непременно, потому что для этого есть два очень сильные элемента: потребность и желание». Автор видит несомненную пользу в любом занятии женщин в области медицины, дающем положительные результаты в области служения народу, что отражает прямое употребление лексики с оценочной и прагматической семантикой (*уверен, непременно, потребность*).*

Польза, в частности, обучения женщин оспопрививанию очевидна для Н.С. Лескова, о чем он говорит, используя слова с эксплицитной семой 'одобрение': *это будет иметь большое влияние на искоренение предрассудков крестьян, которые, убедясь примером матерей, прививающих оспу своим детям, сознают всю пользу и необходимость оспопрививания*. Лексика отвлеченного характера, отмеченная в данном тексте (*искоренение, оспопрививание*), служит средством номинации позитивных действий в оценке писателя. Когда же речь идет о явлениях / предметах, чуждых пониманию автора, например, о характеристике дам, которые *всегда были рабынями силы, собственного невежества или того «одуряющего любовного служения», и воскурения их слабостям, которые не могли выработать из них ничего иного, кроме слабовольных и слабосильных созданий*, то преимущественно книжная лексика с типичными для существительных суффиксами *-ств-, -ниј-, -ость* выступает как средство создания иронии и отражает негативную позицию автора.

Н.С. Лесков полагает, что *русское общество должно уважать в женщине свободного человека, а все, что можно нам желать от мужчин, это то, чтобы они оставили свой взгляд на женщину как на игрушку сладострастия*. Таким образом, автор в публицистических текстах объединяет стилистически нейтральные лексемы – контекстуальные партнеры, – при этом обнажается суть морально-этических понятий за счет примарной мотивации каждого компонента, что производит мощный эффект эмоционально-оценочного свойства при воздействии на читателя. Например, в сочетании *игрушка сладострастия* негативная оценка понятийного ядра композита синтагматического сцепления *сладострастие* – «повышенная чувственность, сильное влечение к удовлетворению полового чувства, похоть» (ТСУ) усиливается за счет доминирующей семы 'пассивность', входящей в лексическое значение одного из ЛСВ лексемы *игрушка* – «послушное орудие чужой воли; то, чем распоряжаются по своей прихоти или произволу» (ТСУ).

Размышляя о возможности использования профессионального труда женщин в больницах в статье «Возможность женской эмансипации на деле», Н.С. Лесков приходит к выводу, что чиновники в столице не видят в этом перспективы. Невозможное в столице оказывается приемлемым для провинции: на окраинах империи женщины учатся оспопрививанию, вскрытию нарывов, о чем говорит автор, используя книжно-отвлеченные субстантивы, функционирующие в качестве номинативных единиц:

Олимпиада Ласкова и Дарья Афанасьева получили свидетельства, предоставляющие им право распознавать и лечить сифилис наружными средствами. Башкиры и мещеряки, в качестве эмансипаторов, не вопили, не металась, не неистовствовали, а предложили нашим же здешним женщинам средства учиться.

В публицистических текстах для проявления своей позиции и привлече-

ния внимания общественности к женскому вопросу Н.С. Лесков использует лексические и фразеологические единицы (ФЕ) разных стилей.

Наряду с книжной лексикой Н.С. Лесков использует и фразеологические единицы книжного характера: *изъявить желание, привести в исполнение, благие начинания, нравственное начало, status quo* и др.: *Олимпиада Ласкова и Дарья Афанасьева изъявили желание учиться распознаванию сифилиса; ...и в одном отделении эта прекрасная мера уже приведена в исполнение; Остаются ли все эти благие начинания in statu quo [В прежнем положении – Лат.], или им суждено будет идти далее – Бог весть!*

Как и лексические единицы, фразеологические выполняют номинативную функцию в контексте. Но имеют место и трансформации некоторых фразеологизмов, в том числе книжного стиля, что подразумевает «целенаправленные авторские изменения фразеологических единиц, распространяющиеся на их структуру и семантику и способствующие активизации потенциальных выразительных возможностей фразеологических единиц» [7]. Например, в статье «Саратовские крестьянки как общественные деятели» устойчивое выражение **отправиться к праотцам** претерпело трансформацию компонентного состава (*отправиться к прадедам*) за счет уточнения, конкретизации значения ФЕ с учетом идейно-оценочной перспективы текста в целом: *В селах, Бог даст, побавится слепых и обезображенных оспой крестьян, и кладбища не станут глотать тысячи маленьких гробиков, в которых русское молодое поколение, не достигая трехлетнего возраста, отправляется к прадедам.*

ФЕ *отправиться к праотцам* – «умереть» [8] представляется частично мотивированным за счет употребления в прямом значении одного из компонентов, а именно слова *праотец* – «прародитель, родоначальник какого-нибудь поколения» (ТСУ). Н. С. Лесков, используя прием субституции корневого морфем (*отец//дед*), попутно проводит и распрефиксацию в слове *праотец* на семантическом уровне: наличествуя в структуре слова префикс *пра-* не выражает значения, закрепленного в системе языка, – «первоначальный, наиболее древний» (СО). А в слове (*пра*)дед – «дед отца или матери» (ТСУ) приставка возвращает себе значение, указывающее на более раннее родство, чем то, которое связывает ребенка и отца. Трансформация данного выражения заключается в «оживлении составляющих идиому слов и использовании их как самостоятельных семантических единиц» [9]. Такая лингвистическая работа автора приводит к восприятию фразеологизма как устойчивого словесного комплекса с входящими в его состав элементами. По мнению А. А. Стрижак, «подобный прием стилистического использования фразеологизмов помогает более точно и более глубоко понять авторский замысел» [10]. Следовательно, можно говорить о стремлении Н.С. Лескова в публицистике к более откровенной, чем в художественной прозе, экспликации позиции с помощью нейтральных, стилистически ориентированных средств лексики и фразеологии, а также возбуждения контекстуальных коннотаций у этих единиц.

Мы видим, что и в указанных статьях, и в художественных произведениях Н. С. Лесков затрагивает актуальную, злободневную и широко обсуждаемую в обществе проблему, которая сама по себе эмоциональна в силу специфики предмета обсуждения. Как писатель-реалист, ценивший бытовую сторону жизни народа, его обычаи в качестве предмета отображения, и как публицист-аналитик, он старается по возможности гуманистически разобраться в сути

проблемы. Для демонстрации объективности позиции Н.С. Лесков в текстах использует преимущественно нейтральную в стилистическом отношении лексику, которая тем не менее приобретает экспрессивность, эмоциональность, оценочность не только при описании «жития» одной лишь женщины, но и тогда, когда речь идет о тысячах русских баб.

Список литературы:

1. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30 томах. – М., 1996.
2. Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д.Н. – Тт. 1–4. – М., 2001 (далее – ТСУ).
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986 (далее – СО).
4. Локшина С.М. Краткий словарь иностранных слов. – М., 1988.
5. Малков П.Ю. Введение в литургическое предание. Таинства православной церкви. – М, 2006. – С. 50.
6. См.: Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова. – М., 2000.
7. Стоян Л.М. Фразеология русскоязычных произведений Т.Г. Шевченко: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1988. – С. 7.
8. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. Молоткова А.И. – М., 1986.
9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.
10. Стрижак А.Л. Актуализация компонентного состава фразеологизмов в произведениях русскоязычных писателей Беларуси // Материалы международной научно-практической конференции «Восточные славяне: историческая и духовная общность». – Гомель, 2008. – С. 208.

O. Golovacheva

ON LANGUAGE AND STYLE IN N. LESKOV'S WORDS DEVOTED TO «WOMEN'S ISSUE»

Abstract: The article is devoted to the study of Leskov's outlook on the urgent in the second-half of the XVIII-th century "women's issue". In his works of art, social and political essays the writer carries out the thought about the need of training women as physicians in Russia.

The subject of study in the work is predominantly the nominative units, which acquire brilliant figurativeness, expressiveness in Leskov's texts and actualize his position as prose and political essays writer.

Key words: Lexical units, estimated and pragmatological semantics.

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В АНТИЭНТРОПИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ*

Аннотация: Статья содержит результаты исследования эксплицитных и имплицитных семантических компонентов текста судебно-лингвистической экспертизы, специфическая организация и взаимодействие которых предотвращают возможные семантические потери в ходе когнитивной обработки документа. Семантические потери рассматриваются как процессы энтропийного характера.

Ключевые слова: дискурс, эксплицитный, имплицитный, семантические компоненты.

В предлагаемой статье под антиэнтропийной организацией речевого произведения понимается такая его семантико-прагматическая организация, которая препятствует рассредоточению микросистемы когнитивно-семантических структур, формирующейся и функционирующей в качестве оперативного обеспечения когнитивной обработки этого речевого произведения [1: 157] и именуемой в дальнейшем актуальным дискурсом. Такое именование применяется прежде всего с целью различения дискурса, с одной стороны, как речевого произведения, рассматриваемого в качестве производной от социокультурных детерминантов и когнитивных стереотипов [2: 111-160], и с другой – как совокупности когнитивных действий и взаимодействующих когнитивных структур [3: 156], и последние, как функционирующая микросистема, будут именоваться актуальным дискурсом, что призвано подчеркнуть процессуальное понимание дискурсивного взаимодействия. Нарушения в семантических структурах, формирующих микросистему актуального дискурса, трактуются как процессы, приводящие к повышенной энтропии системы актуального дискурса [4: 101-103].

Письменный судебно-юридический дискурс, типичным образцом которого может служить заключение судебно-лингвистической экспертизы речевого произведения на предмет его адекватного прочтения, обладает высокой степенью фокализации [5: 315] и семантико-прагматической организации с целью противодействия семантической энтропии актуального дискурса.

Одной из особенностей экспертного заключения можно считать то, что при пятичастном графически фиксированном членении документа три его части имеют заглавия, указывающие на прагматические функции каждой из них (в документах другого типа озаглавливается, как правило, только сам документ): соответствующие сегменты имеют специальные именованья «Обстоятельства дела», «Исследовательская часть», «Выводы». Прагматические именованья компонентов дискурса не редки и в других его разновидностях, например «введение», «заключение» в научном дискурсе и «пролог», «эпилог» в художественных текстах, однако эти именованья определяют компонент дискурса относительно других его компонентов (хотя искусственному читателю

* © Гусаренко С.В.

они указывают и на функциональные особенности фрагмента), в то время как в документе типа заключения судебно-лингвистической экспертизы именование указывает на функционально-прагматические характеристики каждого из сегментов. Такая экспликация прагматической сущности компонента дискурса, безусловно, может считаться специальным средством противодействия энтропии актуального дискурса, поскольку при когнитивной обработке изначально определяется его иллокутивно-прагматическая составляющая [6: 87-92], то есть наблюдается своеобразная экономия когнитивных усилий, которые могут быть сосредоточены на пропозициональной и прочих составляющих актуального дискурса.

Здесь же следует сказать, что в заключении экспертизы никаких других типов речевых актов, кроме репрезентативных [7: 181], быть не может, поскольку сама общая прагматика [8: 419] документа требует от него констатации некоего положения дел в мире, причем констатация эта должна осуществляться с опорой на научные достижения в соответствующей области, то есть с максимально возможной объективностью, хотя в некоторых случаях высказывания могут иметь в своем значении прагматические коннотации, о чем будет сказано ниже, в соответствующем разделе.

Высокая антиэнтропийная организация заключения лингвистической экспертизы объясняется прежде всего тем, что конечным адресатом этого документа, при том что выполняться экспертиза может по запросу прокуратуры, следствия и даже частного лица, является суд, для которого в силу его социальной специфики важным является все, что связано с адекватностью документа, начиная с его датировки и заканчивая подписями в конце его. В этом смысле всякий судебный документ можно считать образцовым речевым актом [9: 151-161], в котором эксплицирован максимум его составляющих. О.С. Сыщиков, рассматривая базовые характеристики делового дискурса пишет: «Для институционального общения [разумеется, и для судебного дискурса тоже. – Г.С.] актуальными представляются в первую очередь условия общения. Мы под условиями общения понимаем релевантные признаки, связанные со следующими понятиями: а) обстановка и место общения; б) тема коммуникации (знание, незнание бизнеса); в) предмет и цель коммуникации; г) социальные, этнические, индивидуальные характеристики участников; д) ролевые и личностные отношения между коммуникантами; е) фоновые знания» [10: 11].

Описанные выше условия общения представляются именно теми ключевыми составляющими судебного дискурса, которые в максимально возможной мере обретают вербализацию в судебном документе, и заключение лингвистической экспертизы являет собой наглядный пример документа такого типа. В инициальном сегменте заключения указаны время и место его составления, а также тема общения; цель коммуникации здесь также отражена предельно точно в наименовании документа; то же можно сказать и о предмете коммуникации, который назван в первой и второй («Обстоятельства дела») частях перформативно-иллокутивного сегмента, то есть основной части, в которой расположены высказывания, репрезентирующие основные речевые акты в документах этого рода; «социальные, этнические, индивидуальные характеристики участников» при необходимости изначально даются в сегменте «Обстоятельства дела», так же, как и «ролевые и личностные отношения между коммуникантами», причем роль автора документа, то есть эксперта, названа в

первой части перформативно-иллокутивного сегмента наряду с его именем (*эксперт-лингвист Иванов произвел экспертизу*); указанием на фоновые знания автора, то есть его прагматические пресуппозиции [8: 427-428], можно считать именование его дискурсивного статуса – *эксперт-лингвист*, поскольку предполагается, что это лицо компетентное и кроме того, экспликация фоновых знаний находит свое функциональное применение в исследовательской части заключения экспертизы и в заключении.

Далее мы рассмотрим семантико-прагматическую организацию инициального сегмента заключения лингвистической экспертизы и первую часть его перформативно-иллокутивного сегмента.

Инициальный сегмент заключения судебно-лингвистической экспертизы включает указание на дату и место его составления, а также само именование документа, например *10 октября 2003 года – г. Ставрополь – Заключение №... судебно-лингвистической экспертизы*. Подобную вербальную цепь можно интерпретировать как своего рода пропозицию *Заключение №... судебно-лингвистической экспертизы (составлено) 10 октября 2003 года в г. Ставрополе*. Прибегая к такой интерпретации, мы опираемся на опыт исследования когнитивных единиц Ю.Н. Карауловым, который, описывая результаты ассоциативного эксперимента, пишет, что «составляющие цепочку слова получают статус пропозиции (просека, лес дорога, прямой) и могут трансформироваться в некоторый дискурс – носитель смысла: “Просека – это прямая дорога в лесу”» [11: 13]. Мы избегаем в данном случае термина дискурс, поскольку приняли для него иное наполнение.

Что касается пропозиции *Заключение №... судебно-лингвистической экспертизы (составлено) 10 октября 2003 года в г. Ставрополе*, то, действительно, при прочтывании и интерпретации инициального сегмента заключения экспертизы формируется актуальный дискурс со всеми необходимыми составляющими: прежде всего осуществляются референциальные акты с участием именных групп, составляющих инициальный сегмент, причем референциальный акт с участием дескрипции [12: 94-96] *Заключение №... судебно-лингвистической экспертизы*, в отличие от других именных групп, осуществляется благодаря в том числе и присутствию самого референта – заключения экспертизы (хотя таким же образом можно говорить и о референции компонента *г. Ставрополь*, если иметь в виду присутствие адресата в названном городе). Предикат *составлено* в данном случае не требует экспликации, поскольку исчисляется по факту существования самого документа, то есть пропозициональный акт в принципе можно считать осуществившимся: адресат в состоянии приписать субъекту «заключение судебно-лингвистической экспертизы» признак «составлено», имея перед собой готовый документ.

Есть все основания говорить о том, что инициальный сегмент заключения экспертизы идентифицируется как вербальная составляющая репрезентативного иллокутивного акта [7: 181], поскольку сам факт существования документа, который отражается в предикате пропозиции, не может быть интерпретирован иначе, как основание для констатации. То есть, прочитывая и адекватно интерпретируя инициальный сегмент с участием компонентов *10 октября 2003 года – г. Ставрополь – Заключение №... судебно-лингвистической экспертизы*, адресат тем самым участвует в репрезентативном речевом акте, посредством которого констатируется существование некоего положения дел

в мире, а именно существование документа *Заключение №... судебно-лингвистической экспертизы*.

Помимо коммуникативных пресуппозиций, посредством которых идентифицируется наименование документа, в актуальном дискурсе инициального сегмента заключения экспертизы функционируют прагматические пресуппозиции, связанные со специальными знаниями адресата и служащие для определения правильности оформления документа, а также для проверки соответствия требованиям к дате и месту его составления.

В первой части перформативно-иллокутивного сегмента приводятся данные самого разного характера, которые являются необходимыми для определения прагматической адекватности заключения экспертизы, и соответственно, эта часть делится графически на составляющие, при когнитивной обработке каждой из которых образуется и функционирует актуальный дискурс.

Прежде всего отметим, что в первой части перформативно-иллокутивного сегмента содержится ключевое высказывание, посредством которого констатируется факт проведения экспертизы с привлечением всех необходимых сведений и указанием на обстоятельства. То есть при функционировании актуального дискурса этого высказывания образуется пропозиция, содержащая полный семантический набор, включающий субъект, объекты, предикат, сирконстанты (кроме указания на время действия): *На основании определения суда... в Ставропольском государственном университете эксперт лингвист (имя) произвел лингвистическую экспертизу статьи 154 Налогового кодекса*. Далее следует актуальный дискурс, в пропозиции которого самым подробным образом отражены события, имеющие характер причины в отношении самого события экспертизы, а именно поступление к эксперту определения суда, самого дела и сопроводительного письма. При когнитивной обработке адресатом именно этой части перформативно-иллокутивного сегмента в его актуальном дискурсе формируются пропозиции, определяющие характер речевого действия экспертизы: определение суда в глобальном плане репрезентирует директивный речевой акт, в результате которого некто приступает к проведению экспертизы и в конечном итоге составляет заключение; материалы дела предоставляют объект экспертного исследования, в нашем случае – некий текст, и другие тексты, призванные составить дискурсивно-пресуппозиционную базу для текста заключения. Сопроводительное письмо в своей основной перформативно-иллокутивной части содержит репрезентанты экзистенциальных пропозициональных актов, которые неизбежно свершаются при буквальном, визуальном соотнесении имени из списка документов и самого документа.

В этой же части перформативно-иллокутивного сегмента содержится вопрос/вопросы к эксперту, на которые он должен ответить, проведя экспертизу. В актуальном дискурсе вопроса к эксперту формируется пропозиция, описывающая положение дел относительно содержания того или иного высказывания, то есть мы имеем дело с метапропозицией. При этом в зависимости от характера вопроса: а) один из компонентов пропозиции замещается вопросным словом, требующим в свою очередь замещения на референтный компонент: *Какое слово или словосочетание определяется причастным оборотом G?* б) пропозиция описывает некое положение дел, то есть в ней приписывается определенное значение лингвистическому объекту, и от эксперта требуется определить, действительно ли эта пропозиция описывает реально существующее

положение дел: *Оскорбляет ли высказывание S честь и достоинство гражданина N?*

Первая часть перформативно-иллокутивного сегмента завершается своего рода высказыванием-распиской, и в актуальном дискурсе этого высказывания формируются пропозиции, в которых эксперт выступает пациентом, а агент, то есть юридически ответственное и компетентное лицо, совершает в его отношении определенные действия: *Права и обязанности, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР разъяснены. Об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и за разглашение данных предварительного следствия по ст. ст. 307 и 310 УК РФ предупрежден.*

Приведенные высказывания представляют собой эллиптические образования, поскольку предполагается, что, прочитав подписанную экспертом расписку, адресат реконструирует их имплицитные компоненты: а) *Права и обязанности, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР разъяснены, поэтому эксперт знает, что имеет право P_1, P_2 , и обязан P_3, P_4* , где P_1, P_2, P_3, P_4 – пропозиции из соответствующих статей нормативных документов; б) *Об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и за разглашение данных предварительного следствия по ст. ст. 307 и 310 УК РФ предупрежден, поэтому эксперт знает, что не должен S_1, S_2* , где S_1 – пропозиция *Эксперт дает ложное заключение*, S_2 – пропозиция *Эксперт разглашает данные предварительного следствия*.

Таким образом, можно констатировать, что первая часть перформативно-иллокутивного сегмента при когнитивной обработке образует актуальные дискурсы с разным по характеру и местами сложным пропозициональным содержанием: пропозиция актуального дискурса первой части описывает речевые действия эксперта, а именно составление заключения экспертизы; пропозиция актуального дискурса второй части имеет гипотетический характер; актуальный дискурс третьей части, помимо пропозиций, описывающих определенные коммуникативные действия относительно эксперта, включает также имплицитные пропозиции, описывающие знания эксперта относительно его поведения.

Для функционирования без энтропийных потерь актуальных дискурсов первой части перформативно-иллокутивного сегмента необходимо совершение следующих референциальных актов: должны быть соотнесены с референтами именные группы [12: 95-101], означающие юридический орган, по инициативе которого проводится экспертиза – в противном случае адресат может не признать юридическую адекватность заключения; должны быть соотнесены с референтами имена, именные группы и дескрипции [13: 190], означающие объект экспертизы, то есть эксперт должен иметь перед собой текст, подлежащий экспертизе (оригинал, копию или воспроизведение в виде цитаты); прагматические пресуппозиции адресата также позволяют соотнести с референтами именные группы, означающие нормативные юридические документы и зачастую выступающие в виде аббревиатур (УК РФ, УПК РФ); и, наконец, опираясь на экзистенциальные пресуппозиции [14: 339] должны быть соотнесены с референтами дескрипции типа *судья Иванов* и *эксперт Петров*.

Выше отмечалось, что заключение экспертизы содержит только одно нерепрезентативное по формальным признакам высказывание – это вопрос к эксперту в первой части перформативно-иллокутивного сегмента, который, как

представляется, традиционно относят к директивам по классификации Дж. Серля [7: 182]; именно вследствие интерпретации этого вопроса эксперт совершает коммуникативные действия, характер которых и определяется им (вопросом). Однако это не вопрос, обращенный к адресату, то есть к судье, и таким образом, здесь мы не имеем дело с действительным речевым актом, поскольку не адресат заключения экспертизы должен на него отвечать. Вопрос к эксперту предваряется формулой типа *В определении суда перед экспертом поставлен следующий вопрос*, которая, в сущности, представляет собой пропозициональную установку, но это недействительная пропозициональная установка, так как обращена не к адресату, как и сам вопрос. То есть в данном случае имеет место своего рода цитата из определения суда, которая призвана ввести в когнитивный фонд адресата основания, по которым он мог бы оценивать результаты экспертизы, изложенные в заключении. Таким образом, можно заключить, что при функционировании актуального дискурса высказывания – пропозициональной установки [12: 36] и высказывания-вопроса они не идентифицируются как таковые и квалифицируются как репрезентативы в ряду других репрезентативов.

Иллокутивные значения других высказываний первой части перформативно-иллокутивного сегмента исчисляются по их формальным признакам.

Следует также отметить следующее. Расписка о знании соответствующих статей нормативных актов, подписываемая экспертом, состоит из высказываний, которые по формальным признакам могут быть отнесены только к репрезентативам: *Права и обязанности... разъяснены. Об ответственности... предупрежден*. Однако представляется очевидным, что едва ли целью речевого акта «расписка» в экспертном заключении, непременной составляющей которого является личная подпись эксперта, является только лишь информирование адресата, то есть суда, о том, что автор заключения предупрежден об ответственности, хотя и это весьма важно для юридической процедуры. Одной из прагматических составляющих расписки является, с одной стороны, неявным образом обязать эксперта к определенной линии поведения, неявным – поскольку присяга, то есть комиссивный акт, вне судебного заседания будет неуместной, между тем как личная подпись под распиской подчеркивает ответственность эксперта за нарушение юридических норм; с другой стороны, расписка неявным образом вовлекает эксперта в совершение скрытого комиссивного акта, поскольку, подписывая расписку, он в любом случае принимает на себя обязательства к определенной линии поведения [7: 182].

В актуальном дискурсе высказываний, составляющих первую часть перформативно-иллокутивного сегмента экспертного заключения, функционируют пресуппозиции, связанные, прежде всего, со знанием юридической процедуры: о правильности составления документа, а именно об адекватности и перечне всех необходимых сегментов суперструктуры и их составляющих, об адекватности имен собственных, наименований должностей и юридических органов, участвующих в процедуре, – а также со знанием соответствующих статей нормативных актов, актуализируемых компонентами типа *УК РФ, УПК РФ*. Вопрос к эксперту и предваряющая его пропозициональная установка идентифицируются как репрезентативы также на основании соответствующих прагматических пресуппозиций, связанных со знанием специфики презентации гетерогенных компонентов дискурса.

Когерентность перформативно-иллокутивной части экспертного заключения, как и других документов фиксированной суперструктуры, обеспечивается неперменным требованием соблюдения композиционной его целостности, то есть заключение, в котором отсутствует тот или иной элемент суперструктуры, может не иметь юридической силы; отчасти по этой причине, а также отчасти из-за необходимости избегать структурно-семантической перегрузки документа средства локальной связности присутствуют в нем в минимальном количестве. Предполагается, что структурно-семантическое единство юридического дискурса типа экспертного заключения, то есть его когезия, обеспечивается в том числе и его статусом, который требует предельной релевантности компонентов дискурса.

Список литературы:

1. Дейк Т.А. ван, В. Кинч. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. – Вып. XXIII. – М., 1988. – С. 153-211.
2. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ. – М., 1989. – 312 с.
3. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М., 2003. – 280 с.
4. Гусаренко С.В. Семантические потери в актуальном дискурсе как следствие энтропийных процессов // Вестник Ставропольского государственного университета. – Ставрополь, 2006. – № 45. – С. 101-110.
5. Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. – Вып. VIII. – М., 1978. – С. 259-336.
6. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – Вып. XVII. – М., 1986. – С. 87-116.
7. Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 170-194.
8. Сыщиков О.С. Имплицитность в деловом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 23 с.
9. Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 151-169.
10. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – Вып. XVII. – М., 1986. – С. 363-372.
11. Караулов Ю.Н. Об эквивалентности когнитивных единиц в двух режимах работы языкового сознания // Стилистика и теория языковой коммуникации. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора МГЛУ И.Р. Гальперина (20-21 апреля 2005 г.). – М., 2005. – С. 13-16.
12. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М., 2004. – 288 с.
14. Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. – Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978. – С. 337-369.
13. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М., 2007. – 384 с.

S. Gusarenko

COGNITIVE SEMANTIC STRUCTURES IN ANTI-ENTROPY ORGANIZATION OF THE JUDICIAL LINGUISTIC EXAMINATION TEXT

Abstract: The article contains the results of the research devoted to the explicit and implicit semantic components in the judicial linguistic examination text, the specific organization and interaction of which prevent possible semantic losses during the cognitive processing of the text. Semantic losses are considered as processes of entropic nature.

Key words: Discourse, explicit, implicit, semantic components.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ЛИЧНОЙ И БЕЗЛИЧНОЙ ФОРМЫ ПРИЧАСТНОГО ПРЕДИКАТИВА *

Аннотация: В статье рассматриваются следующие грамматические категории причастного предикатива: род, число, время, наклонение, степени сравнения.

Ключевые слова: результативное состояние, грамматические категории, связка, причастный предикатив.

Категориальное значение результативного состояния у причастного предикатива выражается в личных и безличных формах морфологическими категориями времени, наклонения, в личных формах категорией лица и – потенциально – степенями сравнения.

Морфологические категории времени, наклонения и лица причастного предикатива выражены аналитически, с помощью связок. Личная форма причастного предикатива является согласуемой, она грамматически зависима от подлежащего и согласуется с ним в роде и числе, а в формах будущего времени – в лице: *Здесь оно побеждено и повергнуто, это непобедимое и надменное время* (В. Белов); – *Господин полковник! – совершенно сильным голосом сказал Студзинский. – Вы арестованы* (М. Булгаков); *Сложена она была вроде песни – одно слово цеплялось за другое...* (М. Успенский); – *Да, и этот дом уже больше не мой, он будет продан, а я, как видите, – оболгана, поругана и обещена* (Н. Лесков). Согласование выражается в окончаниях причастной формы и в окончаниях материально выраженной связки.

В двусоставных предложениях с причастным предикативом главным образом используется «идеальная» связка *быть*, она представлена во всех временных формах индикатива: прошедшего времени: *Вечеринка была пышная. На одну только жратву истрачено было около семи рублей* (М. Зощенко); настоящего времени: *Это не моя жизнь. Она приглажена, причёсана, напудрена и кастрирована* (Г. Горин); будущего времени: *И горе тебе, баба! Не только на страшном судилище, но и в земной жизни наказана будешь!* (А. Чехов); *И ещё в разгаре боя / Нынче, может быть, вот-вот / Вместе с берегом, с землёю / Будет в воду сброшен взвод* (А. Твардовский).

Значение связки *быть*, с одной стороны, такое же, как в соответствующих двусоставных предложениях с именной частью сказуемого, выраженной предикативами *горько, холодно, весело* и т.п. В связке *быть* заключена оценка состояния как фактически, реально существующего, однако сочетание связки *быть* с причастным предикативом придаёт предложению значение особого временного плана.

Грамматисты, исследовавшие краткие причастные формы, по-разному определяли их временное значение. Настоящее время связки (и в двусоставных, и в безличных конструкциях) в сочетании с прошедшим временем причастия страдательного залога, как заметил А.А. Пешковский, «...имеет смысл не чисто прошедший и обозначает такие факты, которые результатом своим

* © Замятина И.В.

упираются в настоящий момент, в момент речи». Если связка употреблена в нулевой форме, форме настоящего времени, то предложение выражает резуль- тативное состояние, которое возникло в результате действия, произведённого в прошлом, само же состояние мыслится как имеющее место сейчас, в момент речи. Если же связка употребляется в форме прошедшего времени, то в предло- жении обозначается состояние, возникшее в результате действия, произведён- ного в прошлом, и само состояние мыслится как существующее в прошлом [1].

Существует точка зрения, согласно которой при употреблении причастно- го предикатива в сочетании со связкой и в личных формах, и в безличных воз- никает временное значение перфекта.: *В комнате не подметено, с окон сор- ваны ситцевые занавески* (А. Чехов). Е.М. Галкина-Федорук предполагает, что безличные предложения с причастной формой и с наличной связкой *было* имеют аористное значение, а предложения с «нулевой связкой» – перфектное [2]. Лингвистический энциклопедический словарь определяет аорист как «не- длительное совершенное прошедшее действие» [3]. Перфект, по определению словаря, это видо-временная форма глагола, она обозначает состояние в насто- ящем как результат действия в прошлом (статальный перфект) и/или дейст- вие, состояние прошлого, важное для настоящего (акциональный перфект). Ю.С. Маслов отмечает эволюционное движение перфекта от статального к ак- циональному [4].

Л.Г. Панин связывает перфектное значение кратких страдательных при- частий со значением пассивности и вводит понятие перфектной пассивности, перфектность же в данном случае он определяет как «скорее способ глаголь- ного действия, чем временная характеристика глагольной формы» [5]. Автор выделяет три ряда форм пассивного перфекта: формы с различением числа и рода для выражения пассивного состояния, имевшего место до момента речи (с формой прошедшего времени связки *быть*); формы с различением числа и рода для выражения пассивного состояния в момент речи (с нулевой формой связки *быть*); формы с различением рода, числа и лица с формой будущего времени связки *быть* выражают состояние результата ещё не совершённого действия. Последняя группа форм противопоставляется Л.Г. Паниным двум первым группам, так как причастные формы со связкой будущего времени се- мантически противопоставлены двум первым – в них, независимо от времени связки выражается прошедшее действие [6]. С такой трактовкой временных значений в сказуемых с причастными предикативами можно согласиться, за исключением того утверждения, что перфектное значение причастных форм автор непременно связывает с пассивным значением конструкции.

Грамматика-80 отмечает регулярность реализаций данного типа предло- жений с «полузнаменательными глаголами» *оказаться, бывать*: *Все бывает (оказывается) решено заранее; Трое оказались не приняты.*

Итак, помимо основной, «универсальной» связки *быть*, в двусоставных предложениях с причастным предикативом используется, хотя и не с той же регулярностью, как связка *быть*, связка *бывать*, которая характеризует ре- зультативное состояние как регулярно повторяющееся, что может подчерки- ваться средствами контекста, например: *Какая-нибудь история непременно происходила: [...], или принуждены бывают вытолкать свои же приятели* (Н. Гоголь); *...все одинокие укромные уголки вроде моей беседки всегда бывают*

испачканы карандашами и изрезаны перочинными ножами (А. Чехов).

В составном сказуемом с причастным предикативом также употребляется связка *оказаться*, хотя сказуемые с этой связкой, как и со связкой *бывать*, малопродуктивны. Эта связка имеет модальное значение «обнаружения подлинности признака» и располагается на оси модальных значений, оценивающих отношения «предмет-признак» в аспекте реальности. Полюса этой оси – значение констатации признака (связки *быть, являться*) и значение мнимости-кажимости (связки *казаться, представляться*) [7]: *Ворота на выезде из города оказались сломаны и перекошены* (М. Успенский); *И вдруг она родила близнецов! Яша оказался изумлён, озадачен* (Д. Рубина).

Крайний полюс оси реальности, полюс кажимости, мнимости, представлен связкой *казаться* ...*Кто более величественно плачет, Тот кажется нам более возвышен* (И. Губерман).

Таким образом, в индикативе представлены три формы времени, временное значение причастного предикатива выражается аналитически, в связках *быть, бывать, оказаться, казаться*. Связка *быть* может быть представлена нулевой формой, связки *бывать, оказаться, казаться* малопродуктивны в сказуемых с причастным предикативом.

Ирреальные наклонения представлены формами императива и конъюнктива. Формы сослагательного наклонения образуются путём введения структуру предложения морфологической сослагательной формы связки *быть* (-л- + бы). Эти формы предикатива могут выражать различные оттенки ирреального существования результативных состояний:

состояния, возможного при каком-либо условии (формы условного наклонения): *Конечно, другой, менее жизнерадостный человек, был бы сильно пришиблен этими обстоятельствами* (М. Зощенко); *И будь, например, господом богом он, художник, всё брошенное мимоходом было бы доведено до полной ясности* (Ю. Домбровский);

желаемого результативного состояния (формы желательного наклонения); *Но жестокая Культур-Мультиур потребовала, чтобы её приказ был исполнен до конца* (М. Успенский); *В погонах ты или без погон – это всё равно, было бы звание сохранено* (А. Чехов);

возможного результативного состояния (формы сослагательного наклонения): *Они погибли несколько дней назад. На Земле был бы объявлен глобальный поиск* (А. и Б. Стругацкие).

Значение повелительного наклонения реализуется также аналитически, в формах связки *быть*: *Кто-то крикнул: «Будь прославлен!» Кто-то шепчет: «Не забудь!»* (А. Блок); *И насельники вселенной, / Те, чей путь ты пересек, / Повторят привет священный: / «Будь прославлен, человек!»* (В. Брюсов). Употребление причастного предикатива в форме повелительного наклонения редко и, по-видимому, ограничено стилистически – так, можно наблюдать употребление формы императива в устойчивом выражении типа «Будь/будьте ты/вы проклят/прокляты, например: *Изверги! Собственным языком удавлюсь! Будьте вы прокляты, собаки!* (К. Паустовский). Кроме этого, как можно предположить, существуют лексические и морфологические ограничения употребления формы императива.

Выше мы говорили о том, что В.В. Виноградовым последовательно проводилась мысль об отрыве причастий от глагольной системы, об усилении в стра-

дательных причастиях значения качества, а в кратких формах – значения *качественного* состояния.

Как известно, качественные прилагательные обозначают признак, который может проявляться в большей или меньшей степени, и имеют степени сравнения. Предикативы, генетически связанные с именами прилагательными, также могут иметь степени сравнения, как синтетические, так и аналитические: *В комнате темно – В комнате стало темнее – В комнате оказалось более темно*. Кроме этого, предикативы могут иметь формы субъективной оценки.

Личные формы причастных предикативов отдельных семантических групп также приобретают значение *качественного* состояния, которое может проявляться в большей или меньшей степени, и, следовательно, эти формы потенциально могут образовывать степени сравнения. В нашей картотеке языкового материала отмечены аналитические формы степени сравнения, образованные с помощью префикса *более* [8], например: *Кто более величественно плачет, Тот кажется нам более возвышен* (И. Губерман); *Конечно, слов нет, в больнице, может быть, и светлей и культурней. И калорийность пищи у них более предусмотрена...* (М. Зощенко). Степень проявления *качественного* состояния причастного предикатива также может быть выражена в контексте, с помощью наречий меры и степени: *Голова сам был не меньше смущён, и не знал, что начать* (Н. Гоголь); *Наклонность к умственным наслаждениям, – например, к театру и чтению – у меня была развита до страсти* (А. Чехов); *Казак мой был очень удивлён, когда, проснувшись, увидел меня совсем одетого* (М. Лермонтов).

Помимо наречий меры и степени, значение *качественности* причастного предикатива может быть выражено местоименными наречиями *так, настолько, до того*, которые совместно с союзом *что* выполняют роль средства связи придаточного местоименно-соотносительного предложения (придаточного меры и степени) с главным. Все перечисленные местоименные наречия имеют значение степени: *...утешает меня или сама, бедняжка, напугана до того, что подталкивает меня на капитуляцию* (А. и Б. Стругацкие). *Спасать можно человека, который не хочет погибать, но если натура вся так испорчена, возвращена, что самая гибель кажется ей спасением, то что делать?* (Л. Толстой).

Помимо среднего рода предикатива, в котором родовое значение нейтрализуется, в *безличной конструкции* используется безличная форма связи, значение рода которой (в прошедшем времени) и значение третьего лица (в будущем времени) также нейтрализуется. В безличных причастных предложениях обычно используется универсальная связка *быть*, в том числе и в нулевой форме, например: *Интеллигенция никуда не годна, потому что много пьёт чаю, в комнате накурено, пустые бутылки...* (А. Чехов); *В комнате было сильно накурено, а окно почему-то закрыто* (В. Каверин); *Фабержей, по-настоящему, кланяется да приговаривает «будет сготовлено»* (П. Бажов).

Форма будущего времени связки *быть* в безличных причастных предложениях используется менее регулярно, чем в двусоставных предложениях с причастным предикативом. Нами отмечено её употребление в высказываниях типа *Будет сделано*; данная синтаксическая единица является ответной репликой на чьё-либо пожелание, приказание и тому подобное, это высказывание можно считать фразеологически связанным, ср.: *Будет сделано (исполнено) =*

Слушаюсь. Я это непременно сделаю (исполню вашу просьбу, приказ). Связка *быть* в форме будущего времени употребляется также в высказываниях типа *Об этом будет сказано ниже*, которые тоже можно считать устойчивыми выражениями. Нами зарегистрирован один случай употребления предложений со связкой *быть* в форме будущего времени вне вышеупомянутых устойчивых выражений: *Очень хорошо. Антон Павлович. Константин Сергеевич. Владимир Иванович. Главное, не закончено, и никогда закончено не будет* (А. и Б. Стругацкие).

Таким образом, можно считать, что для современного русского языка наиболее характерно употребление связки *быть* с причастным предикативом в формах настоящего и прошедшего времени.

В безличных причастных предложениях используется в основном связка *быть*. Употребление других связок, кроме *быть*, таких как *являться, становиться, делаться, казаться* и т. п., нами не отмечено. В нашей картотеке языкового материала зарегистрирован один случай употребления связки *оказаться* и один случай употребления связки *бывасть*. *Малянов снова набрал номер, и снова оказалось занято* (А. и Б. Стругацкие); *Иногда лосей и оленей бывает так много убито, что для солки мяса не хватает соли* (М. Пришвин).

Итак, связка безличного причастного предложения может быть употреблена во всех формах реального и ирреальных наклонений. Обычно связка употребляется в форме прошедшего времени (*было*) и форме настоящего времени (нулевая форма) изъявительного наклонения. Как было сказано выше, в форме будущего времени связка также употребляется, хотя такие формы редки. Таким образом, в системе изъявительного наклонения парадигма безличного причастного предложения имеет все три временные формы.

Формы ирреальных наклонений, сослагательного и повелительного, образуются в парадигме безличной связки, а следовательно, и в парадигме безличного предложения (в узком понимании этого термина) менее регулярно, чем формы изъявительного наклонения.

Формы сослагательного наклонения образуются путём введения структуры предложения морфологической сослагательной формы связки *быть* (-л- + бы), например:

Хоть бы замазано было, или фиговые листочки нацепить... (А. Чехов); *Когда земные поклоны кладу, люблю, чтобы на полу насорено и наплевано не было* (А. Чехов). При помощи морфологической формы сослагательного наклонения могут быть выражены различные значения ирреального действия: желательность наличия состояния, простая возможность наличия состояния безотносительно к какому-либо условию.

Форма повелительного наклонения связки (предложения), как отмечает Русская грамматика, обычна во фразеологизмах, например: *Между нами будь сказано, о нём говорили у её величества и жалеют вас...* (Л. Толстой); *Не к ночи будь помянуто* (В. Даль. Пословицы русского народа).

Итак, парадигма главного члена безличного причастного предложения включает формы изъявительного наклонения настоящего, прошедшего и будущего времени, формы сослагательного и повелительного наклонения. Формы наклонений образуются с различной степенью свободы. Наиболее несвободным является образование форм повелительного наклонения, что может быть объяснено семантикой предложений этого типа, так образование формы

повелительного наклонения, особенно с оттенком долженствования, в предложениях с бессубъектной семантикой невозможно.

Список литературы:

1. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – С. 264.
2. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М., 1958. – С. 227.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М., 1990. – С. 34.
4. Указ. соч. – С. 372.
5. Панин Л.Г. О формах русского залога // Грамматическая и семантическая структура слова в языках народов Сибири. –Новосибирск, 1988. – С. 25.
6. Панин Л.Г. Указ. соч. – С. 28.
7. Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. – М., 2007. – С. 151.
8. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 200.

I. Zamyatina

THE MORPHOLOGICAL CATEGORIES OF PERSONAL AND IMPERSONAL FORMS OF PARTICIPLE PREDICATE

Abstract: In the article the following grammatical categories of the participle short forms are considered: gender, number, time, mood, degrees of comparison.

Key words: Productive condition, grammatical categories, the sheaf, involved predicative.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЛИЧНОЙ И БЕЗЛИЧНОЙ ФОРМЫ ПРИЧАСТНОГО ПРЕДИКАТИВА*

Аннотация: Статья посвящена анализу различных случаев употребления кратких причастных форм в позиции сказуемого личных и безличных предложений. В статье также рассматриваются некоторые спорные вопросы, связанные с грамматической категорией залога русских причастий.

Ключевые слова: краткое страдательное причастие, залог, безличное предложение, пассивная конструкция.

В позиции предиката краткое страдательное причастие употребляется в синтаксических конструкциях разных типов. «Первообразной» конструкцией можно считать конструкцию типа *Письмо написано мною*, в подобной конструкции актуализирована семантика действия, которая поддерживается формой творительного падежа со значением субъекта и формой именительного падежа со значением объекта действия. Второй тип синтаксической конструкции с кратким страдательным причастием – двусоставная конструкция типа *Письмо написано*. В конструкциях этого типа пассивное значение причастия не поддерживается творительным падежом субъекта действия, объект в именительном падеже приобретает значение субъекта состояния, чему, по-видимому, способствует отсутствие в структуре предложения субъектного компонента. Само страдательное причастие приобретает иной статус, в его значении актуализируется сема состояния. Третий тип предложений с кратким страдательным причастием среднего рода – безличная конструкция типа *У меня об этом в письме написано*. Можно предположить, что в безличной конструкции значение состояния усиливается, значение пассивности, страдательности исчезает, и происходит это благодаря тому, что в безличных причастных конструкциях практически устранена форма творительного падежа, поддерживающая пассивный оборот. Конструкции с формой творительного падежа субъекта или орудия составляют приблизительно пять процентов от безличных причастных предложений, зарегистрированных нами в качестве языкового материала, хотя введение формы творительного падежа в причастную конструкцию почти всегда возможно.

Страдательное причастие неразрывно связано с категорией залога. «Залог (греч. diathesis) – грамматическая глагольная категория, выражающая, в соответствии с широко распространённой до недавнего времени точкой зрения, субъектно-объектные отношения. Однако общепринятого определения категории залога в языкознании нет» [1]. В настоящее время выделяется 8 трактовок залога в русском языке, и это обусловлено сложностью формально-смысловых отношений в сфере залога [2].

По мысли В.В. Виноградова, термин «залог» обозначает целый клубок разнородных лексико-грамматических явлений, категория залога сплетена с категорией вида. Сама категория залога находится между грамматикой, лексикой и фразеологией, в области грамматики же эта категория ближе к син-

* © Замятина И.В.

таксису предложения, чем к морфологии глагольной формы [3]. «... соотношение и противопоставление активных и пассивных оборотов – историческое ядро категории залога (правда, в славянских языках структура страдательных оборотов очень своеобразна). Но в русском языке и этот грамматический центр начинает распадаться» [4].

Страдательное причастие, наряду с глагольной формой на *-ся* образует пассивный оборот: Книга *читается* мною (по определению В.В. Виноградова, это «возвратная форма третьего лица в страдательном значении»); Книга *читана* мной. Пассивный оборот с глагольной формой на *-ся* образует бинарную оппозицию с активной конструкцией: *Я читаю книгу – Книга читается мной*. По-видимому, сфера употребления пассивного оборота с возвратной формой на *-ся* стилистически ограничена, в значительной мере ощущается искусственность и затруднительность употребления подобных конструкций, что отмечалось ещё Ломоносовым в «Российской грамматике». Многие русские грамматисты отмечали также и то, что в этих конструкциях пассивное состояние субъекта выражается в меньшей степени, чем в страдательно-причастной.

Итак, функции пассивного оборота в современном русском языке взяла на себя пассивная конструкция со страдательным причастием. Пассивный оборот строится как с полными формами причастий, так и с краткими: *Затем Смотряев к слову очень складно рассказал об одном огромном кладе, зарытом запорожцами лет триста назад...* (Ю. Домбровский); *Вошла в подъезд и ощутила явственный запах гари, ненавидимый мною с самого детства...* (Д. Рубина); *..И это было как суеверное заклятье, наложенное нами на себя* (К. Воробьёв); *Равенство придумано человеком, и это одно их величайших заблуждений* (В. Дудинцев.). Причастные обороты могут строиться как с причастиями настоящего времени с суффиксами *-ом-*, *-ем-*, *-им-*, и с причастиями прошедшего времени с суффиксами *-енн-*, *-нн-*, *-т-*, но, по мнению В.В. Виноградова, сфера употребления таких оборотов с полными причастиями на *-мый* стилистически ограничена. Значение «страдательности» в причастных формах, «особенно на *-нный*, *-тый* чаще всего выражается присоединением творительного падежа существительных... так как в полных страдательных причастиях слишком ощутительны оттенки прилагательного, а в кратких – категории состояния» [5].

В работах, посвящённых проблемам краткого причастия и проблемам категории залога, высказывались и другие точки зрения, так, Л.Г. Панин считает, что краткие страдательные причастия не противопоставлены по залогу внутри самой причастной системы, так как в ней не сохранились другие краткие формы. Конструкции с краткой формой причастия противопоставлены личным формам глагола, таким образом, в залоговой системе наблюдается перенос залоговых отношений из центра глагольности на его периферию. Такой перенос «залоговой тяжести» в сторону причастий, гибридных глагольно-именных форм, Л.Г. Панин связывает с широкой синтаксической экспансией имени [5]. Автор данной работы также утверждает, что в глагольных пассивных оборотах на *-ся* страдательность эксплицитна, позиция субъекта обязательно должна быть занята формой творительного беспредложного; в конструкциях с краткими причастиями «страдательность форм типа *куплен* имманентна» [6]. Правда, далее Л.Г. Панин всё-таки оговаривается: «Если при формах типа *сделан* есть логический деятель, то эта форма по своему значению приближается к форме на *-ся* в страдательном употреблении....если же при рассматриваемых формах отсутствует логический деятель, то они по своему значению прибли-

жаются к безлично-предикативным наречиям [7].

В целом мнение о значимости отсутствия формы субъектного творительного в пассивных конструкциях распространено довольно широко: «... отсутствие агенсного творительного ослабляет значение страдательности в конструкциях с переходными глаголами на *-ся*, а в причастиях на *-но*, *-то* значение состояния преобладает над значением действия» [9]; точка зрения В.В. Виноградова на проблему семантической и грамматической значимости незамещения позиции агенса при краткой причастной форме была изложена выше.

Отсюда можно сделать следующие выводы: в современном русском языке нарушается морфологическая соотносительность между глагольными формами действительного и страдательного залога; употребление глагольных пассивных конструкций сталкивается с сопротивлением семантики и синтаксиса. Значение страдательного залога в основном выражается в причастных конструкциях – причастных оборотах и в двусоставных предложениях с краткими причастиями в позиции предиката. Главное средство «поддержания» страдательного значения – форма творительного падежа со значением агенса, пассивность конструкции также могут поддерживать средства контекста, краткое страдательное причастие является «страдательным» только в пассивном обороте, пассивность причастия поддерживается субъектной формой творительного падежа; в отсутствии этой формы краткое страдательное причастие приобретает значение состояния. Кроме формы творительного падежа со значением агенса, причастный предикатив может присоединять форму со значением орудия или с комплексным значением.

«Краткие формы прилагательных и причастий в современном русском языке выполняют единственную синтаксическую функцию – являются именной частью составного именного сказуемого. Это идеальный пример морфологизированного выражения синтаксической функции» [10].

В позиции причастного сказуемого двусоставного предложения употребляются причастные предикативы, образованные, как правило, от переходных глаголов и, как правило, это краткие формы страдательных причастий прошедшего времени: *Стихи без меры, по преданью / В знак дружбы верной внесены, уменьшены, продолжены* (А. Пушкин); *Вот мой Онегин на свободе: / Острижен по последней моде; Как dandy лондонский одет...* (там же). В редких случаях употребляется краткая форма страдательного причастия настоящего времени или форма, образованная от непереходного глагола: *...религия должна быть охраняема, так как для народа необходимо сдерживающее начало...* (А. Чехов); *Нами ты была любима / И для милого хранима* (А. Пушкин); *Фатьян приосанился, прищурил глаз: – Доброе дело не опоздано... Милости прошу...* (Б. Шергин). В позиции главного члена безличного причастного предложения употребляется краткое страдательное причастие с окончанием *-о*, которое омонимично окончанию среднего рода, например: *Ни шито, ни кроено, а клин вставлен* (В. Даль. Пословицы русского народа); *Напишем, дядя Ваня, прежде всего, счета. У нас страшно запущено.* (А. Чехов); *Вхожу побыстрее в комнату – батюшки светлы – накурено, наляпано, набросано, разбросано...* (М. Зощенко); *О Банной так и не было вспомнено* (А. и Б. Стругацкие).

Контаминационное, «гибридное», по словам В.В. Виноградова грамматическое и семантическое наполнение главного члена безличных причастных предложений определяет всю сложность семантики и грамматики безличных предложений этого типа.

Итак, по предположению В.В. Виноградова, краткое страдательное причастие (причастный предикатив) приобретает особый статус, особое категориальное значение, что ярче всего проявляется в его безличной форме.

Как же упоминалось выше, В.В. Виноградов отмечал аналогию между безличными формами кратких страдательных причастий и другими безлично-предикативными словами: «Аналогия... настолько тесна и поразительна, что невольно возникает общее предположение о сильном организующем влиянии кратких страдательных причастий на категорию состояния» [11].

В безличной конструкции используется форма причастного предикатива, омонимичная форме среднего рода: *Я стал читать этот роман... Бойко написано, но ни следа очарования, магии* (Ю. Олеша); *Недолго думано, да хорошо сказано* (В. Даль. Пословицы русского народа); *Там с открытых и закрытых Огневых – кому забыть! – Было бито, бито, бито. И, казалось, что там бить?* (А. Твардовский); *А как у нас в доме? Прибрано ли?* (А. и Б. Стругацкие). Следует отметить, что формант *-о* в конструкциях этого типа потерял значение согласования со средним родом имени и стал выражать значение безличности, подобно тому, как этот формант выражает безличность в предложениях типа *В трубе выло. На улице морозило. На душе мерзко и мрачно.*

Причастные предикативы, употребляющиеся в безличных предложениях образуются по преимуществу от переходных глаголов совершенного вида, что всегда отмечалось лингвистами, описывавшими безличные предложения этого вида (А.М. Пешковский, Е.М. Галкина-Федорук). Вместе с тем отмечается, что образование причастных форм от непереходных глаголов также возможно, и предполагается, что от непереходных глаголов краткие страдательные причастия образовывались по аналогии: «Форма на *-о* потеряла своё значение согласования со средним родом существительного, и вследствие этого стали возможны страдательные причастия и от непереходных глаголов, в качестве специальной безличной формы: *было сижено, хожено, езжено, плакано, спано* и т.д. [12]; «Страдательные причастия на *-но, -то* образуются от действительных и средних глаголов, однако далеко не от всех глаголов, а чаще всего от переходных. Однако так, может быть, было в более древнюю эпоху, теперь же часто под влиянием конструкций переходных глаголов образуются конструкции и от непереходных» [13].

Если судить по тем данным, которыми мы располагаем, в современном литературном языке в позиции главного члена безличного предложения в основном употребляются причастные предикативы, образованные от переходных глаголов; предложения с такими предикативами составляют абсолютное большинство безличных причастных конструкций, например: *Чего ей надо? Не хочу я работать, утром наработано, расшифровано, напечатано...* (Н. Ильина); *Впрочем, это было понятно, он (графин с водкой) помещался в полоскательнице, набитой льдом. Накрыто, словом, было чисто, умело* (М. Булгаков); *Чудно устроено на этом свете!* (Н. Гоголь).

Гораздо реже употребляются причастные предикативы, образованные от глаголов переходных несовершенного вида и от непереходных глаголов, например:

а) предложения с предикативами от переходных глаголов несовершенного вида:

Удастся – было пито, не удастся – было бито (там же); *Кирпичом по*

морде получали? Кушано достаточно (М. Булгаков);

б) предложения с предикативами от непереходных глаголов совершенного и несовершенного вида:

Посмотри-ка, Мишка, у тебя на затылке плюнуто (А. Гайдар); *По предгорью от Думной горы к Азов-горе протоптали. С полдня на полночь, как из оружия стрелено* (П. Бажов).

Причастные предложения с предикативом, образованным от переходного глагола несовершенного вида или от непереходного глагола не функционируют в сфере нормированного языка, они принадлежат разговорному языку и диалектам. Итак, причастные предикативы, образованные от переходных глаголов несовершенного вида и от непереходных глаголов, практически не употребляются в сфере русского литературного языка, а употребление таких форм в произведениях художественной литературы или публицистике можно считать окказиональными: *Свистнуто*, не спорю (М. Булгаков); *Сколько недосержено, недофыркано, недоговорено!* (Московские новости, 1994, №12).

Помимо одиночного причастного предикатива в безличном предложении главный член может быть выражен каким-либо фразеологизмом (*сказано-сделано, битком набито, на лбу написано* и т.д.), причём при употреблении в предложении фразеологически устойчивого выражения значение результативного состояния может быть не выражено: – *А может и генеральская... – думает вслух городской.* – *На морде у ней не написано...* (А.Чехов) = Я не знаю точно, чья это собака; *...корреспондирует тотальная безграмотность, которая, похоже, угрожает генофонду нации. Об этом говорено-переговорено, но и молчать тоже нельзя* («Литературная газета», 1995, №49) = Об этом говорили много, и говорили напрасно. Такое предложение не имеет полной парадигмы, например, фразеологизм «на лбу (на лице) написано» с очень малой долей вероятности может быть употреблён с наличной формой связки в форме прошедшего или, тем более, будущего времени.

Список литературы:

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М., 1990. – С. 160.
2. Крылов С.А. О различиях между трактовками залога в русском языке // Русский язык. Исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М., 2007. – С. 182.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 476, 501.
4. Виноградов В.В. Указ. соч. – С. 501-502.
5. Виноградов В.В. Указ. соч. – С. 502.
6. Панин Л.Г. О формах русского залога // Грамматическая и семантическая структура слова в языках народов Сибири. –Новосибирск, 1988. – С. 24.
7. Панин Л.Г. Указ. соч. – С. 26.
8. Панин Л.Г. Указ. соч. – С. 27.
9. Русская грамматика. В 2-х т.т., – М., 1980. т. 2 – С. 617.
10. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. – М., 1976. – С. 110.
11. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 330.
12. Пешковский А.М.. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – С. 362.
13. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М., 1958. – С. 226.

I. Zamyatina

THE USING OF PERSONAL AND IMPERSONAL FORMS OF PARTICIPLE
PREDICATE

Abstract: The article is devoted to different cases of using participle short forms in the position of predicate in personal and impersonal sentences. In the article are also considered some of debatable questions that are connected with grammatical category of Russian participle voice.

Key words: Short passive participle, pledge, the impersonal offer, passive design.

ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ФОРМАМИ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ*

Аннотация: Данная статья посвящена описанию особого типа побудительных предложений со сказуемым, выраженным глагольными формами сослагательного наклонения. При императивном употреблении этих глагольных форм наблюдается соответствующее грамматическое приспособление их к этой функции в виде специфической интонации и сочетания с грамматическими показателями лица адресата подобно формам повелительного наклонения.

Ключевые слова: побудительное предложение, императивное употребление форм сослагательного наклонения глагола.

Особый тип побудительных предложений составляют предложения со сказуемым, выраженным глагольными формами сослагательного наклонения.

В современных синтаксических работах отмечается, что формы сослагательного наклонения способны передавать различные значения, в частности значения побуждения.

В специальных исследованиях, посвященных побудительным предложениям, предложения с формами сослагательного наклонения выделяются в качестве одного из формальных типов побудительных предложений [1].

Р.А. Кулькова рассматривает побудительные гипотетические предложения в составе сложного синтаксического целого, что позволяет выявить семантическое своеобразие способа выражения побуждения с помощью сослагательного наклонения.

По мнению автора, «если побуждение к действию, выраженное с помощью специальной императивной формы («расскажи», «поезжай» – это программа действий, предписываемая адресату, то побуждение к действию, выраженное с помощью форм сослагательного наклонения, – это программа действия»: «Ты бы рассказал» (= Лучше бы ты рассказал) [2].

Далее Р.А. Кулькова пишет: «Употребление сослагательного наклонения в побудительном значении функционально выполняет повелительное наклонение, выражая такой смысл, обозначать который с помощью последнего невозможно» [3].

Мысль о том, что сослагательное наклонение в императивном значении выражает программу перестройки действий адресата, подтверждают и наши наблюдения:

Сын – матери:

– Он и слышать не хочет ни о каком примирении. Ты бы поговорила с ним, мам.

Сестра – брату:

– Ты заехал бы отца проведать. Он совсем плох.

В вышеприведенных высказываниях при помощи формы сослагательного наклонения говорящий выражает просьбу, считая, что исполнение предлагаемого действия изменит для него ситуацию в более целесообразную, лучшую

* © Иосифова В.Е.

сторону.

Таким образом, при помощи сослагательного наклонения, т. е. формы, показывающей содержание речи мыслимым предположительно, мы можем передавать реально несуществующее, но возможное (при наличии определенных условий) или желаемое.

Сослагательное наклонение выражается сочетанием формы прошедшего времени с частицей *бы*, которая может отделяться от глагола и присоединяться к любому слову предложения. Очень легко объединяется с подчинительными союзами *что, если, когда, хотя* и с частицей *хоть*.

Предложения с формами сослагательно наклонения в основном употребляются тогда, когда нужно, чтобы конкретное лицо (говорящий, собеседник, 3-е лицо) совершило определенное действие. Предложения с формой повелительного наклонения, как известно, также могут выражать это значение. Следовательно, в том и другом случаях эти выражения бывают близкими, почти тождественными. Сравним:

<i>Поголяй ты немного</i>	<i>и</i>	<i>Поголял бы немного</i>
<i>Сходи-ка в магазин</i>	<i>и</i>	<i>Сходил бы ты в магазин</i>

Вопрос о генетической связи между прошедшим временем и сослагательным наклонением изучил А.А. Потеня [4].

По мнению автора, «сходство между наклонением условным и повелительным состоит в том, что они, в противоположность изъявительному, выражают не действительное событие, а идеальное, т. е. представляемое существующим только в мысли говорящего» [5].

А. А. Шахматов утверждает, что «морфологическому сослагательному наклонению, образуемому из прошедшего на *-д* с *бы*, соответствуют следующие синтаксические наклонения: желательное и условное» [6].

А. А. Шахматов, рассматривая конструктивную форму наклонения, делит сослагательное наклонение на две группы:

а) желательное с союзами *хоть, о, если бы, чтоб, чтобы, лишь бы, если бы, как бы, не* и другими;

б) условное наклонение с союзами *если, ежели, если бы, когда бы* и пр.

А. М. Пешковский, отмечая желательный оттенок сослагательного наклонения, пишет: «... по отношению к 2-му лицу этот оттенок может переходить в оттенок совета..., а по отношению к 3-ему лицу/при безличности, в оттенок прямого долженствования» [7].

Можно сказать, что между желанием и побуждением резкой разницы нет. Если говорящий выражает какое-то требование, то оно предполагает наличие у него соответствующего желания.

Побудительные предложения со сказуемым в форме сослагательного наклонения в основном выражают желание, чтобы конкретное лицо (собеседник, 3-е лицо) совершило определенное действие или испытало то или иное состояние. Но желание может быть выражено в виде просьбы, совета, предложения, что находит свое выражение в своеобразии контекста, в лексическом значении глагола, в отношении между говорящим лицом и тем, кому побуждение адресовано. Эти предложения могут быть односоставными и двусоставными.

В художественной литературе и в разговорной речи широко распространены высказывания в форме сослагательного наклонения, выражающие совет.

При помощи таких предложений говорящий выражает необходимость поправить существующую в настоящем времени ситуацию в лучшую сторону.

Из разговора двух женщин:

– *Спина стала часто болеть, сосуды мучают. Надо бы в бассейн походить, врач сказал поможет.*

– *Занялись бы чем-нибудь, матушка, чем сидеть этак сложа руки и на спор лезть!* (А. Чехов. Отец семейства).

Отношение говорящего к тому, что исполнение советуемого действия улучшит ситуацию, обычно находит свое языковое выражение, т. е. говорящий эксплицитно выражает, какую именно пользу принесет адресату реализация его совета:

Бабушка – внуку:

– *Шел бы ты домой, Илюш! Мать уж поди заждалась.*

– *Переехали бы вы, Клим Иванович, в Любашину комнату (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).*

Как показывают вышеприведенные примеры, формы сослагательного наклонения, употребляясь для выражения совета, передают такой смысл, обозначать который с помощью форм повелительного наклонения невозможно, так как при их помощи говорящий выражает необходимость поправить существующую в настоящем времени ситуацию в лучшую сторону.

Формы сослагательного наклонения могут употребляться для выражения предложения:

Мать – сыну:

– *Заехал бы хоть сына посмотреть, уж вырос, пока ты все путешествуешь.*

– *Вы бы в милицию все-таки обратились (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).*

Как мы видим, формы сослагательного наклонения для выражения побуждения употребляются в неофициальной сфере общения. Такая форма выбирается говорящим, когда адресат младший или равный по возрасту.

В подобного рода предложениях говорящий формально не обозначается. Его присутствие выражено имплицитно. Что касается адресата, то он может обозначаться как эксплицитно (личным местоимением 2 лица единственного и множественного числа), так и имплицитно.

В разговорной речи и в художественной литературе употребляются конструкции с формой сослагательного наклонения, использующиеся для выражения просьбы:

Жена – мужу:

– *Сделал бы машинку что ль, уж сколько без дела стоит.*

Анфиса. Феропонта позвала бы, Олюшка, а то я не донесу (А. Чехов. Три сестры).

В вышеприведенных высказываниях при помощи формы сослагательного наклонения говорящий выражает просьбу, считая, что исполнение предлагаемого действия изменит для него ситуацию в более целесообразную, лучшую сторону.

Рядом с обращением при сослагательной форме глагола-сказуемого употребляются и личные местоимения – подлежащие ты или вы.

Препозитивное местоимение, особенно если оно сопровождается обраще-

нием, подчеркивает выделение субъекта, тем самым, вероятно, усиливается категоричность совета, просьбы, как и в предложениях с повелительным наклонением:

Мария заботливо ему – отошел бы ты от окошка, Степан (А. Толстой. Хлеб).

Учитель – ученику:

– *Ты бы, Саша, подучил материал.*

Встречаются такие типы предложений с формой сослагательного наклонения, в которых модальная частица бы слилась с изъяснительным союзом что, образовав с ним «составную форму сослагательного наклонения» [8].

Частица бы, войдя в состав союза, не утратила своего модального значения. «Произошло не только внешнее, но и внутреннее слияние двух оттенков: оттенка союза что и оттенка сослагательного наклонения» [9].

По этому поводу В. В. Виноградов замечает «... бы начинает сливаться с другими частицами в грамматические идиомы» [10].

Часто в разговорной речи можно услышать следующие высказывания:

– *Чтоб ему неладно было!*

– *Чтобы тотчас домой вернулся!*

– *Чтобы ты лопнул!*

– *Чтобы ему пусто было!*

Такие предложения представляют собой особую конструкцию. А. М. Пешковский характеризует их так: «Такие обрывки мы должны, очевидно, квалифицировать как неполные сложные целые» [11].

Далее, сопоставляя подобные предложения с обычными неполными предложениями, А. М. Пешковский отмечает, что если в обычных неполных предложениях «неполнота случайная, восполняемая контекстом», то в предложениях с чтобы, выражающих проклятия и приказания «неполнота типическая, характерная для такого-то союза с таким-то значением» [12].

В какой-то мере в подобных предложениях частица чтобы, видимо, приближается к значению повелительной частицы.

Все высказывания, которые начинаются с частицы чтобы, принимают форму независимых предложений. Они выражают требование, приказ, распоряжение:

Наташа. Нам нужно уговориться, Оля..., и чтоб завтра же не было здесь этой старой воровки, старой хрычовки... (А. Чехов. Три сестры).

Женщина (кричит с балкона) – детям:

– *Марш отсюда! И чтоб я вас здесь больше не видела!*

Побудительные предложения с формами сослагательного наклонения могут принимать форму зависимых предложений. В этом случае побудительные высказывания являются придаточными, и средством связи с главным предложением служит частица чтобы. Такие конструкции выражают желание, переходящее в требование, распоряжение.

В этих предложениях побуждение может быть в разных отношениях к лицу говорящему.

Говорящий может передавать побуждение через другое лицо. Получается, что говорящий побуждает передавать побуждение, например, 3-му лицу через побуждение, направленное ко 2-му лицу. Такие предложения широко распространены в художественной литературе и в разговорной речи:

– *Пожалуйста наблюдайте, чтобы сами они ничего не хватили!* (М.

Горький. Жизнь Клима Самгина).

Директор – секретарю:

– *Пройдите по кабинетам, скажите учителям, чтобы они собрались в актовом зале.*

Из разговора двух мужчин:

– *Я скажу жене, чтобы она нам чай согрела.*

Мать – сыну:

– *Передай бабушке, чтобы она котика покормила.*

Мать – сыну:

– *Скажи отцу, чтобы он сменил меня.*

Кондуктор – пассажиром:

– *Передайте назад, чтобы деньги передавали за проезд.*

Директор (уходя) – завхозу:

– *Передайте охраннику, чтобы не забыл включить свет на третьем этаже.*

Как мы видим, во многих таких предложениях говорящий просто указывает, что он передает побуждение 3-ему лицу.

Такого рода побудительные высказывания являются придаточными дополнительными предложениями, раскрывающими содержание сказуемого главного предложения.

Исходя из всего сказанного, можно сделать следующий вывод.

В русском языке особый тип побудительных предложений составляют предложения со сказуемым, выраженным глагольными формами сослагательного наклонения. При помощи них говорящий выражает необходимость поправить существующую в настоящем времени ситуацию в лучшую сторону. Наши наблюдения показали, что предложения с формами сослагательного наклонения используются обычно в неофициальной обстановке.

В конструкциях с формами сослагательного наклонения обращает на себя внимание непостоянное положение частицы, являющейся средством внесения модальных различий.

Преппозитивное положение частицы *бы* по отношению к глаголу содействует логическому выделению других членов предложения, а не сказуемого.

Постпозитивное положение содействует выделению сказуемого, и ослабление предикативности не происходит.

Субъект действия в побудительных предложениях с формами сослагательного наклонения может быть представлен неодинаково. В одних выражается личными местоимениями, в других – обращениями, в третьих – тем и другим, а иногда и совсем не обозначается. При императивном употреблении этих глагольных форм наблюдается соответствующее грамматическое приспособление их к этой функции в виде специфической интонации и сочетания с грамматическими показателями лица адресата подобно формам повелительного наклонения.

Формы сослагательного наклонения в функции побуждения передают мягко или робко выражаемую просьбу, а чаще всего совет, осложненный замечанием, иногда просто замечание.

Выражая побуждение, конструкции со сказуемым в формах сослагательного наклонения придают ему такие модальные значения, будто требуемое действие зависит от воли побуждаемого. Именно поэтому они звучат менее

категорично и почти не выходят за рамки совета, назидательного замечания, просьбы.

Список литературы:

1. Разилова З.Р. Типы волеизъявительных предложений в современном русском языке: Автореф. дисс...канд. филол. наук. – М., 1954; Прокопчик А.В. Структура и значение побудительных предложений в современном русском языке: Автореф. дисс...канд. филол. наук. – М., 1955; Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. – Л., 1986.
2. Кулькова Р.А. Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке: Дисс... канд. филол. наук. – М., 1986. – С. 175.
3. Кулькова Р.А. Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке: Дисс... канд. филол. наук. – М., 1986. – С. 178.
4. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958. Т. 1–2.
5. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958. – С. 179.
6. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М., 1941. – С. 494.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – С. 205–206.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – С. 428.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – С. 428.
10. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.–Л., 1947. – С. 586.
11. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – С. 421.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – С. 421.

V. Iosifova

IMPERATIVE SENTENCES WITH THE FORMS OF SUBJUNCTIVE MOOD

Abstract: This article is devoted to the special type of imperative sentences where the predicate is expressed with the verbs in the subjunctive mood. These verb forms used in the subjunctive mood must be adapted to this function in the form of specific intonation and person markers.

Key words: Hortatory sentence, the imperative use of forms of a subjunctive mood of a verb.

А.В. Канафьева

ЧАСТИЦЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАТОРЫ МОДАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ РИТОРИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ*

Аннотация: В риторических высказываниях наряду со значением утверждения или отрицания в экспрессивной вопросительной форме с участием частиц выражаются эмоциональные значения.

Ключевые слова: десемантизация, модальность, оценочность, субъективность, экспрессивность, эмоциональность.

Круг модальных частиц в русском языке очень разнообразен: «широкое развитие модальных частиц связано с дифференциацией модальностей высказывания, с образованием разных модальных типов предложения» [1].

Среди наиболее активных в риторических высказываниях (далее – РВ) следует отметить вопросительные частицы: *ли, или (иль), разве, неужели (ужель), что за, что если (а что если, ну а если, ну а коли)*. Их активность имеет непротиворечивое объяснение: они акцентируют вопросительность формы РВ. В то же время ими выражаются оттенки модального смысла: они «органически связаны с категорией модальности и должны быть рассмотрены в ее составе» [там же]. В РВ с перечисленными выше частицами модальные значения (предположения, недопустимости, невозможности, нецелесообразности) сочетаются с разнообразными эмоциональными оттенками. Те оттенки субъективного плана, которые передаются в РВ частицами, подчас трудно бывает установить – настолько тонко и изящно корректируют они смысл.

Например, в РВ с частицей *что если (а что если, ну, а если, ну, а коли)* модальное значение **предположения** «переплетено» с негативными или позитивными эмоциями говорящего. Например: [Осип] (входит) *Там зачем-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.* [Хлестаков] (испугавшись) *Вот тебе на! Эка bestия трактирщик, успел уже пожаловаться! Что, если в самом деле он потащит меня в тюрьму? Что ж, если благородным образом, я пожалуй... нет, нет, не хочу!* (Н. Гоголь) – предполагаемость действий, неясность, неопределенность, закрытость перспективы сопряжены для говорящего с тревогой, боязнью. В следующем РВ то же модальное значение сочетается с другим эмоциональным состоянием – надеждой на осуществление чьих-то действий, предвкушением чего-то желаемого, смятением, радостью: *Я вдруг вспомнила шутовское обещание Сиверса прийти как-нибудь ночью в наш сад на свидание со мной... А что, если он не шутил? Что, если он медленно и неслышно подойдет к балкону?* (И. Бунин).

Смысл этих РВ можно представить типизированной условно-следственной конструкцией: *Что последует, если что-то произойдет?* Ср. также: [Осип] *Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим?* [Н. Гоголь] – в этой конструкции выражается и тревога, и скрытый вызов адресату-оппоненту. Говорящий может и сам предположить перспективу, инсценировать ее. В этом случае РВ включается в

* © Канафьева А.В.

вопросно-ответное единство: *Что если когда-нибудь эти записки попадутся на глаза женщине? – Клевета! – закричит она с негодованием* (М. Лермонтов).

Для РВ с частицей *разве* характерны модальные значения **недопустимости, невозможности**, с которыми сочетаются отрицательные эмоции – осуждения, сожаления, гнева, протеста: *На дворе кто-то кричал: – Вы что, товарищи – шутите? Разве так лошадей держат? Так – свиней не держат!* (М. Горький) – осуждение, гнев; *«Что уж страшен так, Бабка, голос твой?» – «Не хочу отдать Девкам – молодцев».* – *«Нагулялась ты, – Пора знать и стыд!»* – *«Этой малостью разве будешь сыт?»* (М. Цветаева) – сожаление, протест; *Но разве я к тебе вернуться смею?* (А. Ахматова); *Не бойся слов – прекрасных, праздных, недолговечных, как цветы. Сердца людские так им рады, мир так без них пустынно тих... И разве нет в них высшей правды, на краткий срок цветенья их?* (В. Тушнова) – сожаление, грусть; *Но разве можно быть такой кислятиной? Отчего вы не протестуете? Чего молчите? Разве можно на этом свете не быть зубастой? Разве можно быть такой размазней?* (А. Чехов) – назидательное возмущение. Комплекс модально-эмоциональных значений, выражаемых в РВ с частицей *разве*, существенно дополняет закрепившуюся за ней функцию «выражения уверенности в противоположном ответе» [2; 1: 647].

Со значением частицы *разве* перекликается значение частицы *неужели*, однако не следует их отождествлять: частицы *разве* и *неужели* будто бы служат «для выражения уверенности в противоположном ответе» [2: 225]. Такое определение роли частицы *неужели* справедливо по отношению лишь к некоторым РВ и требует обязательной корректировки. Анализ ее употребления свидетельствует, что чаще всего уверенности говорящий не проявляет. Отношение к высказыванию можно определить как неуверенное предположение, догадку, вызывающие различные эмоции относительно предполагаемого: *На мгновение все так и завертелось кругом Раскольниково. «Неужели, неужели, – мелькало в нем, – он лжет и теперь?» «Невозможно, невозможно!»* – *отталкивал он от себя эту мысль, чувствуя заранее, до какой степени бешенства и ярости может она довести его, чувствуя, что от бешенства с ума сойти может* (Ф. Достоевский) – идентификацию эмоций в этом РВ осуществляет контекст: возмущение, имеющее крайнюю степень проявления – бешенство, ярость. Ср. также: *Неужели исчезнут и эти ели и этот снег навсегда растает? Люди любимые, неужели вас у меня не станет?* (В. Тушнова) – протест против сложившегося миропорядка, нежелание смириться с ним. Неуверенность говорящего проявляется даже тогда, когда он существующему положению вещей, имеющему отношению и к нему самому, противопоставляет в РВ иные ценности: *Неужели нельзя жить спокойно, просто, без всех этих ненужных, бессмысленных тревог?* (М. Горький) – уныние, разочарование. Итак, *неужели* в РВ, скорее, выражает надежду на противоположное, а не уверенность.

В.В. Виноградов отмечал, что «отпечаток модальности лежит на всех вопросительных словах». В частности: «Модальные значения вопросительных наречий и частиц сказываются в их яркой экспрессивной окраске. Например, *разве* (с оттенком удивления, сомнения или недоверия, а в риторическом вопросе даже для выражения уверенности в противоположном ответе), *ужели*, *неужели* (с экспрессией сомнения или убежденности в противоположном) < ... > при отсутствии вопросительной интонации модальные оттенки некоторых из

этих слов не только не стираются, а напротив, выступают в более резких очер- таниях» [3: 742]. В.В. Виноградов вывел за пределы восьми основных разрядов частиц вопросительные и восклицательные слова, сблизив их с категорией мо- дальных слов: «Класс частиц глубоко внедряется в категорию модальных слов, и тут складываются и развиваются новые, гибридные типы частиц» [3: 666].

Частица **что за** В.В. Виноградовым определяется как вопросительно-вос- клицательная; Академической грамматикой 1952 г. рассматривается в группе частиц, вносящих эмоционально-экспрессивные оттенки, употребляемых по преимуществу в восклицательных предложениях. В ТСРЯ под ред. Д.Н. Уша- кова указано, что она употребляется в вопросе или в восклицании и приравни- вается к вопросительным местоимениям – какой? (какая? какое?) [4: 1295– 1296]. «Словарь структурных слов русского языка» приводит конструкцию с этой частицей в числе фразеологизированных выражений: *Что мне (тебе, ему...) за дело до кого -чего -л* [2: 383].

Анализ функционирования частицы **что за** позволяет утверждать, что она выражает в РВ модальное значение **нецелесообразности** действия, эмо- цию неодобрения, осуждения: *Скажите, пожалуйста, что вам за охота так рано жениться? Что за удовольствие в такие молодые годы надевать на себя кандалы?* (А. Чехов); *Было что-то обидное в том, что Никита, вложив в мо- настырь тысячу рублей и выговорив себе пожизненно сто восемьдесят в год, отказался от своей части наследства после отца в пользу братьев. – Что это за подарки? – ворчал Петр, но Алексей – обрадовался: – А куда ему деньги?* (М. Горький).

Частица **что ли** В.В. Виноградовым отнесена к разряду частиц, «в кото- рых заключается эмоциональное освещение самой изображаемой действитель- ности. Это – обозначения тех эмоциональных или волевых модальностей, ко- торыми пронизаны обсуждение или оценка каких-нибудь фактов и мыслей» [3: 738]. В ТСРЯ под ред. Д.Н. Ушакова **что ли** имеет помету: *в знач. вводного слова* (разг.) – употр. для выражения сомнения, неуверенности, в знач.: или что-н. иное [4: 1296]. Это толкование представляется наиболее точным, адек- ватно представляющим семантику частицы **что ли**. В приводимых ниже тек- стах она обнаруживает именно это значение – **неуверенного предположения**: *Куда мне деться в этом январе? Открытый город сумасбродно цепок. От за- мкнутых я, что ли, пьян дверей? И хочется мычать от всех замков и крепов* (О. Мандельштам); *Петр прирос к земле, повторив: – Что же это? С тоски по отце, что ли?* (М. Горький); *Тишины хочу, тишины... Нервы, что ли, обожже- ны?* (А. Вознесенский).

Посредством частицы **ли** (*иль*) в предикате РВ создается семантика **не- уверенности, сомнения, догадки**: *Придет ли час моей свободы? Пора, пора! – взываю к ней* (А. Пушкин); *Изобразю ль в картине верной Уединенный ка- бинет, Где мод воспитанник примерный Одет, раздет и вновь одет?* (А. Пуш- кин); *«Довольно ликовать в наивном увлеченье, – Шепнула муза мне. – Пора идти вперед: Народ освобожден, но счастлив ли народ?..* (Н. Некрасов); *Вижу знакомые имена, но не узнаю их. Не переменили ли эти господа свои почерки?* (А. Чехов).

Значение **предположения** получают словоформы пространственного, вре- менного, причинного, определительного, объектно-субъектного характера: *Тюльпаны, тюльпаны, тюльпаны... Не здесь ли разбойник морской Мечтал*

залечить свои раны, Измученный парусом рваным, Разбоем своим и тоской? (Н. Рубцов); Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и других?... (М. Лермонтов); Скажи, о чем твоя печаль? Не той ли думой ты томима, что счастье, как морская даль, Бежит от нас неуловимо? Нет, не догнать его уж нам, Но в жизни есть ещё отрады; Не для тебя ли по скалам Бегут и брызжут водопады? Не для тебя ль в ночной тени Вчера цветы благоухали? (А.К. Толстой). В таких РВ частица *ли* выступает «в союзе» с частицей *не*. Частицей *ли*, а также сочетанием её с *не* выражается значение **предположительно-го утверждения**: Все мы бездомники, много ли нужно нам? – То, что далось мне, про то и пою (С. Есенин); ...Не смейся! Давно ли мы сами были такими? (Р. Рождественский); Не все ли равно, про кого говорить? Заслуживает того каждый из живших на земле (И. Бунин); Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий, Памятью деревни я ль не дорожу? (С. Есенин); И любовь – не забавное ль дело? Ты целуешь, а губы как жемчужина (С. Есенин).

РВ с комплексом частиц *не... ли* имеют значение **осуждения**: [Анна Андреевна] (Добчинскому) Ну, скажите, пожалуйста: ну, не совестно ли вам? Я на вас одних полагаюсь, как на порядочного человека: все вдруг выбежали, и вы туда ж за ними! Я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь. Не стыдно ли вам? Я у вас крестила вашего Ванечку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили! (Н. Гоголь). В этих РВ выражена и модальность долженствования – «должно быть стыдно».

Оценочное значение имеют РВ в следующих контекстах: Да и прилично ли, сударыня, русской боярыне или боярышне находиться вместе с немцами-табачниками да с их работницами? Слыхано ли дело, до ночи плясать и разговаривать с молодыми мужчинами? И добро бы еще с родственниками, а то с чужими, с незнакомыми (А. Пушкин).

Значение самоуспокоения или утешения адресата при общем значении экспрессивного отрицания имеют РВ типа: Стоит ли (следует ли, надо ли) грустить, печалиться, плакать, рыдать, горевать, страдать?: А стоит ли уж так печалиться, прощаясь с миром дорогим? Ничто на свете не кончается, лишь поручается другим (В. Тушнова).

В РВ нередко имеет место стирание граней между местоименными словами и частицами: десемантизированные местоименные компоненты РВ приобретают значение эмоциональных частиц. Примером могут служить РВ с компонентом *где*, утратившим пространственную семантику: Где ему спорить со мной! Где мне с ним равняться! Посредством *где* и эмфатической интонации данные РВ выражают значение нереальности, невозможности, отчасти и нецелесообразности действия. Это значение может быть усилено частицей *же* (*ж*). Ср.: Где же ему спорить со мной! Где же мне с ним равняться! Конструкции с таким десемантизированным *где* утрачивают вопросительность формы и являются повествовательными эмоционально окрашенными безлично-инфинитивными предложениями. То же можно отметить для РВ с местоименными компонентами *какой*, *каков*: Вот наказание! Ошалел ты, что ли? Какие гости в эту пору? Постыдились бы они, черти разные, по ночам людей беспокоить! Где это видано, чтоб ночью в гости ходили? (А. Чехов); – Мой муж у вас? – спросила она наконец, подняв на Пашу свои большие глаза с красными, заплаканными веками. – Какой муж? – прошептала Паша и вдруг испугалась так, что у нее похолодели руки и ноги. – Какой муж? – повторила она, начиная

дрожать. – *Мой муж...Николай Петрович Колпаков*. – *Не...нет, сударыня... Я...я никакого мужа не знаю* (А. Чехов). В местоименном компоненте какой отсутствует исходное для него значение признака. Он синонимичен по функции эмоциональной частице. РВ данной модели имеют еще одно значение – утверждение говорящим несуществования кого-то или чего-то, вызванное состоянием возмущения или растерянности.

Наши наблюдения за функционированием частиц в РВ приводят к выводу о том, что во многом благодаря им создается не только вопросительность формы, но и широкий и яркий спектр модально-эмоциональных значений с их оттенками, нюансами, тонкостями. Это обстоятельство требует, на наш взгляд, корректировки сложившегося и устоявшегося определения РВ. Сводить значения РВ к выражению лишь «скрытого утверждения» или «скрытого отрицания» [1: 357] – значит обеднять их содержание.

Список литературы:

3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – Москва, 1947.
1. Грамматика русского языка. Т.1. – М., 1952. – С. 675.
2. Словарь структурных слов русского языка под ред. В.В. Морковкина – М., 1997.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. IV. – М., 1940.

A. Kanafieva

PARTICLES AS MEANS OF EXPRESSION OF MODAL-EMOTIONAL MEANING IN RHETORICAL STATEMENTS

Abstract: In rhetorical statements emotional meanings can be expressed equally with affirmative or negative meanings (used in expressive interrogative form with particles).

Key words: desemantization, a modality, meanings, subjectivity, expressive, an emotionality.

ЗНАЧЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ЛИЦА*

Аннотация: В статье анализируются способы выражения неопределенного лица в двусоставном и односоставном предложениях; описываются неопределенно-личные конструкции, являющиеся изосемическим средством выражения неопределенности лица; выявляются оттенки значения неопределенности; рассматривается синонимия различных типов простого предложения.

Ключевые слова: значение неопределенного лица, изосемическое средство.

Категория лица, «прозрачная» на первый взгляд, является одной из самых сложных, противоречивых и постоянно вызывающих интерес ученых (А.А. Потебня, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, П.А. Лекант, А.В. Бондарко, Г.А. Золотова и др.). До сего времени не решены вопросы о способах выражения лица и его семантики, о разграничении двусоставных и односоставных предложений и типов односоставных конструкций, о дифференциации морфологического и синтаксического лица, о соотношении понятий «лицо» – «субъект» – «деятель» и т.д.

Личная семантика «заключается в соотношении с говорящим, причем это соотношение проявляется либо конкретно и определено в форме 1-2-3 лица, либо неопределенно, обобщенно, либо соотношение не устанавливается (безличное значение)» [1]. Мы рассмотрим значение неопределенности лица (речь пойдет о категории синтаксического лица (шире – персональности), которая, в отличие от одноименной морфологической категории, имеет более широкий спектр выражения). Значения определенности, неопределенности, обобщенности создаются семантико-синтаксическим характером конструкции и выявляются в контексте или в условиях конкретной речевой ситуации.

В современном русском языке неопределенность действующего лица выражается двусоставными и односоставными предложениями.

Среди двусоставных наиболее частотны конструкции с неопределенными местоимениями (*кто-то, кое-кто, некто* и др.) в функции подлежащего: *Кто-то умер, мы даже точно не знаем кто* (Т. Устинова); *Кое-кто на Западе полагает, что это колибри, но наши ученые опознали в них диких уток* (С. Альтов); *И оттуда, из самого нутра холма, внезапно послышался едва различимый звук, тревожный и какой-то ужасно неприятный, будто вдалеке некто размеренно скреб железным когтем по стеклу* (Б. Акунин). Подобные конструкции не устраняют значения неопределенности деятеля, а показывают «желание говорящего обратить внимание на производителя действия, ограничить в какой-то мере действующее лицо указанием на одного деятеля, а не на неопределенное множество лиц» [2]. Кроме неопределенных местоимений, подлежащее может быть выражено словами, которые имеют лексическое значение, не содержащее указания на конкретных действующих лиц, – это слова типа *люди, многие, они* и т.п.: *Многие видели тут женщин, бегущих в одних сорочках и кричащих страшными голосами* (М. Булгаков); *Из бюро пропусков меня чуть не прогнали, но я сказала, что мне обязательно нужно быть на аэ-*

* © Лаврентьев В.А.

родроме. Они посмеялись, но пропуск все-таки выписали (В. Саянов).

Возможно и расширенное толкование семантики неопределенности, которое связано «с более широким кругом языковых средств», в числе которых, «в частности, пассивные конструкции типа *Вопрос изучается, О результате вы будете своевременно извещены*» [3].

Необходимо разграничивать понятия «неопределенность в сочетании с личностью», которая выражается специальными лексическими средствами (*кто-то, некто, кто-нибудь, некоторые, иные*, а также местоимения *какой-то, некий, некоторый, один, какой-нибудь, иной* в сочетании с названиями лиц), и «неопределенноличность», то есть в двусоставных предложениях выражается «неопределенность + личность», а в односоставных – «неопределенноличность» [4].

Производитель действия иногда не выражается словесно, однако его невыраженность синтаксически значима, то есть намеренное неназывание указывает на определенность, неопределенность или обобщенность лица.

Несомненно, изосемическим средством выражения неопределенности лица являются неопределенно-личные односоставные предложения. Хотя «сам по себе термин *неопределенно-личный* не отражает специфики рассматриваемых предложений, поскольку под данное понятие могут быть подведены как односоставные обобщенно-личные предложения, так и двусоставные предложения с субъектом, выраженным неопределенно-личными местоимениями, а также формой мн. числа существительных» [5]. Наличие в современном русском языке предложений, в которых неясно действующее лицо, В.В. Бабайцева объясняет «не распадом двусоставности, не сознательным «устранением подлежащего», не «убылью грамматической апперцепции подлежащего», не эллипсом, а осуществлением потребности в выражении в разной мере определенного деятеля» [6].

Неопределенно-личными называются такие односоставные предложения, в которых главный член выражается формой глагола 3-го лица множественного числа (в прошедшем времени или сослагательном наклонении – просто множественного числа), а лицо деятеля *частично* устранено и мыслится неопределенно. В лингвистической литературе отмечается, что «в глагольных формах 3-го лица с их отстраненностью от определенного коммуникативного содержания изначально заложена некоторая неопределенность, потенциальная вариативность конкретной реализации субъектной отнесенности действия» [7]. Специфика таких предложений выражается в степени и в характере устранения лица, в том функциональном назначении, которое они имеют в языке. По степени устранения личного оттенка неопределенно-личные предложения представляют собой промежуточную категорию предложений, стоящую на границе между личными и безличными предложениями. Неопределенность лица-деятеля в неопределенно-личном предложении есть явление синтаксическое: она определяется конструкцией предложения, контекстом или обстановкой речи и понимается по отношению к частично устраненному лицу как к реальному, но неопределенному субъекту-деятелю в именительном падеже, допускающему, хотя и неуместную, постановку вопроса «кто?». «Компоненты семантики неопределенноличности формируют значение несущественности обозначения субъекта действия с точки зрения его референтно-идентифицирующей и референтно-количественной отнесенности и акцентируют внимание на

проявлении самого действия, сопровождаясь различными коннотациями экспрессивного и модального характера» [8].

Неопределенность субъекта-деятеля в неопределенно-личном предложении имеет многообразные оттенки значений. Субъект-деятель в неопределенно-личном предложении может мыслиться как одно неопределенное лицо, несколько неопределенных лиц или неопределенная группа, множество лиц: *Если бы в те далекие годы ему сказали, что он, когда вырастет, станет копирайтером, он бы, наверно, выронил от изумления бутылку «Пепси-колы» прямо на горячую гальку пионерского пляжа* (В. Пелевин); *Вместо джипов, которые бьют о фонари, будут замки во Франции и острова в Тихом океане* (В. Пелевин). Однако синтаксическая неопределенность деятеля не означает его фактической неопределенности во всех ситуациях, а служит показателем отвлечения действия от его производителя в целях актуализации самого факта, события.

В неопределенно-личном предложении могут быть второстепенные члены, которые очерчивают круг лиц, среди которых есть и субъект-деятель: *А ведь трапеза была особенная, устроенная в честь наших британских гостей по случаю дня рождения ее величества английской королевы, которую в Семье называют просто Грэнни, искренне почитают и сердечно любят* (Б. Акунин), однако это только усиливает, подчеркивает значение неопределенности. «Такой член предложения называет лишь «сферу субъекта», а не сам субъект, так что общее грамматическое значение неопределенности деятеля, выражаемое главным членом, подчеркивается лексико-грамматическими средствами» [9].

Функциональное назначение неопределенно-личного предложения – сообщение, констатация реального факта действия, происшедшего, происходящего или намеченного произойти в действительности, с проявлением действительного или намеренного безразличия к сообщению о самом производителе этого действия. Это назначение является основной причиной, обуславливающей неопределенность лица-деятеля (его частичное устранение); дополнительные причины представления субъекта-деятеля неопределенным содержатся или в неизвестности действующих лиц, или в трудности и невозможности их перечисления, или в нежелании их назвать по различным субъективным причинам.

Конструкция неопределенно-личного предложения по смыслу примыкает к промежуточным категориям предложений между односоставными и двусоставными, так как субъект логического суждения полностью в неопределенно-личном предложении не выражается и, будучи неполноценным, ослабленным, мыслится как неопределенный субъект-деятель в обстановке или контексте. В таком случае неопределенно-личное предложение приближается к конструкции неполного личного двусоставного предложения с опущенным подлежащим. Следовательно, односоставность конструкции неопределенно-личного предложения является одним из грамматических средств «затушевывания» лица, чему в значительной мере способствует также грамматическое значение формы 3-го лица множественного числа, которая ввиду абстрактности своего значения легко относится к неопределенным лицам: *Но у Татарского возникло вялое чувство, что его опять дураят* (В. Пелевин). Поэтому, как было отмечено выше, неопределенность лица (так же, как и обобщенность) потенциально содержится в грамматическом значении самой личной формы глагола,

выражающей главный член (сказуемое) неопределенно-личного (обобщенно-личного) предложения, однако вызывается в предложении синтаксическими причинами.

В роли главного члена неопределенно-личного предложения, помимо форм 3-го лица множественного числа, широко употребительны формы прошедшего времени множественного числа, которые придают действию предложения конкретный характер значения, соответствующий функциональному назначению неопределенно-личного предложения: *Его статуи увозили за город на военных грузовиках (говорили, что какой-то полковник придумал переплавлять их на цветной металл и много заработал, пока не грохнули), но на смену приходила только серая страшноватость, в которой душа советского типа быстро догнивала и проваливалась внутрь самой себя* (В. Пелевин).

В определенном контексте при замене глагольной формы единственного числа формой множественного стирается значение определенности деятеля, а появляется значение неопределенности; «взаимодействие множественности и субъектности в формах множественного числа может привести вместо ожидаемой плюрализации субъекта к его неопределенности, притом субъекта исключительно личного» [10]. Например: *Варвара была уверена – Петра Борисовича Лиго убили, и «спазм сосудов головного мозга», сведения о котором моментально просочились «в коллектив» от приехавших на «Скорой» мрачного вида громил, не имеет к его смерти никакого отношения* (Т. Устинова).

Неопределенно-личные предложения, несмотря на относительную «бедность» формально-конструктивных признаков (глагольные формы 3 л. мн.ч. и прошедшего времени мн.ч.), имеют довольно разнообразные семантические оттенки. Мы выделяем три типа неопределенно-личных предложений: собственно-неопределенно-личные, отстраненно-неопределенно-личные и относительно-неопределенно-личные.

Собственно-неопределенно-личные – такие предложения, в которых действие относится к неопределенному лицу. По различию в составе главного члена выделяются две группы: с глагольной формой в изъявительном наклонении и с глагольной формой в сослагательном наклонении.

I. Предложения с формами в изъявительном наклонении выражают:

1. Индикативное модальное значение. В этом (самом продуктивном) типе неопределенно-личных предложений, отражающем их специфику, в положительной или отрицательной форме констатируется реальный факт действия и грамматически выражена его временная соотнесенность. Содержание входящих в этот тип предложений может обозначать: 1) обычные факты действия: *После гибели старого хозяина дверь эту закрыли на внутренний засов и пользоваться ею перестали* (А. Маринина); *Там, где первое отделение воевало, картошку посадили, а у самого моего окопа сад разводят* (А. Волошин); 2) общее состояние среды, обстановки: *...после каждого спектакля певица возвращалась домой в сопровождении артистов, музыкантов и поклонников, пили шампанское, закусывали, шумно обсуждали околотеатральные новости, делились сплетнями* (А. Маринина); 3) источник сведений: *Они вдвоем больше трактора сработают, говорили в Гремячем* (М. Шолохов); 4) вводное значение (по семантике сближаются с предыдущей группой): *Мы, говорят, знаем, что у тебя бриллианты* (В. Пелевин).

2. Возможность: *Там вас еще собаками затравят* (Ф. Гладков).

3. Невозможность: *Такого тебе в институте не расскажут* (В. Попов).

4. Неизбежность: *Варвара переступила ногами, словно пробуя их на прочность, и тут проклятая машина опять оказалась прямо перед ее носом. Она даже отшатнулась немного, уверенная, что теперь-то ее непременно задавят* (Т. Устинова).

5. Долженствование: *В тресте не могут не знать, что мы механизировали полностью лесной склад* (А. Волошин).

В предложениях этой группы главный член по структуре может быть как простым, так и составным: *И потом, у меня... в душе живет твердая уверенность: если нечто раздадут бесплатно, то это дрянь, с хорошей вещью просто так не расстанутся* (Д. Донцова); *У нас боятся уделить внимание человеку* (Ю. Олеша).

II. Неопределенно-личные предложения с формой глагола множественного числа в сослагательном наклонении.

Частица «бы» вносит в значение содержания неопределенно-личного предложения оттенки условности, желательности, неизбежности, обязательности действия и т.п.: *Да кто же такого коротышку в гвардию возьмет? ... А тебя взяли бы? Конечно, взяли бы* (В. Саянов); *В старину сказали бы, что он – слуга Дьявола* (Б. Акунин).

В художественной литературе встречается большое количество вопросительных неопределенно-личных предложений: *Вызывает антирес Ваш технический прогресс: Как у вас там сеют брюкву – С кожурой али без?* (Л. Филатов); *Что, даже ночью звонят?* (А. и С. Литвиновы).

Отстраненно-неопределенно-личные – такие предложения, в которых действие, выраженное формой глагола 3-го лица множественного числа, относится к 1-му лицу единственного числа (говорящему). В подобных предложениях по сути представлена стилистическая замена лиц, посредством которой говорящий придает своему повелению, просьбе или действию объективный, категорический характер. Однако при такой замене некоторой, частной, неопределенности лица-деятеля отрицать нельзя, так как говорящий намеренно отстраняет от себя действие, растворяя свое «я» в неопределенном лице: *Ты мне, девка, не дури! Предлагают – дак бери! Чай, к тебе не каждый вечер Ходят вдовыя цари! Сей же час, я говорю, Собирайся к алтарю!* (Л. Филатов).

Относительно-неопределенно-личные – такие предложения, в которых действие, выраженное формой глагола 3-го лица множественного числа, относится к 3-му лицу единственного числа. При подобной замене лиц некоторой относительной неопределенности отрицать не приходится. Здесь лицо не называется конкретно не только для того, чтобы создать смысловую акцентацию на факте действия, но и по причинам субъективного характера: из-за боязни, вследствие неприязни, неудобства, особого отношения к нему: *Ну, а ты чаво молчишь Да медальками брэнчишь? Аль не видишь, как поганют Государственный престиж? Нянька гнет меня в дугу, А министр – ни гу-гу!* (Л. Филатов); *– Ну и зритель пошел, – громко сообщила она скучающей неподалеку товарке, – никакого понятия о культуре. Как есть, так и идут – прутся в театр в грязных брюках* (речь идет об одном посетителе) (Д. Донцова).

В сложном предложении неопределенность может выражается одновременно и односоставными, и двусоставными конструкциями: *Прибежал бледный шеф, за ним кто-то из юристов, и Варвару прогнали* (Т. Устинова).

В предложениях деятель может не называться, если он ясен из ситуации или уже упоминался в контексте. В таком случае предложение будет двусоставным неполным (ситуативным или контекстуальным), а не односоставным неопределенно-личным, хотя разграничение не всегда возможно провести достаточно четко. Причина колебания между двусоставностью и односоставностью в разной степени конкретизации деятеля, в разнообразии средств выражения (синтаксические, лексические и морфологические) [11].

«Затушевывание» или «устранение» деятеля достигается использованием односоставных неопределенно-личных предложений или употреблением возвратной формы глагола в пассивных конструкциях двусоставных предложений: *Окликать не стала, чтоб не отрывать от творчества, а посмотреть было любопытно, особенно после того, что говорили накануне про дарование Степана Трофимовича (Б. Акунин) – что говорилось накануне про дарование.* Возможность синонимии подчеркивает близость односоставных неопределенно-личных и двусоставных предложений. Подобные синонимы относятся к числу продуктивных. Возможна синтаксическая синонимия между односоставными предложениями именного и глагольного типа на основе тождества лексического состава с учетом словообразовательной общности [12]: *Официант, счет! Не могу здесь больше. Шумно, душно (Б. Акунин) – шум, душно – шумят, душно.*

Односоставные неопределенно-личные предложения занимают промежуточную позицию между личными и безличными предложениями. В некоторых случаях безличные предложения содержат оттенок неопределенности. Конструкции с возвратными лично-безличными глаголами могут выражать неопределенно-субъектное значение, указывая на неопределенное лицо, выступающее в роли реального субъекта: *Я произвольно решил, что сажени, о которых говорится в грамотке, – это стандартная мера длины, известная со старинных времен и получившая повсеместное распространение с восемнадцатого века... (Б. Акунин); В прошлом номере уже упоминалось о песнях В. Дробыша и И. Матвиенко («МК»).* Лично-безличные возвратные глаголы с безличным значением обычно допускают синонимическую замену личными невозвратными глаголами (ср.: *о которых говорят в грамотке; уже упоминали о песнях В. Дробыша и И. Матвиенко*).

Итак, неопределенность лица создается семантико-синтаксическим характером предложения и выявляется в контексте или речевой ситуации. Семантику неопределенности лица могут выражать двусоставные и односоставные конструкции; среди двусоставных наиболее частотны предложения с подлежащим, выраженным неопределенным местоимением. Неопределенно-личные предложения являются ядерным средством выражения неопределенности лица; они делятся на собственно-неопределенно-личные, отстраненно-неопределенно-личные и относительно-неопределенно-личные. Оттенок неопределенности могут иметь и безличные предложения.

Список литературы:

1. Лекант П.А. Структура синтаксической категории лица // Грамматические категории слова и предложения. – М., 2007. – С. 108.
2. Бабайцева В.В. Колебания между двусоставностью и односоставностью предложений при выражении неопределенного действующего лица в современном русском языке // Избран-

ное. – М.–Ставрополь, 2005. – С. 128.

3. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л., 1991. – С. 9.

4. См.: Там же. – С. 41.

5. Там же. – С. 63.

6. Бабайцева В.В. Указ. раб. – С. 126.

7. Химик В.В. Категория субъективности в современном русском языке (эгоцентрический потенциал субъектных компонентов высказывания). – СПб., 1991. – С. 194.

8. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л., 1991. – С. 70.

9. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М., 2004. – С. 139.

10. Химик В.В. Указ. раб. – С. 195.

11. См.: Бабайцева В.В. Указ. раб. – С. 129.

12. См.: Лекант П.А. О явлениях синтаксической синонимии в структуре предложения // Грамматические категории слова и предложения. – М., 2007. – С. 191 – 193.

V. Lavrentjev

THE MEANING OF INDEFINITENESS OF PERSON

Abstract: The article focuses on the analysis of the means of person indefiniteness expressing in two-member and mononuclear sentences; it describes indefinite-personal constructions, that are the means of expression of person indefiniteness; defines the shades of meaning of indefiniteness; analyzes synonymy of different types of simple sentences.

Key words: Value of the uncertain person, izosemitic means.

АДРЕСАНТ И АДРЕСАТ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Аннотация: В статье рассматривается роль адресанта и адресата в диалоге с точки зрения их равноправия в процессе коммуникации, а также характеризуются случаи осуществления / не осуществления полноценного интеррогативного акта.

Ключевые слова: диалог, адресат, адресант, процесс коммуникации.

Современная лингвистическая теория характеризуется повышенным вниманием к вопросу о месте человека в общезыковой картине мира, что привело к возникновению определенного антропоцентрического направления. Однако на начальных этапах развития данной теории, в основе которой лежала концепция распределения коммуникативных ролей, исследователей интересовал, в первую очередь, говорящий, адресант, а слушающему, адресату, отводилась роль второго плана. Типична в этом отношении работа О.С. Иссерс, в которой, в частности отмечалось, что «феномен речевого воздействия связан, в первую очередь, с целевой установкой говорящего – субъекта речевого воздействия», регулирующей физическую и интеллектуальную деятельность своего собеседника [1].

Инициатором речевого акта, несомненно, является адресант, однако его успешность зависит от адресата, от того, как он проявляет себя в условиях коммуникативного творчества. Адресат является равноправным собеседником, который несет ответственность за развитие общения в определенном направлении. Коммуникативная ось, представленная оппозицией «адресант – адресат», определяет соотношение их реплик как стимула и реакции, по сути своей являющиеся равноправными. Это равноправие проявляется в том, что «иницирующая реплика адресанта задает коммуникативную направленность предстоящему общению, а окончательное развертывание ее в конкретном направлении происходит лишь после ответной реплики адресата» [2].

Адресат и адресант равноправны в процессе коммуникации и по той причине, что адресат «волен принять или отвергнуть предложенную ему программу, сдаться или оказать сопротивление, согласиться или возразить, пойти на уступку или пойти в наступление, выполнить просьбу или отказаться» [3].

Поэтому на смену «моноцентрическому» подходу приходит «полицентрический», который учитывает обе позиции на коммуникативной оси. Правы в этом отношении авторы, отмечавшие, что исследователей должны интересовать не изолированный говорящий и изолированный слушающий, «а гораздо больше: слушатель как отвечающий. Реципиент (партнер) рассматривается не как пассивное «что-то», продуцирующее ответные сигналы, а как оппонент, как равноправный субъект совместной деятельности, оценивающий текущий процесс со своих собственных позиций, решающим образом определяющий его дальнейший ход» [4].

Наиболее типичным и ярким показателем равноправия коммуникантов является структура диалога, которая, по мнению Н.Ю. Шведовой, «редко строится путем чередования прямых «лобовых» вопросов и ответов» [5]. Конечно же, в современном мире нередки случаи, когда диалог строится по прин-

* © Логинов А.В.

ципу вопрос – ответ, причем роль спрашивающего и роль отвечающего остается строго закрепленной. К таким случаям можно отнести ситуации допроса, экзамена, некоторых бытовых случаев (например, вопрос о том, как пройти в определенное место, который час и т.п.). Но подобные примеры лишь подтверждение того, что такие ситуации не являются «интересными» для обоих коммуникантов, тем более что адресат не стремится вступать в диалогические отношения. Это подтверждается еще и тем, что само положение дел не предполагает смены коммуникативных позиций. Например, – *Вы не знаете, который час? – Знаю (Не знаю). А вы?*

Постановка людей в положение адресата без их согласия вызывает подчас негативную реакцию по той причине, что расценивается ими как агрессия со стороны адресанта.

Как отмечает Т.Г. Винокур, «в идеальной форме обычного диалога два участника общения олицетворяют собой паритетные начала при переменной (и, следовательно, одинаково активной) роли и в речевой деятельности, и в восприятии речи. Языковой отбор для них в известной мере несвободен: он структурно, содержательно и экспрессивно определен составом каждой предыдущей реплики... Взаимная заинтересованность обоих участников диалога в успехе коммуникации помогает как бы равномерному распределению ответственности за нее между говорящим и слушающим, так как не только реплика, но и сам момент ее восприятия, имеющего непосредственный характер (контактный / дистантный, зрительный / слуховой) подготавливает состав следующей (ответной) реплики» [6].

Адресат является активным и активизирующим участником общения. Он не только ответственен за вектор развития «сюжета» диалога, но сам является этим вектором. Для успешного развития диалога важно не только желание адресанта знать о каком-то положении дел, но и его уверенность в том, что адресат знает по данному вопросу больше, чем он.

Изначально стимулом является предполагаемое знание адресата о чем-то, которое репрезентирует вербальную реакцию адресанта на это знание в виде вопроса, а уж затем реализуется вербальная реакция адресата в виде ответа. Т.е. определяющим моментом развития диалога является не только желание адресанта знать, но и само знание, которым располагает адресат.

Вопросительное предложение наиболее яркий маркер диалогического единства: это может быть как диалог в наиболее привычном понимании данного термина, так и внутренний монолог, построенный по образцу вопросо-ответного комплекса. Именно сочетание вопроса и ответа и формирует категорию интеррогативности. Оппозиция вопрос – ответ наиболее явно представлена на коммуникативной оси, представляющей две полярные ипостаси: на одном полюсе находится спрашивающий (адресант) с его желанием узнать что-то от кого-то, на другом – отвечающий (адресат) с его возможностью ответить или не ответить на заданный вопрос.

В постоянном диалектическом взаимодействии адресанта и адресата различают два компонента, связанные с участниками коммуникативного акта. Первый компонент определяется ориентированностью речи на адресата, прогнозированием его реакции, предвосхищением этой реакции, поддержанием внимания адресата и обозначается термином «экстравертированное речевое действие». Второй компонент – автокомментированием, ситуативным комментированием, выделением важного / неважного, подчеркиванием, уточне-

нием и т.п., которые являются проекцией адресанта в порождаемом речевом произведении, и называется «интравертированным речевым действием» [7].

В интеррогативном речевом акте соотношение концепта определенного понятия с точки зрения адресанта и концепта этого же понятия с точки зрения адресата будет следующим:

1. Концептуальное понимание предмета речи-мысли адресантом совпадает с концептуальным пониманием предмета речи-мысли адресатом. В этом случае интеррогативный акт может реализоваться.

Для осуществления дискурса между адресантом и адресатом, «перед моментом произнесения первого, или инициального, высказывания, должно существовать некоторое знание», которое является общим для всех участников коммуникации. Однако наличие этого признака не свидетельствует о том, что коммуникативный акт обязательно состоится. Кроме этого должно быть «наличие общего языкового кода», «способность к адекватной оценке дискурсивной ситуации», «осознанное желание и стремление людей вступить в языковой контакт» [8].

– *Не правда ли, что нынче весело? – сказал я тихим, дрожащим голосом и прибавил шагу, испугавшись не столько того, что сказал, сколько того, что намерен был сказать.*

– *Да, очень! – отвечала она... (Л.Н. Толстой. Детство, XXIII).*

2. Концептуальное понимание предмета речи-мысли адресантом не совпадает с концептуальным пониманием предмета речи-мысли адресатом. В этом случае реализация интеррогативного акта невозможна по определению и вследствие отсутствия речевого контакта наблюдается факт коммуникативного несогласования:

Тарелкин. Мавруша!! Разбойница – Мавруша, – где ты?

Мавруша. Чего вам?

Тарелкин. Ты понимаешь ли, верный друг Мавруша, какую я бессмертную штуку играю?

Мавруша. Чего?

Тарелкин. Нет – никогда твой чухонский мозг этой высоты не поймет... (Сухово-Кобылин. Смерть Тарелкина, 1, 2).

3. Концептуальное понимание предмета речи-мысли адресантом частично совпадает с концептуальным пониманием предмета речи-мысли адресатом. В этом случае успешность или неуспешность интеррогативного акта будет зависеть от ряда дополнительных условий:

1) Желания / нежелания адресанта и адресата вступить в коммуникативные отношения. Если оба коммуниканта заинтересованы в обмене информацией, то, с одной стороны, адресант либо уточнит свой вопрос, дав более полную интерпретацию предмета речи-мысли, либо осуществит запрос о коммуникативном восприятии (понятности / непонятности) адресатом, с другой стороны, адресат задаст ответный вопрос с целью уточнения некоторых смысловых параметров предмета речи. В случае, когда адресат негативно относится к адресанту, или когда не желает говорить правду / ложь, или в случае плохого самочувствия, или по какой-то другой причине, он все сделает для того, чтобы коммуникативный акт не состоялся.

– *Скажи мне, ну что там нового? – спросил Иван Дмитриевич. – Что там?*

– *Вы про город желаете знать или вообще?*

– Ну, сначала расскажи мне про город, а потом вообще.

– Что ж? В городе очень скучно... (А. Чехов. Палата №6, X).

А ведь в этой комнате умерла татап? – сказал Володя.

Я не отвечал ему и притворился спящим (Л.Н. Толстой. Юность, XXVIII).

– Погода к вечеру стала лучше, – сказал он. – Куда же мы теперь пойдём? Не поехать ли нам куда-нибудь?

Она ничего не ответила (А. Чехов. Дама с собачкой).

2) Расположенности адресанта и адресата на шкале социальной градации. В этом случае говорят о степени официальной дистанции. Если оба коммуниканта стоят на одной ступени социальной лестницы или хотя бы на рядом расположенных ступенях, то возможность успешного коммуникативного акта повышается. Если социальное дистанцирование значительно, то вероятность успешного коммуникативного акта сводится к минимуму. Исключение могут составить случаи пресс-конференций или выхода власти в народ. Различие в социальном положении потенциальных коммуникантов определяет и коммуникативную дистанцию между ними.

В условиях современного общества формализация общения между представителями различных социальных слоев носит особенно выраженный характер. При всем этом социальная дистанция динамична, однако нивелирование дистанцирования, как правило, является прерогативой вышестоящего участника коммуникации:

...маршал вцепился тяжелым давящим взглядом и спросил грубым низким голосом, отшибающим саму возможность думать:

– Кто – ты – такой?!

Вопрос был задан с такой непрекращаемой и угрожающей властностью за пределом хамства, что из Ольховского автоматически вылетело:

– Командир крейсера «Аврора» капитан первого ранга Ольховский!

Помимо всякого сознательного усилия ноги его сдвинулись, плечи расправились, подбородок задрался. За спиной стукнули каблуки матросов (М. Веллер. Гонец из Пизы, IV, 10).

3) Темпоральной синхронизации / рассинхронизации адресанта и адресата. Темпоральная рассинхронизация наблюдается в случаях, когда в качестве адресанта выступает автор какого-либо письменного речевого произведения (художественного, научного, публицистического), в качестве адресата – читатель, а в качестве речевого сегмента – конкретное произведение. За тот или иной отрезок времени (с момента опубликования до прочтения пройдет какой угодно срок, иногда это века) может произойти переосмысление ценностей, истин, проблем, путей решения кризисных ситуаций в обществе. И реакция, на которую изначально рассчитывал автор, окажется совсем иной. Немаловажным при этом является факт отсутствия непосредственного контакта с аудиторией (читателем), когда наряду с вербальными средствами воздействия на собеседника используются невербальные.

4) Эмоциональным состоянием коммуникантов, что может привести к тому, что адресант не вполне последовательно и логично изложит свои мысли, из-за чего семантическая и формально-грамматическая структура предложения оказывается нарушенной.

Не без боязни вошел я на парадное крыльцо, у которого стоял швейцар с булавой.

Я спросил его – дома ли?

– Кого вам надо? Генеральский сын дома, – сказал мне швейцар.

– А сам генерал? – спросил я храбро.

– Надо доложить. Как прикажете? – сказал швейцар и позвонил (Л.Н. Толстой. Юность, XX).

В. Гумбольдт и А.А. Потебня считали, что всякое понимание складывается из объективного и субъективного, «никто не понимает слово в точности так, как другой», «непонимание и несогласие проявляются в той мере, в какой «каждый человек обладает своим языком» [9]. «Понимание как тождество мысли в говорящем – иллюзия» [10].

По этой причине любое высказывание может иметь множество интерпретаций, и «любое речевое произведение в этом смысле – свернутая (виртуальная) конфликтогенная ситуация» [11].

Однако присутствие оппонента на коммуникативной оси еще не является признаком того, что он занимает активную позицию как участник диалога. Истинными адресатами можно признать только таких, «которые являются признанными участниками и к которым говорящий обращается, то есть ведет себя по отношению к ним таким образом, который заставляет предположить, что его слова предназначены специально для них и поэтому ответ ожидается в большей степени от них, чем от других признанных участников» [12].

Вместе с тем адресат находится в более жестких рамках в процессе коммуникации, так как «более ограничен в выборе положения дел для ответа, чем спрашивающий в выборе возможных миров для вопроса. Ограничения спрашивающего обусловлены преимущественно тем комплексом факторов, которые формируют личную сферу говорящего (вещную личную сферу, личное пространство и личное время говорящего). Отвечающему же, кроме существующих ограничений его собственной личной сферы, навязываются возможные миры спрашивающего, которые в той или иной мере предопределены личной сферой последнего» [13].

Для интеррогативного акта, который реализуется в диалоге, характерна некоторая эллиптичность, не замкнутость синтаксических компонентов как вопросной, так и ответной части. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что пропозициональное содержание и предварительное условие известно, в той или иной степени, обоим коммуникантам, и нет необходимости в дополнительном обосновании и моделировании этих пропозиций и условий. Внеязыковой контекст сам отбирает участников речевого акта, сам помещает их в языковую ситуацию, сам создает пропозициональные условия. Адресанту и адресату остается только отобрать необходимый набор языковых и неязыковых средств и реализовать их.

– Ну что, Грап, – сказал я Иленьке, когда он возвращался от стола, – набрались страха?

– Посмотрим, как вы, – сказал Иленька (Л.Н. Толстой. Юность, XLV).

Вдруг все встрепенулись, посмотрели на Луку Савича и разразились хохотом.

– Как это ты, Лука Савич? Ну-ка, ну, расскажи! – говорит Илья Иванович и помирает со смеху.

И все продолжают хохотать, и Илюша проснулся, и он хохочет (И. Гончаров. Обломов, 1, 9).

Особую роль в восполнении вербального эллипса играют паралингвисти-

ческие средства, смысл которых понятен каждому участнику речевого акта и которые легко расшифровываются «на основе конвенциональных значений, зафиксированных в социуме за этим знаком... В этом плане все паралингвистические средства необходимо рассматривать как способ компенсации элиминированных элементов языковой структуры» [14]:

– *Слушай, – хочешь замуж?*

Даша отвечала вопросительным длинным взглядом, не слишком, впрочем, удивленным.

– *Ты ведь меня понимаешь? Понимаешь?*

Даша кивнула головой утвердительно (Ф. Достоевский. Бесы. 2, VI).

Таким образом, успешная реализация диалога зависит не только от желания адресанта узнать о чем-то ему необходимом, но и от желания адресата дать ответ на поставленный вопрос, а также от конкретной коммуникативной ситуации, обусловленной такими экстралингвистическими факторами, как социальное положение коммуникантов, характер их отношения друг к другу, уровень развития, особенности национального менталитета, место и время коммуникативного акта.

Список литературы:

1. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2003. – С. 21.
2. Сусов, И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц: Межвуз. сб. науч. тр. – Калинин, 1984. – С. 5.
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – С. 661.
4. Общение. Текст. Высказывание. – М., 1989. – С. 72.
5. Шведова, Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 1960. – С. 285.
6. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., 2005. – С. 85.
7. Бубнова, Г.И. Письменная и устная коммуникация: Синтаксис и просодия. – М., 1991. – С. 87-88.
8. Йокояма, О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М., 2005. – С. 28-29.
9. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 143.
10. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С. 277.
11. Голев, Н.Д. Множественность интерпретации речевых произведений как фактор коммуникативного конфликта между их автором и адресатом // Житниковские чтения VII. Диалог языков и культур в гуманитарной парадигме. – Челябинск, 2004. – С.114.
12. Кларк, Г.Г., Карлсон, Т.Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 295.
13. Голубева-Монаткина, Н.И. Вопросы и ответы диалогической речи: Классификационное исследование. – М., 2004. – С. 36.
14. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 2005. – С. 214.

A. Loginov

SPEAKER AND ADRESSEE IN A DIALOGUE

Abstract: The article deals with the role of Speaker and Addressee in a dialogue from the point of view of their parity in the process of communication as well as accomplishment or non- accomplishment of a full-fledged interrogative speech act.

Key words: Dialogue, the addressee, the sender, communications process.

УДК 81'367.322
УДК 81.1: 81. 376

И.Г. Осетров

СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ*

Аннотация: Симметрия и асимметрия рассматриваются как универсалии, присущие всем динамическим системам, в том числе и языку. Делается попытка очертить круг симметричных и асимметричных явлений в языке.

Ключевые слова: система языка, симметрия, асимметрия, тождество, антиномия, знак, означаемое, означающее.

Если не отвергать идею о языке в целом как о саморазвивающейся системе, то языковая асимметрия должна рассматриваться в общем контексте современного науковедения, которое считает асимметрию негативной частью целостной дихотомии «симметрия – асимметрия», характеризующей все динамические системы живой и неживой природы. Более того, в последнее время востребованной стала мысль об универсальности закона «симметрично-асимметричной организации систем».

Так, весьма определённо высказывается на этот счёт Н.В.Черемисина-Еникополова [1], полагающая, что симметрия/асимметрия – парный закон, имеющий универсальный характер не только в мире природы, но и в сфере идеальных знаков, в том числе в языке.

Позитивная составляющая пары «симметрия-асимметрия» должна быть рассмотрена как фактор, способствующий стабильности любой системы, качество, придающее ей черты равновесия, статичности, покоя. Г. Вейлем симметрия определяется как научная проблема, как «нечто, обладающее хорошим соотношением пропорций, уравновешенное», как «тот вид согласованности отдельных частей, который объединяет их в единое целое <...>. В этом смысле идея симметрии никоим образом не ограничивается пространственными объектами; её синоним «гармония» в гораздо большей степени указывает на акустические и музыкальные приложения идеи симметрии, чем на геометрические» [2].

Естественно, что идея симметрии применима и к языковому материалу.

Если исходить из приведённого выше понимания, то следует разграничить симметрию

– как соблюдение пропорций, которое, например, наблюдается как упорядоченность ритма (музыкального, стихотворного и пр.) или реализуется как одно из проявлений тождества (в том числе в синтаксическом смысле);

– как языковую гармонию (эвфония, слоговой сингармонизм, грамматическая организованность синтаксических единиц и под.).

Тождество – это тот вид отношений, который определяет симметричность многих объектов. Симметрию можно определить как отношение между рядами автоморфов, как тождество равнозначных и равнооформленных групп фрагментов или тех составных частей, которые, собственно, и образуют объект. В приложении к языковому материалу это, например, означает, что функ-

* © Осетров И.Г.

циональный омоним «при» («при» – предлог, «при» – императив от «переть») обладает тождеством звуковой формы (ср.: *Словосочетания подобного типа лишь потенциально могут стать таким фактом, но п р и* одном совершенно *непрерывном условии* (Р. Будагов) – «*Берегите себя, – сказал бы он Травкину, – дело делом, а не п р и* на рожон» (Э. Казакевич. Звезда) и, таким образом, обладает свойством тождества, служащего основанием симметрии. Однако так характеризуется только сторона означающего. Анализ же омонимов со стороны означаемого позволяет рассматривать их как явления, обладающие чертами отдельного, а потому как характеризующиеся свойством асимметричной организации. Таким образом, одно и то же языковое явление может одновременно иметь отношение как к симметрии, так и к асимметрии. Возможно, следующий тезис покажется парадоксальным, но тождество, а следовательно, и симметрия – это частный случай асимметрии, хотя бы потому что эквивалентность (т.е. абсолютное тождество) в языке практически отсутствует. Например, тавтологические конструкции (не путать со случаями редупликации – такими, как *далеко-далеко, шёл-шёл, так-так* и под.), широко представленные в русском языке, лексически равноценные в правой и левой частях, в отношении синтаксической членимости далеко не равнозначны: *Бескомпромиссность. Любить – так любить! Ненавидеть – так ненавидеть!* (Е. Весник. Дарю, что помню); *Но человек есть человек* <...> (В. Астафьев. Царь-рыба). В этом примере инфинитивы, употреблённые первыми, являются подлежащими; а находящиеся в постпозиции – частью сказуемого (*так любить, так ненавидеть*).

К числу языковых проявлений симметрии можно отнести не только некоторые системные языковые явления (как лексические, так и грамматические – например, синонимии или омонимии), но и повтор (начиная от фонетического и кончая синтаксическим), некоторые приёмы организации литературного текста (такие, как анаграмма – рекомбинация звуков слов в составе фразы). Весьма наглядной стороной зеркальной симметрии могут считаться палиндромы – случаи, когда слова объединяются во фразы, читать которые можно как слева направо, так и справа налево – например, название поэмы А. Аверина «*Был голос – соло глыб*». В художественной речи иногда встречаются случаи частичных палиндромов. Так, у Ю. Олеши читаем: «*Проснувшись, тотчас же прочёл «Овидий» обратно. Почему – не знаю! В Овидии, оказалось, есть слово «диво» – то есть чудо, то есть превращение*» [3].

К языковой симметрии зеркального типа можно отнести обратимые именные словосочетания (*красная полоска зари – полоска красной зари*). Глагольные сочетания обычно не бывают обратимыми, хотя такая возможность не исключается в сочетаниях модальных и фазисных глаголов, ср.: *начинал хотеть – хотел начинать, желал закончить – закончил желать*. Часто формальной свободой в плане местоположения в составе не только предложений, но и словосочетаний пользуются частицы, например, отрицательные, ср. близость обратимых конструкций в примерах *не велела гулять – велела не гулять* и под.

Симметричность некоторых конструкций может быть обусловлена меной тема-рематических частей высказывания. Такие пары предложений «строятся по принципу наложения друг на друга левой и правой частей высказывания: при «сгибе» часть, содержащая тему, накладывается на часть, содержащую

рему» [4]. Однако, на наш взгляд, зеркальная разновидность симметрии проявляется только в двухкомпонентных конструкциях типа «*Цветы на столе*», поскольку отражённая парность смены тема-рематических ролей разрушается, если вместо двухкомпонентных образований будут рассмотрены примеры высказываний, состоящие из трёх и более синтаксем. Изменение состава темы и ремы в этом случае влечёт появление закономерностей, присущих так называемой поворотной симметрии третьего, четвертого и т.д. порядка. В известных обстоятельствах говорящий может по-разному поделить высказывания на тему и рему, например, отвечая на различные вопросы: (*Что случилось в долине?*) – *В долину (т) / тень сползла (р)* (И. Бунин); (*Что случилось с тенью?*) – *Тень (т) / сползла в долину (р)*; (*Что произошло с тенью в долине?*) – *Тень в долину (т) / сползла (р)* и т.д.

Синтаксически симметричными следует признать случаи так называемого реципрока, который трактуется как диатезная «форма (конструкция и пр.), регулярно выражающая симметричное отношение между актантами», то есть такое синтаксическое образование, когда «каждый из двух симметричных актанта выполняет по две симметричные роли (...), если А и Б целуются, то каждый из актанта есть одновременно «тот, кто целует» и «тот, кого целуют» [5]. Собственно реципрокальные предикаты в русском языке представлены весьма немногочисленной группой; по мнению исследователей, их не более 15 (*поссориться, помирить(ся), целоваться, обниматься, поменяться* и др.). Помимо реципрока к симметричным предикатам относят и такие диатезы, как социатив (*Крамник победил Каспарова*), комитатив (*А и Б сидели на трубе*) и рефлексив (*Отец бреется*) [5].

Особые явления, непосредственно имеющие отношение в проблеме языковой симметрии, – обратимые предложения тождества как бисубстантивные [6], так и биинфинитивные [7], обратимые активные и пассивные конструкции [8]. Показательно, что симметрия, описываемая в терминах обратимости двусоставных именных предложений $N_1 - N_1$, носит исключительно зеркальный характер.

Негативная составляющая дихотомии «симметрия – асимметрия» является весьма существенным фактором не только человеческого мышления, но и эволюции в целом. Асимметрия – это фактор, способствующий тому, что статичность системы, её уравновешенность подвергается эволюционному воздействию противоречий. Будучи частью антиномичной пары, асимметрия представляет собой не просто нарушение пропорций, соразмерности или гармонии – это особое свойство саморазвивающихся систем, придающее системе не статическое, а динамическое равновесие. Таким образом, говорить об асимметрии применительно к языку можно только при том условии, что безусловно признаётся его системность. Только этим можно объяснить то, что классические работы лингвистов об асимметрии [9] появились лишь после доказательства системности языка в трудах Ф. Соссюра [10]. Поэтому мнение, что статья С.И. Карцевского «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» «изнутри взрывает концепцию статической лингвистики Женевской школы» [11], справедливо лишь отчасти: взгляды С.И. Карцевского обозначили некоторые противоречия в теории Ф. де Соссюра – в частности, дискриминацию семантической составляющей языка, но отнюдь не привели к распаду его языковой концепции; напротив, в известном смысле доказали её жизненность.

В чём же суть асимметричных явлений? Их нельзя представлять в виде неких абсолютно изолированных (несистемных) элементов. На наш взгляд, в подобных случаях наблюдаемое нами нарушение тождества автоморфов приводит к тому, что изменения носят случайный характер и поэтому не могут оказывать воздействия на систему, будь это макро- или микросистема. Так, наречная форма *домой*, обособившаяся от древней системы склонения, по отношению к современной парадигме имени существительного, несомненно, выглядит как некий изолированный, случайный осколок архаичной формы русского именного склонения, хотя деривационные связи и сходство с некоторыми формами существительного влекут в бытовом сознании рядовых носителей языка естественную ассоциацию с именным (но не отымённым!) характером слова 'домой'. В таких случаях следует говорить о явлениях несимметрии, которые оказываются реликтами предшествующей системы, по какой-либо причине сохранившимися после её распада.

Асимметрия же, как уже было сказано выше, является движущей силой динамических систем и в этом смысле её можно рассматривать либо как их эволюционную составляющую, либо как одну из причин энтропии (как меры неорганизованности системы) в случае её революционного преобразования (разрушения), так как любая система стремится к разрушению как к собственному пределу. Её целостность будет зависеть от «массы», понимаемой не в физическом смысле, а в значении степени устойчивости, статики, консерватизма и косности. Если их недостаточно, то:

а) изменения носят революционный, т. е. разрушительный характер, но при этом сама система не претерпевает кардинальной ломки и сохраняет типичные черты;

б) изменения приобретают черты необратимого распада, и система исчезает как целостное образование, сохраняясь в виде отдельных реликтовых форм старой системы внутри системы новой.

Проблема асимметрии нечасто обсуждается в современных языковедческих работах. Возможно, это связано с некоторой неопределённостью самого понятия в языкознании. Анализ современной лингвистической литературы позволяет сделать вывод, что нередко термины «симметрия» и «асимметрия» употребляются в некоем бытовом, естественном смысле. Причём нередко терминологическое понимание, ставшее классическим, благодаря общеизвестной статье С.И. Карцевского, оказывается менее востребованным.

Обратившись к «Лингвистическому энциклопедическому словарю», можно убедиться, что автор статьи об асимметрии В.Г. Гак понимает её весьма широко: «Асимметрия в языке <...> – отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из основных особенностей строения и функционирования естественного языка» [12].

С этой точки зрения, асимметрия в языке может быть рассмотрена не только в классическом смысле – как сложное соотношение означаемого и означающего в языковом знаке, – но и как несоразмерность центра (ядра) и периферии. Включение функционально-семантических полей в проблематику асимметрии позволяет широко трактовать многие противоречивые языковые явления, в том числе при описании парадигматического аспекта языка.

Тот аспект асимметрии, который в основных чертах обозначен, как соот-

ношение означаемых и означающих автором энциклопедической статьи представлено как сложная система разнородных семиологических и иных свойств. В.Г. Гак выделяет:

- *асимметрию системы* (например, формоизменение безличных глаголов представлено только неполными парадигмами),
- *асимметрию структуры* (например, «разведение таких ипостасей предложения, как структура и значение, основанное на тезисе асимметрии языкового знака» [12]);
- *функциональную асимметрию* (объяснение тому, что собой представляет данный аспект, дано нечётко, в связи с чем функциональная асимметрия может быть интерпретирована крайне неоднозначно);
- *динамическую асимметрию* (неравномерность развития языковых элементов в процессе исторического развития в одном языке или в родственных языках).

Показательно, что к числу асимметричных данные явления отнесены без каких-то чётких критериев отбора, как если бы этот шаг выглядел совершенно очевидным, само собой разумеющимся. Столь произвольное отнесение разнородных явлений к асимметрии вызывает неудовлетворённость. На наш взгляд, как асимметричные могут рассматриваться только те свойства языка, которые опираются на принцип антиномичности.

Г. Вейль отмечает: «Симметрия означает покой и скованность, асимметрия, являющаяся её полярной противоположностью, означает движение и свободу. Таким образом, порядок симметрии соответствует произволу асимметрии, закон – случайности, а с другой стороны, скованность соответствует свободе, а окостенение – жизни» [13]. Соглашаясь с общей тональностью этого утверждения, надо заметить, что отождествлять асимметрию со случайностью, произволом, противопоставляя её закону, по крайней мере, неосмотрительно, поскольку она столь же детерминирована, как и симметрия. Иное дело, что асимметрия – это росток развития, выброс исключительного и подчас даже внешне уродливого – в том числе, ради создания новой системы.

Список литературы:

1. Черемисина-Ениколопова Н. В. Симметрия/асимметрия как глубинный универсальный бинарный лингвистический и общенаучный закон // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века. – СПб.; Ставрополь, 2001. – С. 26 – 29.
2. Вейль Г. Симметрия. – М., 2007. – С. 35-36.
3. Олеша Ю. Книга прощания. – М., 2006. – С. 167.
4. Прияткина А.Ф. «Зеркальные» пары информативных высказываний (к типологии высказывания) // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2004. – С. 322. См. также: Скаличка В. Асимметричный дуализм языковых единиц // Пражский лингвистический кружок /Под ред. Н.А.Кондрашова. – М., 1967. – С. 119 – 127.
5. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СПб., 1991. – С. 276.
6. Герасименко Н.А. Грамматическая форма и семантическая структура предложений тождества в современном русском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – М., 1981.
7. Коняшкин А.М. Семантика и структура биинфинитивных предложений: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – М., 1990.
8. Моница Т.С. Проблема тождества предложения. – М., 1995. См. также: Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М., 1986.
9. Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме языкового знака // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965. – С. 41.

10. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург, 1999.
11. Поспелов Н.С. О лингвистическом наследстве С. Карцевского // Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике. – М., 1990. – С. 37 – 49.
12. Гак В.Г. Асимметрия//Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990. – С. 47.
13. Вейль Г. Симметрия. – М., 2007. – С. 45 – 46.

I. Osetrov

SYMMETRY AND ASYMMETRY: ONTOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS

Abstract: Symmetry and asymmetry are regarded as universals inherent in dynamic systems including language. An attempt is made to denote the sphere of symmetric and asymmetric language phenomena.

Key words: Language system, symmetry, asymmetry, identity, antinomy, a sign, meant, meaning.

О СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА*

Аннотация: Статья посвящена субъективной модальности как текстовой категории. Показана важность использования модальных средств в процессе создания публицистического произведения. Обозначены лексические, морфологические, синтаксические и собственно текстовые модификаторы субъективно-модальных значений газетного текста.

Ключевые слова: газетно-публицистический стиль, субъективная модальность, модальность текста, авторская позиция, оценка, эмоциональность.

Субъективная модальность – важный признак любого текста, в силу чего данная категория является текстообразующей. Особенности выражения субъективно-модальных значений в текстах разных речевых стилей различны, зависят от коммуникативной позиции автора, особенностей адресата, наличия или отсутствия диалогичности, официального или неофициального характера речевой ситуации и т.д. В публицистической речи особый характер приобретает функция убеждения: «... публицист убеждает путем прямого воздействия на читателя (слушателя) и поэтому в явной форме выражает свое отношение к общаемому» [1]. В текстах газетно-публицистического стиля речи, характеризующихся эмоциональностью, открытостью авторских оценок, стремлением воздействовать на адресата, коэффициент субъективной модальности высок: «Публицист прямо и непосредственно обращается к читателю со своими мыслями, чувствами, оценками» [2].

Во многих жанрах газетно-публицистического стиля, таких, как очерк, статья, репортаж, изложение носит личностный характер, образ автора, создателя текста, и его отношение к описываемым событиям проецируются на текст, а «конкретные способы выражения авторской позиции, выработанные в публицистике, создают разные композиции текстовой модальности» [3]. В связи с этим представляется актуальным исследование и описание арсенала средств, служащих выразителями субъективно-оценочных значений в газетном тексте. В их число войдут не только лексические (оценочная лексика и фразеология), но и морфологические (особое использование форм глагольного времени, усилительные частицы, эмоциональные междометия, вводно-модальные компоненты), синтаксические (инверсия, предложения с обращением и Именительным темы, парцелированные конструкции), а также собственно текстовые (характер композиции, различные формы диалогизации текста, повтор, риторический вопрос и другие стилистические фигуры).

Особого внимания заслуживает лексика оценок и эмоций: «Это прямые логические сигналы субъективно-оценочной модальности в тексте, органичные для публицистики, с ее открытостью авторской позиции» [4]. Использование эмоционально-оценочных единиц способствует адекватному пониманию авторской мысли читателем. Субъективно-оценочная доминанта текста, часто заданная уже в заголовке, поддерживается оценочными лексемами, разбросан-

* © Топтыгина Е.Н.

ными по всему тексту, повторяющимися многократно: «Именно за счет этой оценочной многократности читатель ясно осознает общую тональность текста и субъективно-оценочную позицию автора...» [5]. Так, в названии репортажа Д. Асламовой «Могут ли устроить геноцид жертвы холокоста?» употребление лексем «геноцид» и «холокост» с отрицательным эмоционально-оценочным содержанием подкрепляется использованием лексем, содержащих те же субъективно-оценочные семы: «жертва», «агрессор», «гнусные убийцы», «хоронить», «беспоощадность», «окровавленным», «сотни тысяч погибших», «проливающими слезы», «тупиковая ситуация», «провоцирует напряженность», «уничтожение», «преступная сущность», «фашизм» и др. Так создается общая субъективно-оценочная тональность негодования, возмущения по поводу происходящих событий.

Сходное использование оценочной лексики наблюдается и в ряде других статей: «Кредитные посредники: помощники или нахлебники?» (Е. Беляков, «Комсомольская правда») – субъективно-модальное значение сомнения, осуждения, выраженное в заголовке, поддерживают лексемы с отрицательной оценочной семой («разгар кризиса», «в долговой яме», «бумажную волокиту», «стояния в очередях», «слишком дорого», «долбить банки», «сомнительным посредникам»); «Не пролети мимо экономии» (О. Головин, «Комсомольская правда») – положительную субъективно-модальную оценку выражает лексический ряд «разумный потребитель», «экономить», «скидок и бонусов», «надежные финансовые инструменты», «благополучие», «уникальный продукт»; в статье «Красноярский рай» (А. Тарасов, «Новая газета») отрицательную оценку реализации нацпроектов поддерживают лексические единицы «хищение денег», «незаконное получение субсидий», «уголовное дело», «мошенничество», «розыск»; негативное отношение к деланию денег в искусстве, заявленное в заголовке статьи «Попсолигарт, или Триумф роскошной дешевки» (Д. Воскобойников, «Известия»), выражают лексемы «гламурная мура», «парад самодовольного китча», «пиршество попсы», «жажда быстрой наживы», «конвейерные романы», «плоское развлечение», «триумф дешевой роскоши»; в заметке «Грабь клиента, не выходя из кассы» (Д. Тараканова, А. Тимошенко, В. Сергеев, «Комсомольская правда») осуждающее отношение к нечистым на руку сотрудникам банка поддерживается лексемами «кризис», «мошенничество», «растратчице», «украденные деньги», «подозрительно», «тюрьма». Таким образом, очевидно, что рассыпанные в тексте лексические единицы с эмоционально-оценочным потенциалом «ощутимо поддерживают друг друга согласованностью своей ...семантики и укрепляют создаваемую автором единую субъективно-модальную линию текста» [6].

Следует отметить, что авторская модальность может создаваться в газетном тексте и морфологическими средствами, в том числе глагольными формами, например, использованием так называемого «настоящего репортажа»: «Специфичность «настоящего репортажа» заключается в том, что оно передает действия, совершающиеся на глазах у воспринимающего эти действия. Они могут относиться и к фактическому прошлому, уходить в него, но для воспринимающего их журналиста-репортера, а следовательно, для читателя, они происходят в момент речи, сейчас, сию минуту» [7]. Так, названная форма создает эффект живого разговора, происходящего будто на наших глазах, в статье «Был полк. Куда-то вышел» (И. Гордиенко, «Новая газета»): *Из Цхинвали*

до военной базы подбрасывает таксист, метров за пятьсот до цели водитель отказывается ехать: «Прошлый раз так завяз в этой грязи, что еле вытащили». Хлюпаю до КПП. Встречая меня, знакомый офицер тут же уводит за угол: «Здесь у нас все очень строго, муха не пролетит, а вот если обойти с другой стороны, там – заходи кто хочет». Вместе с автором мы оказываемся на территории военной части в Южной Осетии, где внешне все выглядит вполне благополучно: ...Дощатые салатные домики, с виду похожие на теплицы, поблескивают на солнце новенькими жестяными крышами. Отдельная столовая..., свои полевые кухни... – однако внутренних проблем масса – командные перестановки, увольнение контрактников, напряженные отношения между офицерами и солдатами: *Старлей Денис, можно сказать, ветеран полка. Он говорит, что особые издевательства и избиения в полку никогда не практиковались. И пытается объяснить происходящее с психологической точки зрения. «Сейчас наши части просто деморализованы. Вот откуда ожесточение...»*. В тексте статьи названная глагольная форма наряду с другими языковыми единицами становится средством актуализации важных социальных проблем, приближения их к читателю, подчеркивает достоверность излагаемых фактов, то есть выполняет модально-оценочную функцию.

Очень часто «настоящее репортажа» в силу своей описательности и модальной окраски используется как зачин публицистического произведения: *В самом пафосном магазине продуктов Рублевки многолюдно исключительно за счет ... продавцов. На пятнадцать человек персонала, активно выжимающего свежие соки из ананасов и взбивающих йогурты из козьего молока с черникой, всего одна посетительница. Молодая девушка в норковой шубе и кедах нервно бросает в корзинку пять банок черной севрюжьей икры... (О. Костенко «Богатые плачут стразами», «Аргументы и факты»)*. Так создается эффект присутствия, рисуется зримая картина жизни состоятельных россиян в период кризиса. Благодаря названной глагольной форме (разумеется, в сочетании с другими средствами – оценочной лексикой, авторской иронией и пр.) эта картина оказывается пронизанной авторскими эмоциями, переживаниями: *«Кризис добрался до местных толстосумов?» – не скрываю я пролетарского злорадства. «Да нет, просто час дня – «мертвый сезон», – объясняют продавщицы... Хотя кризис добрался и до нас. Цены на дорогое мясо выставляем за 100 грамм – психологически не так ценники по глазам бьют...* . С помощью языковых средств создается модальная тональность осуждения обитателей «Лакшери Виллидж», насмешки над мнимой серьезностью их проблем: *Вся Жуковка и окрестности увешаны плакатами, сообщающими о невиданных «кризисных» распродажах... Невнятные серые перчатки от Дольче и Габбана дают по «смешной» цене – 4 тыс. руб. В ответ на мое возмущенное бормотание продавщица строго объясняет: «Но ведь стоили они 10 тысяч! Вы что, не ощущаете разницы?»... В бутиках оживленно – барышни в меховых жилетах и с голыми руками (теплые машины ждут на улице) хватают носки по 2 тыс. руб. связками, деловито щебеча друг другу: «В этом году на праздники в Европу не выбрались. Кризис... Ну не в рвань же ходить...»*. Благодаря такому грамматическому средству, как «настоящее репортажа», даже не выраженное формально авторское «я» угадывается в строе речи, окрашенном авторской модальностью, что соответствует коммуникативной установке репортера – создателя текста: дать не объективированное, а глубоко личностное изображение

действительности, выразить свое отношение к изображаемому.

В кругу текстовых способов выражения субъективно-модальных оценок интересное применение находит прием «экспликации авторского «я» (термин Т.В. Матвеевой) – текстовые включения, которые строятся как повествование от первого лица и используются для того, «чтобы подчеркнуть открытый характер журналистской позиции, сообщить индивидуально-личностную окраску всему, о чем говорится в тексте». «Масштаб использования приема включенного авторского «я» в газетных текстах различен: от единственного фрагмента на пространстве текста до «сюжета в сюжете», когда читатель узнает не только о самом событии, но и процессе подготовки публицистического произведения об этом событии» [8]. В статье Виталия Молоднякова «Старообрядцы в промзоне» (газ. «Лыткаринские вести») несколько таких включений, которые обрамляют ее в начале и конце и перебивают текст в нескольких местах. Функцию субъективно-модального зачина выполняет первое включение: *...Морозным декабрьским утром на остановке «Горячий хлеб» я сел в маршрутку № 22 и поехал к старообрядцам в Тураево <...> Церковь, несколько деревьев около, земля вокруг неё, пара домиков рядом – всё смотрелось отдельным островком в промышленной зоне. Утренняя служба закончилась, прихожане были в трапезной. Встретили меня радушно, удалось не спеша, обстоятельно поговорить. В этих людях чувствовалась связь со своими предками, с общиной. Связь именно с этим местом и этой церковью – цепочка преемственности, длина которой, по меньшей мере, три с половиной столетия...* В содержательном отношении этот фрагмент, с одной стороны, включает описание впечатлений, реакций, с другой – авторские рассуждения о прихожанах, к которым он чувствует неподдельное уважение и симпатию. Так начинает звучать в произведении тема журналистского поиска, внимательного изучения интересующей автора проблемы. Зачин сменяется объективированным изложением фактов от третьего лица (здесь описание проблем храма, переписка с государственными организациями и пр.). А после вновь делается авторское включение, возвращающее нас ко времени подготовки статьи: *Николай Юкин, заместитель председателя общины, показал «подшивку» переписки общины с властью и мушкетерами. Действительно, целый фолиант! Вышли с ним осмотреться. Надо было обо всем расспросить и всё увидеть своими глазами. Или: Пошли мы с Николаем к территории «Экосинтез» – через дорогу, в некотором отдалении от храма. Вскрабались на трубы теплоцентрали, заглянули за забор. В дальнем углу – складирован мусор. Когда стемнеет, его опять будут жечь. Ночами видно зарево. А пожарная инспекция уведомила Николая, что в случае возгорания ничем храму помочь будет нельзя – гидрантов нет...* Сознательно используя прием экспликации авторского «я», журналист не только дает собственную оценку происходящему, переживает за судьбу древнего храма, осуждает бездействие чиновников, но и включает нас, читателей, в круг названных проблем, заставляет сопереживать. Усиливает эту модальную тональность завершающее включение: *...Неподалёку от храма Николай показал мне жёрнов, выступивший из земли. Старый, поистёртый, он отслужил свой век, теперь – материальное прошлое. Часть нашей истории. В это трудно поверить, но Тураевской общине в советское богоборческое время легче жилось, чем теперь. Неужели сейчас имеют значение только деньги? И как решить проблемы, плотно обступившие храм? Трудности, житейские невзгоды и неурядицы тураевской общины*

– всё это перемелется? Наверное. Если будет, кому «жернова» крутить. А кому их крутить? Всем нам. Так в тексте статьи тема борьбы за сохранение православного храма сопровождается общей субъективно-модальной оценкой сопереживания, призыва к сохранению национального прошлого. При этом благодаря авторским включениям проблемы, поднятые в статье, становятся ближе читателю, так как оживлены конкретностью восприятия, окрашены субъективным отношением автора. Справедливы слова Т.В. Матвеевой о том, что «экспликация авторского «я» – концентрированное выражение самой идеи субъективно-оценочного характера публицистического текста. Не просто оценка по долгу службы, но оценка, пропущенная через себя, опирающаяся на глубокое индивидуальное проникновение в тему...» [9]. Разумеется, характер использования этого приема (или отказ от него) определяется не только коммуникативными установками автора, но и жанровыми особенностями самого текста, степенью его обобщенности и объективированности.

В заключение следует подчеркнуть, что субъективное начало газетно-публицистического произведения, приемы создания текстовой модальности, их характер и количество, связаны не только с личностью журналиста, но и с адресатом – читателем, часто массовым и неоднородным. Именно для него и ради него пишется текст, проникнутый субъективно-модальными оценками, которые формируют мнение адресанта, его общественно-политическую позицию.

Список литературы:

1. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. – М., 1982. – С. 110.
2. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. – М., 1978. – С. 12.
3. Матвеева Т.В. О некоторых способах выражения субъективной модальности в публицистическом тексте // Структура и семантика текста. – Воронеж, 1988. – С. 109.
4. Там же. – С. 114.
5. Там же. – С. 115.
6. Там же. – С. 115.
7. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. – Указ. соч. – С. 82.
8. Матвеева Т.В. – Указ. соч. – С. 110.
9. Там же. – С. 110.
10. Источниками послужили материалы газет «Комсомольская правда» (№ 3 от 3 февраля 2009 г.), «Известия» (№ 6 от 16 марта 2009 г.), «Новая газета» (№ 26 от 16 марта 2009 г.), «Лыткаринские вести» (№ 3 от 15 января 2009 г.).

H. Topcygina

THE SUBJECTIVE MODALITY OF JOURNALISTIC TEXT

Abstract: The article is concentrated on one of the aspects of modality – the subjective modality, its functions as a textual category. The role of subjective-modal modifiers (lexical, morphological, syntactical, textual) in a forming of modal field of publicistic text is shown.

Key words: Journalese style, subjective modality, text modality, author's position, estimation, emotionality.

О МОДАЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ МЕЖДОМЕТИЙ*

Аннотация: Тема статьи – способы выражения субъективно-модальных квалификаций высказывания. Основное внимание уделено употреблению междометий в функции вводно-модальных слов, исследуются причины развития модальных значений у междометий.

Ключевые слова: междометие, субъективная модальность, вводность, интонация, эмоциональность, экспрессивность.

В классической и современной лингвистической литературе вопрос о категории модальности как важнейшей синтаксической категории освещался широко и всесторонне. В рамках изучения категории модальности исследователи обращаются к проблеме «языковой личности», то есть лица говорящего, утверждают важность его коммуникативной позиции, которая становится определяющим фактором, формирующим субъективность высказывания. По сложившейся традиции в кругу языковых средств, выразителей субъективно-модальных значений, называют вводно-модальные компоненты различной семантики: вводно-модальные, вводно-эмоциональные, вводно-авторизирующие, вводно-обобщительные, вводно-контактные. Названные лексемы являются специализированным средством выражения субъективно-модального отношения: «Вводный компонент «накладывается» на структуру предложения по воле, по усмотрению говорящего для реализации его намерения. Реализация высказывания в форме предложения требует специальных усилий и специальных средств. Говорящий стремится быть правильно понятым, желает воздействовать на адресата. Средством решения этой прагматической задачи является вводность» [1].

Размышляя о статусе вводных конструкций, И.И. Мещанинов замечает: «...Обособленные вводные члены предложения не изменяют основных отношений между другими членами предложения. Они не входят в число тех его частей, из которых слагается основной его остов. Ими передается оттенок общего колорита всего высказывания в целом, его экспрессивность и т. д. Такими вводными (обособленными) частями передается субъективное отношение говорящего ко всему содержанию его высказывания или его эмоционально-волевое выражение. Они стоят по своему смысловому значению в непосредственных отношениях к основной мысли общего контекста приводимого отрезка речи. Первым из них может быть присвоено наименование вводного (обособленного) члена субъективного отношения, а вторым – вводного (обособленного) члена эмоционально-волевого высказывания» [2]. По мнению исследователя, такими вводными членами с эмоционально-волевым значением можно считать междометия, которые, подобно вводным компонентам, «не согласуются и вообще не связываются с каким-либо одним членом основного костяка предложения, а относятся ко всему предложению целиком», «получают свое собственное оформление» [3].

Несмотря на обособленность, междометия, тем не менее, остаются связанными со смыслом всего высказывания, употребляются в соответствии с его

* © Топтыгина Е.Н.

содержанием. При этом ряд междометий, как показывает языковой материал, способен выражать не только эмоциональные оттенки и волевые изъявления говорящего лица, но и развивать модальный потенциал. «Прямым и непосредственным выразителем субъективно-оценочной модальности высказывания является также междометие», – считает И.Р. Гальперин [4]. Сказанное в большей степени справедливо в отношении производных междометий, входящих к частицам, союзам, устойчивым оборотам, отдельным глагольным формам. В числе таких междометий *будто!*; *будто бы!*; *да ну!*; *жди!*; *ну да!*; *ой ли!*; *держи карман шире!*; *о чем речь!* и некоторые другие. Употребляясь в качестве самостоятельной реплики-реакции на услышанное или с предложением, данные лексемы способны давать оценку содержания высказывания в плане достоверности-недостоверности, то есть выполнять функцию модального квалификатора. Например: *Он не мог этого сделать. – Будто!* Сравним: *Думаю, он мог это сделать / Вероятно, он мог это сделать / Конечно, он мог это сделать.* Междометие *будто*, употребляясь как вопросительно-восклицательная реплика, служит для «выражения сомнения, недоверия, скепсиса по отношению к услышанному» [5] и синонимична вводно-модальным компонентам с персуазивной семантикой. Сходное значение обнаруживает междометие *будто бы*: *По-моему, он не знал об этом. – Будто бы?* Сравним: *Думаю, знал. Скорее всего, он об этом знал. Вероятно, все-таки знал.*

Значение недоверия, сомнения, скепсиса по отношению к услышанному, осложненное эмоциональным оттенком удивления, изумления, передает разговорное междометие *да ну*: *Ты слышал, конференция не состоится. – Да ну? Этого я не ожидал* (собеседник удивлен и не совсем уверен в достоверности сообщенного факта, но оценивает его как вполне вероятный). Сходное междометие *ну да* с инверсией компонентов в большей степени способно выражать скепсис, сомнение, неуверенность, в то время как эмоциональный оттенок изумления присутствует в нем в меньшей степени: *Ты слышал, конференция не состоится. – Ну да? Кто тебе это сказал?* Сравним: *Вряд ли это так. Сомнительно, что конференция не состоится. Маловероятно, что конференция не состоится.* Говорящий оценивает сообщенный факт как маловероятный.

Еще более скептической является реплика-междометие *ой ли*: *Вот увидишь, он справится с поручением. – Ой ли?* Сравним: *Я почти уверен, что не справится. Очень маловероятно, что он справится.* Содержание высказывания максимально приближено к полюсу недостоверности.

Производные междометия *держи карман шире*, *жди* употребляются для «выражения подчеркнутого сомнения в том, что собеседник дождетя ожидаемого, что свершится то, на что он надеется» [6]: *Сестра обещала вернуть книгу. – Жди! (Уверен, что не вернет. Крайне сомнительно, что вернет).* Или: *Сестра обещала подарить мне эту книгу. – Держи карман шире! (Уверен, что не подарит. Очень маловероятно, что подарит).*

Противоположную семантику имеет устойчивая формула *о чем речь*, употребляющаяся для выражения подчеркнутого согласия, разрешения, готовности что-либо сделать» [7]: *Я могу взять эту книгу? – О чем речь! (Разумеется, ты можешь взять эту книгу. Конечно, ты можешь взять эту книгу).* Междометная реплика синонимична конструкциям, субъективная модальность которых имеет значение достоверности, подчеркнутой уверенности.

Важно подчеркнуть, что в приведенных примерах тот или субъективно-модальный смысл выражается также соответствующей интонацией. Именно интонация вместе с указанными лексическими единицами является средством выражения модальной семантики неуверенности, подчеркнутого сомнения, готовности и др. Справедливы слова В.В. Виноградова, утверждавшего: «... в некоторых аффективных типах высказываний – при их грамматической и лексико-семантической нерасчлененности сообщения или выражения – модальная интонация играет основную роль, определяющую их смысл» [8].

Употребление междометий с модальным значением представляет ту область, которая является зоной пересечения семантического поля эмоций и семантического поля субъективной модальности. В данном случае мы, по-видимому, сталкиваемся с явлением переходности, гибридности, в рамках названных категорий. В связи с этим актуальны слова В.В. Виноградова, отмечавшего близость междометий и модальных слов: «...В силу яркой субъективной окраски большей части модальных слов с ними легко сближаются междометия. В самом деле, если междометия сопутствуют тому или иному высказыванию как выражение его модальной, резко эмоциональной оценки, они становятся модальными словами. Недаром Д.Н. Овсяннико-Куликовский, а за ним А.М. Пешковский относил к «вводным словам» *слава богу, ей-богу, черт возьми, шут знает* и т.п.» [9]. Сказанное подтверждают наблюдения над языковым материалом:

– *Когда перенимать с умом, тогда не чудо / И пользу от того сыскать; / А без ума перенимать, / И боже сохрани, как худо!* (А. Крылов) – междометие выражает не только эмоциональное предостережение, но и подчеркнутую уверенность в достоверности сообщаемого – *А без ума перенимать, конечно / разумеется / я уверен, худо;*

– *Взманило это Вороненка, / Да только думает он так: «Уж братъ так братъ, / А то и когти что марать! / Бывают и орлы, как видно, плоховаты. / Ну, только ль в стаде что ягняты? / Вот я как захочу / Да налечу, / Так царский подлинно кусочек подхвачу!»* (А. Крылов) – междометие *ну* имеет не только эмоциональное значение удивления, возмущения, но и значение подчеркнутой уверенности в достоверности сообщаемого – *Уверен / Конечно / Разумеется, в стаде не только ягнята;*

– *На бога грех роптать, и что ж за чудо? / Работою завален я всегда; / Хозяйка у меня добра и молода: / А с доброю женой, кто этого не знает, / Живется как-то веселей* (А. Крылов) – фразеологизм *и что ж за чудо*, употребляясь в междометной функции, контекстуально сближается с вводно-обобщительными компонентами – *На бога грех роптать, / по обыкновению / как обычно / как водится, Работою завален я всегда;*; междометный фразеологизм *кто этого не знает* помимо яркого эмоционального значения выражает подчеркнутую уверенность в сообщаемом – *А с доброю женой, конечно / разумеется / я уверен, Живется как-то веселей.*

Разумеется, способность междометий выражать в отдельных случаях не только эмоциональные, но и модальные квалификации связана с характером речевой ситуации, в которой важно присутствие адресата. Именно диалогичность речи способствует тому, что междометие, подобно вводному слову, вовлекает собеседника в круг нужных говорящему оценок, выполняет контактную функцию: «Отношение говорящего к высказыванию отличается многосторон-

ностью, сложностью. На его содержание и выражение накладывает отпечаток речевая ситуация, форма общения, вид речи и т.д., то есть наличие или отсутствие адресата (диалог – монолог), его близость или отдаленность, активность или пассивность пр.» [10].

Более широко модальные функции междометий рассматривает И.Р. Гальперин: «Междометие, будучи частицей, выражающей чувства не непосредственно, а, так сказать, пропущенные через наше сознание, выражает лишь понятие о наших чувствах. Это является доказательством не спонтанности, а преднамеренности в использовании этого языкового средства. Междометие окрашивает своими значениями не только предложение, в котором употребляется, но и высказывание в целом. Более того, повторяясь, оно, подобно другим приемам, начинает выражать субъективно-оценочное отношение автора к предмету мысли и, тем самым, становится категорией модальности текста» [11].

И все же, несмотря на то что некоторые из междометий способны развивать модальный потенциал, они являются неспециализированным периферийным средством формирования субъективной модальности высказывания по сравнению с ядерными модификаторами – вводными компонентами. Это связано, конечно, с особенностями семантики междометий, в которой доминирует эмоциональная и экспрессивная составляющие, а также специфика их употребления в речи – меньшая синтаксическая подвижность по сравнению с вводно-модальными словами и ряд уже названных коммуникативных ограничений, в числе которых требования диалогичности и разговорности речи.

Список литературы:

1. Лекант П.А. Вводность – коммуникативно-прагматическая категория / Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – С. 131.
2. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л., 1978. – С. 226.
3. Там же. – С. 226.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – С. 120.
5. Словарь структурных слов русского языка. – М., 1997. – С. 37.
6. Там же. – С. 119.
7. Там же. – С. 254.
8. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 59.
9. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 2001. – С. 607.
10. Лекант П.А. Семантика вводных компонентов в тексте / Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002 – С. 128.
11. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – С. 120.

H. Toptygina

MODAL MEANING OF INTERJECTION

Abstract: The subject of the article – interjections as a modifiers of subjective-modal meaning. The role of interjections in a forming of modal meaning of sentence is shown. The reasons of appearance of the modal meaning of interjections is examined.

Key words: Interjection, subjective modality, introductoriness, intonation, emotionality, expressive.

Публикации аспирантов

УДК 811.161.1'373.612.2

Е.М. Антонова

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ***

Аннотация: Целью работы является выявление метафорических моделей в экономической терминологии в рамках современной когнитивной лингвистики, используя метаязык фреймов и сценариев. В данной работе дана характеристика ведущих моделей метафорического представления современной финансово-экономической терминологии: было выделено 8 метафорических моделей с разной степенью развитости фреймовой структуры – метафорическая модель «Мир природы», метафорическая модель «Человек как центр мироздания» или антропоморфная метафора, событийно-ситуативная метафорическая модель, пищевая метафорическая модель, литературно-мифологическая метафорическая модель, артефактная метафорическая модель, социальная метафора, цветовая метафорическая модель. «Ключевыми» метафорами являются антропоморфная и смежные с ней социальная и артефактная метафоры, т.к. человек мыслит мир по «своему образу и подобию».

Ключевые слова: метафорическое моделирование, фреймы, когнитивная лингвистика.

Метафора как лингвистический инструмент переноса известного на неизвестное, освоения сферы нового в терминах знакомого присуща всем без исключения естественным языкам и неизменно присутствует в пространстве любой культуры. Не случайно поэтому феномен метафоры, метафорические структуры в языке и речи, метафорическое мышление – традиционный предмет исследования целого ряда гуманитарных дисциплин. В последние двадцать лет происходит подъем интереса к метафоре - понятию, существующему уже более двух тысяч лет.

Новый толчок к исследованию метафоры дала когнитивная лингвистика. С когнитивной точки зрения метафорическое переосмысление отражает базовый когнитивный процесс получения выводного знания, когда из сопутствующих какому-либо понятию ассоциаций формируется новое знание, результатом когнитивной обработки которого будет появление нового концепта. Когнитивная лингвистика позволяет по-новому взглянуть на метафору, которая воспринимается как вербализованный способ восприятия и постижения мира, универсальный познавательный механизм.

По мнению многих сторонников когнитивного подхода, главную роль в наших повседневных семантических выводах играют не формализованные процедуры типа дедукции и индукции, а аналогия. И с этой точки зрения метафора является отображением крайне важных аналоговых процессов. В рамках

---

* © Антонова Е.М.

когнитивистики развивается теория концептуальной метафоры, связанная с осознанием метафоры как концептуального явления — способа думать об одной области через призму другой. Метафора — это инструмент осмысления новых понятийных сфер в терминах сфер, стоящих ближе к непосредственному физическому опыту человека. В языке выражаются результаты метафорического осмысления мира.

История развития и основные положения теории концептуальной метафоры достаточно полно и объективно изложены не только в зарубежных работах: Дж. Лакофф, М. Джонсон, Джонсон-Лэрд, М. Тернер и Ж. Факоньер, но и в опубликованных на русском языке трудах А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной, Т.Г. Скребцовой и целого ряда других авторов.

Лакофф и Джонсон рассматривают метафору как перенос из области-источника (донорской зоны) в область-цель (реципиентная зона). Область-источник характеризуется конкретностью, антропоцентричностью и связью с сенсомоторным опытом человека. Область-цель всегда более абстрактна, она требует осмысления через апелляцию к конкретному, известному. В основе метафорического переноса лежит скорее не объективное сходство предметов, а субъективно устанавливаемое людьми соответствие между двумя сферами. Дж. Лакофф и М. Джонсон пишут: «Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [1: 390].

Одним из самых перспективных направлений современной теории метафоры является описание метафорических моделей и изучение метафоры в разных видах дискурса. Авторы стремятся структурировать полученные данные по определенным моделям, т.е. для выявления внутреннего строения области источника и области цели зачастую обращаются к метаязыку фреймов и сценариев. Фрейм — это представление обычной ситуации в виде набора слотов. Каждый слот представляет некоторый тип информации, релевантный для описываемого фрагмента действительности. Если использовать метафорический образ, то «сценарий модели можно сопоставить с последовательностью кадров на киноплёнке, фрейм — с отдельным кадром, а слот — с его частью. Если быть более точным, то сценарий модели следовало бы сравнивать не с каким-то конкретным фильмом, а с типовым содержанием фильмов определенного жанра (детектив, “мыльная опера” и т. п.). Соответственно фрейм — это как бы типичный кадр из соответствующих фильмов (например, полиция преследует преступников), а слот — типовой компонент такого кадра» [2: 40].

По мнению Г.И. Кустовой, “источником метафорических значений является основное, базовое, исходное значение слова. Исходное значение слова как способ концептуализации некоторой внеязыковой реальности предоставляет говорящим на данном языке своего рода ментальную схему (семантическую модель) для осмысления других типов ситуаций, подводимых (в той или иной мере) под эту схему. И метафорические значения, метафора как тип переноса — всего лишь частный случай осмысления (интерпретация) одного (нового, неосвоенного, но по каким-то параметрам сопоставимого) через другое (данное, освоенное, парадигматическое)” [3: 201]. Для пользующегося языком человека значение слова реализуется через включение его в некоторую более объемную единицу — пропозицию, фрейм, схему, сцену, сценарий, событие, ментальную

модель и т.п. Важно также подчеркнуть акцентирование внимания на том, что значения функционируют не по отдельности, а в определенных связях, которые к тому же складываются во все более обширные объединения: кластеры (группы), поля, сети [4: 382].

Категория метафорической модели подразумевает классификацию (разбиение) областей источника метафоризации (в противоположность цели). Имя метафорической модели обычно дает слово, являющееся родовым по отношению к словам, представляющим элементы ее понятийной системы. Метафорическое моделирование — это средство постижения, представления и оценки действительности, отражающее многовековой опыт народа и его национальное самосознание. Концептуальная метафора связана с конкретными условиями развития общества. «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [5: 43.]

При когнитивном анализе метафорических моделей элиминируются все ограничения, определяющие особенности традиционного структурного подхода, в том числе не только требования о принадлежности рассматриваемых элементов к одной лексико-семантической группе или хотя бы к одной части речи, но и ограничения, связанные с уровнями языка: в рамках единой системы рассматриваются собственно лексические единицы, фразеологизмы и их компоненты, а также другие воспроизводимые единицы.

Так А.П. Чудинов посвящает свою монографию исследованию закономерностей метафорического моделирования действительности в современном политическом дискурсе России [2]. Он представляет 4 основных разряда моделей: антропоморфная метафора, метафора природы, социальная и артефактная метафора. Э.Я. Лапина рассматривает метафору в терминологии микроэлектроники и выделяет 7 тематических групп терминов-метафор: геоморфную, антропоморфную, интеллектуальную, транспортную, зооморфную, кулинарную и бытовую метафору [1: 134-145]. Также были исследованы медицинский и военный дискурс.

В результате классификации метафор, выявленных методом сплошной выборки финансово-экономической терминологии (917 единиц), были получены следующие метафорические модели:

1) метафорическая модель «Человек как центр мироздания», антропоморфная метафора

I. Фрейм «качества человека»

Earnest money — «честные деньги»; *Harmless warrant* — «безвредное предписание»; *Inactive asset* — «неактивные активы»; *Strong dollar* — «сильный доллар».

II. Фрейм «человеческие действия»

Painting the tape — «разукрасить пленку»; *Cold-calling* — «холодный звонок»; *Snowballing* — «делать снежки».

III. Фрейм «состояния человека»

Panic buying or selling — «паническая покупка или продажа»; *Indifference curve* — «кривая безразличия».

IV. Фрейм «тело человека»

Market Eye — «глаз рынка»; *Empty head and pure heart test* — «тест чистой головы и чистого сердца».

V. Фрейм «семейные отношения»

Baby bond – «облигация младенца»; *Family of funds* – «семья капиталов\ фондов»; *Aunt Millie* – «тетя Милли»; *Godfather offer* – «предложение крестного отца».

VI. Фрейм «человек и медицина»

Company doctor – «доктор компании»; *Immunization strategy* – «стратегия иммунизации»; *People pill* – «таблетка для человека» – *Bloodletting* – «пускание крови».

VII. Фрейм «человек и смерть»

Suicide pill – «таблетка самоубийства»; *Recovery* – «выздоровление».

VIII. Фрейм «сексуальная сфера»

Sterilized intervention – «вмешательство бесплодия»; *Chastity bonds* – «облигации целомудрия\ девственности».

IX. Фрейм «мир известных людей»

Eva Longoria Stock Index – «биржевой индекс Евы Лангории»; *Jennifer Lopez - J.Lo* – «Дженнифер Лопес»; *Rembrandt market* – «рынок Рембрандта».

2) метафорическая модель «Мир природы»

I. Фрейм «мир животных, птиц, рыб, низших животных»

Alligator Property – «собственность аллигатора»; *Bulldog bond* – «облигация бульдога»; *Killer bees* – «убийца пчёл»; *Loan Shark* – «заем акулы»; *Butterfly shift* – «смещение бабочки»; *Cockroach Theory* – «теория тараканов».

II. Фрейм «мир растений»

Daisy chain – «цепь маргариток»; *Decision tree* – «дерево решений»; *Carrot equity* – «акция моркови»; *Evergreen* – «вечнозеленое растение».

III. Фрейм «природные явления»

Dawn raid – «рейд на рассвете»; *Rain Check* – «корешок\квитанция дождя»; *Rainbow Option* – «опцион радуги»; *Sunset Provision* – «обеспечение заката».

IV. Фрейм «географические понятия»

Blue Ocean – «синий океан»; *Bermuda Option* – «бермудский опцион»; *South Sea Bubble* – «пузырь южного моря».

3) событийно-ситуативная метафорическая модель

Monday Effect – «эффект понедельника»; *Black Friday* – «черная пятница»; *Air pocket stock* – «рынок воздушной ямы».

4) пищевая метафорическая модель

Macaroni defense – «макаронная защита»; *Cook the books* – «приготовить книги»; *Cutting a Melon* – «резать дыню»; *Fry a bigger fish* – «поджарить большую рыбу».

5) литературно-мифологическая метафорическая модель

I. Фрейм «мифология»

Bogey – «домовой\привидение»; *Dwarfs* – «карлик»; *Gray knight* – «серый рыцарь»; *Santa Claus Rally* – «оживление Санта Клауса».

II. Фрейм «религия»

Barefoot pilgrim – «босой пилигрим»; *Fallen angels* – «падшие ангелы»; *Angel Investor* – «инвестор ангел»; *Noah Effect* – «эффект Ноя».

III. Фрейм «волшебство»

Glamor stock – «биржа волшебства»; *Magic of diversification* – «чудо диверсификации».

IV. Фрейм «литературные герои»

Goldilocks economy – «экономика златовласки»; *Lady Macbeth Strategy* – «стратегия Леди Макбет»; *Jekyll and Hyde* – «Джекил и Хайд».

6) артефактная метафорическая модель (вещи, созданные человеком)

I. Фрейм «одежда и ее части»

Equity collar – «воротник акции»; *Hemline theory* – «теория каймы платья»; *Bootstrap* – «ремешок от туфель»; *Skirt Length Theory* – «теория длины юбки».

II. Фрейм «предметы быта и аксессуары»

Shelf offering – «предложение полки»; *Candlestick* – «подсвечник»; *Leading Lipstick Indicator* – «лидирующий индикатор помады»; *Razor – Razorblade Model* – «бритва\ модель бритвы».

III. Фрейм «постельные принадлежности»

Fall out of bed – «упасть с кровати»; *Pink sheets* – «розовые простыни»; *Safety cushion* – «безопасная подушка».

IV. Фрейм «механизмы и предметы»

Sidecar Investment – «инвестиции боковой коляски мотоцикла»; *Dumbbell* – «гури\гантели»; *January Barometer* – «январский барометр»; *Axe to grind* – «топор для колки дров»; *Golden Life Jacket* – «золотой спасательный жилет».

V. Фрейм «дом и подсобные помещения»

Debt ceiling – «потолок долга»; *Discount window* – «окно скидки»; *House account* – «домашний счет»; *Ladder strategy* – «стратегия лестницы»; *Garage* – «гараж».

7) социальная метафора

I. Фрейм «война, борьба, орудия борьбы»

Halloween Massacre – «резня на Хеллоуин»; *Stock Basher* – «убийца биржи»; *Capitulation* – «капитуляция»; *Gunslinger* – «человек хорошо владеющий оружием\наемник»; *Blitzkrieg tender offer* – «предложение блицкриг»; *Scorched-earth policy* – «тактика выжженной травы».

II. Фрейм «город»

Bridge financing – «финансирование моста»; *Street* – «улица»; *Boutique* – «обувной магазин»; *Road show* – «шоу на дороге»; *Omnibus Account* – «счет автобуса».

III. Фрейм «толпа, сборище людей»

Loan crowd – «толпа заема»; *Active bond crowd* – «скопление активных облигаций»; *Bunching* – «скопление, группа»; *Mob spread* – «разрыв\разница толпы, сборища».

IV. Фрейм «Социальные отношения»

Orphan stock – «биржа сироты»; *Citizen bonds* – «облигации граждан»; *Market Cannibalization* – «рыночный каннибализм»; *Pension parachute* – «пенсионный парашют»; *Old Lady* – «старушка».

8) цветовая метафорическая модель

Gray market – «серый рынок»; *Red herring* – «красная селедка»; *Blue list* – «синий список»; *Black Swan* – «черный лебедь».

Как показывают рассмотренные примеры, метафорическая модель характеризуется открытостью, способностью ко все более детальному, не имеющему каких-либо границ разворачиванию с использованием все новых и новых компонентов. Вместе с тем можно определить типовые направления разверты-

---

вания данных моделей. Источниками метафорической экспансии обычно становятся обозначения реалий, которые очень актуальны для общества, хорошо известны людям и вызывают их повышенный интерес.

Также важно отметить, что создаваемая человеком картина мира финансов изначально антропоцентрична: этот мир строится разумом человека, который концептуализирует финансово-экономические реалии, опираясь на свои представления о соотношении индивида и мира. Метафора реализует представления о человеке как о центре мира.

Список литературы:

1. Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990.
2. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2001.
3. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений. – 2000.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М., 1999.
5. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М., 2001.

E. Antonova

METAPHORICAL MODELING OF ENGLISH BUSINESS TERMS

Abstract: The aim of this paper is to find the metaphorical models in business English terminology in the course of cognitive linguistics by means of the sub-language of frames and scenarios to learn the inner structure of source domain and target domain. In this paper we represent the characteristic models formed on the basis of English business terms (917 analyzed terms): there are 8 models with different degrees of developed frame structure – “the world of Nature”, “the world of a Man”, “situational and eventual model”, “meals model”, literary-mythological model”, “the world of Things”, “social model”, “colour model”. According to the analysis we came to the conclusion that key models are the metaphorical models “the world of a Man” and adjacent to it the model “the world of Things” and “social model” as the person realizes the world from the point of view of his own nature and “structure”.

Key words: Metaphorical modelling, frames, когнитивная linguistics.

КОМПОНЕНТНЫЙ КРИТЕРИЙ ПРИ РАЗГРАНИЧЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ И ПОЛИСЕМИИ*

Аннотация: В статье рассматривается роль компонентного критерия при разграничении семантической омонимии и полисемии. Доказывается, что возможность обнаружения перекрещивающихся сем не только при многозначности, но и при омонимии не может быть препятствием использования компонентного критерия при разграничении этих явлений, если учитывать иерархический статус сем.

Ключевые слова: семантическая омонимия, полисемия, перекрещивающиеся семы.

Разграничение омонимии и полисемии с использованием компонентного анализа базируется на сопоставлении компонентного состава сравниваемых значений, в первую очередь, с целью выявления в их смысловой структуре наличия / отсутствия перекрещивающихся сем. Ссылка именно на этот момент при отнесении языковых единиц к фактам омонимии или полисемии подвергается критике в лингвистической литературе, при этом основанием, в частности, служит то, что общие компоненты могут быть как в значениях полисемантического слова, так и в омонимичных значениях [1].

В данной статье мы попытаемся выяснить, нужно ли с этой точки зрения подвергать сомнению использование компонентного критерия при разграничении омонимии и полисемии.

Действительно, имеет место тот факт, что не только лексико-семантические варианты слова, но и омонимичные семемы могут иметь общие смысловые компоненты. То, что присутствие общих компонентов позволяет одни значения квалифицировать как омонимичные, другие как значения полисеманта, можно объяснить только одним: наличием принципиальной разницы общей семантической части значений омонимов и общей семантической части значений одной лексемы. Ведь очевидно, что, к примеру, общая семантическая часть значений у омонимов *секция*¹ 'один из участков, частей, составляющих какое-либо целое, напр. сооружения, машины; отдел учреждения, организации и т.п.' и *секция*² 'вскрытие, рассечение (трупа), мед.', *колоть*¹ 'наносить удар колющим оружием' и *колоть*² 'раздроблять, рассекать, делить на части' совершенно иного рода, чем общая семантическая часть у ЛСВ лексемы *шлем* 'старинный металлический воинский головной убор, защищающий от ударов, стрел' и 'специальное устройство, предохраняющее голову и изолирующее от внешней среды'. Значит, задача состоит в том, чтобы выявить, в чём заключается принципиальная разница общей семантической части значений при омонимии и при полисемии. Остановимся на этом.

Общепризнано, что значение имеет иерархическую природу и в семантической иерархии компоненты находятся на разных уровнях, играют разную роль в организации значения, занимают в его структуре неодинаковый объём, потому они могут классифицироваться по разным основаниям. Так, по степе-

* © Батакова М.Е.

ни обобщённости выделяются семы грамматические, лексические идентифицирующие (или архисемы, родосемы, гиперсемы) и дифференциальные (или видосемы, гипосемы). Наиболее обобщённый, отвлечённый характер несут грамматические компоненты значения. Высокой степенью абстракции могут обладать и лексические архисемы (например, такие, как <реалия>, <отношение>, <часть>, <основа>, <предмет>, <вместилище>, <чувствовать> и т.п.). Они соответствуют абстрактному, рациональному уровню. В силу того что абстрактные семы являются «элементарными» [2], выражают «предельно простые, атомарные понятия» [3], они имеют большую степень повторяемости, то есть могут входить во многие семемы, в том числе и омонимичные. Не случайно их называют категориальными семами, значениями, признаками. По мнению Д.Н. Шмелёва, «...весь словарный состав языка может быть представлен разбитым на определённые классы, образуемые пересечением именно категориальных признаков» [4]. Поэтому возможность присутствия и пересеканности категориальных сем в омонимах вполне закономерна. Ю.Д. Апресян отмечает, к примеру, у таких словозначений, как *топить*¹ ‘каузировать тонуть’ и *топить*² ‘каузировать становиться жидким путём нагревания’, которые в словарях единодушно квалифицируются как омонимы, общий категориальный (или, по его терминологии, элементарный) компонент <каузировать>. По этому поводу он осторожно замечает: «По-видимому, связь между значениями ощущается тогда, когда общая часть этих значений неэлементарна» (по-другому “нетривиальна”) [5]. Продолжая эту мысль, перефразировав её применительно к омонимии, можно утверждать, что при омонимии, наоборот, связь между значениями не ощущается тогда, когда общая часть их элементарна, тривиальна, то есть представляет собой пересечение категориальных сем. Правда, при этом нужно заметить, что Ю.Д. Апресян считает такие омонимы, как *топить*¹⁻², менее омонимичными, чем те, которые не имеют даже такой общей части, как, например, *брак*¹ ‘супружество’ и *брак*² ‘несоответствие норме качества’ [6], и тем не менее ещё раз нужно подчеркнуть, что *топить*¹⁻² всё же признаются в словарях именно омонимами, а не ЛСВ. Единодушно признаются омонимами и значения *секция*¹ ‘часть, отдел ...’ и *секция*² ‘вскрытие, расчленение (трупа), мед.’, которые, хотя и имеют общую сему <деление>, но она у них так же элементарна, как и сема <каузировать> у *топить*¹ и *топить*², то есть семантическое пересечение происходит только на абстрактном уровне (ср. также: в омониме *ладья*¹ ‘в Древней Руси: парусное судно или лодка’ – *ладья*² ‘шахматная фигура в форме башни’ значения имеют только один общий компонент – предельно абстрактную категориальную сему <предмет>).

Дифференциальные семы соответствуют специализированному, конкретизированному, эмпирическому уровню восприятия действительности, они уточняют категориальные семы, позволяют соотнести значения с денотатами, мысленно увидеть (или не увидеть) между ними связь, а значит, и связь между значениями, коррелирующих с ними. Если пересекаются дифференциальные семы, более содержательные, чем категориальные, то это пересечение значимо, неэлементарно. Например, у членов семантической пары *шлем* ‘старинный воинский головной убор, защищающий от ударов, стрел’ и *шлем* ‘специальное устройство, предохраняющее голову и изолирующее от внешней среды’ функциональное сходство существенно: оно основано на пересечении дифференциальных сем <защита>, <голова>, <воздействия>, <внешние>. Таким образом,

при омонимии общая часть элементарна, абстрактна, как у омонимов *топить*¹ и *топить*², *секция*¹ и *секция*², *ладья*¹ и *ладья*², при полисемии – неэлементарна, как у ЛСВ полисеманта *шлем*.

Однако не только степенью обобщенности, абстрактности пересекающихся компонентов может обуславливаться различие общей части значений при омонимии и полисемии. Так, М.Д. Якубовская семантические соотношения первичного и производного значений ставит в зависимость от положения общего элемента смысла в структурах сопоставляемых значений, то есть от того, является ли этот общий элемент “конструктивно значимым”, “семантически релевантным” или нет [7].

С точки зрения конструктивной значимости, важности выделяются семы ядерные, основные, опорные и периферийные, сопутствующие. Рассмотрим омонимы *топить*¹ и *топить*² в этом аспекте. Ю.Д. Апресян выделяет у них ещё один пересекающийся семантический компонент <жидкое>, но при этом отмечает, что «он выполняет совершенно разные роли в их семантических структурах (в деревьях их толкований)» [8]. И действительно, в *топить*² ‘заставлять становиться жидким путём нагревания’ дифференциальная сема <жидкое> конструктивно существенная, семантически значимая – ядерная, а в *топить*¹ ‘заставлять тонуть’ – периферийная, имплицитная. Отсюда вытекает вывод о том, что пересечение периферийных компонентов или ядерного и периферийного (как в данном случае) не закрывает омонимию. То же самое можно наблюдать в омопаре *колоть*¹⁻², где общая сема <ударять> в *колоть*¹ ‘наносить удар колющим оружием’ является ядерной, а в *колоть*² ‘раздроблять, рассекать, делить на куски’ отходит на периферию. Ср.: *худой*¹ ‘тощий’ и *худой*² ‘дырявый, ветхий’ – общая синкретичная сема пейоративной оценки <плохой> в данных значениях является периферийной и скрытой. Итак, в омопаре *секция*¹⁻² значения имеют только один общий элемент – абстрактную сему <деление>, в омопаре *колоть*¹⁻² общий компонент <ударять> в одном из значений является периферийным. *Топить*¹⁻² воспринимаются, несмотря на пересекающиеся семантические компоненты, как омонимы потому, что одна общая сема – <каузировать> – является категориальной, абстрактной, другая общая сема – <жидкое> – в одном из значений занимает периферийное положение. Ср.: в омопаре *союз*¹ ‘объединение, соглашение каких-либо организаций, государств для совместных целей’ и *союз*² ‘часть речи, служащая для связи словоформ и предложений, лингв.’ одна и та же общая элементарная сема <связь> в *союз*¹ одновременно является абстрактной и периферийной. В отличие от данных омопар общие компоненты в значениях многозначной лексики *шлем* – <защита>, <голова>, <воздействия>, <внешние> – являются дифференциальными, ядерными.

Таким образом, омонимия при наличии общей семантической части возможна тогда, когда пересекаются только абстрактные элементы смысла или структурно не существенные, периферийные (в обоих значениях или в одном из них). В этом заключается принципиальная разница между общей семантической частью у омонимов и общей семантической частью у семем многозначного слова. Принципиально различный характер общей части омонимичных значений и значений полисеманта означает, что возможность обнаружения перекрещивающихся сем не только при многозначности, но и при омонимии не может быть препятствием использования компонентного критерия при раз-

граничении этих явлений и разных стадий омонимизации, Поэтому мы считаем принципиально важным подчеркнуть, что сопоставление компонентного состава семем при установлении характера их неоднозначности (омонимия / полисемия) должен включать в себя определение «иерархического статуса» [9] общих сем, их структурно-семантической значимости. Сопоставление компонентного состава семантических омонимов позволит сделать выводы о стадии их омонимизации и соответственно о степени омонимичности.

Таким образом, в зону омонимии попадут единицы, которые:

1) не имеют общих сем ни на одном уровне семантической иерархии, например, *икра*¹ ‘часть ноги человека, представляющая собой округлую мышцу на голени’ – *икра*² ‘семенное вещество в виде зёрен, яичек, откладывается рыбами и водными животными’; *флюс*¹ ‘гнойное воспаление десны или надкостницы, сопровождаемое опухолью десны, мед.’ – *флюс*² ‘вещество, добавляемое в шихту для очищения руды от имеющихся примесей, спец.’;

2) имеют общие семы, но только: а) на абстрактном уровне *секция*^{1,2}, *ладья*^{1,2}; б) в одном из значений или в обоих общие семы являются периферийными, конструктивно не существенными *колоть*^{1,2}, *худой*^{1,2}; в) общие семы являются абстрактными и периферийными одновременно *топить*^{1,2}, *союз*^{1,2}.

Переходную зону займут единицы, которые имеют общие дифференциальные или общие коннотативные семы. Например, в омопаре *лист*¹ ‘орган воздушного питания и газообмена растений в виде тонкой, обычно зеленой пластинки’ – *лист*² ‘тонкий плоский кусок, пласт какого-нибудь материала’ значения имеют общие ядерные дифференциальные семы <тонкий>, <плоский>; в значениях омопары *скобка*¹ ‘изогнутая полукругом или под углом металлическая полоса, вбиваемая во что-либо, служащая для скрепления чего-либо’ – *скобка*² ‘один из парных письменных, печатных знаков в виде прямой, закруглённой, фигурной, изогнутой под углом сверху и снизу черты, служащий для обособления части текста’ общая семантическая часть <полоса, черта>, <изогнутая полукругом>, <изогнутая под углом>. В подобных метафорических омопарах признак переноса эксплицирован и прозрачен, входит в денотативную часть сопоставляемых семем.

В метафорических ассоциативных по происхождению парах общими для значений являются коннотативные образные семы. Так, в семантической паре *кисть*¹ ‘укреплённый в рукоятке пучок ровных щетинок, волосков для нанесения на поверхность краски, клея, лака’ и *кисть*² ‘часть руки от запястья до конца пальцев’ общими являются образные семы <пальцы как щетинки>, <рука как рукоятка>, <плавное, гибкое движение щетинок, кисти руки>; в омопаре *таз*¹ ‘широкий и неглубокий круглый или овальный сосуд’ и *таз*² ‘часть скелета, костный пояс в нижней части туловища человека (у животных в задней части)’ общие семы – <широкая округлая форма>, <ёмкость, углубление, чаша>. Общие семы в таких семантических парах выявляются в ходе психолингвистического опроса, поскольку в них признак переноса, основанный на чувственно-наглядном образе, как было отмечено выше, не отражён в понятийно-денотативной части значения, а содержится в его коннотативно-образной части, поэтому его нельзя выявить в ходе компонентного анализа. Именно здесь языковая компетенция среднего носителя языка приобретает особо важное значение, потому что, основываясь на ней, можно сделать вывод о том, насколько очевиден ассоциативный признак переноса в том или ином случае.

Степень омонимичности в переходной зоне будет зависеть от степени очевидности пересекающихся признаков. Омонимичность тем слабее, чем больше общих дифференциальных признаков, чем ярче коннотации, чем сильнее степень очевидности общих компонентов. Так, например, значения в семантических парах *лист* (дерева) – *лист* (бумаги), *скобка* (металлическая) – *скобка* ‘графический знак’, *кисть* (руки) – *кисть* (для рисования), *таз* ‘сосуд’ – *таз* ‘часть скелета’ отличаются от значений пары *шлем* ‘старинный головной убор’ – *шлем* ‘специальное устройство для защиты головы от внешней среды’ тем, что связь между значениями в первых четырёх парах очевидна далеко не всем. В ходе опроса, проведённого нами, в паре *лист*¹⁻² её не увидели 36 % информантов, в паре *скобка*¹⁻² – 26 %, в паре *кисть*¹⁻² – 50 %, в паре *таз*¹⁻² – 34 %, поэтому их следует отнести к переходной зоне (ср.: в сильных с точки зрения омонимичности парах *укра*¹⁻², *флюс*¹⁻², *секция*¹⁻², *ладья*¹⁻², *топить*¹⁻² связь между значениями не увидели 100 % информантов, в достаточно сильных омопарах – *колоть*¹⁻², *худой*¹⁻², *союз*¹⁻² – связь если и устанавливалась, то только исключительно по семантически нерелевантным и конструктивно несущественным семам – абстрактным и периферийным). В отличие от приведённых примеров значения *шлем* ‘головной убор’ и *шлем* ‘устройство для защиты головы’ относятся к полисемии, так как связь между ними очевидна 100 % информантов.

Особого уточнения требует термин “дифференциальные семы”. Так, Д.Н. Шмелёв допускает деление дифференциальных сем на парадигматически обусловленные и парадигматически не обусловленные [10]. Это следует иметь в виду при выполнении компонентного анализа.

Таким образом, методика выявления степени омонимичности семем с помощью компонентного анализа должна включать следующие три этапа: 1) определение интегральных и дифференциальных семантических признаков через лексико-семантические парадигмы; 2) сопоставление компонентного состава сравниваемых единиц с целью выявления в их семантической структуре наличия / отсутствия общих сем, определения при выявлении общих сем их иерархического статуса и семантической значимости; 3) выводы о степени процесса омонимизации сопоставляемых единиц и соответственно об их степени омонимичности. Там, где компонентный анализ обнаруживает свою недостаточность при разграничении омонимии и полисемии и разных стадий омонимизации, необходимо использовать другие методы лексико-семантического исследования, например, психолингвистический эксперимент.

Список литературы:

1. Кочерган М.П. Лексическая сочетаемость и лингвистический статус омонимии // Филологические науки. – 1981. – № 5. – С. 48.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М., 1974. – С. 70–73.
3. Никитин М.В. Лексическое значение слова. – М., 1983. – С. 29–30.
4. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М., 1973. – С. 155.
5. Апресян Ю.Д. Указ. соч. – С. 185.
6. Апресян Ю.Д. Там же.
7. Якубовская М.Д. Внутренние причины расщепления семантического тождества слова // Филологические науки. – 1977. – № 3. – С. 54.
8. Апресян Ю.Д. Указ. соч. – С. 185.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – С.

437.

10. Шмелёв Д.Н. Указ. соч. – М., 1973. – С. 150 – 155.

M. Batakova

COMPONENT CRITERION IN DISTINGUISHING SEMANTIC HOMONYMY
AND POLYSEMY

Abstract: This article is devoted to the problem of component criterion in distinguishing semantic homonymy and polysemy. There are given some proves that the opportunity of discovering the crossing semes not only in case of polysemy, but also concerning homonymy cannot be regarded as the obstacle to the use of component criterion to distinguish these phenomena. Especially if we take into consideration the hierarchical character of semes.

Key words: Semantic homonymy, polysemy, crossing sevenfold.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА РОДИНА В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ДЛЯ 6 КЛАССА*

Аннотация: В статье анализируется понятийная составляющая концепта РОДИНА в русском национальном сознании и её реализация в текстах учебников по литературе для 6 класса. В структуре понятийного компонента исследуемого концепта выделяются дистинктивный, а также такие эссенциальные признаки, как «любовь к родине», «красота родины», «преданность родине», «защита родины», «деятельность на благо родины».

Ключевые слова: понятийный компонент, концепт, дистинктивный и эссенциальные признаки.

Выделение лингвоконцептологии – очередной шаг в развитии антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания. Концепт – «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [1: 48]. Этнокультурная маркированность является ключевым признаком концепта.

Учёные по-разному рассматривают представленность концептов в языке, имеют место споры о количестве концептов, по-разному трактуются понятия «концептосфера», «национальная картина мира», «обыденноязыковая картина мира» и т.д. Однако общим остаётся признание того, что концепты являются семантическими образованиями, ключевыми для понимания национального менталитета. Д.С. Лихачёв считает, что концептосфера языка как совокупность всех концептов формирует «наивную картину мира» носителей определённого языкового коллектива [2]. Ю.С. Степанов полагает, что совокупность этноспецифичных концептов представляет собой концептуальную область в семантическом пространстве языка [3]. В любом случае концепт отражает специфичность языкового сознания определённого языкового социума.

Концепт РОДИНА представляет собой многомерное ментальное образование, имеющее непосредственное отношение не только к политике, но и к этике. Как этическая категория родина регулирует отношение человека к месту рождения и проживания, родителям и детям, предкам и потомкам, государству и народу. Родина занимает важное место в мировоззрении человека, являясь безусловной жизненной ценностью.

Являясь ментальным образованием, концепт РОДИНА включает в себя как аксиологическую оценку, так и эмоциональную, проявляющуюся в форме радости, гордости, благодарности либо разочарованности и т.д. Человек соотносит себя с родиной, пытается выстроить отношения с ней, в результате получая набор некоторых эмоций. Таким образом, фрейм или когнитивный контекст, который активизирует концепт РОДИНА, состоит из субъекта, объекта и ситуации оценки объекта субъектом. Отметим, что в данной ситуации субъект не способен изменить объект, ему остаётся лишь принять его как данность, а далее полюбить, отвергнуть, остаться эмоционально нейтральным, то

* © Гимаев Я.А.

есть действовать, изменять себя, соотнося свои действия с объектом. Именно поэтому существуют такие понятия как «любовь к родине», «защита родины», «возвращение на родину» и т.д.

Вслед за В.И. Карасиком [4: 39] в структуре концепта стало принято выделять понятийный, образный, ценностный и значимостный компоненты. Понятийная составляющая концепта представляет собой иерархию его семантических признаков. Родо-видовые, дистинктивные признаки образуют предметную область концепта или его ядро, далее, на периферии, находятся существенные, эссенциальные признаки.

Ядро концепта РОДИНА выявляем, обратившись к статьям толковых и этимологических словарей, посвящённых одноимённому понятию. Слово *родина* по корню общеславянское. В украинском языке *родина* – «семья», в белорусском *rodzina* – то же, в сербохорватском *родина* – «обилие плодов», в словенском *rodina* – то же, в чешском, словацком *rodina* – «семья», в польском *rodzina* – то же. Близкое значение к русскому значению слова имеет болгарское *родина* – «родина, место рождения» [5: 491]. Слово *родина* образовано при помощи суффикса *-ин-а* (как *вотчина*) от существительного *родъ* в значении «то, что принадлежит роду, что связано с рождением» > «место рождения» > «отчизна» [6: 358]. Современные значения слова *родина* – 1) «отечество, родная страна» (Любовь к родине. Защита родины) и 2) «место рождения, происхождения кого-чего-нибудь, возникновения чего-нибудь» (Москва – его родина. Индия – родина шахмат) [7: 681]. Как видно, первое значение связано с понятием государства. В толковом же словаре В. Даля первое значение слова связано с местом рождения человека: «Родина – родная земля, чьё место рождения; в обширном значении – земля, государство, где кто родился; в тесном – город, деревня» [8: 11].

Эссенциальные признаки концепта РОДИНА определяются путём «перебора существующих в соответствующей культурной парадигме значений и смыслов» [1]. Так называемая культурная парадигма формируется под влиянием множества культурных и исторических факторов. В силу традиции она изменяется медленно. На наш взгляд, в свёрнутом, концентрированном виде её легче всего увидеть в текстах учебно-педагогического дискурса. Конечно, важнейшую роль в них играет воспитательный фактор, что не позволяет говорить о полной, всесторонней реализации концепта в учебниках. Однако нам представляется, ключевые существенные признаки концепта РОДИНА там реализованы достаточно ярко.

Материалом для исследования эссенциальных признаков концепта РОДИНА послужили тексты школьных учебников по литературе для 6 класса. В них представлены как учебные тексты, так и тексты произведений художественной литературы. Такое совмещение интересно с лингвоконцептологической точки зрения, так как представляет собой синтез художественной и обыденной реализаций концепта в синхронном аспекте. В диахронном аспекте – это синтез современных реализаций концепта и реализаций ушедших эпох (в учебниках в основном представлены произведения XIX века).

Как показывает исследование учебных текстов и художественных произведений, все реализации концепта свидетельствуют о существовании пяти эссенциальных признаков исследуемого ментального образования: любовь к родине, красота родины, преданность родине, защита родины, деятельность на благо родины.

Любовь к родине

В основе понимания родины лежит антиномия «свой-чужой». Определённая территория является родиной в силу того, что кто-то её считает таковой. Человек принадлежит какой-то родине, и любовь к ней свойственна ему как нравственный идеал:

Главная черта характера узника – его любовь к родине, «бездоказательная, стихийная, как любовь к матери» [3, Ч. 2, 26].

Произведения нашей древности отмечены высокой гражданственностью, искренней любовью к Родине [1, Ч. 1, 19].

... Да и облик Евпатия Коловрата напоминает богатырей героического эпоса. Роднит его с этими богатырями и беззаветная любовь к Родине, и ратное мастерство (статья «Повесть о Евпатии Коловрате») [3, Ч. 1, 176].

Любовь к родине означает любовь ко всему, что связано с ней: к природе, родным людям, родному дому:

Некрасов беззаветно любил “родную сторону” – русские просторы, русскую природу, деревенскую жизнь, неторопливые разговоры с мужиками, охоту [2, Ч. 1, 12].

*...С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь (Н. Рубцов «Тихая моя родина») [4, Ч. 2, 162].*

*Мне всё вокруг отрадно, мне вкус воды знаком,
Люблю душой и телом я всё в краю моём. (Г. Тукай «Родная деревня») [1, Ч. 2, 196].*

Даже если человек осознаёт, что не всё благополучно на его родине, что она некрасива, бедна, даже убога, он не перестаёт любить свой родной край:

«Смятенный вид родного края» болью отзывался в сердце поэта, но не приводил в смятение. Н. Рубцов знал: «звезда полей горит, не угасая», и над его родиной эта звезда не погаснет [4, Ч. 2, 160].

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои
...Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл (Н. Рубцов «Тихая моя родина») [4, Ч. 2, 162].*

Коннотативный и ассоциативный планы текстов показывают, что родина воспринимается как жертва каких-либо обстоятельств, безмолвное, но живое существо, поэтому её жалеют.

Зачастую любовь к родине осознаётся в ситуации расставания с ней:

Совсем небольшой рассказ «Муравский шлях» написан И.А. Бунинным в эмиграции, когда писатель мучительно переживал расставание с родиной. Вдали от России тема родины станет главной темой его творчества, а любовь к ней определит его авторскую позицию в отношении к её облику, истории, людям [2, Ч. 1, 33].

*Но где бы стезя ни бежала,
Нам русская снилась земля.*

*Изгнание, где твоё жало,
Чужбина, где сила твоя?
...Нам дом на чужбине случайной,
Где мирен изгнанника сон,
Как ветром, как морем, как тайной
Россией всегда окружён* (В. Набоков «Родина») [2, Ч.4, 92].

Очевидно, что родина противопоставляется чужбине, о которой говорится с отрицательной либо нейтральной коннотацией:

*Хорошо известны пословицы о Родине: «С родной земли – умри, не сходи»,
Своя земля и в горсти мила», «Родимая сторона – мать, а чужая – мачеха»,
«На чужой стороне и весна не красна»* [1, Ч. 1, 12-13].

*И вдруг, взмахнувши кулаком,
«Не царь я больше вам отныне! –
Воскликнул. – Смерть в краю родном
Милей, чем слава на чужбине!»... (А.Н. Майков «Емшан») [2,
Ч. 4, 154].*

Таким образом, любовь к родине как к своей родной земле, месту рождения является одним из главных этических ориентиров в жизни человека. Любовь к родине – это и интимные чувства ко всему, что с ней связано: родной природе, родному дому, конкретным предметам.

Как показывает исследование учебных текстов и художественного материала, комментируемого в них, любовь к родине не зависит от времени и пространства. Где бы человек ни находился, сколько бы времени ни прошло с момента расставания с родной землёй, любовь к родине остаётся с ним. На чужбине человек не может быть счастлив, потому что вдали от родной земли он испытывает тоску.

Красота родины

Красота родины, как отражается это в содержании художественных текстов, – это в первую очередь красота родной природы. Она не может не вызывать положительных эмоций, о чем свидетельствует употребление оценочно-эмоциональных единиц: слов и словосочетаний с положительной коннотацией, тропов, актуализирующих позитивные эмоции:

*Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первые уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?* (В.А. Жуковский) [2, Ч. 4, 61].

...Я хотел, чтобы вы увидели, какая она простая и прекрасная, наша земля. Наша родина... [6, Ч. 2, 69].

Представляется, что красота родины – результат субъективного восприятия человека, побывавшего в разных краях. Коннотативный и ассоциативный планы текстов демонстрируют, что даже обычные состояния природы для человека, любящего родину, требуют запечатления их красивыми.

Преданность родине

Одним из существенных признаков понятийной компоненты концепта

РОДИНА является преданность родине. Семантически этот эссенциальный признак близок любви к родине, в какой-то степени является очевидным продолжением, развитием первого признака:

– Об этом, – говорит, – спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные... (Из разговора Левши с англичанами. Н. Лесков «Левша») [1, Ч. 1, 279].

Преданность родине подразумевает тягу к ней, возвращение в родные места. Ничто не может остановить человека, стремящегося на родину:

*...Я цель одно –
Пройти в родимую страну –
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог (М.Ю. Лермонтов «Мцыри») [2, Ч. 4, 177].*

Вдали от родины человеку свойственна тоска по родным местам:

Они [мусульмане] приняли нас дружески, и мы около десяти лет жили с ними, не имели ни в чём недостатка, но беспрестанно горевали о своём отечестве... (Н.М. Карамзин «Наталья, боярская дочь») [3, Ч. 1, 260].

*...Томим неясною тоской
По стороне своей родной... (М.Ю. Лермонтов «Мцыри») [2, Ч. 4, 165].*

Преданность родине противопоставляется измене. Зачастую преданный родине человек жертвует материальными благами, свободой, здоровьем и даже жизнью:

На предложение немцев купить свободу ценой измены родине я отвечал гордым отказом (В.Я. Брюсов «В башне. Записанный сон») [3, Ч. 2, 21].

Увидев чужбину и возвратившись на родину, человек уже не хочет покидать её никогда:

При всех сложностях жизни Грин писал: "... никогда, ни при каких условиях я не оставлю, не покину моей родной земли, которую люблю верно и сильно". Что в его произведениях подтверждает эту мысль? [1, Ч. 2, 6].

Таким образом, эссенциальный признак преданности родине проявляется как развитие любви к родине: человек осознаёт высшую ценность родной земли. Сравнивая её с чужой землёй, он отдаёт предпочтение родине, тоскует в случае расставания с ней. Он жертвует менее важными ценностями, чтобы не стать предателем, остаться верным своей земле, быть честным перед собой.

Защита родины

Данный эссенциальный признак рассматриваемого нами концепта непосредственно связан с признаком преданности родине. В ситуации борьбы за территорию человек, преданный своей родине, идёт её защищать.

Защита родины во многом связана с политикой государства и искусственно создаваемым политическим дискурсом, однако её суть апеллирует к её истокам, когда человек защищал свою родину как место своего обитания, которое даёт ему пропитание.

Они [войны] названы отечественными потому, что и в 1812 году, и в году 1941-м весь народ встал на защиту своей Родины: воевала не только армия, были созданы партизанские отряды, в войне участвовали ополченцы, старики, женщины, дети [4, Ч. 2,].

Не щадя своей жизни, богатыри сражаются за родную землю и спасают

её от вражеских нашествий. Враги обычно хорошо вооружены, сильны, но всё равно всегда бывают биты, потому что главное превосходство богатырей не в физической силе, а в убеждении, что они сражаются за правое дело, за свою Родину [6, Ч. 1, 202].

...Что тут хитрить, пожалуй, к бою;

Уж мы пойдём ломить стеною,

Уж стоим мы головою

За родину свою! (М.Ю. Лермонтов «Бородино») [6, Ч. 1, 144].

Защита родины от врагов является долгом человека, живущего на родной земле:

Поэт [А.К. Толстой] создаёт образ “обиженного богатыря”, не чуждого простых человеческих слабостей, но даже обида не способна заставить воина изменить своему долгу, не перед князем, а перед родиной (статья «Литературная баллада») [2, Ч. 4, 138].

В ситуации защиты родины человек жертвует своими личными интересами. Если же он не в силах от них отказаться, его считают предателем и презирают:

Прямая авторская оценка поступка героя здесь подчёркивает, что страсть Андрия стала разрушительной, расторгла кровные, товарищеские узы, привела к отступничеству от Отечества и веры (статья «Тарас Бульба») [3, Ч. 2, 10].

Таким образом, защита родины представляет собой один из существенных признаков понятийной компоненты концепта РОДИНА. Он связан с такими эссенциальными признаками, как преданность родине и любовь к родине. Защита родины считается долгом, она имеет приоритет над стремлением к личному благополучию.

Деятельность на благо родины

Деятельность на благо родины представляется менее значимым признаком, чем, например, любовь к родине или преданность родине. Очевидно меньшее количество речевых примеров, которые можно отнести к данному эссенциальному признаку.

Деятельность на благо родины почитается, но редко встречается наименования конкретных действий, которые помогают родине:

Немецких профессоров поразила неутомимая жажда знаний у русских студентов, готовность принести всё в жертву истине, жажда деятельности на благо родины. статья («Иван Сергеевич Тургенев. По Н. Богословскому») [1, Ч. 1, 169].

Пока надеждою горим,

Пока сердца для чести живы,

Мой друг, отчизне посвятим

Души прекрасные порывы (А.С. Пушкин) [6, Ч. 2, 4].

Вполне закономерно, что школьные учебники по литературе актуализируют только «положительные», политкорректные признаки концепта РОДИНА, хотя в массовом сознании должны быть и прямо противоположные. Однако думается, что представленные в учебниках речевые высказывания – результат активного существования в сознании языкового коллектива соответствующих компонентов и признаков концепта изучаемого концепта.

Итак, понятийная составляющая концепта РОДИНА состоит из ядра и

ряда эссенциальных признаков, актуализирующихся в речи в виде эмоциональных высказываний.

Список литературы:

1. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 47-58.
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. 1993. – Т. 52, №1. – С. 3-9.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.
4. Карасик В.И. Оценочные доминанты в языковой картине мира // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. – Белгород, 1999. – С. 39-40.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В IV т. – М., 1971. – Т. III.
6. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – Киев, 1989. – С. 358.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М., 1999.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1998. – Т. 4.

Источники материала

1. Литература. 6 кл. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. / [авт.-сост. В.П. Полухина и др.]; под ред. В.Я. Коровиной. – 15-е изд. – М.: Просвещение, 2008. – 318 с., 319 с.
2. Литература. 6 класс: Учебник-хрестоматия: В 2 ч. / Авт.-сост. О.Н. Зайцева и др.; Под ред. Н.А. Нефедовой, М.Б. Ладыгина. – М.: ЦГО, 2002. – 287 с., 352 с., 255 с., 287 с.
3. Литература. 6 кл.: Учеб.-хрестоматия для шк. и классов с углубл. изуч. лит., гимназий и лицеев. В 2 ч./Авт.-сост. О.Н. Зайцева, М.Б. Ладыгин, Н.А. Нефедова, Т.Г. Тренина. – 9-е изд., доп. – М.: Дрофа, 2008. – 315 с., 284 с.
4. Литература. 6 класс: Учебник-хрестоматия для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. / Авт.-сост. Г.С. Меркин. – 4-е изд. – М.: ООО «ТИД – Русское слово – РС», 2006. – 312 с., 272 с.
5. Литература. 6 кл. В 2 ч.: учеб.-хрестоматия для общеобразоват. учреждений / авт.-сост. Т.Ф. Курдюмова. – 10-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2008. – 271 с., 239 с.
6. В мире литературы. 6 кл. В 2 ч.: учеб.-хрестоматия для общеобразоват. учреждений / авт.-сост. А. Г. Кутузов, В.В. Леденева, Е.С. Романичева, А.К. Кутузов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2007. – 316 с., 262 с.

Y. Gimaev

REALIZATION OF THE CONCEPT «MOTHERLAND» IN LITERATURE TEXTBOOKS FOR 6 GRADES

Abstract: The notional component of the concept «Motherland» in Russian national consciousness and its realization in literature textbooks for 6 grades are analyzed in the article. Distinctive and such essential attributes as «love to the Motherland», «beauty of the Motherland», «fidelity to the Motherland», «protection of the Motherland», «activity for the blessing of the Motherland» are allocated in the structure of the notional component investigated.

Key words: Conceptual component, concept, discit and essential signs.

УСЛОВИЯ УСПЕШНОСТИ КОМИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ*

Аннотация: Автор выделяет следующие типы речевых действий: афоризмы (нетенденциозные остроты), агрессивные остроты, скабрёзные остроты (сальности), скептические остроты, шутки, юмор, наивное. Сформулированы условия успешности их осуществления. Выработан принцип типологии комических речевых действий. Это экономия говорящим каких-то психических затрат или интеллектуальных усилий.

Ключевые слова: речевые действия, острота, типология, успешность комических речевых действий.

Изучение комических речевых действий не было объектом специального лингвистического исследования. В данной статье в основу типологии комических речевых действий будут положены различия в условиях их успешности. Формулируя предварительные условия и условия искренности комических речевых действий, отражающие психологическое состояние говорящего, мы опирались, прежде всего, на работы психологов. Комические речевые действия вызывают смех у аудитории, но причина смеха у каждого из них особая. Эти причины уходят своими корнями в экономию каких-то мыслительных усилий или психологических затрат. Наилучшим образом данные психологические затраты и эмоциональные усилия были дифференцированы З. Фрейдом.

З. Фрейд в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» разработал наиболее стройную классификацию комического: он выделил остроту, шутку, наивное, юмор. Эти речевые действия будут освещены в данной статье.

Остроты З. Фрейд классифицировал на нетенденциозные и тенденциозные. Среди тенденциозных острот он выделил скабрёзные, агрессивные, циничные и скептические остроты.

Нетенденциозные («безобидные» [1]) остроты выражают знания о мире. Они не ставят цели высмеять, поставить под сомнение, не содержат намека, а лишь выражают утверждение достоверности знания о мире.

Чем ближе к небу, тем холоднее (А. Дельвиг) [2].

Как тип речевого действия нетенденциозные остроты относятся к ассертивам. Фактически этот вид острот является афоризмами [3].

Условия успешности нетенденциозных острот

Предварительные условия

1. Говорящий формулирует информацию о положении дел.
2. «Для говорящего очевидно, что если он не сформулирует информацию, он не будет ею обладать / будет обладать 'некачественной' информацией» [4].

Условия искренности

1. «Говорящий убежден, что та часть информации, которую он не маркирует как сомнительную/предположительную/неизвестную, является истинной, соответствует положению дел в мире» [5].

* © Лебедева Е.В.

2. «Сознавая коммуникативную неполноценность своего сообщения, говорящий производит его, потому что считает, что его сообщение облегчит поиск более точной информации/ источник более точной информации отсутствует вообще/ более полная информация для него и слушающего в данном случае необязательна» [6].

Условие пропозиционального содержания

«Говорящий предиктирует верифицируемую пропозицию/пропозицию знания, которая может быть объектом верификации» [7].

Существенное условие

Говорящий берет на себя ответственность за истинность суждения.

Тенденциозные остроты в отличие от нетенденциозных острот не безобидны. Они направлены на реализацию потребности скрыть или обнажить враждебное настроение по отношению к объекту остроты. Для успешности острот данного вида необходимо три лица: говорящий, объект остроты и слушающий. Главной целью остроумия для говорящего является получение удовольствия.

Скабрезная острота (сальность) – острота, в которой намеренно подчеркиваются сексуальные обстоятельства и отношения. «Это как бы обнажение того человека противоположного пола, против которого она направлена» [8]. Удовольствие от скабрезной остроты возникает за счет рассмотрения сексуальной стороны в обнаженном виде. Острота этого вида преодолевает задержку стыда и благопристойности.

— Тебе сколько лет?

— Шестнадцать.

— А не дашь!

— Почему? Дам! [9].

Как тип речевого действия скабрезные остроты относятся к актам эмоционального воздействия, поскольку они оказывают влияние на социальное самочувствие и ценностные ориентации адресата [см.: 10].

Условия успешности скабрезных острот

Предварительные условия

1. Говорящий хочет воздействовать на эмоциональную сферу адресата, так как исполнение адресатом его межличностных ролей раздражает говорящего.

2. Говорящий прибегает к эмоциональному воздействию, так как не может требовать от адресата реализации своих сексуальных потребностей.

3. Поведение, которое говорящий провоцирует у слушающего, соответствует его интересам или интересам говорящего и адресата одновременно.

4. «Для говорящего очевидно, что, для того чтобы воздействовать на эмоциональную сферу слушающего, ему необходимо произвести акт эмоционального воздействия» [11].

Условие искренности

«Говорящий хочет воздействовать на эмоциональную сферу слушающего» [12].

Условие пропозиционального содержания

Говорящий дает понять слушающему, что имеет в отношении него сексуальные намерения.

Существенное условие

Говорящий пытается склонить слушающего к удовлетворению своих сек-

суальных намерений.

Агрессивная острота позволяет ответить обидчику не прямо, а лишь намеком. С помощью этого вида остроот можно ответить лицам, вышестоящим или претендующим на авторитет, поскольку не всегда им можно прямо высказать свое мнение о них [см.:13]. Говорящий, произнеся агрессивную остроту, испытывает катарсис.

— *Прошу вас без церемоний; не угодно ли вам сесть?*

— *Я все сидел, — пробормотал кандидат, истинно сам не зная, что говорил.*

— *Не стоя же ехать в кибитке! — сострил генерал [14].*

Вышестоящее лицо также может обратиться к нижестоящему лицу с агрессивной остротой. Из вежливости вышестоящее лицо при этом делает вид, что социальный статус собеседника выше, чем его собственный. Как тип речевого действия агрессивные острооты относятся к актам эмоционального воздействия (см. выше).

Условия успешности агрессивных остроот

Предварительные условия

1. «Говорящий хочет воздействовать на эмоциональную сферу слушающего, поскольку исполнение последним своих социальных и межличностных ролей затрагивает ‘личную сферу’ говорящего» [15].

2. Говорящий прибегает к эмоциональному воздействию, так как не может потребовать от адресата исполнения удобных для себя социальных ролей, поскольку адресат является вышестоящим лицом.

3. Для говорящего очевидно, что речевой акт эмоционального воздействия необходим для воздействия на эмоциональную сферу слушающего [см.:16].

Условие искренности

«Говорящий хочет воздействовать на эмоциональную сферу слушающего» [17].

Условие пропозиционального содержания

Высказывание может включать «констатацию положения дел, побудившего говорящего к эмоциональному воздействию на слушающего» [18].

Существенное условие

«Говорящий пытается воздействовать на эмоциональную сферу слушающего» [19].

Циничные острооты направлены на разоблачение социальных институтов: института семьи, политики, медицины, образования, религии, — а также на представителей этих социальных институтов. Циничные острооты колеблют устоявшиеся авторитеты [20].

— <...> *Вопрос вот какой: что сказал Адам, когда Бог вынул у него ребро и сотворил Еву? Что сказал при этом Адам? <...> — Не смешно, — сказала Несмеяна. — Тупо. Плоско. — Самодеятельность какая-то, — сказали и другие. — Идиотизм. Что он сказал? “Сам сотворил, сам и живи с ней”?*

Старичок угодливо засмеялся и выстрелил пальчиком в молодого человека, который так сострил [21].

Как тип речевого действия этот вид остроот относится к эмотивно-оценочным актам [22].

Условия успешности циничных остроот

Предварительные условия

1. Говорящий не осознает, что он придет к состоянию душевного равновесия, не совершив речевой акт выражения эмотивно-оценочного отношения к какому-либо явлению.

2. Говорящий испытывает состояние душевной неуравновешенности и стремится избавиться от него, поскольку реальная картина мира не соответствует сложившемуся в его представлении (сознании) идеалу [см.:23].

Условие искренности

Говорящий стремится к состоянию душевного равновесия, критикуя отклоняющееся от идеала явление.

Условие пропозиционального содержания

«Пропозициональное содержание отсутствует, высказывание состоит из одной иллокутивной силы/Пропозициональное содержание представляет собой наименование/дескрипцию объекта эмотивно-оценочного отношения» [24].

Существенное условие

«Говорящий выражает эмотивно-оценочное отношение к положению дел» [25].

Условие искренности является наиболее интенсивным.

Скептические остроты ставят под сомнение надежность человеческого познания [см.:26].

— *Пуще всего лишнего не сказывай, стой на одном и шабаш.*

— *Да уж одно бы что, хуже не будет, — сказала Маслова, потрянув головой.*

— *Известно одно, а не два, — сказал старший надзиратель с начальственной уверенностью в собственном остроумии. — За мной, марш!* [27].

Как тип речевого действия скептические остроты относятся к ассертивам [28].

Условия успешности скептических острот

Предварительное условие

1. «Говорящему необходима информация о положении дел, он пытается ее получить путем ее формулирования» [28].

2. Говорящему необходимо соотносить свою информированность с информированностью слушающего, третьих лиц [29].

3. «Говорящему необходимо четко фиксировать для себя/для слушающего степень истинности своей информации» [30]. «Безошибочная трактовка положения дел нужна говорящему, чтобы достичь цели в удовлетворении своих потребностей» [31].

4. Для говорящего очевидно, что, если он не сформулирует информацию, в мире не будет полного знания истины.

Условие искренности

«Говорящий убежден, что та часть информации, которую он не маркирует как сомнительную/неизвестную/предположительную, является истинной, соответствует положению дел в мире» [32].

Условие пропозиционального содержания

«Говорящий преддицирует верифицируемую пропозицию/пропозицию знания, которая не может быть объектом верификации» [33].

Существенное условие

«Говорящий принимает на себя ответственность за истинность выражае-

мого суждения, за истинность сообщения о некотором положении дел» [34].

«Тенденциозные остроты дифференцируются и по ‘задержкам’ в мыслительной деятельности – упразднениям соблюдения некоторых правил, запретов, табу. Агрессивная острота – задержка ругани. Скабрешная острота преодолевает задержки стыда и благопристойности. Циничная острота колеблет уважение к социальным институтам, которые подавляли своим авторитетом слушающего, и скептическая – к истинам, в которые он верил» [35].

Шутка от остроты отличается тем, «что в ней смысл ускользнувшей от критики фразы не должен быть ценным, новым или просто удачным» [36]. Удовольствие от шутки состоит в том, что говорящий осуществляет то, что запрещено правилами рационального логического мышления. Механизм шутки – эксплуатация нелепости. Для успешности шутки необходимо как минимум два лица: говорящий и слушающий.

— *Тим, а Тим!* — сказал берейтер.

— *Чего?* — рассеянно отвечал старик.

— *Тим! Ступай молотить.*

— *Э, дурак, тьфу!* — сердито плюнув, сказал старик.

Прошло несколько времени молчаливого движения, и повторилась опять та же шутка [37].

Как тип речевого действия шутка относится к эмоциям [38].

Условия успешности шутки

Предварительные условия

1. Говорящий испытывает чувство душевной неуравновешенности и стремится избавиться от него, произнося нечто абсурдное.

2. Говорящий полагает, что адресат (аудитория) знает, что его высказывание абсурдно [см.:39].

3. Говорящий уверен, что слушающий настроен на веселое настроение.

Условие искренности

1. Говорящий хочет избавиться от душевной неуравновешенности.

2. Говорящий хочет, чтобы адресат смеялся.

Условие пропозиционального содержания

Говорящий произносит абсурдную фразу.

Существенное условие

Говорящий хочет развлечься абсурдностью своей фразы или чтобы абсурдность его слов заставила аудиторию смеяться [см.:40].

Еще раз отметим, что удовольствие от шутки состоит в том, что говорящий осуществляет то, что запрещено правилами рационального логического мышления.

Юмор в трактовке З. Фрейда может быть осмыслен как высшая защитная функция, направляющая энергию неудовольствия на получение удовольствия. Говорящий отменяет сострадание, сочувствие слушающего – слушающий смеется. Как тип речевого действия юмор относится к эмоциям (см. выше) [41].

Особенностью наивного является то, что говорящий не понимает того, что его слова вызывают смех. Для успешности этого речевого действия слушающий обязателен. Как тип речевого действия наивное относится к ассертивам (см. выше) [42].

До сих пор в лингвистике существовало убеждение, что комические речевые действия относятся к экспрессивам или актам эмоционального воздей-

тивия. Мы доказали, что нетенденциозная острота является ассертивом, скабрезная острота – речевым актом эмоционального воздействия, агрессивная острота – речевым актом эмоционального воздействия, циничная острота – эмотивно-оценочным речевым актом, скептическая острота – ассертивом, шутка – эмотивом, юмор – эмотивом, наивное – ассертивом. Для этих речевых действий сформулированы условия успешности: предварительные условия, условия искренности, условия пропозиционального содержания, существенные условия. Речевое действие комическое находится в стадии разработки.

Список литературы:

1. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – Минск, 2003. – С. 84.
2. Душенко К.В. Мысли, афоризмы и шутки знаменитых мужчин. – М., 2005. – С. 158.
3. Труфанова И.В. Место комического в типологии речевых актов// МГПУ – столичному образованию. – М., 2007.
4. Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. Монография. – М., 2000. – С. 34.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же. – С. 35.
8. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – Минск, 2003. – С. 91.
9. Раскин И. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. Опыт словаря с анекдотами, частушками, песнями, поэзией, плагиатом и некоторым псевдотворчеством самого автора. – М., 1994. – С. 165.
10. Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. Монография. – М., 2000. – С. 265-284.
11. Там же. – С. 271.
12. Там же.
13. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – Минск, 2003. – С. 98.
14. Герцен А.И. Кто виноват?: Роман; Повести. Рассказы. – М., 1997. – С. 27.
15. Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. Монография. – М., 2000. – С. 270.
16. Там же. – С. 271.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – Минск, 2003. – С. 98-109.
21. Шукшин В.М. До третьих петухов: Повести. Рассказы. – М., 1998. – С. 185.
22. Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. Монография. – М., 2000. – С. 240-265.
23. Там же. – С. 246.
24. Там же.
25. Там же.
26. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – Минск, 2003. – С. 109-110.
27. Толстой Л.Н. Воскресение // Собр. соч. в 12-ти т. – Т. X. – М., 1984. – С. 7.
28. Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. Монография. – М., 2000. – С. 32-143.
29. Там же. – С. 34.
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же. – С. 35.
34. Там же.
35. Труфанова И.В. Место комического в типологии речевых актов// МГПУ – столично-

---

му образованию. – М., 2007.

36. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – Минск, 2003. – С. 123.

37. Толстой Л.Н. Война и мир// Собр. соч. в 12-ти т. – Т. III. – М., 1984. – С. 363.

38. Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. Монография. – М., 2000. – С. 204-239.

39. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. –С. 200.

40. Там же.

41. Лебедева Е.В. Комические речевые действия: юмор, наивное, комическое// Восьмые Поливановские чтения. Сборник статей по материалам докладов и сообщений конференции. Ч. 3. – Смоленск, 2007. – С. 55-56.

42. Там же. – С. 57-58.

E. Lebedeva

CONDITION OF SUCCESS OF COMIC SPEECH ACTS

Abstract: The author allocates following types of speech actions: aphorisms (not tendentious witticisms), aggressive witticisms, obscene witticisms (greasiness), skeptical witticisms, jokes, humor, naive. Conditions of success of their realization are formulated there. The principle of typology of comic speech acts is developed in the article. It is economy of speaker any mental expenses or intellectual efforts.

Key words: Speech actions, sharpness, typology, success of comic speech actions.

ИСТОРИЯ ЛЕКСЕМЫ СУЩИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Аннотация: Статья посвящена истории лексемы *сущий*, которая входит в денотативный класс слов с доминантой *суть*. Выделены основные значения лексемы, ее употребление в языке как причастия старославянского происхождения, как прилагательного в современном русском языке и в форме субстантива. Выявлено значение лексемы *сущий*, которая сохранив свою первоначальную лексико-семантическую структуру, развивает дополнительные оттенки значений и пополняет состав языка новыми фразеологическими единицами.

Ключевые слова: лексема, денотативный класс, оттенки значений.

В словообразовательном гнезде с доминантой *суть* лексема *сущий* занимает особое место: она является ключевым словом для производства отдельных слов и глагольных форм в современном русском языке.

Лексема *сущий* по образованию соотносится с формой 3 лица множественного числа глагола *быть* – *суть* и суффиксом *-ущ-* – формообразующим аффиксом действительных причастий настоящего времени.

Первоначальное значение этой лексемы зафиксировано в Библейской энциклопедии, где оно обозначено как «одно из имен Божиих, выражающих самобытность, вечность и неизменяемость существа Божия» [1].

В старославянском языке теоним *сущий* представлял собой наименование Бога как существа, обладающего всеми, содержащего в себе всё. Как семантическая калька с церковнославянского *сый*, лексема *сущий* в древнерусском языке имела следующие значения: 1) 'отъ быть, темъ, что есть' и 2) 'точный, истинный, настоящій' [2].

Начиная с XVIII века, лексема *сущий* развивает значение 'имеющийся, существующий' *Другие сущие передо мной – скоты, Скажи, согласен ли со мною в этом ты?* Херасков.

В XIX веке в языке художественной литературы слово *сущий* раздвигает рамки стилистического использования. Его основной статус – это книжная речь, в которой слово становится ядерной, системообразующей единицей. *Теперь она спит, обняв Лизу, и голова ее, скатившись с подушки, лежит на плечике подруги, которая и перед нею кажется сущим ребенком.* Лесков. Некуда.

Однако в разговорных конструкциях слово *сущий* утрачивает высокую стилистическую окрашенность и вместе с тем развивает новые оттенки значения. Об этом замечает В.В. Виноградова:

«В «Станционном смотрителе» повествователь говорит: «Что такое станционный смотритель? *Сущий* мученик четырнадцатого класса». В рукописном тексте первоначально вместо *сущий* написано было: «истинный мученик». Слово *сущий* вносит более разговорную, но не общелитературную, а несколько терминологическую окраску, вполне соответствующую образу рассказчика повести «Станционный смотритель» — титулярного советника (т. е. мелкого чиновника). В «Борисе Годунове» наивный патриарх замечает чудовскому игумену по поводу замысла Григория стать царем на Москве: «Ведь это ересь,

* © Недельская Т.А.

отец игумен». — «Ересь, святой владыка, **сущая** ересь». Здесь слово *сущий* — принадлежность церковного языка [4]. В стихотворении «Памятник» слово *сущий*, употребленное как форма старославянского причастия имеет значение ‘существующий’: «И назовет меня всяк *сущий* в ней язык» — придает стилю торжественный, высокий характер.

Семантическое наполнение формы может изменяться и качественно, и количественно. При резком смысловом сдвиге некоторые формы отрываются от тех слов, с которыми они прежде были спаяны (ср., например, *дальний* и *дальнейший*). Конвергенция языковых единиц может выражаться в обособлении отдельных форм слов и последующем их превращении в слова (см. историю слова *сущий*, употребляемого ныне в немногих фразеологических сочетаниях: *сущая правда, сущее наказание, сущие пустяки*) [5].

Вторым значением лексемы *сущий*, выступающей в форме субстантива *сущее*, является значение ‘то, что имеет бытие, что существует’, при этом оно фиксируется с пометами *книжн., устар., филос. Бог есть сущий, то есть Ему принадлежит бытие, Он обладает бытием*. Вл. Соловьев.

Третьим значением является переносное значение, употребляющееся преимущественно в разговорной речи ‘истинный, подлинный, самый настоящий’. — *Неправда ли, г-н исправник? — Сущая правда, ваше превосходительство*. Пушкин. *Да как черна! да как страшна!... Чорт сущий!* Грибоедов.

Функционирование причастия *сущий* в переносном значении в художественном стиле и разговорной речи способствовало появлению в русском языке устойчивых словосочетаний: *сущая правда* (— *Вы можете мне не верить, — продолжал хладнокровным голосом Пегасов, — но я утверждаю, что я сказал сущую правду*. Тургенев); *сущее наказание* (*Главное, что в Лугу ездить — сущее наказание*. Зоценко); *сущая совесть* (*Призывать сочинителей наук и требовать, чтобы давали ответы по сущей совести*. Салтыков-Щедрин); *сущий ад* (*Но под навес крыльца уже нанесло целый сугроб, он споткнулся в нем и набрал целые рукава снега, дальше был сущий ад, белое несущееся бешенство*. Бунин); *сущие пустяки* (*Это, говорит, сущие пустяки*. Куприн); *сущая безделица* (*Мы было поспорили довольно крупно с Петром Андреичем. — За что так? За сущую безделицу: за песенку*. Пушкин); *сущие гроши* (*Он первый приходил в палату и последний уходил из нее, а иногда приходил заниматься даже по вечерам, так как за сущие гроши он исполнял срочную работу товарищей*. Куприн); *сущая ерунда* (*И по сей день Алек платил за квартиру сущую ерунду*. Улицкая).

Смещения и изменения в системе форм разных слов русского языка не престанно колеблют устойчивость его семантических границ и ведут к раздвоению или даже распаду тождества слова. Понятно, что распад слова на две самостоятельные лексические единицы обнаруживается лишь на фоне всей лексико-семантической системы языка, рассматриваемой в ее движении и в ее отношении к другим языковым системам. Так, В.В. Виноградов указывает на то, что «в древнерусском книжном языке — *быти, есмь, еси, суть, бы, буду, сущий, будучи* и другие беспредложные глагольные образования тех же корней были формами одного и того же слова. Система форм одного слова в пределах категории глагола и в сфере именных категорий — величина исторически изменчивая. Так, в современном русском языке *есть, суть, сущий, быть* (с формами будущего и прошедшего времени), архаический канцелярский союз

буде и частица *бы* являются разными словами. Единство смысловой структуры спрягаемого или склоняемого слова определяется всем строем языка на той или иной ступени его развития» [6].

Уже в XIX веке в качестве основного выступает значение 'истый, истинный, подлинный, настоящий' или 'весьма схожий, точный' [7], которое позже историки языка отнесут к третьему значению, переносному. *Это сущая истина. Кулаки сущие мошенники. Сущий, вылитый он, две капли воды. Сущее дело делай, а не пробавляйся пустяками.*

В языке художественной литературы и драматургии это значение, выделенное Далем, используется в качестве стилистического средства тогда, когда автор придает определению «настоящий» большую выразительность: *Ну, да они все, поляки, лысые, а вот насчет бабья – сущий кобель, прости господи.* Куприн.

Таким образом, в современном русском языке лексема *сущий*, сохраняя свою семантическую структуру, употребляется в настоящее время в книжной речи, а субстантивная форма *сущее* является устаревшей; субстантив *сущее* используется в качестве термина в философии в значении 'то, что имеет бытие, что существует'.

В истории русского языка лексема *сущий*, сохранив свою первоначальную лексико-семантическую структуру, развивает дополнительные оттенки значений и пополняет русский язык новыми лексическими фразеологическими единицами.

Список литературы:

1. Библийская энциклопедия. – М., 2005. – С. 544.
2. Старчевский. А.В. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию. – СПб., 1899. – С. 807.
3. Виноградов В.В. А.С. Пушкин — основоположник русского литературного языка // Известия АН СССР, ОЛЯ. – М.; Л., 1949. – Т. 8. – Вып. 3. – С. 192.
4. Виноградов В.В. Указ. соч. – С. 47.
5. Виноградов В.В. Указ. соч. – С. 193.
6. Виноградов В.В. Указ. соч. – С. 199.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1999. – Т. 4. Р-г. – 1999. – С. 368.

T. Nedelskaya

HISTOIRE DU LEXEME «ÑÓÙÈÈ» DANS LA LANGUE RUSSE

Dans cet article il s'agit de l'histoire du lexeme «ñóùèè» qui appartient au classe denotative des mots a la dominante «ñóòü». On marque des sens fondamentaux du lexeme, son usage dans la langue en tant que le participe d'origine vielle slave, l'adjectif russe moderne et le substantif. On montre l'acception du lexeme «ñóùèè» qui, tout en gardant sa structure lexico-semantique primordiale, developpe des nuances supplementaires de ses sens et enrichit la langue par de nouvelles unites phraseologiques.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПОЭМЕ Л. КЭРРОЛЛА «ОХОТА НА СНАРКА» КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ*

Аннотация: Л. Кэрролл в своих художественных произведениях стремился к пробуждению метаязыкового чутья у юных читателей. Дети мыслят не понятиями, а функциональными эквивалентами понятий: синкретами, комплексами и псевдопонятиями. Л. Кэрролл делает синкреты, комплексы, псевдопонятия объектами языковой игры. Этим он привлекает внимание детей к возможности мыслить неправильно и установлению разновидностей неправильностей мышления.

Ключевые слова: языковая игра, лингвистическая компетенция, псевдопонятия.

Л. Кэрролл писал книги для маленьких девочек, учащихся говорить, и его цель состояла в развитии у них метаязыкового чутья, в обращении их внимания на то, как они используют языковые единицы и почему их нужно использовать именно так. Объектом языковой игры у Л. Кэрролла становятся функциональные эквиваленты понятий [1]. Л. С. Выготский показал, что не все люди мыслят понятиями. Кроме понятий, мышление может осуществляться с помощью их функциональных эквивалентов. Так мыслят примитивные народы, маленькие дети.

Первой ступенью на пути к понятиям являются синкреты. Значением слова на этой стадии развития является не определенное до конца, неоформленное синкретическое сцепление отдельных предметов, так или иначе связавшихся друг с другом в представлении и восприятии ребенка в один слитный образ [2]. Синкрета – форма логически неправильного мышления, в которой обобщены предметы, связанные лишь во впечатлении говорящего, получившие у него одинаковую оценку с точки зрения их значения [3]. С точки зрения логически правильного мышления, синкреты – пустые понятия, которыми первобытный человек оперирует, как если бы они были общими [4]. В переводе С. Шоргина мы обнаружили следующие синкреты: *впридрыжку, бандюгад, злошипучая*. В переводе Ю. Лифшица: *мырчанье, свирепозный, сверблюжий*; у Н. Светлова: *змерь, незабычный, блистаянный, отчательный, победотошно, магинственный, граахнул, гробозук, стрекозавр*. У А. Вышемирского: *градобитье, у Д.В. Жердева: сияльный, громожгучие, злоблестный*. У Е. Фельдмана синкреты: *стремглазый, бобристо, печальство, забранки, обругательственные, дурнопламенный, любийственный, голубийственный, хмуробровый, непригодственный, сволочувственный, схлыздили, печенюжный, мозгучая, клубничный, побобрел, прокубякал, туманчив, пригвоздительный, барабаино, старикашно, фракный, злобесный, страхота, кошмарк*. У Г. Кружкова находим синкреты: *Хворобей, Кровоопир, Следотоп, ошибистей*. М. Пухов создал «кармашки»: *снаркуют, прыжествуя, огрубчился, грызжущие*. В переводе С. Афонькина *злогневность, тайномолчанье, захрюкотал, чудесил, злопасть*

* © Окатьева О.В.

венные, светозарный. У В. Гандельсмана: злодюк, сверломающие, триумфируя, разжалейный, фьюжас. У П. Елохина: битвагония, злопастный, змеиться, оглазел. Е. Клюев по оригинальности «кармашков» не уступает Е. Фельдману: бобрствовал, ослабнемел, штукатулка, пархоронная, жадлобный. У И. Липкина синкреты: зубообилье, дымастый, угрубиться, зачхахаилять. У В. Фета мы нашли лишь две синкреты свирепственные, злопастный, у Н. Хлебникова: резвоногий, бакалавраки, боброниана, краснотел. У Л. Яхнина: деньрожденный, скакатал, брыкоблучивал, вспрыг, Жутконос, вздрохнул, ахрюкнул, страхус.

Ступень образования комплексов – это вторая большая ступень на пути к мышлению понятиями. Ребенок, переходящий к этому типу мышления, преодолевает свой эгоцентризм. Он перестает принимать связь собственных впечатлений за связь вещей. Л.С. Выготский выделяет *пять основных форм комплексов*.

Первый тип комплекса **АССОЦИАТИВНЫЙ**, так как в его основе лежит любая ассоциативная связь с любым из признаков, замечаемых ребенком в том предмете, который в эксперименте является ядром будущего комплекса. Ребенок может вокруг этого ядра построить целый комплекс, включая в него самые различные предметы: одни – на основании того, что они могут иметь тождественный с данным предметом цвет, другие – форму, третьи – размер. Эти элементы могут быть не объединены между собой вовсе. Единственным принципом их обобщения является их фактическое родство с основным ядром комплекса [5]. Ассоциативный комплекс – это форма логически неправильного мышления, в которой обобщены предметы, тождественные по одному внешнему признаку. В ассоциативном комплексе нарушен закон тождества; понятие должно обладать только одним содержательным признаком: быть либо конкретным, либо абстрактным [6]. Л. С. Выготский сравнивает ассоциативный комплекс с фамильным именем. Конкретное место, предмет, время и т.п. обозначаются родовым именем, или род и любой вид внутри рода обозначается именем какого-то вида. *Ребенок называет розой любой цветок*. У Л. Кэрролла примеров ассоциативного комплекса нет.

Вторую фазу в развитии комплексного мышления образует комплекс **КОЛЛЕКЦИИ**. В них различные конкретные предметы объединяются на основе взаимного дополнения по какому-либо одному признаку и образуют единое целое, состоящее из разнородных, взаимно дополняющих друг друга частей. Комплекс-коллекция есть обобщение вещей на основе их соучастия в единой практической операции, на основе их функционального сотрудничества. Комплекс-коллекция – форма логически неправильного мышления, в которой обобщены функционально однородные предметы или дополняющие друг друга внутри какой-либо группы объекты, часто антагонистические, полярные, противоречащие друг другу; это функциональный эквивалент понятия, в котором обнаруживается нечувствительность мышления к противоречию, в комплексе-коллекции нарушены законы противоречия и исключенного третьего [7]. Приведем примеры коллекций из поэмы «Охота на Снарка». У Н. Хлебникова: «И увидели все, как над бездной крутой возвышался в закатном венце «Эй ты, красный!», «Эй, белый!» и «Эй, голубой!» – В Баландера едином лице»; В переводе Д.В. Жердева: «Обвиненье ж в банкротстве, замечу вам я, – Диффамация, враки, побаски!»; У Е. Фельдмана: «И еще был Бобер, выплетавший узор *Сноровисто, форсисто, бобристо*.»

Следующей фазой в развитии комплексного мышления является **ЦЕПНОЙ КОМПЛЕКС**. Цепной комплекс строится по принципу динамического, временного объединения отдельных звеньев в единую цепь и переноса значения через отдельные звенья этой цепи. Здесь ребенок подбирает к заданному образцу один или несколько предметов, ассоциативно связанных в каком-либо отношении; затем ребенок продолжает дальнейшее подбирание предметов в единый комплекс, уже руководствуясь каким-нибудь побочным признаком прежде подобранного предмета, признаком, который в образце не встречается вовсе. Значение слова передвигается по звеньям комплексной цепи. Каждое звено соединено, с одной стороны с предшествующим, а другой – с последующим, причем самое важное отличие этого типа комплекса заключается в том, что характер связи или способ соединения одного и того же звена с предшествующим может быть различным. В цепном комплексе структурный центр может отсутствовать вовсе. Частные конкретные элементы могут вступать в связь между собой, минуя центральный элемент, или образец. Они могут не иметь ничего общего с другими элементами, но, тем не менее, принадлежать к одному комплексу в силу того, что они имеют общий признак с каким-нибудь другим элементом, а этот другой элемент в свою очередь связан с третьим и т. д. Первый и третий элементы могут не иметь между собой никакой связи, кроме того, что они оба, каждый по своему признаку, связаны со вторым [8]. Цепной комплекс – это форма логически неправильного мышления, в которой обобщены смежные предметы, даже если их смежность не носит регулярного характера, а случайно имела место лишь однократно. Разные значения многозначного слова, объединяемые в одно, – это цепной комплекс. Пересекающиеся понятия, преподносимые как тождественные, – это цепной комплекс. В цепном комплексе нарушен закон тождества, потому что здесь отождествлены разные понятия и разные объекты [9]. У Кэрролла мы обнаружили пример цепного комплекса в переводе Н. Хлебникова: *Всякий Снарк очень сладок, желанен и мил, – крепкий, вкусный, хрустящий не в меру.*

Сближение признаков устанавливается часто не столько на основе их действительного сходства, сколько на основе отдаленного смутного впечатления некоторой общности между ними. Возникает четвертый комплекс – **ДИФФУЗНЫЙ**. Существенной чертой, отличающей этот четвертый тип комплекса, является то, что самый признак, ассоциативно объединяющий отдельные конкретные элементы и комплексы, как бы диффундирует, становится неопределенным, разлитым, смутным, в результате чего образуется комплекс, объединяющий с помощью диффузных, неопределенных связей наглядно-конкретные группы образов или предметов. Ребенок к заданному образцу – желтому треугольнику – подбирает не только треугольники, но и трапеции, так как они напоминают ему треугольники с отрезанной вершиной. Дальше к трапециям примыкают квадраты, к квадратам – шестиугольники, к шестиугольникам – полуокружности и затем круги. Так же, как здесь становится неопределенной форма, взятая в качестве основного признака, так же иногда сливаются цвета, когда в основу комплекса кладется диффузный признак цвета. Ребенок подбирает вслед за желтыми предметами зеленые, к зеленым – синие, к синим – черные [10]. Диффузный комплекс – это форма логически неправильного мышления, в которой обобщены предметы, имеющие отдаленное, смутное сходство во впечатлении говорящего. В диффузном комплексе соподчиненные понятия преподно-

сются как тождественные, и то понятие, которое является для них родовым, – это эмпирическое ненаучное. В диффузном комплексе нарушен закон достаточного основания, поскольку не вытекает понятие из того (тех) признака (-ов), из которого (-ых) его вывел говорящий [11]. В переводе Д. Жердева несколько примеров диффузного комплекса: «Если вправду найдешь – он и к зелени гожд, и в добыче огня пригодится»; «Так ищите ж в наперстках его и в слезах, и преследуйте с вилкой и с пылом»; «Обвиняйте в убийстве, в уменье читать – Что ж, без слабостей несть человек!»; «Брокер с Боем на пару точилом звенит, Заостря кирку и слова»; «Вскипяти его в стружках, и с клеем к тому ж, сконденсируй с блохой и сивухой!». В переводе А. Вышемирского: «Его следует брать – можно с луком подать и огонь разжигать с ним удобно»; «Его нужно с наперстком и рвеньем искать. И, конечно, с надеждой и вилкой» У С. Шоргина: «Снарк, во-первых, на вкус – на галеты похож, и во рту он скрипит, и в пути, как ремни из козлиных окрашенных кож. Да и запах – козлиный почти»; «На охоту бери и терпенье, и болт, захвати и надежду, и джем. Применять против Снарка полезно дефолт, добрый взгляд и питательный крем...». В переводе Е. Фельдмана: «Натирали горчицей макушку ему (Был несчастный в сознание нетвердом). И втирали салат и петрушку ему, и давали варенье с кроссвордом»; «Ты наперстком сумеешь его поразить, И надеждою пылкой, и вилкой, Жел/ дорожную акцией можешь грозить, И обмылком, и злобной ухмылкой...». У И. Липкина: «С остроумием ярким называли Огарком, а враги – так и вовсе Ошметком»; «Ты лови его, палец, наперстком прикрыв, Оснастившись надеждой и вилкой. Угрожай переходом активов в пассив, и обмылком прельщай, и ухмылкой». В переводе Ю. Лифшица: «Ты с наперстком за Снарком гонись и с умом; С вилкой пробуй найти и с мольбой;

Последний вид функциональных эквивалентов понятий – это **ПСЕВДО-ПОНЯТИЕ**. Обобщение, возникающее в мышлении ребенка, напоминает по своему внешнему виду понятия, которыми пользуется в своей интеллектуальной деятельности взрослый человек, но которое вместе с тем по своей сущности, по своей психологической природе представляет собой нечто совершенно иное, чем понятие в собственном смысле этого слова. Например, ребенок к заданному образцу – желтому треугольнику – подбирает все имеющиеся в экспериментальном материале треугольнички. Такая группа могла бы возникнуть и на основе отвлеченного мышления, в основе этого обобщения могло бы лежать понятие или идея треугольничка. Но на деле, как показывает исследование, как вскрывает экспериментальный анализ, ребенок объединил предметы на основе их конкретных, фактических наглядных связей, на основе простого ассоциирования [12]. Псевдопонятие – это форма неправильного мышления, в которой предметы обобщены на основании нескольких сходных внешних, эмпирических, а не существенных признаков. Понятие, одновременно употребленное как относительное и безотносительное – это псевдопонятие. В псевдопонятии нарушен закон тождества. Понятие должно обладать только одним содержательным признаком: быть относительным или быть безотносительным [13]. *Ктототам* в переводе С. Афонькина, *без* у Е. Клюева, *этакать* у Е. Фельдмана. Мы использовали следующие переводы поэмы Л. Кэрролла: [14–30].

Л. Кэрролл в «Охоте на Снарка» создает синкреты, комплексы, псевдопонятия, чтобы привлечь внимание юных читателей, что мыслить с их помощью неправильно, чтобы заставить их задуматься, как они мыслят, в чем неправильность мышления персонажей поэмы.

Список литературы:

1. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты/ Под ред. А.П. Сковородникова. – М., 2005.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М., 2007. – С. 128.
3. Труфанова И.В. Функциональные эквиваленты понятий как объект языковой игры в литературе абсурда, нонсенса, игровой поэтики // Функционирование языка и речи. – М., 2006. – С. 208.
4. Труфанова И.В. Функциональные эквиваленты понятий как объект языковой игры в литературе абсурда, нонсенса, игровой поэтики//Актуальные проблемы социогуманитарного знания. – М., 2006. – С. 248.
5. Выготский Л.С. Указ. соч. – М., 2007. – С. 132 - 133.
6. Труфанова И.В. К типологии паралогических фигур // Разноуровневые характеристики логических единиц. – Смоленск, 2006. – С. 180.
7. Труфанова И.В. К типологии паралогических фигур // Разноуровневые характеристики логических единиц. – Смоленск, 2006. – С. 180, 181.
8. Выготский Л.С. Указ. соч. – М., 2007. – С. 135.
9. Труфанова И.В. К типологии паралогических фигур // Разноуровневые характеристики логических единиц. – Смоленск, 2006. – С. 181.
10. Выготский Л.С. Указ. соч. – М., 2007. – С. 138.
11. Труфанова И.В. К типологии паралогических фигур // Разноуровневые характеристики логических единиц. – Смоленск, 2006. – С. 182.
12. Выготский Л.С. Указ. соч. – М., 2007. – С. 138 – 145.
13. Труфанова И.В. К типологии паралогических фигур // Разноуровневые характеристики логических единиц. – Смоленск, 2006. – С. 182.
14. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер. И. Анисимова. – www.lib.ru
15. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер. С. Афонькин. – www.lib.ru
16. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер. А. Вышемирский. – snark-i-drugie.narod.ru
17. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер. В. Гандельсман. – СПб., 2007.
18. Кэрролл Л. Охота на Верпа // Пер. П.В. Елохин. – www.zhurnal.lib.ru
19. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер. Д.В. Жердев. – www.stran-nik.livejournal.com
20. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер. Е. В. Клюев. – www.lib.ru
21. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер. Г. Кружков. – Смоленск, 1991.
22. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер. И.М. Липкин. – www.lib.ru
23. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер. Ю. Лифшиц. – СПб., 2007.
24. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер. М. Пухов. – www.lib.ru
25. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер. Н. Светлов. – alisaselezneva.narod.ru
26. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер. Е. Фельдман// Шедевры классической поэзии для юных читателей. – М., 2003.
27. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер. В.Я. Фет. – www.lib.ru
28. Кэрролл Л. Охота за Нарком // Пер. Н. Хлебников. – www.litsovet.ru
29. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер. С. Шоргин. – СПб., 2007.
30. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Пер.Л. Я. Яхнин – М., 2005.

O. Okatyeva

LANGUAGE GAME IN L. CARROLL'S POEM «THE HUNTING OF THE SNARK» – MEANS OF DEVELOPMENT OF LINGUISTIC COMPETENCE

Abstract: Lewis Carroll in his works of art strived for a wakening special linguistic feeling of young readers. Children don't think notions, but think functional equivalents of notions: heaps, complexes and pseudo notions. L. Carroll does heaps, complexes, pseudo notions objects of linguistic game. This way he draws children's attention to possibility thinking wrongly and to establishment different varieties of irregularities of thinking.

ОДА-ПАНЕГИРИК КАК ПРОДУКТ ОСОЗНАННОЙ НЕОБХОДИМОСТИ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования оды-панегирика у авторов XVIII века, в первую очередь у М.В. Ломоносова, и трансформаций этого вида оды в литературе XX века у В.Я. Брюсова, О.Э. Мандельштама, А.А. Ахматовой с сохранением лексических, синтаксических, морфологических особенностей классической оды. При этом данная трансформация носит характер осознанной необходимости воспевания Вождя и по-особому проявляется в идиостиле поэтов.

Ключевые слова: одический панегирик, славянизмы, мифологизмы, поэтизмы.

У Михаила Васильевича Ломоносова нет определения стиля жанра, хотя теория жанров разработана достаточно подробно и чётко. К «высокому стилю» он относит *оду*, трагедию, различные жанры ораторской и научной речи; к «среднему стилю» – газетно-журнальную публицистику, повесть, стихотворные жанры (басню, эклогу, элегию); к «низкому стилю» – комедию, «увеселительную эпиграмму», лирическую песню, эпистолярные жанры. Отсутствие определения понятия стиля жанра объясняется двойной зависимостью, в которой находятся жанры в стилистической теории М.В. Ломоносова.

С одной стороны, языковые средства, которые употребляются в том или ином жанре, не зависят от природы самого жанра, а определяются принадлежностью жанра к предмету повествования и к «теме», «которые различествуют по мере своей важности». Прежде чем создавать своё произведение, писатель должен определить, какова степень важности предмета и темы, а затем выбрать жанр произведения, соответствующий теме и предмету.

С другой стороны, в теории Ломоносова нет никаких указаний на то, что жанр представляет одно из слагаемых «стиля». Слагаемые каждого из «стилей» Ломоносов находил лишь в лексике, фразеологии, фонетике, грамматике, но только не в жанрах. В «Российской грамматике» Ломоносова описываются грамматические признаки, присущие высокому стилю, а соответственно, и *оде*: сравнительная и превосходная степень на *-ейший, -айший, -ший*; окончания на «ять» (в современном языке «е»); окончание «а» в форме родительного падежа единственного числа существительных мужского рода; причастные и деепричастные формы глаголов, образованные от славянских корней [1]. Если не принимать в расчёт зависимость объекта изображения от жанра и считать жанр слагаемым «стиля», то это приводит к противоречиям в изложении теории стилей Ломоносова и её модернизации.

Обращаясь к теме статьи «Начало XX века. Ода-панегирик как продукт осознанной необходимости. Лингвистический аспект», мы считаем возможным утверждать, что лучшие оды Ломоносова были предметом именно осознанной необходимости [2]. Поэт в одических панегириках прославляет Пётра I и его дочь Елизавету Петровну. Но вместе с тем говорит и о бескрайности просторов России, великих водных путях, богатствах недр, бескрайних полях той

* © Пузрякова Н.В.

страны, которая находится во власти монархов, чем ещё больше усиливает могущество самих царских особ.

В данной статье мы обращаемся к новому периоду развития оды первой половины XX века, возрождённой к жизни творчеством Валерия Яковлевича Брюсова. Создавая свой цикл «Оды и послания» по жанровому признаку, поэт возрождает прерванную в послепушкинский период одическую традицию классицизма, что требовало выбора большой темы, поисков героических характеристик, а также возрождения возвышенного поэтического языка. Ориентация на высокую ораторскую речь выразилась в стремлении к сжатости, эмоциональной насыщенности, внутренней эмоциональности, афористичности поэтических контекстов, в абстрагировании понятий и персонажей [3]. Однако уже у Брюсова В.Я. наблюдается тенденция к сознательному, порой необходимому уходу от выше сформулированных правил в силу сложной общественной обстановки, сложившейся к началу XX века.

Но панегирик как особая форма одической поэзии оказался востребован властью и обществом в 30-50 гг. прошлого века. В это время наиболее актуальной становится «сталинская тема». Заслуживает внимание, что у великих русских поэтов О.Э. Мандельштама и А.А. Ахматовой диктат времени, вынужденная, сопряжённая со страхом за жизнь близких, угода власти влекут за собой решительное изменение поэтической манеры, на смену разговорной интонации приходит одическая.

Следуя традициям классической оды, Осип Мандельштам традиционно использует славянизмы и мифологизмы, типа «для радости непреложной», «высшая похвала» и др. Не случайно поэт оставил ссылку, сообщив, что рисует углём, который раздул Прометей, – и прямо указывает, что читать нужно Эсхила «Прометей прикованный»:

...знать, Прометей раздул свой уголёк, –
Гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу!

Текст «Сталинской оды» можно интерпретировать, как это делает Игорь Фролов в статье «Откровение Мандельштама»: «Пишу заказное стихотворение, *обязанный изобразить непреложную радость*. Но, взяв уголь для высшей похвалы, расчерчиваю тревожно и осторожно (да ещё и воздух, чтобы следов не осталось), поскольку намереваюсь отобразить того, о ком пишу, достаточно дерзко – не так, как позволено, а иначе».

*И даже больше: уничтожить вздумал
Весь род людской и новый насадить.
И не восстал никто из бедных смертных,
А я дерзнул...*

Что совсем не свойственно для панегирика, поэт угрожает устами эсхилловского героя самому Сталину скорым падением и при этом не намерен изменить себе:

*Знай хорошо, что я б не променял
Моих скорбей на рабское служенье.*

Далее в оде находим хвалу Сталину (что, несомненно, традиционно для классической оды):

*И в дружбе мудрых глаз найду для близнеца,
Какого, не скажу, то в выраженьи, близясь
К которому, к нему, – вдруг узнаёшь отца
И задыхаешься, почуяв мира близость.*

Первый, видимый смысл здесь ясен – хвала Сталину. Однако некоторые неясности останавливают наш беглый взгляд. Лексика не просто возвышенная – она почти религиозная. Все эти намёки – «тысячелетье», «кого, не скажу», «отца», «мира близость» – вдруг сходятся в странном восклицании:

Хочу назвать его – не Сталин – Джугашвили!

Как отмечают исследователи, окончания грузинских фамилий *-дзе* и *-швили* первоначально имели значения «рождённый» и «сын». В настоящее время эти окончания относятся к патронимическим суффиксам. В корне же фамилии сокрыто тоже немало тайн.

Есть, по меньшей мере, три перевода: 1) в осетинском языке «*дзуга*» означает «отара», «стая»; 2) древнегрузинское «*джуга*» означает «сталь»; 3) по мнению некоторых зарубежных русистов, «*джуга*» есть мусор, отходы, но такой перевод смахивает на выполнение политического заказа.

Последний перевод не имеет ссылок на источники и ничем не подтверждён. Второй вариант (сталь) отпадает – получается тавтологичное «не Сталин – Сталин». «Сын отары, стай» – либо ягнёнок, либо волчонок, или подразумеваётся агнец. Но подобная трактовка поэтического образа не отсылает читателя к скрытому смыслу, что противоречит традиции поэтического текста. Попытка привязать «не Сталин-Джугашвили» к этимологии фамилии явно не удаётся.

Сломленный ссылкой, под угрозой смерти О. Мандельштам вымучивал из себя «оду» Сталину и сопутствующий ей цикл стихов, а Анна Ахматова ради спасения сына в 1950 году напечатала официальный цикл «Слава мира!». Впоследствии она хотела, чтобы о нём забыли. Датированная 1941 годом ода Сталину, написанная к семидесятилетию вождя, содержит абстрактную лексику и поэтизмы, традиционные для одической поэзии:

*И вождь орлиными очами
Увидел с высоты Кремля
Как пышно залита лучами
Преображенная земля...*

При ближайшем рассмотрении этого текста возникает мысль об аллюзиях, отсылающих к известному панегирику Ломоносова «Ода на день восшествия на престол Елизаветы Петровны» (1748) (4).

В качестве заключительных слов оды звучит голос «благодарного народа»:

*И благодарного народа
Вождь слышит голос:
«Мы пришли
Сказать, – где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли!»*

Эти слова напрямую отсылают читателя к стихотворению А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», являющемуся переложением известной горацанской оды. Однако поэт утверждает, что служение народу ставит его выше царской власти:

*Я памятник воздвиг себе нерукотворный...
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.*

Таким образом, ода как панегирик в отечественной поэзии трансформируется на семантическом уровне в силу «осознанной необходимости».

Список литературы:

1. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Труды по филологии, т. VII. – М.-Л., 1952. – С. 457-499, 548-550.
2. Пузрякова Н.В. «Отечественная ода XVIII века в лингвистическом аспекте» // Вестник МГОУ, 2007. – Серия «Русская филология». – С. 356-360.
3. История русской литературы. т. 4. – Л., 1988. – С. 498.
4. Пузрякова Н.В. «Отечественная ода XVIII века в лингвистическом аспекте» // Вестник МГОУ, 2007. – Серия «Русская филология». – С. 356-360.

N. Puzryakova

**ODE – THE PANEGYRIC AS A PRODUCT OF THE REALIZED NECESSITY.
LINGUISTIC ASPECT**

Abstract: Problem of formation of an ode - the panegyric at authors of XVIII century, first of all at M.V.Lomonosov, and transformations of this kind of an ode in the literature of XX century at V.J.Brjusov, O.E.Mandelshtam, A.A.Ahmatova with maintaining of lexical, syntactic, morphological features of a classical ode. Thus the given transformation is characterized by the realized necessity of praising the Leader and is reflected in special way in poets stile.

Key words: ode - the panegyric, slavayanizm, mifologizm, poetizm.

ОБ ОБЪЕКТЕ ОЦЕНКИ В БИСУБСТАНТИВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ*

Аннотация: В статье описывается семантика объекта оценки в бисубстантивном предложении, способы и средства его выражения, а также взаимодействие объекта оценки с оценивающим предикатом.

Ключевые слова: бисубстантивное предложение, объект оценки, оценивающий предикат.

Объект оценки называет тот предмет, который оценивается субъектом. Объект оценки занимает в бисубстантивном предложении (БП) позицию подлежащего и выражается именем существительным или его эквивалентом в именительном падеже: *Министр ведь реальный политик* (Е. Шварц); *Вылетело у тебя из башки, что ром для тятеньки – первое удовольствие* (А. Островский); *Много он на себя не берет, но он хозяин своему слову* (А. Вампилов).

Описать предикатную семантику оценки невозможно без учета ее соотносительности с семантикой объекта оценки, которому приписывается характеризующий предикативный признак. В бисубстантивном предложении в качестве объекта оценки употребляются существительные со значением конкретного предмета, лица, события, состояния, действия, свойства и др.: *Берет – та же каска, только мягкая, смягчившаяся...* (Т. Толстая); *И путники сии – челны, челны...* (И. Бродский); *Утиная охота – это вещь* (А. Вампилов); *Но знаю: к родине любовь – соперница моя* (Н. Некрасов); *Мелкие мошенничества, прodelьваемые в городе, тоже совсем в древнем духе* (Н. Гумилев); *Доброта для представителей власти – явление редкое* («Аргументы и факты»). Мы выделили самые употребительные объекты, подвергающиеся оценке в БП: **конкретный предмет, лицо (герой, персонаж) и событие.**

Предмет, в лингвистическом толковании, – это «всякое материальное явление, вещь, воспринимаемое органами чувств и мышлением как нечто существующее особо» [1]. Из этого определения видно, что конкретный предмет воспринимается как нечто отдельное и органами чувств, и на уровне мышления. Следовательно, «это отдельное обладает рядом признаков, воспринимаемых с внешней стороны (органами чувств), и рядом признаков, которые могут быть обнаружены при участии человеческого мышления, т.е. путем логических операций» [2].

Восприятие признака предмета органами чувств или при помощи мыслительной деятельности может служить основанием для разграничения семантических типов предиката, характеризующего конкретный предмет в бисубстантивных предложениях.

Внешние признаки предмета отражают его объективную характеристику, однако участие автора или героев в оценивании конкретного предмета вносит в предложение и субъективную оценку. Именно они воспринимают предмет в совокупности признаков и выделяют наиболее важные для себя, т.е. проявляют себя как субъекты оценки.

Объектом оценки в БП могут выступать различные предметы: *И тотчас возжи, сани, ночь, он сам и бедный конь – все станет сном библейским* (И.

* © Терентьева О.Н.

Бродский); *А вы думали, ваши клумбы – предел моих мечтаний* (А. Вампилов); *Церковь – одновременно проходной двор, как и все тут, ведь весь город – как одно здание* (Т. Толстая).

Первой логической операцией, производимой субъектом оценки, является «отделение признаков от предмета, второй – отбор существенно важных для характеристики признаков, третьей – собственно предикация, приписывание признака предмету» [3]. На первом уровне субъект оценки проявляет личные возможности в восприятии объективной действительности (особенности зрения, слуха, вкусовых ощущений и т.д.): *Пирожные, конечно, из «Норда», самые лучшие* (Т. Толстая). В этом предложении оценивается вкус пирожных. Из контекста видно, насколько они дороги героине: *Женечка на своих больных ногах выстояла за ними длинную очередь в волшебном подвале, куда стекаются все верующие в сахарное земное блаженство <...>. Женечка раскрывала коробку, где бок о бок покоились важные монархические пирожные «наполеон» и «александр», а рядом Лжедмитрием затесалось презренное песочное кольцо, вечный житель привокзальных буфетов, – никто не станет его есть, но Женечке и оно кажется прекрасным – румяное воплощение сытой, рассыпчатой мечты, сившейся ей в голодные, блокадные, еще не забытые ночи.*

На втором этапе проявляются логические и эмоциональные возможности субъекта оценки в восприятии действительности: *Какая это пьеса! Это вздор, о котором говорить не стоит* (А. Островский); *Той Музы плачущей, скорбящей и болящей, всечасно жаждущей, униженно просящей, которой золото – единственный кумир* (Н. Некрасов).

На третьем – проявляется воля субъекта оценки: *Нет, старик, наша контора для нас с тобой самое подходящее место. Дом родной* (А. Вампилов); *Не отдам; она сказала: это [свитер] подарок»* (Т. Толстая). Субъект оценки – герой – проявляет свою волю. В первом предложении – желание остаться жить в конторе; во втором – нежелание расставаться с вещью.

Внешние признаки предмета воспринимаются человеком органами зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса. Наиболее разнообразны признаки предмета, воспринимаемые при помощи органов зрения: *А глаза у той Птицы Паулин в пол-лица, а рот человеческий, красный* (Т. Толстая). В этом предложении точное указание на измеряемый в определенных единицах размер содержит характеризующий предикат БП, выраженный количественно-именным сочетанием и опорным компонентом *размером*, который опущен, так как семантика размера очевидна. Оценка количественная.

Шишки на ней с человеческую голову, и орешки в них – объеденье! (Т. Толстая). В первой части предложения эмоциональная оценка выражается в предикате, представленном существительным в форме винительного падежа с предлогом и характеризующем его прилагательным, а проявляется с помощью сравнительной семантики. Оценка формы предмета дается путем сравнения с формой другого предмета. Во второй части предложения эмоциональная оценка выражена в предикате оценочным существительным. В выражении оценки также участвует восклицательная интонация предложения.

В русском языке в художественном и публицистическом стиле употребляется большое количество БП с оценкой-метафорой и сравнением, которые подчеркивают образность речи русских людей, причем объектом оценки могут стать любые предметы: *Так что и собачья будка из простеганной синте-*

тики станет «королевскими покоями для домашнего ангела» («Московский комсомолец»); *Ведь Греция – первый и последний земной рай, земля, благоклонная к человеку...* («Отдых и туризм»); *Острова, крутые голые утесы, разбросанные там и сям, похожи на еще неведомых африканских чудовищ* (Н. Гумилев); *А хвостик – он вроде как секрет, тайный такой, али сказать, интимный* (Т. Толстая).

Конкретное лицо – герой-персонаж – является центральным звеном в художественном произведении, поэтому самым распространенным объектом оценки в бисубстантивных предложениях, используемых в художественном тексте, становится персонаж, названный собственным существительным: *Иван Рублев был старообрядец, хитрый, совсем не богобоязненный старичок* (А. Толстой); *Пан Гишкевич нимаало не напоминал собою Рыцаря Плачевного Образа* (М. Загоскин).

Часто в качестве объекта оценки употребляются личные существительные со значением родства, вида деятельности, национальности, пола, социальной принадлежности и др.: *Отец ваш редкий человек по сердцу, по уму* (Н. Некрасов); *Третий первый министр не был лжецом, но он был ужасно хитер* (Е. Шварц); *Этот грек оказался патриотом* (Н. Гумилев); *Зоя представила себе бомонд: дамы – старые гримзы, а мужчины – элегантные красавцы с цветными платочками в нагрудных кармашках* (Т. Толстая); *Князь был мне не по нраву* (М. Загоскин).

Наиболее часто употребляется в БП объект оценки, выраженный нарицательным существительным, обозначающим родственные связи. Самыми распространенными личными существительными, называющими объект оценки, становятся существительные *отец, мать, жена, дети*: *Отец у меня был строгий, капризный старик* (А. Островский); *Твоя мать – славная женщина* (А. Вампилов); *Хорошей хозяйкой была моя жена, царство ей небесное* (Г. Горин); *Дети – балбесы* (Т. Толстая).

Другие члены семьи также становятся объектами оценивания: *А на самом деле тетя моя была прекрасная девушка, и она вышла замуж за негодяя, который только притворялся, что любит ее* (Е. Шварц); *Сестра Льва Адольфовича, Ада, женщина острая, худая, по-змеиному элегантная* (Т. Толстая); *У меня тесть деловой человек, я отдам ему деньги на его обороты, он мне будет проценты платить* (А. Островский).

Одним из распространенных способов номинации лица является наименование его по профессии, виду деятельности, занятиям, поэтому объект оценки в БП может быть выражен соответствующим существительным: *Но каков негодяй этот доктор!* (Е. Шварц); *Авторы дизайнерских журналов просто какие-то небожители, свои ребята в мире надзвездных сфер* (Т. Толстая); *А впрочем, эти геологи ничего... знатные ребята* (А. Вампилов).

Объектом оценки в БП становятся представители различных национальностей: *Американцы – нация не так чтоб жалостливая, любят только победителя...* (Т. Толстая); *Французы – господа положения* (Н. Гумилев); *И все итальянцы – жулики* («Московский комсомолец»). Оценочный предикат в данных примерах оценивает не конкретно взятого представителя нации, а приписывает оценочный признак нации в целом. Оценка имеет отвлеченно-обобщающий оттенок.

В газетах и журналах, т.е. текстах публицистического стиля, часто ис-

пользуются предложения, в которых объект оценки выражен лексически опустошенными существительными *человек, люди, женщина, мужчина*: **Человек человеку брат** (А. Вампилов); **Все люди – лжецы** (Е. Шварц); **Женщина – это все еще шляпка, женщина без шляпки все еще не одета, не украшена** (Т. Толстая); **Наши мужчины – настоящие джентельмены** («9 месяцев»). Оказываясь в позиции подлежащего, лексически опустошенные слова приобретают обобщающий смысл. Выделительный оттенок вносят в БП указательные местоимения, употребляющиеся с объектом оценки: **Эта женщина по прозвищу Гренадер совершенно под каблуком у Мальчика с пальчик** (Е. Шварц); **Этот мужчина никогда не был трусливым мальчиком** («Комсомольская правда»).

Иногда в качестве наименования оцениваемого лица выступает субстантивированное прилагательное: **Покойный был умный человек, но такая уж должность королевская, что характер от нее портится** (Е. Шварц).

Объект оценки может быть выражен в БП оценочным существительным: **Я любил тех, кого вы любили, а ваши враги были моими врагами** (Е. Шварц); **Воры – народ такой: они все берут** (Т. Толстая). В обоих предложениях объект оценки выражен существительными с отрицательной оценочной семантикой. Предикат первого предложения также представлен существительным с отрицательной семантикой, а предикат второго предложения *народ такой* приобретает отрицательную семантику благодаря структуре всего предложения. Несмотря на то, что первая часть бессоюзного предложения неполная – в нем опущено оценочное прилагательное, степень оценки которого усиливает местоимение *такой*, – значение предиката раскрывается во второй части предложения, которая поясняет, какой же народ имел в виду субъект оценки. Заметим, что значение этого предложения не мыслится носителями языка как положительное: *воры – ‘преступники, занимающиеся кражей’* [4] – народ, который все берет ‘овладевает, захватывает’ [5].

Часто личное существительное, называющее объект оценки, заменяется в тексте местоимением. Самыми продуктивными местоимениями, указывающими на объект оценки в БП, становятся местоимения третьего лица единственного или множественного числа, т.к. такие местоимения являются лично-указательными и могут называть не только лицо, но и конкретный предмет: **Он был очень неопытный дипломат и большой мечтатель** (Н. Гумилев); **Они – люди неученые, это правда...** (А. Островский); **Она [сумка] была настоящим подарком** (Л. Улицкая).

Объект оценки часто выражен местоимениями первого и второго лица единственного числа: **Я – не раб, я – человек** (Г. Горин); **Ты птицей был и видел свой народ повсюду, весь, взлетая над скатом крыши** (И. Бродский). В этих примерах представлена прямая оценка. С помощью этих местоимений выражается внутренняя речь героев произведений: **Я человек добросовестный** (Е. Шварц); **«Сам ты пирамида Хеопса», – думает Ольга Михайловна** (Т. Толстая).

Особенности функционирования событийного имени связаны с противоречием между его семантикой и грамматикой. С точки зрения грамматики имя существительное как определенный класс слов приспособлено для выполнения функции подлежащего. Но семантическая структура событийного имени не включает сему субъекта, что делает субъектную позицию в предложении нехарактерной для него. Анализ же языкового материала свидетельствует о

том, что двусоставные связочные предложения с событийным именем в позиции объекта оценки присутствуют в русском языке. Их немного, и самым продуктивным значением в БП с событийным именем в позиции объекта оценки становится метафорическое значение и значение сравнения: *Смерть – это все машины, это тюрьма и сад* (И. Бродский); *Табак не толстит и нравственно нейтрален: в монастырских уставах чревоугодие числится как грех, а табакокурение – всего лишь как слабость* (Т. Толстая).

Конкретные имена в позиции объекта оценки иногда приобретают пропозитивное значение, оказавшись в предикативных отношениях с событийным именем: ... *Эякуляция, теща и галстук в одном флаконе – это ответ «мушин» на наши прокладки с крылышками* (Т. Толстая); *Для меня тот вечер – святая вещь. Праздник* (А. Вампилов).

Событийное имя в качестве объекта оценки часто выражается эмоционально-оценочным существительным: *Месть – чувство, недостойное руководителя* (А. Вампилов); *Но ждут еще конца два-три стиха и скалят рот щербато, что светская любовь – лишь долг певца, духовная любовь – лишь плоть аббата* (И. Бродский).

В русском языке встречаются БП, в которых событийное имя не названо, но восстанавливается из контекста, а позицию объекта оценки в этом случае занимает указательное местоимение *это*: *Я говорю так смело, что сама перестаю понимать, что говорю; это [откровенность] дерзость, но нельзя же не предупредить вас* (Е. Шварц); *Ха, ха, ха! Как вы себя ведете! Это [поведение] же безобразие в высшей степени!* (А. Островский).

Надо отметить, что существительные с событийным именем в позиции объекта оценки используются, в основном, в произведениях публицистического стиля (записки, дневники, воспоминания и др.): *Но когда культурная повседневность, уже успевшая для путника стать сказкой, мгновенно превращается в реальность – пусть смеются надо мной городские любители природы – это тоже прекрасно* (Н. Гумилев); *Для грека, а стало быть, и для вас, свобода – понятие священное* (Т. Толстая); *Да ведь патриархальность – добродетель первобытных народов* («Московский комсомолец»).

Список литературы:

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999. – С. 580.
2. Герасименко Н. А. Бисубстантивный тип русского предложения. Монография. – М., 1999. – С. 100.
3. Там же. – С. 101.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999. – С. 97.
5. Там же. – С. 58.

O. Terentyeva

ABOUT THE OBJECT OF ASSESSMENT IN BISUBSTANTIVAL SENTENCE

Abstract: The semantics of the object of assessment in a bisubstantival sentence, methods and means of its expression and interaction of the object of assessment with the estimation predicate are described in the article.

Key words: bisubstantival the offer, the object of an estimation estimating a predicate.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕМ: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ*

Аннотация: В настоящей статье анализируются семантические свойства фразеологизмов с противопоставлением компонентов. Определены причины активного использования категории противопоставления во фразеологии. Представлена семантико-грамматическая классификация исследуемых фразеологических единиц, анализ семантических субкатегорий, групп и подгрупп фразеологизмов. Выявлены наиболее распространенные семантические классы (предметные, процессуальные, качественно-обстоятельственные фразеологизмы).

Ключевые слова: фразеологизм, семантические свойства, противопоставление компонентов.

Противопоставление — одна из основных категорий, используемых человеком в мыслительной деятельности. С. И. Ожегов дает следующее определение: «**Противопоставить** — сравнить, сопоставить с кем-либо, чем-либо, указав несходность, противоположность признаков одного и другого, дать рядом что-либо несходное, противоположное по каким-либо признакам» [1]. Следовательно, противопоставление — это сопоставление двух признаков, в результате которого устанавливается их несходство, противоположность. Противопоставление активно используется на всех языковых уровнях, поскольку позволяет кратко и образно передать мысль, описать какое-либо явление, дать ему оценку. Эта категория продуктивна во фразеологии, где с ее помощью лаконично и образно передается аккумулированное народное знание, создается афористическое произведение искусства.

Лингвисты, как известно, классифицируют фразеологизмы на основании различных признаков. В семантико-грамматической классификации группы фразеологизмов выделяются исходя из их семантики и отнесенности к определенной части речи. Классификации, разработанные Н.М. Шанским, В.П. Жуковым, А.М. Эмировой и др., отличаются по составу, но основные компоненты выделяются в соответствии с частями речи современного русского языка. При анализе фразеологизмов с противопоставлением мы придерживаемся точки зрения курганских ученых (В.А. Лебединской, Ю.И. Неупокоевой, А.М. Чепасовой), выделяющих знаменательные (предметные, процессуальные, качественно-обстоятельственные, призначные, количественные, модально-междометные, местоименные) и служебные фразеологизмы.

Фразеологизмы, обозначающие предмет, объединяются в класс **предметных**. Можно выделить следующие субкатегории предметных фразеологических единиц (ФЕ) с противопоставлением:

Субкатегория лица представлена двумя группами:

1. Фразеологизмы, обозначающие одно лицо: *белая ворона* ('человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей' — фразеологизм построен на метафорическом переносе *черный цвет* — *ворона*, в результате в

* © Фролова О.А.

данном фразеологизме наблюдается скрытое противопоставление: *белый – черный*), *черная кость* ('человек незнатного происхождения', скрытое противопоставление: *черный — белый*), *умный дурак*, *богатый нищий*, *живой портрет*, *живой труп* (в данных ФЕ наблюдается скрытое противопоставление: *живой — неживой*) и др.

Большинство фразеологизмов этой группы имеет отрицательную коннотацию, то есть содержит негативную оценку свойств и качеств лица, так как положительные качества человека, как известно, воспринимаются окружающими как норма и не всегда фиксируются носителями языка, в то время как отрицательные качества — отклонение от нормы — вызывают повышенный интерес, привлекают внимание и находят отражение в речи.

2. Фразеологизмы, обозначающие несколько лиц: *мертвые души* (противопоставление: *живой – мертвый*), *белые негры* (скрытое противопоставление: *белый – черный*), *гулливер и лилипуты* (противопоставление: *большой – маленький*).

подавляющее большинство предметных ФЕ субкатегории лица, построенных на противопоставлении, представляют собой оксюморонные структуры, «т.е. сочетания друг с другом слов, выражающих прямо противоположные понятия и по этой причине предметно-логически, казалось бы, совершенно не соединимые» [2]. В содержании несовместимых понятий имеются признаки, исключающие возможность не только полного, но и частичного их совпадения. Именно поэтому в структуре оксюморонных фразеологизмов сочетаются противопоставленные по смыслу компоненты.

В субкатегорию предмета входят фразеологизмы, обозначающие неодушевленный предмет или совокупность предметов: *от жилетки рукава* (противопоставление: *наличие — отсутствие (рукавов)*), *буря в стакане воды* (противопоставление: *буря — покой*). Эти ФЕ можно отнести к фразеологизмам, представляющим собой «семантически алогичные конструкции каламбурного характера» [3]. Некоторые исследователи определяют их как «мнимые алогизмы», содержащие скрытое внутреннее противопоставление.

В третью субкатегорию объединяются фразеологизмы, обозначающие абстрактные, отвлеченные понятия:

1. Фразеологизмы, обозначающие качественные характеристики предмета, лица и их субъективную оценку: *легкая тяжесть*, *звонкая тишина*, *убогая роскошь* и др. Данные ФЕ представляют собой оксюморонные структуры с оценочно-ироническим значением.

2. Фразеологизмы, обозначающие чувства, ощущения, состояние человека, оценку его действий: *начало конца*, *и смех и горе*, *за и против*, *про и контрра*, *(вопрос) жизни и смерти*.

3. Фразеологизмы, обозначающие отвлеченные понятия: *(дела как) сажа бела* (противопоставление: *черный — белый*), *альфа и омега* (противопоставление: *начало — конец*).

Предметные фразеологизмы с отвлеченным значением составляют около 40% от общего числа выделенных предметных фразеологизмов с противопоставлением. Обобщенность значения способствует повышению употребительности, афористичности фразеологизмов.

Категория **процессуальных** фразеологизмов охватывает около 18% исследуемых единиц. Процессуальные фразеологизмы разнообразны по семантике,

в основе которой всегда лежит общее понятие процесса. Выделяют следующие субкатегории процессуальных ФЕ:

– фразеологизмы со значением деятельности лица могут обозначать: ментальную деятельность (*вкусить от дерева познания*) добра и зла, коммуникативную деятельность: *начать за здравие, кончить за упокой; мягко стелет, да жестко спат; говорит направо, а смотрит налево*; поведение, поступки человека: (*выходить*) *сухим из воды* (скрытое противопоставление: *сухой – мокрый*), (*валить с*) *больной головы на здоровую, дневать и ночевать, (играть) жизнью и смертью* и др.;

– фразеологизмы, характеризующие состояние человека: психическое состояние: *хочешь не хочешь*; эмоциональное состояние: *любить ненавидя, витать между небом и землей, небо с овчинку кажется* (противопоставление основано на метафоре: *большой (небо) – маленький (овчинка)* и др.); физическое состояние: *видит око, да зуб неймет*; переход лица или предмета из одного состояния в другое: *перековать мечи на орала* (противопоставление меча и плуга – метафорическое противопоставление: *война – мир*), *перековать лемех на свайку* (скрытое противопоставление: *труд – развлечение*);

– фразеологизмы, характеризующие отношение человека к кому-либо, чему-либо: *смотреть сверху вниз, менять гнев на милость*.

В структуре процессуальных фразеологизмов, построенных на противопоставлении, преобладают единицы субкатегории деятельности со словами-антонимами, представляющие собой антитезные построения. Субъектом описываемых фразеологизмов всегда является человек, который активно и осознанно производит действия, направленные на объект. Антитезы помогают достигать рельефности, контрастности изображения путем неожиданного противопоставления образов, понятий, представлений о явлениях действительности.

Качественно-обстоятельственные фразеологизмы обозначают условия протекания, свойства, степень проявления действия или признака.

Фразеологизмы, обозначающие обстоятельства времени: *денно и ночью; не по дням, а по часам* (противопоставление: *долго – быстро*), *рано или поздно* и др; места: *направо и налево; вдоль и поперек; взад и вперед; между жизнью и смертью; то там, то тут; ни туда ни сюда*.

Фразеологизмы, обозначающие качественный признак действия, образ действия: *душой и телом; вкось и впрямь; всеми правдами и неправдами; море по колено* (метафорическое противопоставление: *глубоко – мелко*); *оптом и в розницу; волей-неволей; не в бровь, а в глаз* и др.

В эту субкатегорию входит большая группа ФЕ, построенных с использованием типизированных лексических элементов:

- *ни жарко ни холодно, ни душой ни телом, ни к селу ни к городу* и др;
- *и в хвост и в гриву, и смех и грех, и так и так, и так и сяк* и др.;
- *от аза до ижицы, от альфы до омеги* и др.

Фразеологизмы, обозначающие степень проявления признака или действия: *то пусто, то густо; ни тпру ни ну* ('ничего не делать', противопоставление: *ни назад ни вперед*) и др.

Большинство рассмотренных качественно-обстоятельственных фразеологизмов строится на противопоставлении антонимов (*черный – белый, небо – земля, правда – неправда* и др.), так как для появления антонимии необходимо наличие качественного признака в значении слова, который может подвер-

гаться градации и доходить до противоположного. Именно поэтому категория качественно-обстоятельстванных ФЕ является самой обширной (около 30% от исследуемых единиц). Необходимо заметить, что очень часто антонимы соединяются союзом И (*направо и налево, вдоль и поперек, взад и вперед, вкось и впрямь* и др.). Л. А. Новиков отмечал: «...противоположности могут в тексте не только противопоставляться, как иногда думают, но и складываться, соединяться, а также сопоставляться, разделяться, чередоваться, сравниваться, дополнять друг друга и т.д.» [4]. Между антонимами в указанных фразеологических единицах наблюдаются отношения соединения и сравнения (*как небо от земли*).

К **призначным фразеологизмам** относятся ФЕ, обозначающие признак, свойство предмета или лица: *далекое и близкое; живые и мертвые; ни рыба ни мясо; ни богу свечка, ни черту кочерга; из грязи в князи* (противопоставление: *бедность — богатство*) и др.

Среди призначных фразеологизмов с противопоставлением компонентов преобладают бинарные ФЕ, построенные с использованием типизированных лексических элементов (*ни дать ни взять, ни пава ни ворона* и др.)

Модально-междометные фразеологизмы выражают волеизъявление, чувства, отношение говорящего к предмету высказывания, собеседнику или ситуации общения. Модальные ФЕ с противопоставлением могут выражать: пожелание: *ни пуха ни пера* ('пожелание удачи, успеха в каком-либо деле'), *ни дна ни покрышки* ('пожелание неудачи, несчастья'); приветствие: *Сколько лет, сколько зим!* ('восклицание при встрече с кем-то, с кем давно не встречался'); волеизъявление: *вот тебе бог, а вот порог* ('убирайся вон, уходи по хорошему'); уверенность / неуверенность: *ни да ни нет*; возможность / невозможность: *ломиться в открытую дверь, в ложке воды утопить, без ножа резать*.

Количественные фразеологизмы по значению близки к числительным, но не обозначают конкретное количество. ФЕ этого класса могут обозначать неопределенно большое или малое количество: *всего ничего, капля в море* (противопоставление: *мало — много*), *ни больше ни меньше, ни много ни мало, ни два ни полтора* ('ни плохо ни хорошо'); полное отсутствие степени проявления признака, предмета, явления: *ни кола ни двора* ('совсем ничего нет', противопоставление: *мало — много*), *рожки да ножки* ('совсем ничего не оставлять от кого-, чего-либо', противопоставление: *голова — ноги*), *ни гласа ни вздыхания* ('ни звука, полное молчание', противопоставление: *шум — тишина*).

О возможности выделения **местоименных фразеологизмов** писали В. А. Лебединская и Н. Б. Усачева: «В принципе, можно выделить местоименные фразеологизмы, включив в них такие, как сам по себе, не что иное как, не тот так другой, тот или иной и т. п.» [5].

Местоименные ФЕ с противопоставлением: *сам не свой* (противопоставление: *я — не я*), *и нашим и вашим, все или ничего, тот или другой* и др.

Служебных фразеологизмов при анализе фразеологизмов с противопоставлением обнаружено не было. Нами была выделена группа ФЕ с противопоставлением, в которых наблюдается переход служебных частей речи в разряд знаменательных: *за и против, от и до*.

Среди ФЕ с противопоставлением присутствуют все выделяемые учеными классы знаменательных фразеологизмов и отсутствует класс служебных

единиц. Широкое использование качественно-обстоятельственных и предметных ФЕ способствует созданию образности, максимально доступной для восприятия широким кругом читателей. Для создания ярких и запоминающихся образов в состав фразеологизмов включаются типизированные лексические элементы, семантически несовместимые слова, создающие каламбурные и оксюморонные структуры. Активное использование процессуальных фразеологизмов связано с характерным для фольклора стремлением к динамичности, большинство процессуальных фразеологизмов характеризует деятельность субъекта, направленную на объект, что подчеркивает активное, деятельное отношение народных авторов к окружающему миру. Непродуктивность признаков ФЕ связана со стремлением фразеологизма не к описанию, а к рассуждению. Использование модальных и междометных фразеологизмов придает яркость и остроту чувствам и ощущениям, позволяет лаконично и четко выразить авторскую позицию.

Список литературы:

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993. – С. 382.
2. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учебное пособие для вузов. – М., 1985. – С. 86.
3. Там же. – С. 86.
4. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). – М., 1973. – С. 126.
5. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов. – Курган, 1999. – С. 19.

O. Frolova

IDIOMS WITH CONTRASTING COMPONENTS: SEMANTIC FEATURES

Abstract: In the present article semantic features of phrases are analyzed according to contrasting components. The author defines the reasons of active usage of contrasting categories in the phraseology. Semantic and grammar classification of the phrases, analysis of semantic sub-categories, groups and sub-groups of the phrases is given in the article. Besides, the most wide-spread semantic classes (such as object, process and adverbial phrases) are revealed.

Key words: Phraseological unit, semantic properties, opposition of components.

Литература

УДК 82-31

Т.В. Меньшиков

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И МЫСЛИТЕЛЕЙ*

Аннотация: Статья посвящена одному из актуальных аспектов современного изучения русской классической литературы. Национальная духовность, ставшая основой мировоззрения лучших умов России, получила своё выражение в произведениях Чаадаева, Хомякова, Достоевского, Толстого, Соловьёва, Фёдорова, Ильина и многих других выдающихся деятелей русской культуры. «Наша задача состоит в том, чтобы сохранить и воплотить накопленный духовный опыт», – такова цель автора данной статьи.

Ключевые слова: русская идея, духовность, национальное самосознание.

«Русская идея» как философское понятие впервые получила своё толкование в работах крупнейших отечественных мыслителей второй половины XIX века. Данному культурно-историческому факту предшествовал длительный период развития русского национального самосознания.

«Возраст русской идеи есть возраст самой России», – считал И.А. Ильин [1]. На более конкретную дату зарождения национальной идеи указал Ю.А. Вьюнов: «Развитие русской идеи определялось ростом национального самосознания, которое, в свою очередь, прошло целый ряд этапов, связанных с крупными историческими событиями. Прежде всего такими, как принятие христианства (988)...» [2]. Не отрицая большого значения христианизации Древней Руси для формирования отечественных философских традиций, нельзя не учитывать важности дохристианского периода русской истории. Исходя из положения о том, что русская идея – это «сложнейший комплекс духовно-нравственных и религиозно-философских ценностей» [3], при анализе этой идеи необходимо иметь в виду не только православные истоки национального сознания, но и дохристианские представления наших предков. Кроме того, христианство на Руси не вытеснило язычество, а тесно с ним переплелось, о чем, например, свидетельствует русская духовная поэзия XI – XIX веков [4].

Пожалуй, самым глубоким следом языческих представлений в отечественной культуре можно назвать восприятие природы как одухотворенного мира, неразрывно связанного с человеческим бытием и сознанием. Плач Ярославны в «Слове о полку Игореве» – один из ярких тому примеров. Как заметил А.Ф. Замалеев, «целостность и единство природного бытия выступает в «Слове» предпосылкой целостности и единства бытия общественного...» [5].

С приходом на Русь христианства множественность духов природы была обобщена единым Святым Духом. В «Стихе о 12 пятницах» говорится, что в

---

* © Меньшиков Т.В.

день Троицы

Пушал Господь Святой Дух по всей земле...

Воплотив Свят Дух во сырую землю,

Во всю поселенную... [6].

В последнем стихе заметна древняя тяга русского человека к вселенскому единению. Недаром слово «собор» происходит от глагола «собирать». После принятия христианства вера в единого Бога «собирала» все разрозненные языческие представления о мире наших предков и создавала единую национальную духовную культуру.

На формирование соборного духа русского народа повлияли как мировоззренческие, так и политические предпосылки. Чтобы выжить между двух враждебных сторон, между Востоком и Западом, Древней Руси нужно было защищать свои интересы единым миром. Определённая общественно-историческая необходимость получила своё художественно-философское выражение и в «Слове о полку Игореве», и в «Поучении Владимира Мономаха». В «Поучении» сына Всеволода I и дочери византийского императора Константина основным ядром являются православные принципы, а именно:

– совестливость и милосердие («страх имейте божий в сердце своём и милыстыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра» [7]);

– отрицание насилия («ни правого, ни виноватого не убивайте и не повелевайте убить его»);

– покаяние и примирение («все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьёю, не покаившись и не помирившись между собою»).

Принципы византийского православия, унаследованные от матери, Владимир Мономах благотворно прививал на русской почве, поскольку Древняя Русь остро нуждалась в них и была готова к их восприятию («Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле» [8]).

Необычайно глубокое и плодотворное восприятие русской душой и русской мыслью христианских принципов дало основание к появлению идеи о «богоизбранности» русской нации. Эта идея получила своё выражение в XVI веке в знаменитой формуле «Москва – третий Рим», высказанной игуменом псковского Елеазарова монастыря Филофеем в его послании великому князю московскому Василию III [9].

В XVII – XVIII веках в среде старообрядчества литературное выражение получила легенда о Китеж-граде как богохранимом граде истины, над которым простер свои невидимые длани в знак духовного покровительства сам Господь [10].

Осознание своей «богоизбранности» в русском народе утверждалось по мере становления централизованного Русского государства. Свержение ига ордынских ханов (1480), объединение русских земель вокруг Москвы (XV в.), борьба за независимость в Смутное время (начало XVII в.), создание Российской империи при Петре I (первая четверть XVIII в.) – главные этапы обретения русским народом своего права занять особое место в кругу ведущих держав мира. Проходя через тяжелейшие испытания, русский народ укреплял свою жизнестойкость, развивал свои лучшие национальные качества и видел в этом «божественный промысел».

XVIII век, ставший заключительным этапом утверждения нашей наци-

ональной независимости, был одновременно «веком ученичества», когда Россия быстрыми темпами преодолевала выстраданное своей ролью щита между Востоком и Западом отставание от передовых стран Европы. Однако активное освоение достижений западной культуры не вытеснило самобытности русской духовности, а, наоборот, утвердила уверенность в том, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать».

«Век ученичества» способствовал появлению в России людей с блестящим образованием, глубоким знанием мировой истории и культуры, наделенных выдающимся умом и талантом, готовых с философских позиций сформулировать ту мысль, которая объяснила бы «высокие предназначения» русского народа.

Одним из первых, кто заговорил о «святой идее» национального самознания в XIX веке, был П.Я. Чаадаев. В 1829 году в своём первом «философическом» письме Чаадаев определил место и роль русской нации в остальном мире так: «Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку /.../ мы, можно сказать, некоторым образом – народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок» [11]. Подчёркивая исключительность России, автор «Философических писем» отмечал её особую роль в движении всех народов к «установлению совершенного строя на земле». Роль эта – «важный урок», который заключается в «наставлении», в «преподнесении» великой, «святой идеи». Суть этой идеи наиболее чётко сформулирована в восьмом «философическом» письме: «Дух самоотвержения; отвращение от разделения; страстное стремление к единству: вот что сохраняет христиан чистыми при любых обстоятельствах» [12]. «Самоотвержение» и «стремление к единству», по мнению Чаадаева, являются отличительными чертами русского национального характера. Под «самоотвержением» Чаадаев понимал «неизменную любовь к ближнему», которая приведёт людей к общему счастью: «Не ищите благ для самих себя, /.../ ищите для других; /.../ счастье частное не заключено ли в счастье общем?» [13] Осуществление единства всех людей автор «Философических писем» видел в «прямой передаче истины в непрерывном ряду её служителей», в слиянии «всех существующих на свете нравственных сил в одну мысль, в одно чувство», что повлечёт за собой установление такой социальной системы, которая «должна водворить царство истины среди людей» [14].

Определение исключительности русской нации, представление о ней как о носительнице великого начала, указывающего верный путь к духовному прогрессу человечества на основе самоотречения и единства – важные философские умозаключения одного из первых толкователей русской национальной идеи.

Большой вклад в осмысление русской идеи внесли славянофилы А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. Их считают провозвестниками национальной идеи [15]. Славянофилы первыми заявили о необходимости создания оригинальной отечественной философии, принципиально отличной от западной. В 1856, в год смерти своего друга и соратника, А.С. Хомяков писал: «Иван Васильевич Киреевский принадлежал к числу людей, принявших на себя подвиг освобождения нашей мысли от суеверного поклонения мысли других народов, передавших нам начала общечеловеческого знания и, может быть, более и яснее

всех уразумел он шаткость и слабость тех мыслительных основ, на которых стоит всё современное строение Европейского просвещения» [16]. Осуждая «торжество рационализма» и «индивидуальную изолированность» западного сознания, славянофилы противопоставляли им «живительный дух» и соборность русского Православия. Хомяков утверждал, что соборное единство есть «единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви» [17].

Пожалуй, одно из самых выдающихся воплощений эта философская концепция получила в творчестве Ф.М. Достоевского. Именно он впервые употребил термин «русская идея» в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год: «Мы предугадываем, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях» [18]. В 1873 писатель конкретизировал суть русской идеи: «К числу таких скрытых в русском народе идей – идей русского народа – и принадлежит название преступления несчастием, преступников несчастными. Идея эта чисто русская» [19]. Сострадание даже по отношению к преступнику, разделение с ним его вины, ощущение ответственности за всё зло вокруг, вера в благодетельность и целительность соборности – вот, по мнению Достоевского, ценнейшие отличительные качества русского духа. «Их воскресила любовь» – идея знаменитого романа «Преступление и наказание» в уникальной художественно-философской форме выражает «русскую идею».

Важность в жизни каждого человека святой, «божеской» любви как неотъемлемой составляющей русского народного духа утверждал в своём творчестве Л.Н. Толстой. Знаменитые, «любимые» герои писателя сложными жизненными путями шли к открытию выстрадаанных и от этого ещё более ценных истин.

Константин Левин, герой романа «Анна Каренина», приходит к выводу: «Да одно очевидное несомненное проявление божества – это законы добра, которые явлены миру откровением, и которые я чувствую в себе, и в признании которых я не то что соединяюсь, а волею-неволею соединён с другими людьми в одно общество верующих, которое называют церковью» [20].

У Толстого движущей силой духовного единения людей являются законы добра, у Достоевского – страдание и сострадание, что не противоречит одно другому, а в совокупности подтверждает глубину русской идеи.

Идея соборной связи всех верующих в Церкви Христовой, ставшая центральным положением философских взглядов многих крупнейших русских мыслителей XIX века, легла в основу учения В.С. Соловьёва.

В лекции «Русская идея», прочитанной и опубликованной в Париже в 1888 году, Соловьёв рассматривал человечество как «великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации» [21]. Отсюда выводится мысль о том, что истинная национальная идея заключается в «органической функции», возложенной на тот или иной народ Богом. Миссия России, по мнению Соловьёва, состоит в том, чтобы «всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного и вселенского единства человеческого рода, не-

преложное основание которого дано нам в Церкви Христовой» [22].

Признавая за Россией особые возможности для объединения всех христианских народов, Соловьёв указывал на необходимость сохранения соборного начала в мировой политике: «... нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них» [23]. «Нужно жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех» – в такой форме выразил принцип всеединства другой выдающийся русский мыслитель Н.Ф. Фёдоров [24].

В своей главной книге «Философия общего дела» Фёдоров изложил конкретную программу объединения всего человечества путём воскрешения к жизни ушедших поколений. По мысли Фёдорова, человечество должно объединиться против смерти, найти средство оживить всех умерших и освоить космос, чтобы разместить там воскресших: «Вся вселенная будет объединением бесчисленных миров необъятного небесного пространства тьмами тех воскресших поколений, в бесчисленные века землёю поглощённых» [25]. В философское осмысление русской идеи Фёдоров внёс важный вклад – космическую соборность.

Кроме космизма, составной частью русской идеи стала эсхатология. В отличие от западной, русская эсхатология оптимистична. Хотя люди из-за своей разобщённости и безнравственной деятельности сами приближают свой конец, Апокалипсис не означает исчезновение человечества, а только способствует его духовному перерождению.

В начале XX века, сулившего грандиозные социальные потрясения, вслед за Фёдоровым считал грядущий «конец света» не гибелью, а перерождением Н.А. Бердяев. В годы Первой мировой войны в статье «Душа России» Бердяев писал: «Апокалиптическая настроенность глубоко отличает русскую мистику от мистики германской, которая... никогда не была устремлением к Божьему граду, к концу, к преображению мира».

Отталкиваясь от идей Соловьёва и Фёдорова, Бердяев по-новому раскрыл суть русского мессианства. Россия избрана в качестве жертвы, которая искупит мировое зло: «Лишь жертвенность большого и сильного, лишь свободное его уничтожение в этом мире спасает и искупляет» [26].

Первая мировая война и последующая за ней революция привели русскую философскую мысль к окончательному признанию мессианской, жертвенной роли России в развитии мировой цивилизации.

Все отечественные мыслители, которые формулировали русскую идею, отрицали западные образцы насильственного преобразования общественного устройства, и грядущая революция в России виделась им, прежде всего, как революция духа. Однако после октябрьского переворота во главе государства встала так называемая «интернациональная полуинтеллигенция», которой были чужды интересы и чаяния русского народа, и вместо духовного преображения революция принесла забвение вековых православных традиций и нравственную деградацию. В 1922 году «русская идея» вместе с её толкователями (Н.А. Бердяевым, Л.П. Карсавиным, И.А. Ильиным) была изгнана в эмиграцию.

За рубежом были пересмотрены некоторые положения русской национальной идеи. Например, был снят вопрос о мессианстве. В 1951 году в статье «О русской идее» Ильин писал: «Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим. Перед нами задача: творить русскую самобыт-

ную духовную культуру – из русского сердца, русским сознанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом – смысл русской идеи» [27]. Пересматривая смысл и содержание русской идеи на новом этапе истории русской нации, Ильин не отрекался от её главной составляющей – «божеской любви»: «...русская идея есть идея сердца. Она утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа» [28].

Выделяя самые глубокие, природные качества русской души, Ильин особо отмечал её широту и открытость. В своей речи «О России» он говорил: «Россия одарила нас огромными природными богатствами – и внешними и внутренними; они неисчерпаемы. /.../ Мы родимся в этой уверенности, мы дышим ею, мы так и живем с этим чувством, что «и нас-то много, и у нас всего много», что «на всех хватит, да еще и останется» /.../ От этого чувства в нас развита некая душевная доброта, некое органическое ласковое добродушие, спокойствие, открытость души, общительность. /.../ Отречься от этого дара – значило бы отречься и от неё (от России. – Т. М.), и от себя» [29].

По мнению одного из современных философов, сегодня «мудрость уже высказана, наша задача состоит в том, чтобы усвоить её, истолковать, распространить, осуществить» [30]. Именно эту цель и ставил перед собой автор данной статьи.

Список литературы:

1. Ильин И.А. Наши задачи. – М., 1992. – С. 331.
2. Вьюнов Ю.А. Русский культурный архетип. – М., 2005. – С. 308.
3. Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX вв. – М., 2000. – С. 8.
4. Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI – XIX вв. – М., 1991.
5. Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XIX – XVI вв.). – Л., 1987. – С. 133.
6. Голубиная книга: русские народные духовные стихи XI – XIX вв. – М., 1991.
7. Памятники литературы Древней Руси: В 12 т. – М., 1978. – Т. 1. – С. 393.
8. Там же. – С. 413.
9. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – М., 1984. – С. 436.
10. Шестаков В.П. Эсхатологические мотивы в легенде о граде Китеже // Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. – М., 1995. – С. 6–32.
11. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М., 1987. – С. 35, 38-39.
12. Там же. С.133.
13. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1987.С.151.
14. Там же. – С. 34.
15. Сохряков Ю.И. Национальная идея в русской публицистике. – М., 2000. – С. 9.
16. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. – Т. 1. – М., 1878. – С. 588.
17. Хомяков А.С. Избранные сочинения. – Нью-Йорк, 1955. – С. 266.
18. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. – Т. 18. – С. 37.
19. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15 т. – СПб., 1995. – Т. 12. – С. 20.
20. Толстой Л.Н. Анна Каренина. – М., 1982. – С. 687.
21. Соловьёв В.С. Русская идея // Сборник произведений русских мыслителей. – М., 2004. – С. 228.
22. Там же. – С. 238.
23. Там же.
24. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. – Т. 1. – Верный, 1906. – С. 314.
25. Федоров Н.Ф. Сочинения. – М., 1994. – С. 288-289.
26. Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея. – М., 2004. – С. 317.

27. Ильин И.А. О русской идее. // Русская идея. – М., 2004. – С. 410.
28. Там же. – С. 403.
29. Ильин И.А. О России // Русская идея. – М., 2004. – С. 418, 419, 421.
30. Гулыга А.В. Русская идея и её творцы. – М., 1995. – С. 11.

T. Menshikov

RUSSIAN NATIONAL IDEA IN WORKS OF HOME WRITERS AND THINKERS

Abstract: The paper is devoted to one of the urgent aspects of modern study of the Russian classical literature. The national spirituality as a base of the world outlook of the best clever mans of Russia was manifested in the works of Chaadaev, Khomyakov, Dostoevsky, Tolstoi, Solovyov, Fedorov, Ilyin and many other eminent cultural workers. “Our task is to save and incarnate the stored spiritual experience” is the aim of the author of this paper.

Key words: Russian idea, spirituality, national consciousness

И.А. ИЛЬИН О ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО АКТА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Н.В. ГОГОЛЯ И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)*

Аннотация: Статья посвящена проблеме художественного акта в работах И.А. Ильина на примере творчества Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. Автор обращается к анализу И.А. Ильиным феномена творческого акта. Показывает взаимообусловленность творческого акта и жизненного пути великих классиков.

Ключевые слова: творческий акт, талант, гениальность, труд.

10 апреля 2008 года исполнилось 125 лет со дня рождения замечательного философа русского послеоктябрьского зарубежья И.А. Ильина (1883 – 1954), оставившего после себя огромное печатное наследие, внесшего немалый вклад в разработку таких академических областей, как философия, право, богословие, история, политология, экономика, статистика, культурология, психология, этика, эстетика.

В эстетической теории философа огромное значение отведено исследованию такого понятия, как творческий акт художника. И.А.Ильин вносит новое в эстетику, разрабатывая положения о творческом акте, рассматривая проблему с позиции творящего художника и воспринимающего реципиента. Ильин пишет, что самобытный способ творить искусство и есть художественный акт. Каждый художник творит по-своему, что не исключает необходимости постоянно совершенствоваться, умножать систему своих знаний, развивая силу творческого созерцания и способность к сосредоточению на существенном. Художник (писатель, поэт, музыкант, живописец, скульптор, архитектор или актер) должен расширять, углублять, укреплять свой творческий акт, или, по крайней мере, стараться держаться в пределах сродных ему сюжетов, тем и предметов. Так, художник, творящий не из сердца, не должен браться за лирику до тех пор, пока не пробудится в нем любовь и не будет включена в его творчество. Художнику, не включившему в свой творческий акт волю, «не удадутся» драма или трагедия. Психологический роман будет не по силам беллетристу, «всецело прилепившемуся к чувственному опыту». Творческий акт перестраивается целиком при переходе от пейзажа к портрету, от скульптуры к барельефу, от исторического романа к фантастической сказке, от эстрадной декламации к сцене [1]. Художник должен знать творческий диапазон своей души и своего духа, растить и совершенствовать его. Каждый художник по-своему видит и по-своему изображает и внешний материальный мир и внутренний мир души. В литературе И.А. Ильин различает «мастеров внешнего видения» и «внутреннего видения». К первым относит творчество Л.Н. Толстого. К ярчайшим представителям второго – творчество Ф.М. Достоевского, погружающее нас в пучину человеческих страстей.

Беря за критерий человеческое сердце, философ различает в литературе художественный акт «обнаженного и кровоточащего сердца» – Диккенс, Гоф-

* © Моисеенко М.В.

ман, Достоевский, Шмелев. Художественный акт «замкнутой, в сухом календии перегорающей любви» – Лермонтов. Мастерство «знойной и горькой чувственной страсти» – Мопассан, Бунин [2]. Но есть и другая сторона концепции о художественном акте. Читатель-зритель-слушатель должен «внутренне приспособиться и раскрыться для данного художника и определенного произведения, ибо «душа, настроенная слушать балалайку, бывает неспособна внимать органу» [3]. Но речь может идти не только о «настроенности» на определенную тематику, но так же и о неспособности восприятия человеком, а порой и обществом творений определенного художника, глубокой тематики, вследствие несовпадения их «вкусов». Читателю, ориентированному на произведения Золя и Томаса Манна, считает философ, трудно внять Шмелеву и Тургеневу [4]. И.А. Ильин с грустью замечает, что людям присуще плыть в мутных водах современности и отзываться только на моду во всем ее плоском короткоумии [5]. Ильин проводит мысль о том, что настоящий творящий художник воспринимает мир глубже, утонченнее, сокровеннее, чем это дано его современникам, в силу чего его голос часто одинок, и поколение, предающееся хладному безбожию, не может внять голосу молящегося художника. «Стихия бесстыдства не отзовется на стихию целомудрия» [6]. Поэтому одинокий, не понятый современниками художник должен вложить свои творения в «незримую сокровищницу художественности», где не пропадет ни одно духовное усилие и ни одно творческое создание» [7], делает вывод философ.

Через призму теории о специфике художественного акта И.А. Ильин исследует творчество Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. Исследование творчества классиков через призму специфики их художественного акта дает возможность более глубоко разобраться в драматических поворотах их судеб, тайнах творчества, объективно оценить мировоззренческую позицию.

В статье «Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни» Ильин дает философское осмысление творчества Н.В. Гоголя.

Философ отмечает, что Н.В. Гоголь был ценен и признан при жизни. Его «Вечерами на хуторе близ Диканьки» восторгался Пушкин. 23-х летний Гоголь входит в творческую элиту России. Его образ сложен, противоречив и неисчерпаем. Он чувствовал в себе силы великие, какое-то необычайное призвание. В одном из интимных писем Жуковскому Н.В. Гоголь писал: «Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом. Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня, и потомки тех же земляков моих, может быть, с глазами, влажными от слез, произнесут примирение моей тени» [8].

Очень плодотворным для Н.В. Гоголя оказались творческий союз и дружба с А.С. Пушкиным. Гоголь был человеком с чрезмерно тонким и нервным душевным складом, унаследованным от матери, мнительным и колеблющимся, и тесное общение и дружба с «мастером классически радостного восприятия жизни» [9], была для писателя насущной необходимостью. А.С. Пушкин поддерживал творческие силы Гоголя, дарил ему уверенность и спокойствие. Он подарил Гоголю идеи «Ревизора» и «Мертвых душ». За «Мертвые души» решил сначала взяться сам, но понял, что по своей художественной канве тема не совсем ему подходит. Пушкин советует Гоголю заняться изучением народного языка, и Гоголь в течение 10 лет собирает русский словарь, сочными и образными выражениями из которого обильно сдобрены его произведения. С гибелью А.С. Пушкина у Гоголя буквально ушла почва из-под ног. Он сразу

осиротел, оставшись с гигантским замыслом и трудом его жизни «Мертвыми душами» один на один.

Исследуя феномен Н.В. Гоголя, И.А. Ильин обращается к проблеме соотношения таланта и гениальности. Подчеркивает, что человек может быть многоталантным, но не гениальным. И, напротив, гений может быть очень талантливый, мало талантливый, даже вовсе бесталанным. В этом случае он постоянно пребывает в состоянии духовной беременности, не завершающейся родами. Гениальности порой трудно дается формообразующий акт, проявление вовне. Ильин замечает, что гениальный человек может обладать недостаточно гибким творческим актом, односторонним талантом при многосторонней гениальности. Таков, по его мнению, Н.В. Гоголь, являющийся ярким примером недостаточно талантливой гениальности. Ему блестяще удавались сатира, юмор, горькая ирония, нашедшие свое воплощение наряду с другими произведениями в первом томе «Мертвых душ», который и был задуман изначально, как преисподняя, ад. Пушкин с Гоголем замыслили триаду: ад, чистилище, рай. Их концепция строилась на религиозной основе – через показ в сгущенных красках плотно-сдвинутого негативного и безобразного, страстно воззвать к необходимости духовного, религиозного очищения в России. Причем Ильин отмечает, что из скромности единомышленники ограничивались лишь Россией, хотя речь могла идти и об эпохе религиозного очищения человечества. Первый том «Мертвых душ» замыслился, как показ «грязного двора, ведущего к изящному строению» [10]. Атмосфера настолько грустна, что порой сам Гоголь, «стремясь на воздух, выпадает порою из своего творческого акта и начинает с умильнейших вздыханий и лирических вставок, от которых у самого его и у читателя сердце начинало петь» [11]. Гоголь очень огорчился, когда персонажи «Мертвых душ» вызывали у его друзей веселый смех. Он рассчитывал на другую реакцию. В «Мертвых душах» показана целая вереница так называемых, говоря словами Гоголя, «существователей», людей, живущих без духовных запросов, имена которых стали нарицательными. Они-то и есть «мертвые души», мертвые духовно. Во втором томе планировалось показать чистилище. А вот этого-то у Гоголя и не получилось, не говоря уже о рае. Он понимал, что необходимо начать со своего внутреннего очищения, хотя и прежде вел нравственный образ жизни и особой необходимости в этом не было. В результате Гоголь в свои 43 года уподобился мудрецу-старцу. Но перестройка творческого акта ему не давалась. «По силе созерцания и изображения акт этот был мощным, но весьма специфическим по форме, неподатливым, трудно моделируемым; он был резким в видении негативного, в осуждении его, резким по юмору и сатире. По отношению к человеку он застыл в *очистительном «нет...»* [12]. Граф Соллогуб писал, что прежде гений руководил Гоголем, теперь же он сам хотел руководить гением. Вот это-то ему и не удалось [13]. Гоголь просил в письме своему другу Жуковскому помолиться за него, чтобы он хоть сколько-нибудь был удостоен пропеть гимн красоте небесной [14]. Но воплощение положительных ценностей ему не давалось: не хватило положительного опыта. Этому в немалой степени способствовал тот факт, что Гоголь мало жил в России и путешествовал по ее просторам. В основном он находился за границей. В последние годы своей жизни писатель планировал совершить большое путешествие по России, осуществить которое ему так и не удалось.

И, когда Гоголь понял, что чистилище и рай ему не под силу, наступил

тяжкий трагический кризис. Как человек он любил Россию, но как художник выразить этого уже не мог. Трижды сжигал он второй том «Мертвых душ». В третий раз накануне смерти. Сил переделывать свой творческий акт у него уже не было. Гоголь ушел из жизни добровольно, сохраняя ясную память. Мнение о его мнимом безумии, по твердому убеждению И.А. Ильина, ошибочно. За четыре месяца до смерти Гоголя с ним встречался И.С. Тургенев (а слухи о том, что Гоголь слегка не в себе, ходили уже тогда), который говорил о его полной ясности рассудка, необычайном уме и даже жизнерадостности. За неделю до смерти Гоголь причастился, затем, без каких-либо выраженных признаков болезни, лег в кровать, отказался от еды, питья и лекарств. 21 февраля 1852 года Н.В. Гоголя не стало.

Такой трагической развязке в немалой степени способствовал тот факт, что Гоголь не был до конца понят даже среди своих друзей. Пытаясь выразить свои взгляды и идеалы в публицистической форме, он составляет и публикует «Выбранные места из переписки с друзьями», которую вел из-за границы. По мнению Ильина, это была кладезь выстраданной жизнью мудрости, философско-религиозная публицистика. Но неудачна была форма: назидательно-поучающий тон. В ней сразу увидели высокомерие, надменность, морализаторство. Приветствовали книгу немногие: их голос потонул в море почти всеобщей хулы. Крайне отрицательную роль сыграло и духовное влияние на писателя фанатичного священника-ортодокса Матвея Константиновского, призывавшего его отречься от прежней писательской деятельности и проклясть наследие А.С. Пушкина. Гоголь остался один на один с неизлечимой болезнью, непонятый и творчески опустошенный. В последний путь его провожала вся Москва и весь Московский университет, почетным членом которого он был.

Подводя итоги, необходимо отметить, что И.А. Ильин не был сторонником «обличительного» направления в русской литературе, объектом изображения которого являлись лишь уродливые, негативные аспекты действительности. Поддерживал его и православный писатель И.С. Шмелев: «Для меня становится ясным, как русская литература – невольно искажала *правду о России* и русском человеке. Не Обломове, а – волевым. Жертвой такого невольного искажения явился Гоголь, и – за ним, десятилетия недодуманностей и – лжи. Не крепили, а подкашивали» [15].

И, когда сегодня, в современных дискуссиях и публицистике, вскрывая язвы Российской действительности, ссылаются на авторитет Гоголя, забывают, что писатель с ярко выраженным талантом отрицания, подавал негативы в сознательно утрированной форме, в сильно сгущенных красках, движимый благородными порывами, что так быть не должно, призывая к раскаянию, нравственному и религиозному очищению, оставив на потом показ положительных сторон Российской действительности, красоты мира. И открыть тако-го Гоголя помогает детальное и вдумчивое исследование И.А. Ильина.

Исследование творчества Н.В. Гоголя через призму его художественного акта, помогает приоткрыть завесу тайны жизни и смерти великого писателя, глубже понять специфику его творчества.

О специфике личности и творчества Ф.М. Достоевского И.А. Ильин размышляет в произведениях «Достоевский как человек и характер», «Достоевский как художник», «Достоевский как публицист».

Ильин отмечает, что уже в 24 года Ф.М. Достоевский становится извест-

---

ным как литератор, стоящий в первых рядах русской литературы. Его произведением «Бедные люди» восхищаются Григорович, Некрасов и Белинский. В.Г.Белинский говорил: «Новый Гоголь появился; здесь открываются такие тайны жизни и характеров на Руси, которые до него не давались никому» [16]. В этот период Достоевским написаны «Неточка Незванова» и «Двойник».

Исследуя специфику личности и творчества Ф.М. Достоевского, И.А. Ильин разделяет понятия Достоевский-человек и Достоевский-художник. Показывает, что Достоевский-человек «служил» Достоевскому-художнику. Художник непременно должен был объективировать, дать жизнь миру образов и сюжетов, которые скапливались где-то в глубине души и давили невыносимым грузом. Его творческий акт требовал объективизации, опредмечивания художественного мира его сознания. Он должен был обязательно художественно претворить этот мощный заряд, который носил в себе. Достоевский писал с каторги брату: «Остались память и образы, созданные и еще не воплощенные мной. Они изъязвят меня, правда!» и еще: «Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет, угаснет в моей голове или отравой в крови разольется! Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках!!!» [17]. Ему необходимо было избавиться от того сонма образов, которые он носил в себе. В противном случае человек в нем не пережил бы художника.

Ильин считает, что, чтобы понять Достоевского, необходимо немного «сойти с ума» на его лад. Ф.М. Достоевский ждал вдохновения, пока в нем «объявится» художник. Тогда за четыре недели он мог продиктовать семь печатных листов одного из труднейших своих произведений «Преступление и наказание». Без вдохновения он ничего не писал. Работа сильно истощала его нервно, но в состоянии нервного напряжения ему работалось гораздо легче. Художник в нем был значительно мощнее физически слабого и хрупкого человека. Читая знаменитую Пушкинскую речь, больной и истощенный Достоевский, казалось, стал даже выше ростом, физически здоровее, прямо преобразился от воодушевления. Здесь в нем доминировал, по мнению И.А. Ильина, художник. А вот в письмах к жене от художника ничего нет, здесь мы видим просто человека, заботящегося и крайне волнующегося о здоровье жены, детей, семейном бюджете.

И.А. Ильин видит специфику художественного акта Ф.М. Достоевского также в необычайной чувствительности Достоевского-художника. И.А. Ильин относит его к типу людей с предельно чутким сердцем, равно как Жуковского, Гоголя, Пушкина, позднего Л. Толстого, Чехова, а также Шмелева и Ремизова. Он считал Достоевского художником не просто с чутким сердцем, а как бы с обнаженным и не только по отношению к людям, но и к миру духовности вообще. Такие люди, по мнению И.А. Ильина, имеют неоспоримое преимущество перед другими людьми: их опыт гораздо тоньше и глубже, они предрасположены к ясновидению. Но им необходимо считаться со своеобразными опасностями, которые, если их игнорировать, могут свести на «нет» их преимущества. Первая опасность – возможность душевного заболевания, вплоть до сумасшествия. Достоевский писал, что каторга в определенном смысле его спасла от угрызения сумасшествия. В «Двойнике» с большим мастерством, в деталях описывается психология параноика. Будучи сверхчувствительной натурой, молодой Достоевский тяжело перенес смерть матери (ему было 16 лет) и через два года

гибель отца от рук крепостных крестьян. (Отец был задушен). Тогда с ним случился первый эпилептический припадок, первые признаки болезни, которой он потом страдал всю жизнь.

Второй опасностью И.А. Ильин считает возможный у людей такого склада отказ от культурных норм, уход в примитивный аутизм. В качестве третьей называет излишнюю сентиментальность, для проявления которой нет объективных оснований.

Все герои Достоевского – чувственно страдающие люди. И.А. Ильин разделяет понятия эмоция и аффект. Под эмоцией он понимает вырвавшееся наружу, высказанное, импульсивное чувство, подчеркивая, что эмоциональные люди часто экстравертны. Под аффектом – сдерживаемое, накапливающееся изнутри тревожное чувство. Аффектированные натуры в большинстве своем интровертны. Достоевский выводит целый сонм аффектированных женщин и эмоциональных мужчин. Ильин считает, что понять и принять творчество Достоевского должно и можно лишь сердцем.

И.А. Ильин пишет, что такие люди, как Ф.М. Достоевский, с «абсолютной антенной чувств» много страдают. В произведениях писателя присутствуют бремя мира, боль мира. Ему трудно одному нести эту ношу, и он призывает читателя разделить с ним эту мировую скорбь. Достоевского не привлекают нестрадальцы, счастливыцы, удачники. Человек для него начинается со страданий, и мерой этих страданий определяется его ценность. Страдание, бремя мира – предпосылка его искусства.

Для успешной работы, по мнению Ф.М. Достоевского, важны страдание, вдохновение и скрупулезный труд. Писатель порой по три, четыре раза переделывал написанное, до тех пор, пока образы не становились пластически объективированными, скульптурно отточенными, характерологически индивидуализированными [18].

И.А. Ильин подчеркивает, что Ф.М. Достоевский был и страстным философом жизни, хотя и не создал никакой теории познания, никакой так называемой системы. Достоевский был философом потому, что жил на пределе бытия, стремился ухватить сущность, основной закон мира. Писатель был философом созерцания и художником сердца. Ф.М. Достоевский требовал совершенства в человеческом мире, тосковал по Божественному совершенству. У последнего преступника он пытался найти Божью искру. Он философ ада и рая, в аду взыскующий рая. Мир лежит во зле, но не безнадежно болен. Достоевский мечтал об абсолютной гармонии в социальной жизни, в том числе и международной.

Ф.М. Достоевский известен и как публицист. Его публицистика отличается большим своеобразием: это не теоретические статьи или выкладки, это фельетоны. Тогдашний мир со всеми его европейскими событиями, он рассматривал как целостное явление. Так, он называл две силы обособления и раскола в Европе: революционный социализм и консервативный римский католицизм. Много писал о непонимании и нежелании понять Западом России, подчеркивая при этом, что мы-то хорошо понимаем и признаем Европу. «Всякий европейский поэт, мыслитель, филантроп, кроме земли своей, из всего мира, наиболее и наироднее бывает понят и принят всегда в России» [19].

С политической точки зрения Достоевский был лояльным по отношению к монархии, антиреволюционером и антисоциалистом, раскаиваясь в заблуждениях молодости. В молодые годы Ф.М. Достоевский входил в круг радикаль-

---

но настроенных революционеров Буташевича-Петрашевского. В 1849 году вместе с другими гостями салона был арестован и заключен на восемь месяцев в Петропавловскую крепость. После замены смертной казни ссылкой в Сибирь на каторжные работы Достоевский в кандалах весом около пяти килограммов в Рождественский вечер отбыл в Омск, в Сибирь, где и провел четыре года в каторжной тюрьме в качестве бесправного каторжанина в грубом крестьянском платье, в кандалах с наполовину обритой головой. Ему пришлось отбывать свой срок вместе с уголовниками, выдержать всю ненависть, которую питали низшие слои к дворянскому сословию. Все четыре года прожил безвыходно в остроге, где лед в комнате едва оттаивал. Спал на голых нарах в соседстве с блохами, вшами и тараканами. Переносил тяжелейшие физические и нравственные мучения, был изнурен тяжелыми каторжными работами. Удивительно, но, несмотря на слабое здоровье, Ф.М. Достоевский выдержал это страшное испытание, выдержал физически и духовно. Более того, он считал впоследствии это наказание справедливым, а каторжан своими учителями. И.А. Ильин отмечает, что великим писателем с мировым именем Ф.М. Достоевский стал не вопреки каторге, а в определенном смысле благодаря ей. Жизнь показала ему Россию, во всех ее ипостасях: «от Москвы и Петербурга до Сибири, от каторжан до элиты русской культуры, русской бюрократии и императорской семьи» [20].

Рассуждая о русском народе, Ф.М. Достоевский подчеркивал, что он обладает свойством всечеловечности, умением ужиться со всеми и со всем. Этой же теме была посвящена и знаменитая Пушкинская речь 8 июня 1880 года на торжествах, посвященных открытию памятника А.С. Пушкину в Москве. Пушкин был представлен как носитель русской национальной идеи. А сама идея интерпретировалась им как идея наднационального братства сердец, всечеловеческой любви. И.А. Ильин пишет, что успех этой речи был ошеломляющим: «друг и враг, сторонник и противник, поклонник и завистник – все ликовали, все были потрясены» [21]. Молодежь увенчала Ф.М. Достоевского огромным лавровым венком, который он потом возложил ночью у подножия памятника поэту.

Достоевский подчеркивал огромную роль православия в России. Писатель считал, что тот, кто не понимает православия, никогда не поймет России. Православие срослось с русским искусством и культурой. Христос вошел в душу народа «без чтения, без письма, без теологии, без изучения катехизиса, а исключительно через созерцание образа распятого Богочеловека, через молитвы и гимны...» [22]. Живая христианская любовь является мерилom народной души и русской культуры во всех ее проявлениях. Достоевский считал, что у России есть «главная идея» – великая идея общечеловеческого будущего. Это всеобщее примирение, всечеловеческое единение в активной любви и для активной любви. И если это всего лишь мечта, то это мечта Достоевского, и, как подчеркивает И.А. Ильин, мечта выдает сокровенные чаяния, невидимую миру духовную субстанцию.

Таким видит Ф.М. Достоевского как личность и специфику его художественного акта И.А. Ильин.

Так, на примере исследования специфики художественных актов Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского И.А. Ильин показывает взаимообусловленность творческих актов и трагических перипетий жизненных путей великих классиков.

Список литературы:

1. См. Ильин И.А Основы художества. О совершенном в искусстве. Собр.соч. в 10 томах. – Т. 6. – Кн. 1. – М., 1996. – С. 106.
2. См. Там же. – С. 108.
3. Там же. – С. 111.
4. См. Там же.
5. См. Там же. – С. 114.
6. Там же.
7. Там же. – С. 115.
8. Цит. по : Ильин И.А. «Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни» // Ильин И.А. Собр соч. – Т. 6. – Кн. 3. – М., 1997. – С. 242.
9. См. Там же. – С. 264.
10. См .Там же. – С. 255.
11. Там же. – С. 267.
12. Там же. – С. 274.
13. См. Там же.
14. См. Там же. – С. 256.
15. Переписка двух Иванов. (1947 -1950) //Собр.соч. М., 2000. – С. 378.
16. Ильин И.А. Достоевский как человек и характер // Ильин И.А. Собр. соч. в 10 томах. – Т. 6. – Кн. 3. – М., 1997. – С. 285.
17. Ильин И.А.Достоевский как художник // Там же. – С. 310.
18. См. Там же. – С. 327-328.
19. Цит. по : Ильин И.А.Достоевский как публицист // Там же. – С. 354.
20. Ильин И.А. Достоевский как публицист // Там же. – С. 367.
21. Ильин И.А. Достоевский как человек и характер // Там же. – С. 305.
22. Ильин И.А. Достоевский как публицист // Там же. – С. 364.

M. Moiseenko

I. ILYIN ON A PROBLEM OF THE ART ACTION (ON EXAMPLE OF N. GOGOL'S AND F. DOSTOEVSKIY'S CREATIVITY)

Abstract: The paper is devoted to a problem of the art action in I. Ilyin's works on an example of N. Gogol's and F. Dostoevskiy's creativity. The author addresses to I. Ilyin's analysis of a phenomenon of the creative action. The author shows interconditionality of the creative action and a vital way of great persons.

Key words: The creative certificate, talent, genius, work.

И.А. ИЛЬИН О СПЕЦИФИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО АКТА Л.Н. ТОЛСТОГО И И.А. БУНИНА*

Аннотация: Статья посвящена исследованию специфики художественного акта через призму творчества Л.Н. Толстого и И.А. Бунина философом русского послеоктябрьского зарубежья И.А. Ильиным. Философ отмечает родственность творческих актов Л.Н. Толстого и И.А. Бунина: двойственность, внешнее чувственное видение, глубинное проникновение в бездну человеческого инстинкта. Художественный акт обоих писателей не исчерпывает глубины их личностей. Философ Духа, И.А. Ильин не симпатизирует подобным творческим актам, но вносит достойную лепту в объективное исследование тайн творчества Л.Н. Толстого и И.А. Бунина.

Ключевые слова: творчество, эстетическая теория, искусство, художественный акт.

Сегодня, благодаря труду Ю.Т. Лисицы, основного издателя и комментатора наиболее полного собрания сочинений И.А. Ильина, увидели свет 26 томов собрания сочинений И.А. Ильина. В октябре 2005 года состоялась церемония перезахоронения праха мыслителя в Донском монастыре, а также передача в 2006 году личного архива философа Московскому университету, студентом и профессором которого он был.

В издании «Русское Воскресение» (Париж, 15 июня 1955 г, № 1), посвященном памяти И.А. Ильина, подчеркивалось, что «даже среди элиты наших соотечественников... Иван Александрович представлял вершину наивысочайшую, как ученый, как философ и как религиозный мыслитель... Иван Александрович – учитель будущих веков!» [1].

Наиболее известны и популярны его труды, посвященные социально-политической, философски-правовой, религиозно-философской проблематике. Эстетическое наследие философа исследовано и известно в значительно меньшей степени.

Эстетика И.А. Ильина избирательна: он всегда оставался горячим приверженцем классического искусства и никогда не принимал модернизм.

Согласно Ильину, творить художественно означает служить Богу и нести радость людям. «Вы своею «эстетикой» торите для мира пути к Богу» [2], – отмечал И.С. Шмелев. И добавлял: «Ваша «эстетика» вошла монументально в теорию словесности и искусства. Ваше Искусство должно быть ведомо миру» [3]. И.С. Шмелев справедливо полагал, что время Ильина как литературного критика и искусствоведа еще придет. Сам же философ считал, что все самое главное было им сделано в последние годы жизни. Это время разработки и его эстетической концепции.

Философ исследует творчество и личность А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, И.А. Бунина, И.С. Шмелева и др. через призму специфики их художественного акта. Такой подход является достаточно оригинальным и обогащает современную эстетическую теорию.

* © Моисеенко М.В.

«Вы все опрокинули и перевернули в приемах критики» [4], – считал И.С. Шмелев. Писатель отмечал: «Вы дали – **лики**, живые. Дали – **сущности**. Вы вскрыли то, что и носители этих сущностей не сознавали вполне, – в чем эти «сущности» [5].

Ильин отмечал, что самобытный способ творить искусство и есть художественный акт. Каждый художник творит по-своему, что не исключает необходимости постоянно совершенствоваться и умножать систему своих знаний, развивая силу творческого созерцания и способность сосредоточения на существенном. Художник, считает Ильин, должен знать творческий диапазон своей души и своего духа, растить и совершенствовать его. Каждый художник по-своему видит и изображает и внешний материальный мир, и внутренний мир души. В литературе И.А. Ильин различает мастеров «внешнего видения» и «внутреннего видения». К первым относит творчество Л.Н. Толстого. К ярчайшим представителям второго – творчество Ф.М. Достоевского, погружающее нас в пучину человеческих страстей.

Исследование творчества классиков через призму специфики их художественного акта дает возможность более глубоко разобраться в поворотах их судеб, тайнах творчества, объективно оценить мировоззренческую позицию.

В данной статье мы непосредственно обратимся к исследованию И.А. Ильиным специфики творчества Л.Н. Толстого и И.А. Бунина.

В таких произведениях, как «Лев Толстой как истолкователь русской души («Война и мир»)», «Мировоззрение Льва Толстого», «Лев Толстой – художник и человек» И.А. Ильин обращается к творчеству Л.Н. Толстого.

И.А. Ильин преклоняется перед личностью Л.Н. Толстого, относя его к гениям России, русским художникам огромного дарования, определяет его личность как титаническую, мятущуюся, сделавшую совесть главным мериллом своей жизни и стремившуюся сделать ее мериллом деятельности всего человечества.

И.А. Ильину посчастливилось лично общаться с Л.Н. Толстым. В 1906 году издатель Ильина попросил его обратиться к Л.Н. Толстому с просьбой написать предисловие к только что переведенной И.А. Ильиным и его супругой Н.Н. Вокач книге Эльцбихера «Анархизм». Встреча произошла в родовом имении Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». Эта встреча оставила неизгладимый след в жизни философа. Он с огромной теплотой описывает свою встречу с Толстым, его деликатность, исходящее от великого художника душевное тепло, его пронизательный взгляд, проникающий в глубь души, огромное человеческое обаяние, острый ум.

6 июля 1908 года Ильин обращается с письмом к Горбунову-Посадову И.И. по поводу перевода для книгоиздательства двух первых трактатов Ж.Ж. Руссо. Ответ И.А. Ильину должны были дать, посоветовавшись предварительно с Л.Н. Толстым. К этому времени он перевел с женой Н.Н. Вокач «Социальную дифференциацию» Зиммеля, которая должна была выйти зимой. Ильин пишет: «Прошу Вас при свидании с Львом Николаевичем передать ему от меня выражение глубокого и почтительного уважения. Так хотелось бы иметь целиком его последнее письмо, написанное за границей! Оно поистине потрясает душу» [6].

Спустя годы в эмиграции в 1942 – 1944 гг. в Цюрихе И.А. Ильин выступает с лекциями, посвященными творчеству Л.Н. Толстого, где дает исчерпыва-

ющий и, как всегда, бескомпромиссный анализ его творчества, как и творчества любого другого художника. Философ считает, что человек, способный так резко судить о себе и осуждать себя, как Л.Н. Толстой, не нуждается, чтобы на него смотрели через розовые очки [7]. Ильин приводит высказывание Гегеля о том, что великий человек осуждает последующих людей на то, чтобы они его объяснили, добавляя при этом, что Лев Николаевич был действительно великим человеком. А правильно понять великого человека, замечает философ, дело далеко не простое. «Грандиозной живой загадкой предстает он перед нами, требуя верного понимания и справедливой оценки» [8]. Подчеркивает Ильин и то, что когда дело касается великого человека, то одного верного понимания и справедливой оценки мало, необходимо еще проникнуться благодарностью сердца к нему, ибо он страдает за всех нас, «борясь с проблемами нашего общего бытия» [9].

Характеризуя специфику творческого акта Л.Н. Толстого, философ подчеркивает наличие у него двойственного творческого акта. В художнике присутствует теоретик-резонер. Когда Л.Н. Толстой выступает как художник, считает философ, он велик, но как только подключается доктринер, моралист – образы выходят сухие, плоские, нежизнеспособные и читателю становится скучно. Художнику Толстому хорошо удаются образы простых, цельных, гармоничных людей, людей природы, инстинкта. (В «Войне и мире» это граф Ростов, Наташа и Николай Ростовы, дядюшка Ростовых, княжна Марья Болконская, капитан Тушин, капитан Тимохин, Алпатыч, партизан Денисов, крестьяне, солдаты, Платон Каратаев, прекрасно показаны и несложные в психологическом плане образы князя Василия, Элен и Анатоля Курагиных). Но как только возникают образы посложнее в психологическом и интеллектуальном плане, (Пьер Безухов и Андрей Болконский, Соня в «Войне и мире», Левин в «Анне Каренине», Нехлюдов в «Воскресении» и т.д.), в Л.Н. Толстом просыпается резонер-теоретик, ибо эти образы даются Л.Н. Толстому труднее в художественном плане и он вынужден вкладывать в их уста собственные рассуждения. Художник и резонер-теоретик идут у него, таким образом, рука об руку. Ильин замечает, что Л.Н. Толстой использует как художник не всю клавиатуру своего существа, а только природного человека. Это предел его художественных возможностей. Образы же интеллектуальных героев ему не удаются, и он вынужден прибегать к теоретизированию. А поскольку он не получил специального академического образования, то предстает, по мнению И.А. Ильина, философом-самоучкой, правда, гениально-одаренным. «В «Войне и мире...», в «Воскресении» доктрина взрывает барьеры художественности, рассудок дирижирует симфонией романа и фальсифицирует ее» [10]. Наиболее удачны в художественном плане, с точки зрения И.А. Ильина, такие произведения Толстого как «Детство. Отрочество. Юность», «Севастопольские рассказы», «Казачьи», «Власть тьмы», «Анна Каренина» (за исключением образа Левина), «Хаджи-Мурат» и более поздние миниатюры, написанные в духе христианской любви. Разбирая структуру художественного акта Л.Н. Толстого, Ильин соглашается с мнением Мережковского, что Толстой – чувственный наблюдатель внешнего, в то время как Достоевский – духовно-душевный созерцатель внутреннего [11]. Толстой, по мнению И.А. Ильина, видит человека не изнутри, как Достоевский или Шмелев, а снаружи, как Тургенев и Бунин. Он наблюдает жизнь человека снаружи, регистрируя, анализируя, толкуя и расшифровывая. Эти

аналитически меткие рассуждения интересны в социологическом плане, но в глубь духовной жизни не ведут. Простую душу таким образом понять можно, но более сложная натура остается недоступной. И если у Ф.М. Достоевского все люди выше планки обыденности, то у Л.Н. Толстого почти нет людей крупного масштаба. Но у Л.Н. Толстого своя глубина, глубина инстинкта. Он может направить свой исследовательский луч даже в бездну, но это бездна человека инстинктов. В силу этого Толстой избегает изображения великих образов, а, если иногда и прибегает к ним, они ему не удаются. Причем сам Л.Н. Толстой с его борениями духа, исканиями истины, мятущейся тревожной совестью, гениальной собственной философией, покорившей мир, – тип Достоевского. Но сам бы описать себя не мог. Для этого понадобился бы гений Достоевского.

Православный писатель русского послеоктябрьского зарубежья И.С. Шмелев солидарен с И.А. Ильиным в оценке творчества Л.Н. Толстого, хотя с концепцией философа относительно художественного акта Л.Н. Толстого знаком не был. И.А. Ильин замечает в письме Шмелеву от 11.4.1946 г., что его «критические замечания о Толстом *очень хороши*. Жалею, что не могу послать Вам моих лекций о сем первобытном титане... Вас бы позабавили наши совпадения» [12].

Итак, метод, посредством которого творит Толстой, это внешне-аналитическое наблюдение. Великих и неординарных людей посредством такого метода понять трудно Толстой вообще умаляет роль великих людей в истории. Согласно его концепции историей движут народные массы. «Наполеона он умаляет.. Кутузова показывает как какого-то не лишённого чутья ленивца и хитреца. Крайне неоднозначную фигуру царя Александра рисует как *нейтрально-обволажнительную, отвлеченно-идеальную икону*, а не царя» [13]. Наполеон изображен Толстым маленьким, ограниченным, самодовольным фразером, который никого и никуда не мог за собой повести. Ильин считает, что в угоду доктрине, но с большой осторожностью и симпатией изображаются полководцы.

Анализируя феномен Толстого, И.А. Ильин замечает: «... Лев Толстой был человеком больших и трудно погашаемых *страстей*, которые кипели в нем до глубокой старости... Но одновременно он был человеком властной, трудно утлимой *совести*... Вот почему его жизнь находилась в состоянии вечного и острого *внутреннего конфликта*...Весь его жизненный путь есть история этого внутреннего конфликта между *здоровой природой* и *по-христиански* пробужденной совестью, начиная с первых впечатлений детства, кончая тихой гармонией его кончины» [14]. И, мучимый этим конфликтом, он, по мнению И.А. Ильина, всю жизнь искал умиротворения, покоя и согласия. Это гармоническое равновесие он нашел сначала в художественном творчестве, где блестяще показал гармоничного человека природы, народную душу, все стороны народного бытия, огромный отрезок русской национальной жизни. И.А. Ильин замечает, что «Война и мир» – это своего рода русская «Илиада», а «Анна Каренина» как роман всегда будет стоять в первом ряду мировой литературы. Во второй половине жизни его «*оставил этот покой художественного описания...и он стал искать равновесия и покоя в совести и в религиозном созерцании*. И то, что он узрел таким образом и избрал, *обострило* его конфликт до крайности, и началась борьба с *самим собой, с семьей* и со всем *патриархально-традиционным и культурным устройством жизни*» [15]. Поиски источника совести привели его к Богу. Толстой стал изучать Евангелие и переработал его по-свое-

---

му, оставив лишь то, что отвечало его набирающей мощь доктрине. Авторитарные помыслы церкви и следование церкви исключалось. Толстой начал с самосовершенствования и пришел к философии любви, любви как сострадания, любовь плотская при этом отвергалась. Совесть требовала справедливости, и Толстой подвергает беспощадной критике всю человеческую культуру, в том числе и духовную. «Духовная культура, по Толстому, означает наличие элиты, неравенства, т.е. несправедливость, духовная культура – это верхи, подчинение, право, суд, государство, частная собственность, деньги, война, т.е. эгоизм, борьба, принуждение, ненависть, тюрьма, казнь...духовная культура безнравственна; и все, что она предполагает, все, что связано с нею, подлежит осуждению и ниспровержению. Значит, наука, искусство, церковь, политика, частная собственность – то, в чем знают толк и добиваются успехов лишь немногие, все – вздор, и все должно исчезнуть» [16]. Толстой становится нигилистом от культуры, анархистом, одним из семи самых знаменитых анархистов мира, среди которых англичанин Гудвин, француз Прудон, русский Бакунин, русский князь Кропоткин, француз Алоиз Реклю, американец Таккер и русский граф Толстой [17]. Человек должен жить любовью, то есть состраданием, воздерживаться от плотских удовольствий, в том числе от алкоголя и табака, должен работать физически, в поте лица зарабатывая свой хлеб. Такова философия Толстого. Добиться такого морального самосовершенствования было очень нелегко, и драма всей жизни Л.Н. Толстого – это драма совести, которая длилась десятилетия. В итоге Ильин характеризует обновленного Толстого как образ глубокомысленной доброты и устоявшихся убеждений, пишет о просветленной и преображенной душе великого старца, которая начинает художественно петь. Философ с душевным трепетом и болью описывает последние дни жизни Л.Н. Толстого на земле, подчеркивая, что вся страна сопереживала этому великому художнику и проповеднику, спонтанному реформатору мира. «Никто уже не вспоминал ни о его учении, ни об ошибочности учения, а видели лишь трагическую судьбу исполина, человека совести, чувствовали в нем лишь *носителя и героя русской национальной совести* – и жили как бы рядом с ним в его последние часы на земле» [18].

И.А. Ильин восхищается поздними миниатюрами Толстого, написанными в народном духе, в духе христианской любви, которые словно песня проносятся в художественном пространстве. Рассказы написаны сердцем и представляют собой драгоценные жемчужины русской литературы. Толстой «начинает сам жить любовью, к которой стремился, начинает, носить в себе то добро, в котором он видит спасение мира...и его поющее сердце одаряет его незатейливыми видениями любви, художественными образами добра, свободным, искренним...мягкосердечием, смирением и братством. Великое сердце *поет*» [19]. Его стиль становится снова легким, естественным и плавным и, как весенний воздух, струятся фразы. Ильин в своей лекции «Лев Толстой как истолкователь русской души. («Война и мир»)» также подчеркивает, что Л.Н. Толстой мастерски, с глубочайшим проникновением в психологию русского народа, описывает характер народа, специфику песни и танца, «те мгновения, те особые критические моменты жизни, в которых обнажается глубокий *пласт родового инстинкта духа*: у смертного одра тяжелобольного; при появлении на свет ребенка; при братании людей из чувства солидарности...в передаче напряженно-суггестивной атмосферы вот-вот предполагаемого, но пока не

происходящего объяснения в любви, при обручении...» [20]. В то же время он блестяще описывает солдатскую душу (11 месяцев он находился в осажденном Севастополе, 1854-1855 гг.). Психологически точно пишет об ответственности, не покидающей русского солдата даже в мелочах, о торжественной и молитвенной серьезности, в которой он пребывает в день сражения, о мистическом предчувствии, которое охватывает его ночью при виде вражеского войска, о юморе висельника в минуту смертельной опасности, о зарождении и подавлении страха смерти, о надежной, неиссякаемой отваге в бою, об удивительной, религиозной, патриотически окрашенной стойкости солдата, его мечтательно-бессмертной духовной любви к царю и т.д... [21].

Подводя итог исследованию творчества Л.Н. Толстого, И.А. Ильин считает, что конечное и непреходящее значение мировоззрения Л.Н. Толстого в том, что оно указывает нам путь и внедряет в наше сознание цель – добиться творческого слияния духа и любви в единой христианской культуре [22].

И.А. Ильин действительно исследует творчество Л.Н. Толстого отнюдь не через розовые очки. Как всегда, он верен лишь истине, и порой, доказывая тот или иной тезис, дает неллицеприятные и зачастую достаточно резкие характеристики как теоретику-резонеру Толстому, так и его отдельным героям: Наташе Ростовской, Пьеру Безухову и т.д. Подобный максимализм оценок достаточно резок и не всегда корректен. Но подчеркнем: для бескомпромиссного максималиста И.А. Ильина нет ничего выше истины в его понимании. В издании «Вера и Верность» (февраль 1955 года, № 2 Сан-Пауло), посвященном памяти философа, отмечалось, что Ильин был «наиболее ярким бескомпромиссным научно-общественным деятелем Зарубежья... Иван Александрович, раз установив диагноз того или иного явления или подлинную сущность того или иного деятеля, делал из сего бескомпромиссно-соответствующий вывод, часто в ущерб личным интересам и отношениям. Это не значит, конечно, что он был всегда абсолютно прав – «errare humanum est» (человеку свойственно ошибаться)» [23]. Но, безусловно, идеал бескомпромиссного научного исследования должен иметь место.

Родственный Л.Н. Толстому художественный акт И.А. Ильин видит у И.А. Бунина.

Статья Ильина «О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев» посвящена исследованию творчества И.А. Бунина. Философ отмечает, что творчество Бунина – последний дар русской дворянской помещицкой усадьбы, дар ее русской литературе, России и мировой культуре. Обращаясь к истокам творчества И.А. Бунина, И.А. Ильин выделяет атмосферу русской усадьбы. Помещицья усадьба собирала чудесные библиотеки на четырех, пяти и более языках..., сочетала мировую культуру с национальной спецификой. «Кто хочет читать и разуть Бунина, тот должен почувствовать эту атмосферу русской усадьбы и уловить ее сложившееся за девятнадцатый век духовное наследие: этот дух скептического просвещения, офранцузенного аристократизма; эту струю небо – опустошающего вольтерианства с его замечательной зоркостью к злему началу в человеке и с его особою подслеповатостью к Божественному началу Добра; этот тонкий аромат разочарованного байронизма с его мрачной и горделивой, но пустоватой проблематикой и с вечной тягой к вольнодумству; эту ширину души, совмещающую мысль со страстью, барское гостеприимство, охоту и кутеж с народническим толстовством, а толс-

---

товскую мораль с вечною жаждою чувственного, и умственного, и созерцательного наслаждения...эту близость к природе...» [24].

В качестве второго истока творчества И.А. Бунина, И.А. Ильин выделяет крестьянскую, простонародно-всенародную стихию. «В эту стихию он вжился во всей ее первоначальности; он принял в себя весь ее первобытный отстой с его многовековой горечью, с его крепкой ядреностью, с его соленым юмором... но крестьянская стихия не дала ему ограничиться этим: она заставила его принять в свою душу и кое-что из тех сокровенных залежей *мудрости и доброты, свободы и Богосозерцания...*» [25].

И.А. Ильин подчеркивает близость художественных актов И.А. Бунина и Л.Н. Толстого. Толстой был близок Бунину, как ясновидец и живописец человеческого инстинкта. Общее у них и то, что оба – мастера внешнего чувственного опыта. Но Толстой, по мнению философа, подобно Святогору, ушел в землю лишь по пояс, в то время как Бунин погрузился в эту стихию целиком [26]. Толстой – поэт инстинкта, Бунин его анатом. Толстой знает положительные силы инстинкта, его здоровые творческие проявления. Бунин созерцает преимущественно слепую власть инстинкта, сосредоточен на до-нравственных струях инстинкта. Общее с Л.Н. Толстым и то, что Толстой вынужден выступать теоретиком-резонером, а Бунин порой вкладывает в рассуждения своих героев собственные мысли. (Как правило, у его инстинктивных и порой недалеких героев подобные рассуждения выглядят нелепо и неправдоподобно). Или И.А. Бунин прерывает рассказ собственными рассуждениями, ибо его внешний, чувственный художественный акт не способен вместить всю полноту рассуждений и мыслей автора. Ильин неоднократно подчеркивает, что Бунин – писатель большого тонкого ума и самосознания, пишет о его глубине, чуткости, мудрости. Замечает при этом, что писателя нельзя осуждать за его творческий акт. Он такой, какой есть, и часто не исчерпывает глубины личности художника, которая, как правило, глубже и шире специфики его творчества. И.А. Ильин еще раз подчеркивает, что художественный акт Бунина состоит в чувственном восприятии и изображении воспринятого. Бунин описывает или природу, внешнюю человеку, или биологическую особь, еще не ставшую личностью, или уже не ставшую. «Выражаясь в категориях живописи итальянского Возрождения, можно сказать: проблематика Боттичелли не существует для Бунина; а из проблематики Леонардо да Винчи он знает, как редко кто, сферу зоологической грешности, но опыт святости (доступный великому Леонардо) ему неведом» [27]. Ильин считает, что за исключением нескольких мастерских и прекрасных набросков, как бы выхваченных из записной книжки, все остальное искусство Бунина по существу своему до-духовно. Смысл жизни Бунина в восприятии чувственной красоты и в литературном изображении ее. И.С. Шмелев вторит Ильину: «Вот уж именно: искусство Бунина – все в «комплексах», вытекает из темных недр очень властного полового инстинкта, как бы оно ни было закрываемо **цветами** бытия, вплоть до... «космических» [28].

Ильин подчеркивает, что акт внешнего опыта живет зрением, обонянием, слухом, вкусом, осязанием и пространственным воображением. Все это напрямую относится к творчеству И.А.Бунина. Ильин замечает, что Бунин – мастер внешнего зрения, оптический мастер, живописец слова. Также он мастер обоняния. «Бунин *вдыхает* мир; он нюхает его и дарит его запахи читателю; и мир благоухает или смердит ему» [29]. То же относится и к звуку в изображе-

нии Бунина, он владеет искусством и звука, и беззвучия. Ильин замечает, что с тою же, если не большею силою и наглядностью передает Бунин осязаемые свойства вещей. К этим утонченным восприятиям присоединяется и мастерство перспективы, пространственной архитектоники, и тогда возникают незабываемые картины и страницы. Художественный акт Бунина определяется повышенным и обостренным переживанием чувственного мира. Ильин замечает, что по физиологическому реализму Бунин приближается к Мопассану и Золя. В изображении чувственной страсти Бунин стоит в первых рядах мировой литературы. Если Бунин описывает любовь, то это любовь «безостаточно ушедшая в тело; она требовательная, несытая, напористая, эгоистическая, холодная, мучительная и горькая. Это любовь, заболевшая плотью и ушедшая в нее. Она следует законам биологии и физиологии и лишь постольку и через это отражается в душе; но она не следует ни законам сердечного чувствования как самостоятельного акта, ни путям одухотворенной души» [30]. Ильин также отмечает, что волевых героев в произведениях И.А. Бунина нет. Нет среди них и мыслителей. Изредка встречаются умные наблюдатели. Но обычно вместо них мыслит сам автор. Сам автор – человек умный, наблюдательный и тонкий – мыслит обычно не «душами своих героев, не в них, не из них», а высказывается отдельно, самостоятельно, в виде философического, социологического или психологического обобщения. Ильин еще раз подчеркивает, что Бунин – мыслитель, но художественный акт его не включает в себя мысль, не объективирует ее в человеческие души и характеры [31]. Бунин в основном описывает инстинкт в его первобытных, до-духовных формах. Ильин же замечает, что тысячелетиями инстинкт и дух человека работают над взаимным сближением: «дух проникает в инстинкт, облагораживает его и усиливает себя его силою; а инстинкт, приобретая свет и правоту духа, мудреет и научается служить ему в радости и успокоении» [32].

Своеобразна и религиозность И.А. Бунина. И.А. Ильин отмечает, что когда Бунин или его герои говорят о «боге», то не следует иметь в виду христианского Бога или хотя бы благого бога. Обычно это «бог» страшный, темный, загадочный, причастный язычески-инстинктивному началу [33]. И.А. Ильин подчеркивает, что, если воспринимать Бога актом до-духовного инстинкта, значит воспринимать не Бога, а темную бездну человеческой души [34]. Предмет Бунина – человек, как орудие первобытного родового инстинкта, не ведающий ни Бога, ни духа, ни добра. Это темное начало глубже всякой культуры и цивилизации. Таков художественный акт И.А. Бунина.

Спустя годы, в 1947 году И.А. Ильин подтвердит свое видение художественного акта И.А. Бунина: «Но вижу, что я в анализе его акта *не* ошибся! Таков и есть» [35].

Понятно, что одухотворенный и глубоко религиозный человек и философ И.А. Ильин не может симпатизировать подобному художественному акту даже Нобелевского лауреата И.А. Бунина, но в то же время беспристрастно и детально описывает и анализирует его.

Подведем итоги. Творчество Л.Н. Толстого и И.А. Бунина И.А. Ильин исследует через специфику их художественного акта. Философ подчеркивает, что оба великих писателя – мастера внешнего чувственного опыта. Оба – ясновидцы и живописцы человеческого инстинкта, с той лишь разницей, что Толстой – поэт инстинкта, а Бунин его анатом. Художественный акт Л.Н. Толстого ха-

рактируется двойственностью: в художнике присутствует теоретик-резонер. Бунин также вкладывает в рассуждения своих героев собственные мысли. Художественный акт обоих писателей не исчерпывает глубины их личностей. Л.Н. Толстой, как и И.А. Бунин, использует не всю клавиатуру своего существования, а только природного человека. Великих художников, подчеркивает И.А. Ильин, нельзя осуждать за их художественный акт. Он такой, какой есть. Но жизнь, судьба, творчество великих мира сего во многом определяются его спецификой.

Заслугой И.А. Ильина представляется оригинальная, научно-обоснованная, хотя порой, к сожалению, и резкая, интерпретация классического наследия через феномен художественного акта.

Список литературы:

1. Ильин И.А. Приложение // Ильин И.А. Собр.соч. в 10 томах. – Т. 2. – Кн. 2. – М., 1993. – С. 408.
2. Переписка двух Иванов. (1935 – 1946) // Собр.соч. – М., 2000. – С. 454.
3. Там же. – С. 453.
4. Там же. – С. 454.
5. Там же. – С. 443.
6. Письмо Ильина И.А. к Горбунову - Посадову И.И. от 6 июля 1908 г // Российский Государственный Архив литературы и искусства. Фонд 122. Ед.хр.635. Опись №1.
7. См. Ильин И.А. Лев Толстой – художник и человек // Собр. соч. – Т. 6. – Кн. III. – С. 490.
8. Ильин И.А. Там же. – С. 478.
9. Ильин И.А. Там же.
10. Ильин И.А. Лев Толстой как истолкователь русской души. («Война и мир») // Там же. – С. 436.
11. См. Там же. – С. 445.
12. Переписка двух Иванов. (1935 – 1946) // Собр.соч. – М., 2000. – С. 413 -414.
13. Там же. – С. 447.
14. Там же. – С. 490.
15. Ильин И.А. Лев Толстой – художник и человек. Там же. – С. 491.
16. Ильин И.А. Мировоззрение Льва Толстого. Там же. – С. 461.
17. См. Там же. – С. 465.
18. Ильин И.А. Лев Толстой – художник и человек. Там же. – С. 482.
19. Там же. – С. 485.
20. Ильин И.А. Лев Толстой как истолкователь русской души. («Война и мир») // Там же. – С.454.
21. См. Там же. – С. 454–455.
22. См. Ильин И.А. Мировоззрение Льва Толстого. Там же. – С. 476.
23. Ильин И.А. Приложение. // Ильин И.А. – Т. 2. – Кн. 2. – М., 1993. – С. 402.
24. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев // Собр.соч. – Т. 6. – Кн. 1. – М., 1996. – С. 211.
25. Там же. – С. 212.
26. См. Там же. – С. 215.
27. Там же. – С. 220.
28. Переписка двух Иванов (1935 – 1946). // Собр.соч.М. Русская книга, 2000. – С.443.
29. Там же. – С. 225.
30. Там же. – С. 239.
31. См. Там же. – С. 242.
32. Там же. – С. 261.
33. См. Там же. – С. 263 -264.
34. См. Там же. – С. 265.
35. Переписка двух Иванов. (1947–1950) // Собр.соч. – М., 2000. – С. 35.

M. Moiseenko

THE PHENOMENON OF THE ART ACTION THROUGH A PRISM OF OF L. TOLSTOY'S AND I. BUNIN'S CREATIVITY (ON I. ILYIN'S ARTICLES)

The paper researches the specificity of the art action through a prism of creativity of L. Tolstoy and I. Bunin by the Russian philosopher abroad – I. Ilyin. The philosopher marks likeness of creative action of L. Tolstoy and I. Bunin: a duality, external sensual vision, deep penetration into a chasm of a human instinct. The art action of both writers does not settle depth of their persons. The philosopher of Spirit I. Ilyin does not sympathize with similar creative actions, but, nevertheless, brings a worthy mite in objective research of secrets of L. Tolstoy's and I. Bunin's creativity.

Key words: Creativity, the aesthetic theory, art, the art certificate.

РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА «АРХИЕРЕЙ» В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ КРИТИКИ*

Аннотация: В статье раскрываются различные точки зрения русских критиков и исследователей творчества А.П. Чехова на его рассказ «Архиерей». Оценки, данные учеными, подтверждают, что судьба чеховского произведения никого не оставляет равнодушным: ни критиков, ни читателей.

Ключевые слова: рассказ, сюжет, авторская позиция, лирическое начало.

Рассказ А.П. Чехова «Архиерей» впервые был опубликован в четвертом номере «Журнала для всех» в 1902 году, однако история его написания начинается задолго до появления в печати. Уместно привести краткие сведения работы Чехова над этим произведением.

13 апреля 1899 года редактор «Журнала для всех» В.С. Миролубов в письме Чехову из Ялты в Москву напоминал: «Прошу Вас, дорогой, дайте рассказ. Если бы не было это для нас так важно, не стал бы я Вас беспокоить» [1]. 14 мая из Мелихово Чехов сообщает Миролубову о своем приезде в северную столицу: «Милый Виктор Сергеевич, в конце мая я буду в Петербурге. Напишите, где Вы будете в сие время (приблизительно около 26-29 мая), *надо повидаться*. Будьте здоровы» (8, 176). Миролубов ответил 17 мая 1899 года и обещал встретить Чехова, рекомендовал ему остановиться в гостинице «Северной» и снова обратился с просьбой: «Не привезете ли мне чего-нибудь? Порадовали бы» (8, 491).

Чехов, находившийся в это время в Ялте, откликнулся на письмо 6 декабря 1899 года: «Милый Виктор Сергеевич, рассказ я пришлю Вам непременно, только не торопите меня. ... к концу года подвалило много работы; если и виноват, то заслуживаю снисхождения. Я пришлю Вам рассказ «Архиерей». В случае какого недоразумения, если он окажется нецензурным для вашего журнала, вышлю что-нибудь другое» (8, 323).

Миролубов тотчас же ответил письмом от 11 декабря: «Присылайте бога ради «Архиерея»: у меня отношения с цензурой добрые. Присылайте, а то нет ничего на первые №№» (8, 598). Чехов обещал прислать рассказ в журнал еще в 1899 году, «усади́л себя за работу» [2] и 15 сентября 1900 года сообщил Миролубову: «Если напишу что-нибудь, то, простите, уж не раньше ноября» (9, 118).

Обещания своего Чехов не забыл, однако непосредственная работа над рассказом началась в марте 1901 года, о чем он известил О.Л. Книппер 16 марта: «Хотя бросил литературу, но все же изредка пописываю по старой привычке. Пописываю кое-что. Пишу теперь рассказ под названием «Архиерей» – на сюжет, который сидит у меня в голове уже лет пятнадцать» (9, 229-230).

Миролубов торопил Антона Павловича с окончанием рассказа, так как редакция уже известила своих подписчиков, что он будет скоро опубликован. Поэтому необходимо ему было знать, когда Чехов пришлет рассказ, который они обещали в объявлении. «К беллетристике относится цензура очень милос-

* © Новикова А.А.

тиво, – писал он 14 октября 1901 года, – (хоть за это спасибо), так что бояться за рассказ нечего. Не пришлете ли Вы его к 1-му ноября? Вот порадовали бы!..» (10, 363). На что Чехов, находившийся в это время в Москве, ответил: «Простите, голубчик, я не выслал Вам до сих пор рассказа. Это оттого, что я прервал работу, перерванное мне всегда было трудно оканчивать. Вот приеду домой, начну сначала и вышлю, будьте покойны!» (10, 94). Рассказ «Архиерей» писался «долго и трудно», с большими перерывами, «начал его в марте 1901 года, затем на некоторое время оставил работу над ним, вернулся к ней лишь в ноябре» (10, 263).

Чехов отправил законченный рассказ в редакцию Миролубову 20 февраля 1902 года и просил прислать корректуру. «Цензуре не уступаю ни одного слова, имейте сие в виду. Если цензура выбросит хоть слово, то рассказ возвратите мне, а я пришлю Вам другой в мае» (10, 198).

Миролубов выслал корректуру 7 марта и просил Чехова не задерживать ее, чтобы рассказ был напечатан в апрельском номере «Журнала для всех». Однако Антон Павлович, получив корректуру 8 марта, увидев, что «цензура сильно его испортила», потребовал еще раз: «... если цензура зачеркнет хоть одно слово, то не печатайте. Я пришлю другой рассказ. И так уж для цензуры я много выкинул и сокращал, когда писал. Помните сию мою просьбу, прошу Вас» (10, 206).

Когда рассказ был опубликован, казалось, что он сразу же привлечет внимание критики, но И.А. Бунин в статье «Чехов» отметил, что «его «Архиерей» прошел незамеченным – не то что «Вишневый сад» с большими бумажными цветами, невероятно густо белевшими за театральными окнами. И кто знает, что было бы с его славой, не будь «Винта», «Мужиков», Художественного театра!» [3]. Бунина, видимо, поразило содержание рассказа, о чем он написал в своих воспоминаниях, назвав «Архиерея» лучшим чеховским рассказом 1902 года. А об авторе он высказался так: «... он действительно достиг большого совершенства. «Архиерей» написан, например, изумительно. Только тот, кто занимается сам литературой и сам испытал эти адские мучения, может постигнуть всю красоту этого произведения». И еще раз повторил, что «критики, кстати сказать, обошли молчанием» [4].

Только в 1911 году появляется статья литературного критика, постоянного сотрудника «Биржевой газеты» А.А. Измайлова «Вера или неверие? (Религия Чехова)». Он считал творчество писателя вершиной русской литературы и явился автором первой монографии – критико-биографического очерка о Чехове [5]. «О любимом ушедшем человеке вспоминают все, всякую мелочь, но два огромных вопроса долго остаются в тени. Это вопросы – кого любил, как веровал?» – так начинает свою статью критик. В рассуждениях Измайлова очевидна его независимость от тенденций и направлений. Исходный принцип – дать представление о первом и втором вопросах, в связи с чем он писал: «Пора для постановки первого вопроса в отношении Чехова еще не пришла. Он, можно сказать, ушел только вчера. Еще мог бы он быть среди нас, и всего только 50-летним. Но уже вторым вопросом – «как веровал?» – не совершим нескромности, никого не заденем, не смутим» (5, 872).

Отметим, что Измайлов очень осторожно коснулся значимости рассказа «Архиерей», большее внимание было уделено рассказам «Святою ночью» и «Перекасти-поле» и другим, в которых Чехов, по его словам, «обнаруживает

великолепное знание церковной службы, чувствует прелесть старинного церковного оборота в каком-нибудь акафисте. Во всей нашей литературе трудно найти рассказ, равный по изумительной религиозно-поэтической нежности, по какому-то, я бы сказал святому, – чувству к пасхальному дню, как «Святою ночью». Только обозначив свое отношение к прочитанному рассказу об архиерее, критик скажет: «наше богослужение, в частности, – пасхальный канон, он описывает здесь и в других местах с изумительной красотой. Ему знакомо умиление молитвы, и он чудесно передает его в «Архиерее» (5, 894).

Измайлов пересмотрел все или почти все, что можно было найти по второму вопросу в сочинениях и биографическом материале Чехова, и пришел к заключению, что «Чехов не был человеком, судорожно мучимым идеею Бога. Он не мог бы сказать о себе, что сказал о себе Достоевский словами Кириллова из «Бесов»: *Меня Бог всю жизнь мучил*. Температура веры, если так можно выразиться, не была в Чехове настолько высока, чтобы религиозность его проявлялась, помимо его воли, обвевала зноем приближавшихся к нему.

Но он не был и индифферентом веры, ни, того менее, верующим «на всякий случай». Кажется, он с полным правом мог бы применить к себе слова Версилова из «Подростка»: *«Положим, я не очень веровал, но все же я не мог не тосковать по идее. Я не мог представить себе временами, как будет жить человек без Бога и возможно ли это когда-нибудь»* (5, 901- 902).

Не только эти рассказы, но и ряд других, упомянутых Измайловым, помогают понять причину раздвоения в душе Чехова, которое было в нем всю жизнь. Все оказывается сложнее, тоньше, противоречивее, чем кажется на первый взгляд.

В дореволюционных критических статьях о Чехове мы не встречаем оценок «Архиерея», хотя вопрос о его религиозности возникал часто. Об этом чуть позже хорошо сказал А. Дерман в вышедшей в 1929 году книге «Творческий портрет Чехова». В частности, он отметил, что «есть, однако, в творческой биографии вопросы, по которым, казалось бы, в силу их ясности, не может быть уж никаких споров и недоумений, ибо нет основания для произвольных перетолковываний. Таков, например, вопрос о религиозности Чехова...» [6]. Дерман приходит к заключению, что «Чехов отказывается неподвижно позировать тому, кто пишет его портрет. Чехова необходимо писать «на ходу» [7]. И с этим мнением ученого нельзя не согласиться.

В 1960 году достаточно интересный факт, касающийся сюжета рассказа «Архиерей», приводит И. Битюгова в статье «Записные книжки – творческая лаборатория», не анализируя самого произведения. «Зачастую своего рода сигналом для художника является запись характерной для героя фразы, за которой при создании образа встает ее носитель, – пишет она. – Так, занесенная в «Записные книжки» фраза «Японцы все равно, что Черногорцы» («Записные книжки», 1, с. 72, № 5), как известно из воспоминаний М.П. Чехова, была произнесена одним из посещавших в Мелихове отца писателя Павла Егоровича Чехова иеромонахом, отцом Ананием. Именно отец Ананий, «привлекавший к себе, по свидетельству М.П. Чехова, внимание Антона Павловича... и выведен писателем в рассказе «Архиерей» под именем отца Сыся» [8].

Всплеск интереса к творчеству Чехова приходится на конец 70-х – 80-е годы, когда появляются исследования И.Л. Альми, Г.А. Шалюгина, Г.А. Бердникова, А.П. Чудакова, И.Н. Сухих, В.И. Тюпы, В.Б. Катаева [9], в которых

либо упоминается рассказ «Архиерей», либо дан подробный его анализ с разных авторских позиций.

Так, например, Бердников в книге «А.П. Чехов. Идеи и творческие искания» продолжил размышления Дермана о духовных исканиях великого писателя, потому что Чехов, по его мнению, «никогда не удовлетворялся достигнутым. Как бы совершенны ни были созданные им произведения, для него они всегда являлись вехами уже пройденного пути» [10].

Бердников высказывает мысль о том, что концовка рассказа звучит оптимистически, жизнеутверждающе, завершается «жизнерадостно, светлым аккордом», и «рассказ о смерти человека выливается в гимн торжествующей жизни» [11]. Краткий анализ одного из последних произведений Чехова, предложенный критиком, позволяет сказать, что он не похож на привычную статью или рецензию «по поводу». Вместе с тем Бердников рассматривает его односторонне, с точки зрения «духовной наполненности» архиерея, его смутных мыслей о простой человеческой жизни, переплетающихся с картинами праздничной весны, встречи Пасхи, проводя параллель: «смерть – ощущение счастья».

В 1987 году вышли работы А.П. Чудакова «Антон Павлович Чехов» и И.Н. Сухих «Проблемы поэтики А.П. Чехова». Отметим, что Чудаков не рассматривает содержание «Архиерея», только называет его в ряду других шедевров Чехова, написанных в последние годы. Однако в книге «Поэтика Чехова» (1971) автор обращает внимание на взаимоотношения человека и природы в этом рассказе, указывая, что Чехов был «первым в литературе, кто включил в сферу этики отношение человека к природе» [12].

С такой же позиции подходит к анализу «Архиерея» И. Сухих. Интересно, в свою очередь, отметить, что в главе «Художественная философия Чехова» он соотносит лирическое начало рассказа (пейзаж) с внутренним подтекстом, проявляющимся в ключевых, кульминационных эпизодах, «своеобразных лирических всплесках», где «воспринимающее сознание героя отчетливо сливается с голосом автора» [13]. Приводя примеры из других произведений Чехова, он завершает финалом «Архиерея»: «... и представлялось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он *свободен теперь, как птица*, может идти куда угодно!» [14].

Непритязательные, на его взгляд, сравнения «обнаруживают глубинный смысл». «Момент истины» – свобода, правда, красота – всегда природен. Чеховские герои прорываются к этой мысли периодически, автор помнит о ней постоянно». Это «итоговый для Чехова «пейзаж», «возникающий в угасающем сознании героя рассказа «Архиерей». Здесь, на наш взгляд, уже намечено особое понимание сюжета и нравственного прозрения героя в момент высшего подъема духа, ибо «происходит это потому, что в рамках «городского» хронотпа природа уже не существует как данность, а возникает как проблема» [15].

В соответствии с этой концепцией идут рассуждения В.И. Тюпы в работе «Художественность чеховского рассказа». Он обращается к анализу случая, когда гибнущий герой духовно близок автору в рассказе «Архиерей». Критик говорит о конфликте между внешней данностью человека и его личностью, о несмыкаемости внешне-ролевого и внутренне-личностного, о формировании «функционального» характера героя, его неадекватном «я-для-других». Бо-

---

гатство «личной тайны» героя, определяется тем, что «вопреки официальности высокого сана его искания в области веры не завершены, самодовольная неуспокоенность не проникла внутрь его «я»; процесс духовного самоопределения еще живо актуален для того, в ком не умерла детская устремленность в будущее... Желание жить («не хотелось умирать») – обычный для чеховского рассказа источник «личной тайны», даже своего рода авторское знамение художественной избранности персонажа, удостоверяющее его личностную значимость» [16].

Анализируя рассказ как художественное целое, В. Тюпа сходится в его оценках и с Бердниковым (мотив радости, веселости, праздничности) и с И. Сухих (мотив слияния человека и природы). Однако, в отличие от них, он идет дальше, раскрывая характеры других героев, подлинную глубину драматического конфликта, выявляя различные аспекты художественности произведения. Он считает, что Чехов «предлагает нам не меланхолическую исчерпанность одинокой жизни, а ее драматически напряженный, драматически открытый финал» [17].

В работах В.Б. Катаева «Проза Чехова: проблемы интерпретации» (1979) и «Литературные связи Чехова» (1989) дан подробный анализ рассказа «Архиерей», отдельные оценки и суждения которого прозвучали в исследованиях выше названных авторов [18]. В них мы встречаемся с никем еще не опробованным подходом к оценке «Архиерея», предложенным критиком. В главе «Вечные образы у Чехова» он указывает, что «найденный в русской литературе еще Пушкиным и Гоголем опыт типизации, порой мифологизации изображаемой действительности, неоднократно использовался Чеховым. Его привлекала возможность придать, через мифологические и литературные параллели, глубину и перспективу изображаемому. Рассказывая ту или иную современную историю, в то же время комментировать ее с точки зрения более широкой перспективы» [19].

Так, Катаев справедливо считает рассказ «Архиерей» одним из самых «совершенных творений Чехова», в содержании которого автор поднимается «до высот реалистического символа», и «добивается этого писатель на первый взгляд незаметным, но настойчиво повторяемым указанием на недели, в которые происходит действие рассказа». Интерес вызывает суждение о том, что «для Чехова жизнь, смерть и воскресение Иисуса Христа – поэтический миф. Но такой отдаленный намек, в духе мирозерцания героя, позволяет ему решить важные художественные задачи». При этом Катаев оговаривается, что, конечно, «Чехов не делает прямолинейных сравнений: для его целей достаточно отдаленного, едва уловимого намека – символа». И далее: «Особый смысл приобретает одиночество Петра, преданного на муки грубой жизни; архиерея забыли, пример его жизни остался непонятым людьми, поглощенными мелочами и суетой. Относящиеся к единичному человеку, эти факты воспринимаются в более широком плане, так как находят некоторую параллель в общеизвестной мифологии» [20].

В последующих статьях ученых Н.М. Зоркой («Чехов и «Серебряный век», 1996 г.), А.П. Чудакова («Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания», 1996 г.), Т.А. Шеховцовой («Сюжет апостола Петра в прозе А.П. Чехова и И.А. Бунина», 1997 г.) рассматриваются отдельные аспекты творчества Чехова, связанные с его отношением к религии,

так или иначе упоминается и рассказ «Архиерей» в ряду других произведений писателя.

Например, Зоркая называет рассказ «Архиерей» «вершиной религиозно-философской прозы Чехова», а «смерть героя, преосвященного Петра, в канун Пасхи есть знак избранничества» [21], Шеховцова же замечает, что чеховского героя отличает «жажда правды и красоты в мире и в человеческих отношениях» [22].

Для Чудакова существенным является вопрос о вере Чехова, и он считает, что, в отличие от Мережковского, «Чехову достаточно онтологической укорененности христианства в русской жизни. Это он замечательно показал в «Архиерее»: «Любовь его к церковным службам, духовенству, к звону колоколов была у него врожденной, глубокой, неискоренимой», что «для Чехова историческое христианство столь же реально-конкретно-вещно, сколь и современное. Ночь в Гефсиманском саду в «Студенте» воплощена так же телесно и эмоционально, как пасхальная ночь в «Архиерее» или рассказе «Святою ночью» [23].

В начале XXI века возрос интерес к проблеме нравственных исканий в русской литературе, и ученые вновь обратились, но без известной полемики и споров к чеховскому «Архиерею» [24]. Какова же судьба рассказа сегодня?

Заслуживает нашего внимания книга М.М. Дунаева «Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX вв.» (2002). Автор последовательно прослеживает путь религиозных исканий крупнейших и малоизвестных писателей и на примере главных героев лучших произведений отечественной классики раскрывает «становление их православного мировоззрения и пути их ко Христу через горнило сомнений». Через испытание веры, по мысли автора, «прошли все русские писатели, ощущавшие свое творчество как исполнение «долга, завещанного от Бога», и все поведали о том прямо или неявно. Чехов также свидетельствовал о духовных событиях своей жизни системой литературных образов, им созданных. В этом смысле все его произведения есть произведения автобиографические. Чеховское испытание веры происходило на собственном уровне обобщения жизненных реалий, в системе иных понятий, нежели у его персонажей».

Тем более примечательно, что автор, обращаясь к творчеству Антона Павловича Чехова, рассуждает с позиций современности, по-новому подходит к вопросу «веры или неверия» писателя, говорит об особенностях его творчества и о недостаточности его религиозного мироощущения: «...все творчество Чехова есть неизбежное страдание от ощущения сознанной им разорванности единства между людьми и Богом. Такое ощущение и сознание превращает его в человека (и художника), порою теряющего веру в бытие Божие, потому что в какой-то момент легче и понятнее становится обреченность человека на одиночество в мире, чем волевая его оторванность от Высшего Начала этого мира. Решая проблему уединения человека в себе, апостасийной атомизации общества, Чехов, однако, почти не сопрягает ее с необходимостью воцерквленности общественной жизни – и через это осуществление идеала человеческого единства. Он лишь намечает это в некоторых произведениях («Студент», «Архиерей»...). Основную же надежду он возлагает на личные усилия человека» [25]. Дунаев писал: «Речь в нем идет скорее не об архиерее (хотя и о нем несомненно), а о сущностных законах бытия, как понимал их писатель. Человек, каким бы он

ни был в жизни, уходит в неизведанное, и память о нем теряется во времени» [26].

Не менее интересной является позиция автора книги «Православный Чехов» А. Чадаевой, обнаруживающей новые грани веры Чехова, написавшего «Житие Всея Руси». Так, в главе «Живая вера» (по поводу рассказа А.П. Чехова «Архиерей») она раскрывает время реальных событий в повествовании – всего неделя: от Вербного воскресения до Пасхальной ночи. Затем достаточно подробно, в отличие от Зоркой, говорит об избрании Чеховым имени героя, соединившим два апостольских – Петра (в монашестве) и Павла – до пострига.

Выдвигая тезисы: «Судьба преосвященного Петра это и есть судьба его детской, а значит, истинной веры» и «Отчего умер архиерей? Отчего – сказано конкретно: брюшной тиф. Но это скорее повод для смерти, предлог. Причины – в сфере духовной», Чадаева последовательно исследует в рассказе позицию Чехова об истинной и мнимой вере, считая, что чеховский рассказ в настоящее время «в России вовсе не устарел» [27].

Таким образом, рассмотрев далеко не все материалы, касающиеся рассказа Чехова «Архиерей», мы приходим к выводу, что судьба чеховского «Архиерея» никого не оставляет сегодня равнодушным: ни критиков, ни читателей. Не претендуя на полноту раскрытия вопроса об оценках рассказа современными исследователями в рамках данной статьи, отметим, что каждый из них внес определенный вклад в изучение проблем, связанных с выяснением позиции самого Чехова и его отношения к истинной, «живой вере». Все авторы признают, что «Архиерей» – это шедевр Чехова. Нет сомнения в том, что у рассказа есть будущее, к нему будут возвращаться и открывать новые стороны поэтического мастерства великого писателя, ибо «почти все творчество Чехова – моление о Чаше. Не о своей» [28]. Перефразируя слова И. Сухих, скажем, что на каком-то историческом витке рассказ Чехова «Архиерей» вдруг снова окажется современным, необходимым, обнаружит смыслы, которые пока дремлют в нем, незамеченные и не востребуемые.

Список литературы:

1. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. Письма в 12 томах. – М., 1980. – Т. 8. – С. 491. Комментарии к письму Миролюбова. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи в круглых скобках.
2. А.П. Чехов работал в это время над повестью «В овраге».
3. Бунин И.А. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1986. – С. 482-506.
4. Чехов А.П. Собр. соч.: В 15 тт. – М., 1999. – Т. 11. – С. 365.
5. См.: Измайлов А.А. Вера или неверие? (Религия Чехова). Впервые опубликована: Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы. – М., 1911. – С. 133-179. Вошла в книгу «А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX – нач. XX века (1887-1914). Антология». – СПб., 2002. – С. 873-905. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках.
6. Дерман А. Творческий портрет Чехова. – М., 1929. – С. 317-318.
7. Там же. – С. 332.
8. Битюгова И. Записные книжки – творческая лаборатория // Великий художник // Сб. статей. – Ростов-на-Дону, 1960. – С. 186-231. См. также: Чехов М.П. А. Чехов и его сюжеты. – М., 1923. – С. 47-48.
9. Шалюгин Г.А. Рассказ «Архиерей» // Чеховские чтения в Ялте. – М., 1983. – С. 27-34; Бердников Г.А. А.П. Чехов. Идеи и творческие искания. – М., 1984; Чудаков А.П. Антон Павлович Чехов. – М., 1987; Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л., 1987; Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. – М., 1989 и др.

10. Бердников Г.А. А.П. Чехов. Идеи и творческие искания. – М., 1984. – С. 3.
11. Там же. – С. 438.
12. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. – М., 1971. – С. 250.
13. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л., 1987. – С. 161.
14. Там же. – С. 162.
15. Там же.
16. Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. – М., 1989. – С. 87.
17. Там же. – С. 95.
18. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. – М., 1979. В работу вошел раздел «Архиерей»: человек и его вера», с. 278-293; Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. – М., 1989. – С. 85.
19. Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. – М., 1989. – С. 85.
20. Там же. – С. 86.
21. Зоркая Н.М. Чехов и «Серебряный век»: некоторые оппозиции // Чеховиана. Чехов и «Серебряный век». – М., 1996. – С. 12.
22. Шеховцова Т.А. Сюжет апостола Петра в прозе А.П. Чехова и И.А. Бунина // Чеховские чтения в Ялте. Чехов и XX век // Сб. научных трудов. – М., 1997. – С. 19.
23. Чудаков А.П. Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания // Чеховиана. Чехов и «Серебряный век». – М., 1996. – С. 59.
24. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX вв. – М. 2003; Чадаева Алина. Православный Чехов. – М., 2005 и др.
25. Дунаев М.М. Антон Павлович Чехов (1860-1904). – С.607.
26. Там же. – С. 615-616.
27. Чадаева Алина. Православный Чехов. – М., 2005. – С. 212.
28. Там же. – С. 216.

A. Novikova

STORY BY A. CHEKHOV «BISHOP» IN RUSSIAN CRITICISM

Abstract: The article is devoted to different points of view of the Russian critics and observers of Chekhov's works on his story "Bishop". Appraisal given by scholars confirms that the fate of Chekhov's story doesn't leave anybody indifferent: both critics and readers.

Key words: The story, plot, author's position, the lyrical beginning.

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОВЕСТИ Л. БОРОДИНА «ЦАРИЦА СМУТЫ». ПОЭТИКА. ДОМИНАНТНЫЕ ИДЕИ*

Аннотация: В статье выявляются исторические, фольклорные источники повести Л. Бородина «Царица смуты», анализируется поэтика. Отмечается плотность прозы, диалог писателя с насыщенным культурным пространством, опора на исторические, фольклорные источники, исследования, библейские сюжеты и образы в акцентировании доминантных идей повести о смысле жизни и назначении человека во все времена, его «самостоянья». Сложные дискурсивные уровни повествования характеризуются как синтетические. Отмечается, что в выявлении этической позиции автора повести значительная роль отводится реальным историческим персонажам Сапеге и Скопину, также вымышленному персонажу Олуфьеву. Характеристика системы персонажей дается с привлечением исследований Нобелевского лауреата А. Солженицына из его «Литературной коллекции», также известного критика А. Немзера.

Ключевые слова: повесть, поэтика, фольклорные источники, библейские сюжеты.

Повесть Л. Бородина «Царица смуты» отображает драматический период в истории России, ее основой послужили факты истории 17 века, связанные со Смутным временем. Сюжет повести построен на событиях 1613 года, когда Марина Мнишек, считающая себя законной царицей и не признающая отречения 1610 года, вместе с казачьим отрядом атамана Ивана Заруцкого, бежит на юг, к Астрахани, к Яику. В изложении исторических событий Бородин следует за Н.М. Карамзиным, как и А. Пушкин в «Борисе Годунове», отступает от фактической стороны «Истории Государства Российского», вводит вымышленные лица, в действительности не существовавшие. Через ретроспективный план, воспоминания, внутренние монологи героев воспроизводится общий ход истории, показано воздействие исторических событий на судьбы людей, изображается их внутренний мир, тревоги и заботы, ценностные установки.

Авторское повествование в «Царице Смуты» перемежается повествованием персонажей-рассказчиков, которые не столько совершают что-либо, сколько вспоминают о прошедшем, размышляют о происходящем на их глазах. В текст повести вкрапливаются стихи, элементы эпистолярного стиля, выдержки из подлинных писем, приводятся народные сказания, легенды, реминисцируются фрагменты из научных исторических исследований. *Все эти сложные дискурсивные уровни позволяют характеризовать повествование в «Царице смуты» как синтетическое.*

В повести сложная система персонажей, как вымышленных, так и исторических, ярко индивидуализированных, обладающих определенностью мироотношения, сознания, поведения. В выстраивании событийного ряда, в выявлении этической позиции автора значительная роль в «Царице смуты» отводится реальным историческим персонажам Сапеге и Скопину, образы ко-

---

* © Серафимова В.Д.

торых построены на антитезе. Образ коварного и жестокого Сапеги, бывшего усвятского старосты, дан в основном *через воспоминания вымышленного персонажа Олуфьева*: «Сапега, о московском престоле подумывая, два года кому только не изменял, с кем не союзничал, сколько крови христианской пролил, сколько земель на Руси разорил, но дошел-таки до Кремля ... Там и помер. Разве ж это можно понять? *И как не содрогнуться?*» [1] (курсив. – В.С.). Марина Мнишек вспоминает о Сапеге как о «новом соподвижнике царя Дмитрия», отбившем ее обоз, под конвоем направляющийся в Польшу [2].

Исторические источники этого эпизода, образов Сапеги, Заруцкого, географических названий Любеницы, Тушино находим в «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, у современного историка Г. Соколова. «К лету 1607 г. разнесся слух о появлении чудом спасшегося от рук заговорщиков Дмитрия. Это был уже Лжедмитрий II, обосновавшийся в подмосковном селе Тушине и впоследствии прозванный «*Тушинским вором*». Вскоре его власть признали почти все окружавшие Москву города. (...) Василий Шуйский, не желая обострять с ним отношений, решил отпустить на родину ярославских узников. (...) отец и дочь под конвоем были отправлены в Польшу. Однако недалеко от границы, у деревни Любеницы, пленники были отбиты у конвоя польским отрядом, посланным тушинским самозванцем на перехват царицы. Их повезли в Тушино» [3] (курсив. – В.С.). В «Истории Государства Российского» персонаж повести Бородина Ян Сапега характеризуется как «*неприятель для россиян*», пытающийся поживиться во время Смуты, разграбить богатства Сергиевой Лавры, оскорбляющий православную веру [4].

Мотив «*безуспешной осады*» Сапегой Троицкого монастыря развернут в «Царице смуты» в воспоминаниях Олуфьева о своем пленении, сожалеющего, что из-за болезни упущена им последняя возможность «*выправить судьбу*»: «Изрубили его людей, самого пленили и доставили Сапеге в Дмитров, куда тот отступил от Троицкого монастыря по причине безуспешности осады сего бастиона православной веры» [5] (выделено. – В.С.). Описание мужества защитников святой Обители с гробом Святого Сергия находим в «Истории Государства Российского»: «Воеводы решились уничтожить опасный замысел Сапеги. Два случая ободрили их: меткою стрельбою им удалось разбить главную Литовскую пушку, которая называлась *Трещерою*, и более иных вредила монастырю. Другое счастливое происшествие уменьшало силу неприятеля: 500 казаков Донских, с Атаманом Епифанцем, устыдились воевать святую Обитель и бежали от Сапеги в свою отчизну» [6] (курсив. – Н.М. Карамзина).

Антагонистом Сапеги в повести является Скопин, реальное историческое лицо, племянник царя Василия Шуйского. Бородин выявляет нравственную суть своего героя Скопина *в соответствии с фольклорным и документальным осмыслением этого образа*. В «Царице смуты» Скопин характеризуется как «*спаситель*» земли Русской от Самозванца: «Шведов перекупил, тушинского вора и Сапегу теснил, в Москву вошел спасителем под благодарный плач народный» [7]. Таким предстает Скопин в *новейших научных исследованиях о Смутном времени*. Р. Скрынников отмечает: «*Татищев и Скопин были самыми решительными и отважными среди заговорщиков, свергших Расстригу*» [8]. Упомянутый в повести Бородин образ Басманова имеет также документальную историческую основу. Описывая «*страшный набат, гремевший со всех московских колоколен*» в утро 17 мая 1606 г., М.Д. Хмыров называет

и Басманова, «в отчаянии» вбежавшего в спальню «Разстриги и Марины» с криком «Все кончилось! Москва бунтует; хотя головы твоей: спасайся» [9]. «Лучшим и преданнейшим слугой Самозванца» называет П.Ф. Басманова В.О. Ключевский [10]. В исследовании Г. Соколова воевода Петр Басманов предстает также «изменником» земли Русской, «преданным Самозванцу» [11].

Скопин, характеризующийся в «Царице смуты» «спасителем», также воспринимается «спасителем Великого Государства Российского» в фольклорных песнях. В исторических песнях 17 века Скопину посвящены два стиха – «Михаил Скопин» и «Оплакивание Михаила Скопина». В них высказана любовь и благодарность историческому герою за верность православным обычаям, за наведение порядка на Руси. Скопин именуется «ясным соколом», воспеваются его удаля и мужество в походах. «Он очистил царство Московское / И велико Государство Российское». За ратные подвиги Скопина народ ему «про весь православный мир» «велику славу до веку поют» [12] (выделено. – В.С.).

Важным, на наш взгляд, является *вымышленный персонаж* в повести «Царица смуты» Олуфьев. Функция этого персонажа верно определена А. Солженицыным в «Литературной коллекции»: «персонаж, важный не сам по себе, но возможностью диалогов с Мариной, обдумыванием ее судьбы с достаточно высокой точки зрения, еще один взгляд на нее, еще одно истолкование, как бы форма конфидента» [13].

В уста Олуфьева Бородин вкладывает свои мысли о смуте, возникающей, как это убедительно показано в повести, *из-за вражды людей и несущей смерть и разрушение*. «С кровью людской, со стенаниями и проклятиями повязана смута, с разбоем и воровством. Еще, правда, с надеждами страстными... Только надежды в душах, а кровь и злодейство – потоком по всей земле» [14] (курсив. – В.С.). Олуфьев – боярин знатного рода, «от Рюриковичей и Гедиминовичей начало ведет», его предки «Орду воевали». Считающий себя «воином», «корысти в смуте не искавшим», Олуфьев, как он сам сознается в исповедальных монологах, «прибился к Марине», решив стать «при Марине рыцарем-опекуном». Таким рыцарем воспринимает его в своих размышлениях и сама Марина – «Олуфьеву же любую тонкость доверить можно, даже если и обманут, зато не купят, верно будет блюсти интересы Москвы» [15]. Самоосуждение Олуфьева, упрек себе – «мог бы прозорливее осматриваться вокруг» – слышатся во внутреннем монологе героя, в котором важную роль играет оценочный эпитет «славное дело» при упоминании о реальных исторических деятелях Шейнине и Пожарском [16]. Примечательно то, что образ Олуфьева, устами которого, на наш взгляд, часто говорит сам автор, дан в развитии. Олуфьев осуждает себя за участие в неправом деле, *видит «порушение порядка» «в наглой дерзости польского выкормыша»* [17]. Выражение «польский выкормыш» для характеристики Самозванца, прозвучавшее во внутреннем монологе Олуфьева, отсылает к «Курсу русской истории» К.О. Ключевского: «Винили поляков, что они его подстроили; но он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве» [18].

В суждениях Олуфьева, в его желании спасти Марину, трезвой оценке ее деяний («Не простят тебе бояре смуты, разбой казачий да поляков»), во внимании к словам инока, «сподобившегося прозрению», «исповедовавшегося у Дионисия Троицкого», обнаруживается концепция произведения – **связать прошлое и современность, актуализировать онтологические вопросы бытия.**

Самым существенным в беседе Олуфьева с иноком *становится вопрос о нравственной ответственности человека за свои поступки. «Разумения»* инока раскрывают авторскую концепцию об истоках смуты, причинах трагичности судьбы человека, *«впавшего в соблазн греховный»*, и причинах трагичности судьбы Мнишек. Бог, в «разумении» инока, «всеблаг». «В скорби величайшей отворачивается Он от грешника и попустительствует тем Промыслителю, бывшему любимому ангелу своему, но в гордыне ушедшему от лика Божьего за спину Его (...) Нынче ж, во времена смутные, весь народишко в соблазн греховный впал, и отвернулся Господь от земли русской».

Наделяя Олуфьева такими рыцарскими качествами, как «верность» слабой и хрупкой женщине («...эта маленькая женщина одна только и стоит того, чтобы служить ей верой и правдой»), Бородин передоверяет своему герою-рассказчику развенчать «главную хворь души» Марины, к «погибели ведущую и ее», и окружающих, говорит об ответственности человека за выбор пути, развивает пушкинскую непреходящую идею о «самостояньи человека». Примечательно и то, что итоговые размышления вымышленного персонажа Олуфьева относительно Марины произносятся им после **ключевой в повести беседы с иноком**, а автор подчеркнет их весомость выразительными тропами «**трезво и здраво**». «Тогда еще (когда «переметнулся» к Марине. – В.С.), правда, не знал главную хворь души ее – упрямство, ослепляющее разум, к погибели ведущее и ее, вразумлению недоступную, и всех, кто судьбу свою повязал с ней...» [19] (выделено. – В.С.). Голос Олуфьева «соединяется в одном высказывании» с голосом инока в «двуголосом слове» (М. Бахтин), поэтому этим двум персонажам – Олуфьеву и иноку – автор уделяет пристальное внимание, **прослеживает их путь прозрения**.

Создавая образ Марины Мнишек в повести «Царица смуты», Бородин вступает в диалог с насыщенным культурным пространством, с толкованием реального исторического лица, о котором говорится в научных исторических исследованиях, в фольклоре, в исторических песнях 17 века, к образу которой прибегает А.С. Пушкин, М. Цветаева, К. Бальмонт, М. Кузмин, М. Сандомирский, Б. Пильняк, А. Дюма, в наше время Н.М. Молева в историческом романе «Марина Мнишек», В. Козляков в недавно вышедшей книге в серии ЖЗЛ «Марина Мнишек», и сохраняет личное отношение к своей героине.

Фольклорные песни 17 в. посвящены борьбе за преодоление Смуты, приведшей к общему ослаблению государства Российского, активизации его противников. Смута неоднократно осмысливается как «*грозный Божий гнев / За православную Русь*», Гришка Отрепьев именуется «*изменником*», «*басурманом*», «*Расстригой*», «*Гришкой-Расстрижкой*», Лжедмитрий II именуется «*вором-собачушкой*», «*царем несчастливым*» (Песни «*Плач Ксении Годуновой*», «*Лжедмитрий второй*», «*Борис Годунов*», «*Гришка-Расстрижка*»). Марина Мнишек предстает в фольклорных песнях как «*меньшая дочь пана Юрья Сердобольского*», реального сандомирского воеводы Юрия Мнишека, «*творящая блуд с Гришкой Расстрижкой*», женившегося на Марине 8 мая 1606 г. в Николин день, весьма чтимого на Руси христианского праздника, пришедшего в тот год на постный день пятницу. В песнях выражено резкое осуждение Самозванца и Мнишек, попирающих правила русской церкви и православные традиции: «*Они свадьбу сыграли в Филиппов пост, / Венец принимали в Миколин день – / Миколы – то было в пятницу. / Дошло-то это время до Вели-*

кого дня, / До Великого дня, до Христова дня. / У того ли у Ивана Великого / Ударили в большой во колокол: / Все князьи-бояра к обедне пошли, / Ко тыя Христоськой заутрени, – / Вор Гришка-Расстрижка во мыльню пошел / Со душечкой с Маринушкой со Юрьевной. Все князи-бояре Богу молятся, – / Вор Гришка-Расстрижка в мыльны моется, / С душечкой со Маринушкой блуд творит» [20] (курсив. – В.С.).

В повести о Марине Мнишек Бородин вступает в полемику с национальным мифом о злой чаровнице русского фольклора, какой предстает Марина Мнишек у М. Цветаевой. В цикле Цветаевой «Марина» (1921) образ Мнишек предстает неоднозначным, он построен на противопоставлении: Марина – любящая, самоотверженная героиня, плод романтического вымысла поэта («*Быть голубкой его орлиной!...*», «*– Сердце, измена!...*»), – и Марина – как расчетливая, честолюбивая авантюристка («*Трем самозванцам жена...*», «*Грудь ваша благоуханна...*»). В исторической Мнишек Цветаева осуждает своекорыстие, забвение истинно женского начала – бескорыстной любви, материнского начала: «*...своекорыстная кровь! / Проклята, треклята будь, / Ты – Лжедмитрию смогшая быть Лжемариной* [21] (курсив. – В.С.).

Неоднозначным предстает образ Марины и в «Царице смуты». Марина в повести Бородина предстает и гордой, и умной, и хладнокровной, и слабой, и смелой, и заблуждающейся в своих оценках и поведении, и сострадательной, честолюбивой, и жестокой. В отражении ее характерной черты – *чрезмерной гордости* – Бородин, вслед за Пушкиным, подчеркнет внешнюю красоту своей героини. Примечателен и тот прием в повествовании, к которому прибегает автор. Напряженно размышляя о конфликтных ситуациях, Мнишек самораскрывается. В самораскрытии героини решающее значение имеют ее *внутренние монологи*, характеризующие ее как честолюбивую, расчетливую авантюристку, вступившую в сговор с теми, кто видит в ней «*козырную карту*», какой она предстает и в трагедии А. Пушкина «Борис Годунов» (1824) [22].

Марина Мнишек в повести Бородина видит себя «*козырной картой*» в руках польского короля и отца, делающих на нее ставку – «*привести*» русский народ «*в лоно римской церкви*». Русский народ для Мнишек – «*дикий народ*», который она, как ей мнится, в сила «*просветить истинным вероучением*», а Россия – «*оплот православной ереси в мире*» [23].

Бородину удается показать *сложный, неоднозначный характер* Марины Мнишек. С явной симпатией показывает он Марину в общении с природой, ее преобразование на острове, «*на длинной песчаной косе*» («*Ни дворца, ни крепости – простой избы рубленой достаточно, и уже почувствуешь себя как прежде, как всегда – в Божьем мире и повторишь вслед за Господом: Как хорошо*»). С явной симпатией к своей героине показывает писатель ее в русской бане; простой и естественной изображает автор повести свою героиню в общении с сыном. Нежность и горечь от несостоятельности человека, не умеющего отличить истинные ценности от ложных, звучат в описании писателем размышлений Марины о сыне. «*Еще тревожит Марину состояние сына. Нет более крикливого озорника и проказника, страшная детская тоска поселилась в его очах*». Щемящей до боли сердца предстает в описании писателя-гуманиста сцена страданий Марины, ее мук, уже на грани безумия осознавшей гибель сына: «*Сыно-о-чек мо-о-й! Ивашка, Иванко, Янко! Сы-ы-ын! Дите мое! Госпо-ди!*». Марина может проявлять жалость, и присутствовать на пытках, и

давать приказы убивать. Как полемику с цветаевской «Лжемариной» можно толковать фрагмент бородинского текста с «отрубленной головой» «тушинского царя» Лжедмитрия II, обнаруживающий способность Марины сострадать, проявлять сочувствие, привязчивость, «нежность к покойнику», «чисто бабски», в ее собственной оценке». Эпизод дан в воспоминаниях Марины, поэтому отличается особой искренностью [24].

Отметим, что процитированный фрагмент бородинского текста с яркой художественной деталью «отрубленной головы», символизирующей Смутное время, имеет прямым источником «Историю Государства Российского» Карамзина, повествующую о «бегстве из Тушина» Лжедмитрия в Калугу. «Князь Ногайский Петр Араслан Урусов выехал с Самозванцем на охоту», «в месте уединенном прострелил его насквозь пулею, сказав: «я научу тебя топить Ханов и сажать Мурз в темницу», отсек ему голову, и с ногами ушел в Тавриду, прославив себя злодейским истреблением злодея, который едва не овладел обширнейшим царством в мире, к стыду России не имея ничего кроме подлой души и безумной дерзости» [25] (выделено. – В.С.).

На документальной основе показаны в повести «Царица смуты» и такие характерные черты Марины, как бесстрашие и мужество, умение владеть собой в трудных ситуациях. Эпизоды в книге Бородин с описанием бесстрашия Марины имеют источником «Историю Государства Российского», где повествуется об осаде Дмитрова. «...Марина, пользуясь смятением, явилась между воинами с растрепанными волосами, с лицом бледным, с глубокою горестью и слезами; не упрекала, но трогала видом и словами; убеждала не оставлять Димитрия». Такие характерные художественные детали в описании Мнишек как «пистоль в руке», «гусарский костюм», «Марина в седле», «Марина на коне» основаны на исторических исследованиях. «Не имея совершенного успеха в намерении взбунтовать Тушинский стан, и боясь мести Гетмана, Марина, в одежде воина, с луком и тулом за плечами, ночью, в трескучий мороз ускакала верхом к мужу, провожаемая только слугою и служанкою» [26].

Показывает Бородин и жестокость Марины, присутствующей при пытках, приказывающей ради своего честолюбия вешать и убивать, насаждать страх. Честолюбие Марины, ее нездоровые амбиции, стремление властвовать на Руси ценой бесчисленных жертв убедительно раскрываются в сцене «пытания» ею «монаха-лазутчика», Никиты Долгорукого, незаконнорожденного сына Михаила Долгорукого, ранее служившего в «охране тушинского царя», «переметнувшегося» на сторону «касимовских татар», «погубивших тушинского царя», потерявшего в бою правую руку, затем исповедовавшегося у Дионисия Троицкого. На допросе у Марины он смело говорит о своем «прозрении» – «бес попутал», «душа голос обрела», призывает ее «покаяться» – **И тебе б смиренно покаяться**» [27].

Для характеристики своей героини, ее безмерного честолюбия и высокомерия Бородин использует и *эпистолярный стиль*, приводит фрагменты из писем Марины Мнишек, раскрывающие состояние героини в моменты высшего душевного напряжения. «Жаром гнева вспыхивает лицо» Марины, когда она вспоминает свое письмо королю Сигизмунду, предложившему тушинскому Дмитрию, ее мужу, Самбор, если они откажутся от московского престола. «...Будучи владычицей народов, царицей московской, возвращаться в сословие польской шляхтенки и становиться опять поданной не могу» [28]. Источник

для эпистолярного вкрапления в бородинский текст находим в «Истории Государства Российского» Карамзина: «Она писала к Королю: «Счастье меня оставило, но не лишило права Властительского, утвержденного моим Царским венчанием и двукратною присягою Россиян» [29] (курсив. – В.С.). Документальная основа данного фрагмента письма в повести Бородина «Царица смуты» содержится и в исследовании Н.И. Костомарова «Герои Смутного времени» с текстом письма Мнишек: «Все отняла у меня судьба: остались только справедливость и право на московский престол, обеспеченное коронацией, утвержденное признанием за мной титула московской царицы, укрепленное двойною присягою всех сословий Московского Государства» [30] (курсив. – В.С.).

Жажда величия не позволят Марине использовать последнюю возможность спасти себя и сына, когда в заточении, в «подвальной крошечности» посланный королевичем Владиславом ротмистр Синявский предложит ей написать «отречение полное от притязания на трон московский от себя и сына», «чтобы королевич мог направить ходатайство правителям московским». Пожертвует она сыном ради нездорового честолюбия, хотя и предчувствует «исход» («Известен и мне исход»). Не отрезвят ее упоминания о сыне, сказанные в подвале одноруким монахом Никитой. «О сыне думаете ли, как должно? – А как это должно, по-твоему? – Как о живом, но кому и далее жить надобно, ибо для жизни рожден, а не для смерти... Жизнь дитя первой всего, что родительница для него замыслит и возжелает. Первей прочего обязана жизни способствовать, и грех наитягчайший жизнь дитя в зависимости от удачи ставить...» [31] (выделено. – В.С.).

В диалоге монаха, получившего благословение отца Дионисия, с Мариной Мнишек Бородин показал два мировосприятия, два мировоззрения на смысл человеческой жизни, сделав эти размышления актуальными для всех времен.

Глубокую и верную оценку жизненной значимости, нравственной ценности и поучительности повести Л.И. Бородина «Царица смуты» отметит Нобелевский лауреат А.И. Солженицын в своей серии «Литературная коллекция»: «Повесть зовет к углублению пониманий и обобщений» [32]. По мнению известного критика А. Немзера, книга Бородина написана «не академического интереса ради. (...) Московская Сму́та начала 17 в. проецируется на исторические катаклизмы наших дней и нашего Отечества (...) протягивает нить от Смуты к тем событиям, что ознаменовали начало и конец русского XX века» [33].

О каких бы исторических фактах, реалиях ни писал Л. Бородин, странством, художественным полем для исследования остается человек, его душа. Сюжет о Марине Мнишек можно толковать как еще одно восхождение нашего современника, замечательного писателя к судьбе людей во Вселенной, его доверительный разговор о смысле жизни и назначении человека. «Царицей смуты» назвал писатель свое повествование о Марине Мнишек, сообщая читателю и о главной теме, и о характере героини, и о главной идее, и о конфликте повести, о ее эмоциональной доминанте.

В объяснении эстетических, этических взглядов автора повести «Царица смуты» важную роль в раме произведения, на наш взгляд, имеет послесловие, названное «После слов». Как и положено в эпилоге, повествователь поведает в послесловии о том, как сложились судьбы героев после рассказанных в основной части произведения событий. Пронзительны строки об участии ребенка,

сына Марины, «тайно удушенного», и о Марине, «оставленной дожидать в помрачении разума». В главе «После слов» повествуется и о Маринкиной башне в Коломне, которую упоминает в романе «Волга впадает в Каспийское море» **Б. Пильняк**. Христианским состраданием проникнуты авторские строки: «... не оставила после себя блуждающей тени царица русской Смуты – знать, милостив был Господь к «гордой полячке» и, приняв душу ее в свои бережные длани, даровал ей покой и тихую радость». Как противопоставление несложившейся судьбе Мнишек приводится и судьба «Маринкиного боярина», Олуфьева, ранее «детей не знавшего», видящего в этом «причину маеты» своей («Так вот в чем причина маеты его»). **Жизнеутверждающая философия, авторский взгляд на истинное назначение человека на земле содержатся в вести, несущей светлые мысли о судьбе Олуфьева, сумевшего создать семью, воспитывающего детей:** «...встав на стан у Камышинского острога, получил Леонтьев от казаков Острожских странную весть: будто в верстах пятидесяти вверх по реке Камышенке на земле нагайского мурзы Шакрая живет в отдалении от нагайских станов некий «Маринкин боярин», что при нем татарка некрещеная и дворовый человек русских кровей тоже татарку в женах имеет. Что детей косоглазых у них полон сруб и что ногайцы того «Маринкина боярина» в обиду не дают и всяко покрывают» (курсив. – В.С.).

Л. Бородин – «один из самых христианских писателей», – по верному определению **А.Н. Варламова**, воссоздает в повести «Царица смуты» дух эпохи, ее быт, *дает религиозно-философскую и нравственную оценку Марине Мнишек как историческому лицу и обычному человеку*, осуждает всем строем повествования и, в первую очередь, устами монаха Никиты, «сподобившегося прозрению», «исповедовавшегося у Дионисия Троицкого», человеческую гордость и жестокость, забвение истинных ценностей.

Список литературы:

1. Бородин Л. Царица смуты. – М., 1998. – С. 40,41.
2. Бородин Л. Царица смуты. – С. 139.
3. Соколов Г. Марина Мнишек // История России. От древних славян до Петра Великого. Энциклопедия для детей. Сост. С.Т. Исмаилова. – М., 1996. – С. 383.
4. Карамзин Н. М. История Государства Российского. – Т. 12. – СПб., 1829. – С. 88.
5. Бородин Л. Царица смуты. – С. 36.
6. Карамзин Н. М. История Государства Российского. – С. 106.
7. Бородин Л. Царица смуты. – С. 40.
8. Скрынников Р. Смутное время. – М., 2005. – С. 495.
9. Хмыров М.Д. Марина Мнишек. – СПб., 1862. – С. 19.
10. Ключевский В.О. Курс русской истории. / Соч.: В 9 т. – Т. 3. – М., 1988. – С. 31.
11. Соколов Г. Марина Мнишек. – С. 384.
12. Исторические песни. Библиотека русского фольклора / Составление, вступ. статья, подготовка текстов и коммент. С.Н.Азбелева. – М., 2001. – С. 118.
13. Солженицын А. Леонид Бородин – «Царица смуты». Из «Литературной коллекции» / Новый мир, 2004. – № 6. – С. 155.
14. Бородин Л. Царица смуты. – С. 31, 35.
15. Бородин Л. Царица смуты. – С. 22.
16. Бородин Л. Царица смуты. – С. 47.
17. Бородин Л. Царица смуты. – С. 39, 37.
18. Ключевский В. О. Курс русской истории. – С. 31.
19. Бородин Л. Царица смуты. – С. 47.
20. Исторические песни. Библиотека русского фольклора. – С. 112.
21. Цветаева М. Цикл «Марина» / Собр. соч.: В 2 т. – Т. 1. / Сост, подготовка текста и

комментарии Анны Саакянц. Минск, 1988. – С. 146-148.

22. Пушкин. А. Борис Годунов // Собр. соч. Изд. исправл. и дополненное / Редакция, библиографический очерк и примечания Б. Томашевского. – М., 1995. – С. 257.

23. Бородин Л. Царица смуты. – С. 123, 125.

24. Бородин Л. Царица смуты. – С. 17, 18.

25. Карамзин Н. М. История Государства Российского. – С. 271.

26. Карамзин Н. М. История Государства Российского. – С. 192, 193.

27. Бородин Л. Царица смуты. – С. 145, 146.

28. Бородин Л. Царица смуты. – С. 140.

29. Карамзин Н. М. История Государства Российского. – С. 189.

30. Костомаров Н.И. Герои Смутного времени. – Берлин, 1922. – С. 118.

31. Бородин Л. Царица смуты. – С. 281.

32. Солженицын А. Леонид Бородин - «Царица смуты». Из «Литературной коллекции». – С. 148.

33. Немзер А. Замечательное десятилетие русской литературы. – М., 2003. – С. 265.

34. Варламов А. Н. Апокалипсические мотивы в русской прозе конца XX века. Автореферат дисс... канд. филол. наук. – М., 1997. – С. 13.

V. Serafimova

DIE HISTORISCHEN, FOLKLORISTISCHEN QUELLEN L.BORODIN «DIE ZARIN DER WIRREN» ZU FÜHREN. DIE POETIK. DIE DOMINANTEN IDEEN

Kurze Inhaltsgabe: Im Artikel geht die Rede über moderne russische Literatur, nämlich, über Prosa von Leonid Borodin, über seine historische Erzählung über Marina Mnischek. Schlüsselworte und Grundwendungen: Inhalt, Idee, Tradition, Folklore lebenswichtige Fragen, Reminiszenzen, ontologische Fragen, historische Helden, Karamsin, Klutschewski, Kostomarov und andere. Grundfragen und Grundprobleme des Artikels: Geschichte und Gegenwart.

Key words: The story, poetics, folklore sources, iconographic scenes.

**ЗАГАДОЧНАЯ ЛУКЕРЬЯ.
ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ЗАПАДНОЙ КРИТИКОЙ
«РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ДУХОВНОСТИ»
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА И.С. ТУРГЕНЕВА
«ЖИВЫЕ МОЩИ»)***

Аннотация: В статье раскрыто восприятие русской религиозной духовности западными критиками на материале рассказа И.С. Тургенева «Живые мощи».

Ключевые слова: западные мыслители, русская религиозная духовность.

Во Франции И.С. Тургенев опубликовал рассказ «Живые мощи» 8-го апреля 1874 года в «Тан». На следующий день он получил письмо от Ипполита Тэна, крупного ученого – историка, искусствоведа и литературного критика, чье мнение Тургенев ценил очень высоко. Обычно сдержанный, Тэн был так потрясен рассказом и написал такой восторженный отзыв, что ему даже показалось необходимым извиниться за свою эмоциональность. «Извините меня: это впервые я так спонтанно пишу автору о его сочинении». Приведем основные доводы критика. «...какой шедевр! Я жму вашу руку с уважением и восхищением, и если бы я мог, я бы расцеловал вас. Какой урок для нас, как свежо, какая глубина, какая чистота! Как это показывает, что наш источник высох! В мраморных карьерах остались только лужи стоячей воды, а рядом такой неистощимый ручей, полный до краев воды. Какая жалость для нас, что вы не француз!...Я прочитал «Лукерью» трижды» [1: 152].

В этом «спонтанном» отклике заложены, как оказалось позднее, возможности совершенно разных его интерпретаций, и об этом мы скажем ниже.

Сначала необходимо восстановить историю замысла рассказа, его создания, первых публикаций и отзывов.

«Живые мощи» были задуманы еще во время работы над первыми рассказами из «Записок охотника», то есть за четверть века до выхода в свет.

Причина, по которой автор не включил эту историю в «Записки охотника», была, как позже признался он сам, в том, что она казалась ему «не идущей к делу», то-есть выпадающей из общей тематики «Записок». Примечательно, что писатель и в 1874 году проявляет ту же нерешительность, полагая, что «Живые мощи» – вещь «незначительная».

Тем не менее, он понимал, где и когда она может быть реально востребована: «Желая внести лепту в «Складчину» («Складчина» – литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии) и не имея ничего готового, стал рыться в старых бумагах и нашел это...» – пишет он Полонскому Я.П. в январе 1874 г., то есть, одновременно с отправкой рассказа в «Складчину»: «Хотел бы прислать нечто более значительное – но, чем богат – тем и рад» [2-Письма. Т. 10: 191].

Тургенев тогда не подозревал, какое «богатство» принесет ему этот рассказ, однако показателен сам факт, что литературная судьба «Живых мощей»

* © Солодовник В.Н.

началась с акта благотворительности.

Среди сравнительно небольшого количества произведений И.С. Тургенева, посвященных христианской тематике, «Живые мощи» занимают особое место. В «Дворянском гнезде», в «Рассказе отца Алексея», в «Странной истории» изображаются различные типы православных русских людей; есть немало библейских аллюзий в «Стихотворениях в прозе», но только в «Живых мощах» можно обнаружить жанровые черты, сближающие этот рассказ с житийной литературой. Кроме того, это произведение проясняет некоторые аспекты очень непростой проблемы отношения Тургенева к христианству.

Известно, что писатель считал и называл себя неверующим. В литературных заметках, в письмах Тургенева встречаются свидетельства религиозного скепсиса, а подчас и иронии. Обобщая, можно вычленить как минимум два конкретных адресата этой иронии: лицемерие и преступления под маской религиозного благочестия. Однако истинно верующие люди вызывали у него не только уважение, но даже благоговение. И еще: только в ранней юности он – поклонник Байрона – позволял себе некоторое романтическое бунтарство, которое, впрочем, не оборачивалось серьезным богоборчеством. Напротив, уже тогда, в пору духовного самоопределения, он ощущал свое неверие как несчастье. Ему было 25 лет, когда он писал:

*«О жизни думал я, об Истине святой,
О всем, что на земле навек неразрешимо.
Я небо вопрошал, и тяжело было мне –
И вся душа моя пресытилась тоскою...»*
«Разговор» (2 – Сочинения. Т. 1: 102).

А вот пассаж из письма графине Ламберт, написанного в 1856 году:

«Как оглянусь я на свою прошедшую жизнь, я, кажется, больше ничего не делал, как гонялся за глупостями... У нас нет идеала – вот отчего все это происходит: а идеал дается только сильным гражданским бытом, искусством (или наукой) и религией. Но не всякий родится афиняном или англичанином, художником или ученым – и религия не всякому дается – тотчас. Будем ждать и верить» [З: 9].

Отметим два момента в приведенной цитате: для Тургенева важнейшим становится поиск идеала; кроме того, он не закрывает для себя путь веры, отчего последняя фраза письма наполняется у него двойным смыслом.

Пять лет спустя он пишет тому же адресату:

«Да, все земное прах и тлен... Имеющий веру имеет все и ничего потерять не может, а кто ее не имеет – тот ничего не имеет, и это я чувствую тем глубже, что сам я принадлежу к немущим» [З: 141].

Здесь чувствуется мудрость и глубина самооценки писателя, достигшего духовной зрелости.

Еще важное признание, сделанное годом позже:

«Я не только не мешаю ей (дочери) ходить в церковь, но и сам с ней хожу... И если я не христианин – это мое личное дело – пожалуй, мое личное несчастье» [З: 156-157].

Приведенные цитаты достаточно убедительно, на мой взгляд, доказывают сложность и неоднозначность отношения Тургенева к религии. В любом случае, для нас важен тот факт, что писатель, глубоко укорененный в русской народной традиции, хорошо понимал великую духовную силу православия и сочувствовал верующим.

В рассказе «Живые мощи» он отводит себе лишь роль очевидца того, что в христианской традиции может быть названо чудом: Лукерья, бывшая раньше дворовой девушкой, красавицей и певуньей, теперь превратилась в мумию, «живые мощи»; таинственная болезнь сковала ее физической неподвижностью, жизнь тела остановилась в ней, но тем удивительнее почти невероятная сила духа, буквально окрыляющая ее. Автор-рассказчик потрясен ее жизнерадием, ее смирением, радостным ощущением красоты мира, наконец, верой, которая для нее так же естественна, как сама жизнь.

Рассказ автобиографичен, однако Тургеневу пришлось защищать правдивость изображенных здесь событий перед лицом рационалистического скепсиса некоторых из его западных почитателей. В ответном письме своим немецким коллегам и друзьям, Людвигу Пичу и Юлиану Шмидту, которым рассказ понравился, но «вызвал некоторые сомнения», Тургенев подтверждает реальность всего описанного. Однако его дотошные немецкие друзья осведомлялись, действительно ли ее лицо выглядело «как бронза», и почему не было пролежней у лежащей больной, и еще одно: если были закрыты двери и окна, то как же Иван Сергеевич не почувствовал вони? По тону письма Тургенева чувствуется, что он задет этим недоверием и потому горячится: «...все это ИСТИННОЕ происшествие....Двери же не было вовсе – но честное слово, я не почувствовал никакой вони. Но довольно реализма!» [2 - Письма. Т. 10: 435].

Странно, что такие известные в свое время литераторы как Пич и Шмидт не сумели понять, увидеть главное в рассказе – преклонение писателя перед силой и глубиной веры героини – и сосредоточили свое внимание на чисто физических деталях.

Впрочем, не так уж странно, если обратиться к одному любопытному документу – этюду того же Шмидта о Тургеневе, где он пытается дать портрет русского писателя на общем фоне духовной жизни России и ее истории. На мой взгляд, этот этюд отражает СУЩНОСТНЫЕ СТОРОНЫ ВОСПРИЯТИЯ ЗАПАДНЫМИ МЫСЛИТЕЛЯМИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ДУХОВНОСТИ, и не только в ту эпоху, но и в наши дни. Рассуждая о нигилизме как об «излиянии ненависти», Шмидт связывает его с панславизмом, который, в свою очередь, связывается у него с «религиозным иступлением» русских, в котором он видит угрозу для Европы:

«Русский народъ, как это теперь доказано, способенъ отдаться великой страсти. Если эта страсть возвысится на степень культа – чего-то въ роде религиознаго иступления, то она можетъ сделаться опасной для Европы... Въ народе словно дремлютъ силы, совершенно чуждыя европейской цивилизации и непонятныя ей» [4: 22].

Особенно показательны размышления Шмидта о различии религиозности западного человека и русского. Обратим внимание на аргументацию, которая демонстрирует искреннюю убежденность ее автора в превосходстве западного христианства, с одной стороны, и печальное невежество в области истории русской православной церкви, с другой.

Он пишет: «Отношение русскаго къ его религии существенно иное, чемъ у насъ. На западе христианство поглотило высшяя духовныя силы; после основания церкви, Данте увенчалъ ее безсмертнымъ творением...Все мы, даже если издеваемся надъ святыней, все-таки гораздо более религиозныя и добрыя христиане, нежели сами думаемъ. Слово Божие твердо запечатлено въ нашей

совести; хотя мы и не всегда сознаемъ это... О такой духовной жизни никогда не было и помину въ русской церкви. Стремление молодого поколения къ образованию не встретило въ родных идеалахъ ничего такого, на что можно было опереться или хотя бы противъ чего можно было серьезно бороться; поэтому молодежь бросилась на чужие идеалы, почерпнутые изъ протестантскихъ или католическихъ поэтовъ» [4: 22-23]. При таком подходе и Лукерья, естественно, будет восприниматься как еще один случай «религиозного иступления», не более того.

Похожие мысли находим и в этюде Л. Пича, созданном уже после смерти Тургенева. Рассказы начала 70-х годов, в том числе «Живые мощи», он называет «мелкими», изображающими «непонятные для жителей Запада явления темной религиозной жизни русского народа», которыми тогда Тургенев «увлекся». Л. Пич видит здесь не только «страшное, загадочное», но и ДЕМОНИЧЕСКОЕ! [4: 91].

Другие критики, например, Георг Брандес, сочли рассказ «замечательным образчиком простых монографий несчастья» [4: 33] – и только.

Более тонкое понимание тургеневского таланта в изображении русского народного характера (в «Живых мощах») обнаруживает Мельхиор де Вогюэ, когда пишет о Лукерье так: «Въ этихъ бранныхъ останкахъ живетъ душа, очищенная страданиями, божественно смиренная, парящая на высоте полного самоотречения, не утратив, тем не менее, своей деревенской наивности» [4: 49-51]. Однако в заключение своих рассуждений о героине и Вогюэ делает снисходительно-небрежное обобщение, называя «особенно ярким» в рассказе «стоическую, немного животную покорность судьбе, свойственную русскому мужику, всегда готовому страдать» [4: 51].

По контрасту, приведем один из отзывов, появившихся в русской прессе сразу же после публикации «Живых мощей». А.П. Чебышев-Дмитриев, сотрудник «Нового времени», в одном из своих эссе «Письма о текущей литературе и еще кое о чем» отмечает, что рассказ «Живые мощи» «должен быть причислен к лучшим перлам русской литературы» [2-Письма. Т. 11: 475].

Между тем, реальная судьба «Живых мощей» продолжала развиваться по пути благотворительности, как в России, так и во Франции. Тургенев читал свой рассказ на двух или трех (не уточнено до сих пор, так как поиски писем и других мемориальных источников продолжаются и теперь) литературно-музыкальных вечерах, проводимых с благотворительной целью в пользу русских студентов в Париже, а также в пользу русской библиотеки в этом городе, которая создавалась под руководством Ивана Сергеевича.

Это было весной 1875 года, а уже в июле того же года в Карлсбаде состоялся творческий вечер в пользу моршанских погорельцев. Пожар в Моршанске (Тамбовская губерния), как сообщалось, истребил почти весь город и многие русские за рубежом откликнулись на эту беду. Тургенев выбрал для чтения на этом вечере две вещи – «Льгов» и «Живые мощи»; его выступление было «приветствовано восторженно» [2 – Письма. Т. 11: 498].

Важно отметить, что и на Западе восприятие рассказа, как уже отмечалось, не было однозначно отрицательным. Среди критиков и читателей нашлись такие, которые высоко оценили гуманистический пафос и художественную правду «Живых мощей». Тургенев был приятно удивлен и обрадован тем, какую оценку этой вещи он получил в адресованных ему посланиях. В

двух письмах П.В. Анненкову (март – апрель 1874 г.) он выражает свое чувство благодарности и признательности:

«Оказывается, «Живые мощи» получили большой преферанс – и в России и здесь: я от разных лиц получил хвалебные заявления, а от Ж. Занд даже нечто такое, что и повторить страшно...Ничего, оно приятно, странно, но приятно» [2 – Письма. Т. 10: 225].

Что же написала Жорж Санд, что «и повторить страшно»? В числе «спонтанных» отзывов два были действительно восторженными, – один от Ипполита Тэна, другой от автора «Консуэло». Вот он:

«Сколько души, глубины и правды, какой простой и очаровательный язык! Все должны учиться у вас, все без исключения, даже наш великий лама Виктор Гюго» [5: 227].

Если сопоставить эти два отзыва, можно заметить сходство некоторых моментов: оба критика акцентируют «правдивость» и «глубину», оба признают право автора «Живых мощей» быть УЧИТЕЛЕМ современной им французской литературы. Какой контраст с мнением Пича, Шмидта и других, усмотревших в «Живых мощах» духовность, опасную для Европы!

Конечно, Иван Сергеевич послал ответ Ж. Санд немедленно:

«Что мне сказать о похвалах, которые вы расточаете моим «Мощам»? Они столь подавляюще великолепны, что я едва осмеливаюсь за них благодарить. Но, уверяю вас, я все же очень доволен...» [2 - Письма. Т. 10: 433].

А далее он делает признание, которое не только проясняет характер его отношения к Жорж Санд и оценку ее творчества, но является, возможно, свидетельством того, что Тургенев изначально, по замыслу сближал подвижничество Лукерьи с понятием «святой жизни», святости:

«...и в связи с этим должен вам сказать одну вещь: я намеревался посвятить этот рассказ вам; но Виардо, которого я спросил, посоветовал мне подождать, пока я напишу что-либо более значительное и более достойное великого имени, которым я хотел его украсить. Теперь я сожалею, что не последовал первому побуждению» (там же). Ассоциация «первого побуждения» и «святости», подвижнической жизни проясняется, если учесть, что в одном из писем 1876 года, сразу после смерти Ж. Санд, он, «глубоко огорченный» ее кончиной, называет писательницу не только «великой фигурой современной литературы», но и «одной из наших святых»!

Интересно, что «неимуций» в религиозном отношении Тургенев обратился, в поисках самой высокой похвалы, к слову «святая». И, думается, дело здесь не только в «великом, могучем, правдивом и свободном русском языке», который подсказал ему это определение, но и в самом «предмете» – жизни Жорж Санд. По свидетельству многих знавших ее людей, писательница была человеком необычайно отзывчивым, всегда готовым к самопожертвованию. Именно эти качества вызывали у Тургенева благоговение:

«На мою долю выпало счастье личного знакомства с Жорж Занд... Кто мог видеть вблизи это редкое существо, тот, действительно, должен почтись себя счастливым...Всякий тотчас чувствовал, что находится в присутствии бесконечно щедрой, благоволящей природы, в которой все эгоистическое давно и дотла было выжжено неугасимым пламенем поэтического энтузиазма, веры в идеал, которой все человеческое было доступно и дорого, от которой так и веяло помощью, участием...И надо всем этим какой-то бессознательный ореол,

---

что-то высокое, свободное, героическое... Поверьте мне: Жорж Занд – одна из наших святых...» [2 – Сочинения. Т. 14: 232, 234].

Поразительно, как приложимо все это к духовной сущности характера героини «Живых мощей», – конечно, с поправкой на социальный статус Лукерьи; но, как известно, социальный статус в истинно христианской вере не имеет значения. Что же касается справедливости тургеневского суждения о Ж. Санд, она подтверждается хотя бы этим пассажем из ее письма к четырнадцатилетнему сыну:

«Главный порокъ, котораго тебе следует опасаться, – слишкомъ большая любовь к самому себе. Этимъ порокомъ страдаютъ все мужчины и все женщины... Никогда еще эгоизмъ не исповедывался такъ открыто и не проявлялся въ такихъ возмутительныхъ формахъ, какъ въ нашъ векъ... Подумай же, какъ виновень передъ Богомъ тотъ, кто, зная страдания и нужды своихъ ближнихъ, и имея возможность вложить все свое сердце и посвятить всю свою жизнь на то, чтобъ помочь имъ, спокойно каждый вечеръ засыпаетъ на мягкой постели, или наполняетъ себе брюхо вкусными яствами... Я же думаю, что земля наша принадлежитъ Богу... Не можетъ входить в его намерения, чтобъ изъ живущихъ на этой земле одни умирали отъ обжорства, а другие съ голода. Что бы тамъ ни говорили, ничто не помешаетъ мне чувствовать скорбь и негодование при виде нищаго, проливающегоъ слезы у порога богача» [6: 65-66].

Действительно, Тургенев был вправе сказать, что на его долю «выпало счастье» быть лично знакомым с такой женщиной! И тот факт, что именно ей он собирался посвятить «Живые мощи», конечно же, имеет важное значение для понимания сути духовного содержания его рассказа. Кстати, и Луи Виардо, как многие западные друзья Тургенева, не увидел этой сути, посоветовал автору «подождать чего-то более значительного». Вероятно, здесь кроется одна из причин, если не главная, того, что Тургенев, который всегда был склонен к заниженной самооценке, вначале определил свой рассказ как «безделку», – ведь известно, какое влияние имело на него мнение четы Виардо, которым он обычно читал свои произведения прежде, чем отдавал их в печать. А Луи Виардо был значительной фигурой в тогдашней французской культуре, но культуре светской ориентации, не близкой христианству, тем более православному типу.

Заслуживают внимания еще некоторые аспекты отношения Тургенева к героине «Живых мощей» и ее судьбе, – в интерпретации современных ему западных литераторов. Некоторые из них полагали, что писателю «становилось страшно» от проявления «религиозного исступления» в русском характере. Следует заметить, что страшно, даже жутко ему становилось совсем от другого – от диких проявлений самодурства, жестокости и других пороков, порождаемых крепостничеством. То, что Тургенев был одним из самых горячих сторонников освобождения крестьян и принимал деятельное участие в его подготовке – не случайный факт. Поучительна также история его отношений с крестьянами (принадлежавших ему деревень) после 1861 года.

У. Рольстон, английский переводчик произведений Тургенева, по тем временам отличный знаток русской литературы, вспоминал:

«Во время пребывания моего въ Спасскомъ, я успелъ узнать глубину его сердца, обширность его симпатий и къ человеку, и къ животным, ко всему, что живетъ и страдаетъ... Почти все рассказы Тургенева трогательны. Славянский

темпераментъ склоненъ къ меланхолии, а Тургенев былъ истый славянинъ» [4: 96-97].

Рольстон понял главное в русском писателе, «истом славянине», – его «симпатию...ко всему, что живет и страдает». Думаю, именно с этих позиций нужно рассматривать и отношение автора «Живых мощей» к его героине. Текстуальный анализ рассказа подтверждает это. В течение всей долгой беседы с Лукерьей, беседы, составляющей фабулу истории, автор-повествователь лишь дважды использует слово «страшно»: в первый раз, когда он разглядел в полутьме лицо Лукерьи, но употребляет не наречие, а прилагательное – «страшное», причем в таком контексте, который не оставляет сомнений в том, что речь идет не о чувствах автора, но о внешнем виде героини, – иначе зачем здесь такие еще определения как «не безобразное», «красивое»!

«Я вглядываюсь попристальнее: лицо не только не безобразное, даже красивое, – но страшное, необычайное. И тем страшнее кажется мне это лицо, что по нем, по металлическим его щекам, я вижу – силится... силится и не может расплыться улыбка» [2 – Сочинения. Т. 4: 354].

Уже здесь чувствуется то, что станет лейтмотивным в рассказе, – огромное, осязаемое как физическая боль, сострадание. Автору не страшно САМОМУ, ему страшно – ЗА ЛУКЕРЬЮ:

«Это, однако же, ужасно, твое положение! – воскликнул я...»;

«И не скучно, не жутко тебе, моя бедная Лукерья?»;

«Жестокая, каменная неподвижность лежавшего передо мною живого, несчастного существа сообщилась и мне: я тоже словно оцепенел» [2 – Сочинения. Т. 4: 356, 357, 359].

Второй случай употребления понятия «страшно» еще любопытнее. Здесь оно выражено словом «ужас» и использовано в ситуации, когда Лукерья решается... запеть. Восстановим микроконтекст, что позволит прояснить смысл, заложенный в это слово в данной части рассказа:

«Лукерья собралась с духом...Мысль, что это полумертвое существо готовится запеть, возбудила во мне невольный ужас. Но прежде, чем я мог промолвить слово – в ушах моих задрожал протяжный, едва слышный, но чистый и верный звук...за ним последовал другой, третий... Но так трогательно звенел этот бедный, усиленный, как струйка дыма колебавшийся голосок, так хотелось ей всю душу вылить... Уже не ужас чувствовал я: жалость несказанная стиснула мне сердце» [2 – Сочинения. Т. 4: 360].

Так минутный, «невольный» ужас сменяется тем, что свойственно автору изначально – «жалостью несказанной», которая «стиснула сердце».

Если слова «страшно», «ужас» встречаются в рассказе дважды и не имеют прямого отношения к чувствам повествователя, то глаголы, выражающие действие изумления – многочисленны. Они-то и составляют гамму чувств, охвативших автора:

«Я... остолбенел от удивления»; «как ошеломленный глядел я»;

«...а я с изумлением глядел на нее»; «Я, признаюсь, удивился»; «...и опять – таки не мог не подивиться...»; «подивился я тут про себя» [2 – Сочинения. Т. 4: 354, 355, 357, 363, 364].

Чему же так изумляется автор? В одном месте истории есть пояснение:

«Изумляло меня собственно то, что она рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие» [2 – Сочинения. Т. 4: 355].

Итак, СМирение, Терпение – основные добродетели в православном вероучении – изумляют Тургенева в Лукерье, вызывают в нем живое сочувствие. Даже эпитафия, который он выбрал для рассказа, свидетельствует о том же:

*«Край родной долготерпенья –
Край ты русского народа!» (Ф. Тютчев)*

Какое уж тут «религиозное исступление» или «страшное, загадочное», тем более «демоническое» в восприятии Лукерьей (как и самим Тургеневым) описанных здесь событий!

Есть еще один эпизод, характеризующий тургеневское отношение к добродетели «долготерпенья» у русского народа. На этот раз свой рассказ о реальных событиях Тургенев поместил в письмо Я.П. Полонскому, и примечательно, что это то самое письмо (от 6 февраля 1874 года), в начале которого писатель сообщает обстоятельства первого появления «Живых мощей» в печати. Таким образом, рассказ, приведенный в этом письме, подтверждает основную мысль «Живых мощей» о добродетели смирения, по свидетельству самого Тургенева. Речь там идет о голоде в Тульской губернии в 1841 году. Несколько лет спустя писатель был проездом в тех же местах, и в деревенском трактире он спросил старика, хозяина трактира, были ли во время голода беспорядки, был ли бунт. Ответ старика поразил Тургенева:

«Какие, батюшка, беспорядки? – возразил с изумлением старик. – Ты и так богом наказан, а тут ты еще грешить станешь?» [2 – Письма. Т. 10: 191]. Имелось в виду, конечно, что голод – наказание господне, а бунт – грех. Очевидно, выраженное здесь отношение – то самое, которое отдельные западные критики того времени называли «животной покорностью». Однако у Тургенева на этот счет другое мнение. Приведя слова трактирщика, он заканчивает свое письмо так:

«Мне кажется, что помогать такому народу, когда его постигает несчастье, священный долг каждого из нас» (там же).

Полагаю, Иван Сергеевич при этом имел в виду не только конкретно свой вклад («Живые мощи») в благотворительный альманах «Складчина», но и выражал, в целом, свое понимание православной народной нравственности, а также того долга по отношению к народу, который лежал на плечах русской интеллигенции XIX века.

В начале XX века более всего о Тургеневе на Западе писали и спорили русские интеллигенты той волны русской эмиграции, которая пришлась на время Октябрьской революции в России, время кризисное и трагическое для судеб нашего отечества. Тургенев тогда – уже посмертно – сыграл исключительную роль в духовной жизни писателей-эмигрантов. Они искали в нем нравственную опору, он помогал им не потерять себя, учил быть и оставаться настоящими патриотами в изгнании, любить Родину, не имея надежды на возвращение домой. Тяжкая доля! Не случайно Борис Зайцев создал тогда лирическую книгу о Тургеневе, самую задушевную биографию из всех, которые были о нем написаны, Не случайно Нина Берберова взялась тогда за перевод его писем (американцу Генри Джеймсу) с английского языка на русский!

Не случайно о нем писали тогда почти все русские писатели-эмигранты. Причем оценочная шкала колебалась от восторженного поклонения до столь же решительного уничтожения. Знаменательно, что споры об отношении Тургенева к христианству не умолкали и в то время – а также и позже. Достаточно

сравнить статьи Константина Бальмонта с критическими эссе Владимира Набокова, чтобы убедиться, к каким экстремальным выводам приводят предвзятые суждения.

Современная западная критика, изучающая наследие Тургенева, тоже достаточно интересна. В ней отчетливо видно стремление ввести великого русского писателя в русло проблем, волнующих ученых сегодня.

Остановимся лишь на двух, но, как представляется, достаточно показательных примерах, иллюстрирующих направление духовных поисков западных филологов сегодня.

Предмет размышлений тот же – рассказ «Живые мощи»; цель, как правило, – «новое прочтение», с опорой, почти исключительно, на текстуальный анализ. Канадский профессор Глазова-Корриган в статье «Христианство как освобождение личности у И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского» проводит интересное наблюдение над характером религиозной духовности русского человека на примере тургеневской Лукерьи. Со многими положениями можно согласиться бесспорно, – об идее мученичества как пути к спасению, о роли подвижничества в освобождении духовной сущности человека и другими. Однако основная мысль работы Глазовой-Корриган вызывает сомнения. Автор ищет в рассказе подтверждения актуальности и доказательности тезиса о том, что главное в христианстве – проблема ЛИЧНОГО освобождения человека. Причем непременным условием этого освобождения считает «переплетение дохристианских и христианских слоев сознания» [7: 360]. В данной концепции ясно обозначаются две ведущие тенденции современного гуманитарного знания на Западе: индивидуализм и неоязычество. Можно было бы поразмыслить об истоках и причинах того и другого, однако это не является непосредственной задачей нашего исследования. Что касается рассказа «Живые мощи», вряд ли для его автора эти вещи имели первостепенное значение. Лукерья, представительница самого «глубинного слоя в народе, естественно, несет в себе какие-то языческие черты, но они связаны с подсознанием, главным образом, с ее ощущением природы. Вся ее нравственная жизнь связана с Богом, она мыслит и говорит языком православных образов и понятий. Относительно «личного» спасения, Лукерья, конечно же, уповает на него, иначе она не была бы христианкой, но при всем том, ни автор, ни его героиня не ставят это в центр внимания в своей беседе. Как раз напротив, Лукерья настойчиво возвращается к мысли о других людях, гораздо более достойных спасения, тем самым как бы умаляя свое горе и самое себя:

«Эх, барин! – возразила она. – Что вы это? Какое такое терпение? Вот Симеона Столпника терпение было точно великое: тридцать лет на столбу простоял!... А я что?» [2 – Сочинения. Т. 4: 364].

Смирение и еще раз смирение, – вот суть духовной жизни тургеневской героини, и в последней фразе рассказа автор специально акцентирует эту мысль:

«Рассказывали, что в самый день кончины она все слышала колокольный звон, хотя от Алексеевки до церкви считают пять верст с лишком и день был будничным. Впрочем, Лукерья говорила, что звон шел не от церкви, а «сверху». Вероятно, она не посмела сказать: с неба» [2 – Сочинения. Т. 4: 365].

Второй пример современной западной интерпретации, на мой взгляд, очень характерный, находим в вышедшей недавно на русском языке книге А.

Звигильского «Иван Тургенев и Франция». Нет нужды представлять тургеневедам это имя. Александр Звигильский отдал более тридцати лет изысканиям мемориальных материалов о Тургеневе во Франции и за ее пределами, он – основатель и бессменный директор музея Тургенева в Бужевале, а также руководитель «Ассоциации друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран». За последние четверть века «Ассоциация» стала главным центром тургеневедения на Западе и провела огромную работу по скрупулезному изучению свидетельств (как письменных, так и иных) жизни и творчества русского классика во Франции, по преимуществу.

Книга «Иван Тургенев и Франция» содержит массу интересной информации, она свидетельствует об искреннем преклонении ее автора перед великим русским писателем; гораздо менее она привлекательна с точки зрения этической: уж слишком бесцеремонно вторгается исследователь в интимную жизнь Тургенева, выстраивая одну за другой гипотезы, рассчитанные на сенсацию и имеющие прямо-таки авантюрный характер. Если вспомнить, как скромно и сдержан был писатель во всем, что касалось этих сторон его личной жизни, становится неловко и даже неприятно: ученому-мемуаристу пристало бы более бережно относиться к памяти Тургенева и уважать его скромность (не нарушать «суверенитет личности», если выразиться языком европейского этикета).

Впрочем, все это второстепенно по отношению к предмету данной статьи. Есть вопросы более принципиального значения. Так, в разделе книги, где идет речь о взаимоотношениях Тургенева и Тэна, А. Звигильский дает явно произвольную интерпретацию отзыву Ипполита Тэна о «Живых мощах» и ссылке на этот рассказ в книге Тэна «Происхождение современной Франции». И. Тэн, высоко ценивший роль религиозной жизни в средневековой Франции (рассматривал монастыри и духовенство как хранителей знания и нравственного здоровья нации, положительно отзывался о горячей вере простолюдинов в Царствие Небесное, хотя и, будучи ученым-позитивистом, не разделял этой надежды), ссылается на два произведения в СОВРЕМЕННОЙ литературе, которые могут служить иллюстрацией того, каким было «состояние верующей души в средневековье» – «Живые мощи» Тургенева и «Паломничество в Кевлар» Гейне.

Вкупе с восторженным отзывом Тэна о «Живых мощах» (письмо его к Тургеневу приводилось в начале данной статьи) ссылка его на этот рассказ в «Происхождении современной Франции» может быть охарактеризована только как положительный пример, – в контексте его рассуждений о верующей душе в средневековье. А. Звигильский же увидел в рассказе Тургенева и легенде Гейне (и приписал это же восприятие И. Тэну) лишь «два поразительных случая» СУЕВЕРИЯ в XIX веке, «приметы детской ментальности» [1: 155, 158]. Следует отметить, что такая интерпретация заметно искажает идейное содержание обоих произведений, смещая их смысловой центр на периферию повествования.

Еще более странным оказалось восприятие А. Звигильским христианских ассоциаций в «Стихотворениях в прозе». Считая влияние Тэна основным в этих рассказах (что крайне спорно), Звигильский находит здесь, главным образом, шуточный тон и пародию. Действительно, среди миниатюр «Стихотворений в прозе» есть и пародии. Однако не они составляют основную массу этих коротких рассказов и эссе.

Но вот миниатюра «Два богача», построенная на прямой ассоциации с новозаветной притчей о богатых и бедной вдове, пожертвовавшей две лепты в храм – все, что у нее было. У Тургенева богачом выступает Ротшильд, а бедняком – русский крестьянин, приютивший сироту и не имеющий теперь денег, чтобы купить соль для похлебки. А. Звигильский обнаруживает здесь у Тургенева «воодушевление комического характера», навеянное «учеными заметками о налоге на соль»! [1: 160]. Возникает вопрос: возможно ли, чтобы ученый такого уровня как Звигильский не заметил здесь совершенно недвусмысленную библейскую мудрость? Остается обратиться к Тургеневу и сравнить его заключительную фразу с финальными словами притчи Христа:

«И сказал: истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила» [8: Лк. 21, 3].

У Тургенева: «Далеко Ротшильду до этого мужика» [2 – Сочинения. Т. 13: 176].

В целом же, можно констатировать, что восприятие русской религиозной духовности западными критиками в наше время, хотя бы на примере приведенных здесь материалов, показывает, во-первых, что тенденция некоторой предвзятости сохраняется; во-вторых, наблюдается, вольное или невольное, но заметное стремление «спроецировать» свои сложные духовные проблемы и поиски на русскую классическую литературу, с надеждой найти в ней ответы на свои собственные – очень нелегкие – вопросы. Очень хотелось бы верить, что эти поиски будут не напрасными.

Список литературы:

1. Звигильский А. Иван Тургенев и Франция. – М., 2008.
2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. – М.-Л., 1964-1968.
3. Письма И.С. Тургенева графине Е.Е. Ламберт. – М., 1915.
4. Иностранная критика о Тургеневе. – СПб., 1904.
5. Иностранная литература, 1939, № 1.
6. Жоржъ Сандъ по ея письмам. – СПб., 1901.
7. Русская литература XIX века и христианство. – М., 1997.
8. Библия. Новый Завет. – М., 1991.

V. Solodovnik

MYSTERIOUS LUKERIA. THE PROBLEMS OF PERCEPTION OF «THE RUSSIAN RELIGIOUS SPIRITUALITY» BY WESTERN CRITICISM (ON I. TURGENEV'S STORY «LIVING RELICS»)

Abstract: The paper reveals the perception of the Russian religious spirituality by western critics on material of I. Turgenev's story «Living relics».

Key words: The western thinkers, Russian religious spirituality.

МОТИВ БЕЗМОЛВИЯ У ТЮТЧЕВА И ДОСТОЕВСКОГО*

Аннотация: На наш взгляд, мотив *безмолвия*, присущий лирике Тютчева и прозе Достоевского, определяет родство их поэтик, которое мы пытаемся раскрыть и обосновать в статье. Речь идет не об «интертекстуальном» (термин Ю. Кристевой), а сверхличном, метатекстуальном, контекстуальном типе связей.

Ключевые слова: поэтика, метатекстуальная связь, безмолвие, мотив невыразимого.

Заявленная тема предполагает обращение к «*Silentium!*» и *молчанию Христа* в «Великом Инквизиторе». Но «*Silentium!*», где нет и намек на Христа, в поэме отсутствует. Зато есть «Эти бедные селенья...», где Мессия благословляет «землю родную» так же, как в поэме, *уст не отверзая* («Он молча проходит среди их ... <...> Он простирает к ним руки, благословляет их...»)[1]. Жест Христа в обоих текстах сокровенен, между ними возникает не прямая, интертекстуальная, а *метатекстуальная*, «тайная», надличная связь.

При том, что действие происходит в Севилье, романист явно ведет нас к мысли о *русском* Христе. Но не ради же сравнения Его *явлений* и апологии национальной *идеи*, он это делает! Опосредованная «Селениями» связь поэмы с «*Silentium!*» обусловлена темой *молчания*, конечно, выраженной в слове, но уходящей в безмолвие Бога.

Тема *невыразимого* не нова в культуре и присуща не только Библии. В некотором смысле она определяет все, от морали и психики до онтологии. Но в Благой вести *безмолвие* (наряду со *Словом*) имеет структурную функцию, создает иерархию смыслов, где Сын являет Отчую Славу. Смысл *безмолвия* вполне открывается при сопряжении со *Словом* Благовестия. Это вопрос рецепции античных форм проекцией евангельского смысла. В ней, и при отсутствии библейских образов, по-новому видятся «Безумие», «Цицерон», «Странник», «Душа моя элизиум...», «Лебедь». Так смысл «*Silentium!*» в отрыве от «О вещая душа моя...» поэтически каноничен. И если «*Silentium!*» выражает мужество стоицизма при утрате связей с миром, то «О вещая душа...» эту связь восстанавливает, и душа-элизиум открывается Марией-душой, на коей почиет благодать. Потому «*Silentium!*» как «апология» одиночества входит в локус Христа, выражая Его «обрекающую» на экзистентное «одиночество» уникальность. Оно есть поэтически угадываемое выражение Его Плеромы. Так душевное открывается духовным.

Не менее выразителен и «Сон на море», подобно «Парусу» Лермонтова, соотносимый со *сном* Христа в *бурю* [2]. А «Видение» соотносимо с кн. прор. Иезекииля и солярным мифом, «Сны» своим началом – с образом Леты, а финалом – с церковным: «Бездною, яко ризою, покрыл Ты...землю» (Пс. 102; 6). Есть немота смерти и безмолвие жизни, как есть «наружный шум», голос бездны, голос из бури, музыка сфер и хор ангельских ликов («Из Гейне»). Предельный покой и оглушающая тишина, слепящий свет и полнота/пустота бытия – в эпицентре бури. К ним устремлен поэт, они знакомы героям Достоевского [3]. В одном случае это ущерб, в другом – прозрение: «Когда отыскан угол зренья,

* © Сузи В.Н.

/ И ты при вспышке озаренья / Собой угадан до конца» (А. Тарковский). Здесь важна динамика личного от безличного к надличному.

Тема *безмолвия и слова, немоты и косноязычия*, восходя к культовым истокам, выявляет рефлексию культуры. Потому отметим связь Христова кеносиса с мнемотической природой образа как богоуподобления [4]. Христоподражание и есть теодицея (христоодицея) творчества, когда *тайная свобода* в тиши, покое деятельного созерцания, близкого и чуждого «вдохновенной» одержимости, создает *виденья, непостижные уму* (Пушкин).

Тема *неизреченности* есть драма, искус художника. Запад изжил ее logos'ом, уйдя в слово, как *рыба в чешую*, заместив онтоc (бытие) экзистенцией (существованием), образом. Различие опыта *христоцентрии* России и Запада обусловлено тем, что ими упор сделан на Слово Откровения, нами – на тайну Лица. Наш Образ связан со Словом, но укоренен в Безмолвии. При дерзновении мысли на Руси не поминали Имя всуе, в сомнении и на грани отчаяния взыскивали с себя, не гнева Бога превращением Его в *объект* культа. Отчуждая Бога, видя в Нем идола, мы убеждаемся, что Он *не бывает поругаем*, поскольку Лик, образ по природе двуедин, может быть замещен иллюзией. А молчание бывает искусительней обличающего себя слова. В контакте с иномирием никакая осторожность не излишня. Но где опасность, там и спасение, полагал Гёльдерлин; Пушкин вторит ему: «...Быть может, вечности залог!», а Тютчев замечает: «Молчит сомнительно Восток, / Повсюду чуткое молчанье.../ Что это? Сон или ожиданье?». *Сомнительность* молчания ведет и к беспамятству «мертвенной души» («Есть и в моем страдальческом...» 1865), и к губительному «избытку ощущений» («Близнецы» 1850-51). Оно пронизывает тематику русских авторов, от политики до пейзажа. Достоевский говорил: «Я дитя сомнения и неверия», «...Через большое горнило сомнений моя вера прошла...». Тютчев использует аллюзию из ап. Марка: «Приди на помощь моему неверью!» Примеры можно множить: «Но твой, природа, мир / О днях былых молчит...» («Через ливонские...» 1830), «От жизни той...» (1871). Столь же двойственна природа слова: «Уж третий год...» (1850), «Теперь тебе не до стихов...» (1854) и «Наполеон» (III, 1850), «Его погубит роковое слово...» («Euclysa» 1864). И тут же образы *воскрешающего* слова: «Сей день, я помню, для меня...» (1830), «Знамя и слово» (1842), «Колумб» (1844), «Памяти М.К. Политковской» (1872). Инверсивность *молчания и слова* связана с *забытьем, успокоением* («Успокоение» 1858, «Играй, покуда над тобою...» 1861, «Утихла биза...», «Весь день она лежала в забытьи...» 1864), состоянием *сна*, с преданием рода, культа, культуры, с *памятью сердца, смертной памятью и беспамятством*.

Молчание Пленника в «Инквизиторе», как и «Silentium!», толкуют в разных аспектах. В романе Алеша, Иван, Инквизитор объясняют его каждый по-своему. «Silentium!» и пребывает между «Невыразимым» Жуковского, «даром убогим» Баратынского, кеносисом «*бедных селений*». И не умолкают ли русские авторы в «соседстве Бога»? Так романист дает слово героям, поэт – мирозданию, бездне, природе: «Настанет ночь – и звучными волнами / Стихия бьет о берег свой. / То глас ее: он нудит нас и просит...». И тогда на зов «в пристани волшебный ожил челн», челн слова. Но поэт знает, *его* слово лишь утешает, приуготовляет, очищает, анестезирует, а милует Сын.

Так церковное покаяние гласит: «Обыде нас последняя бездна, и несть спасения» (ср.: «Обступили нас волны времен; / И была наша участь мгновен-

на», Блок). И «бездна бездну призывает голосом вод многих», подобно тому, как в «Лебеде»: «Она, между двойною бездною, / Лелеет твой всезрящий сон». Потому не апологией эгоизма, а прикосновением к «ключам» жизни вечной вдохновлен призыв: «Питайся ими – и молчи», ибо *дни лукавы* и «мысль изреченная есть ложь» (*всяк человек ложь есть*). Не о том же ли говорит опыт аскезы: *спасись сам, и рядом спасутся тысячи*. Молчание исполнено Духа, Слово зачато Отцом в Духе. Оно дано нам для возделывания мира-сада. Мы обращаем его в орудие самоутверждения. В «Селениях» поэт – не маг, а медиум, в ответной жертве говорящий не от себя, а языком Церкви от лица «земли родной», экстраполируя в апостольскую глоссолалию свой *протеизм*, «орфизм». Так «Я не свое тебе открою, / А бред пророческий духов» – личная форма безликого пифизма, содержащая свой искус. Но это иная тема.

*Нам же здесь интересен аспект молчания: почему «весь христианский мир живет *словом* Христа, а русские художники ищут молчание Христа»? [5].

Среди образов Христа есть редкий – Спас Благое Молчание – в образе Ангела Великого Совета, Присносущего, Премирного, Предвечного. Имя из кн. пр. Исаяи (9; 6) дало «Троицу ветхозаветную», «Сотворение мира», «И почил Бог в день седьмой...». Образ поэт мог видеть в 1812 г. в храме Ильи Пророка в Ярославле. Деталь малозначащая, но знаменательная. Важно, что оба автора творят свой Образ в иконной проекции, таящей родство поэтик. В чем же оно?

1. Близость поэта романисту проступает в сюжетно-жанровой форме их шедевров, присущей немецким легендам и русским «духовным» стихам о «явлениях», «мытарствах», «хождениях» Христа после Пасхи. Сюжет восходит к апокрифным «пришествиям», мотиву частного суда, предваряя День гнева.

И главное, у авторов доминируют черты *символического* психологизма. Так для поэта характерна сюжетная повествовательность передачи личных состояний, особенно в любовной лирике. Это схоже с кризисными состояниями героев Достоевского, определяемыми не эволюционной поступательностью, а ширящейся амплитудой колебаний и срывов. Здесь превалирует понятие не «развития» (эманации), а «раскрытия», развертывания, присущего креационистской модели, содержащей в себе спираль эволюции. И биение сердца, задаваемое типом, вектором устремлений, силой импульса, определяет пульсацию мировых катаклизмов.

а). Симптоматично, что природный пейзаж поэта безлюден, а его медитации (при всей их привязанности к факту, впечатлению, «случаю») предельно обобщены, объективированы в виде сентенций, выражающих общую закономерность. Его натурфилософия пронизана токами надличной «психологии вне характеров». Достоевский же лишь кризисные состояния героя передает через картины природы. Художники по-разному оказываются персонцентричны; «природосообразность» их поэтик (оба в юности тяготели к Шиллеру и Шеллингу) библейски ориентирована. Ярко характерные герои романиста представляют персонификацию идей, свободу от диктата среды. Они – олицетворенные архетипы, а романы, при полифонии формы, *христоцентричны* по смыслу.

б). Особенностью «психологизма» двух авторов является то, что личность определяется мотивациями извне и изнутри себя. Один ее «центр» представляет собой Зов к ней; другой – отклик, отзыв, реализующий свободу ответствен-

ности. Дар предполагает ответное благо-дарение, Весть обращена к со-вести. Потому «нам не дано предугадать, / Как наше слово отзовется...». Освобожденность «психологических состояний <...> от характеров», когда «чувства, страсти живут как бы самостоятельной жизнью, способной к саморазвитию» [6], присуща той культовой традиции, что питает поэта и романиста. Поэтому здесь можно говорить о передаче эмоциональной атмосферы, характера ситуации, а не характера героя, что подтверждает «надличную» природу их образов. Это отчетливо проступает в стилистике, в «однообразии» которой упрекали обоих авторов: одного – за риторизм, другого – за «сумбур» и «безликость». Но эта особенность обусловлена целью, способом подачи материала, сдвигом жанровых «норм». В «надличной» поэтике «без характеров» центр тяжести смещен в контекст среды, выделяя ее «волевой» импульс, где «агрессия», энтропия безликого не ослабляется, а нарастает, что ведет к гипертрофии индивида в ситуации его повреждения.

«За описываемым феноменом стоит чрезвычайно утонченная и до мелочей разработанная психология Григория Паламы, Григория Синаита и Нила Сорского, которая также была психологией «без характеров», – замечает С. Аверинцев [7]. «Бесхарактерная» поэтика передачи состояний мира и души, а не действия возвращает обоих авторов к культуре, питаемой евангельской онтологией и поэтикой. Только в этом ее типе вполне присутствует Личность (но не индивид), определяемая контекстом иномирия. В нем проглядывает не прямая, а обратная проекция, *симфония* воли. И здесь мы вправе говорить о доминировании в поэтике авторов надличной константы, о поэтике «безмолвно глаголющей» среды, поэтике **контекста** [8]. Позитивизм это обозначил гнетом быта над бытием. У нас речь идет об их духовной основе. Центром «иконической» модели мира предстает не имеющая предела точка Света, безмерного покоя и оглушающего безмолвия в эпицентре взрыва, рождающего культурные галактики, точка *ничто*, ослепительно блистающего мрака [9].

в). Напряженно «антиномичные» начала структурируют «народническую» реплику поэта как «край родной долготерпенья» и возникающий из «ниоткуда», лишь названный Христос. При этом и в Его облике эти два начала канонически соотнесены: «в рабьем виде Царь Небесный». Потому «не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный, Что сквозит и тайно светит в красоте твоей смиренной»; «взор иноплеменный» – знак ущербности духа, а Христос – не «герой», не лирическое «я» автора. Он внешне *бездействен*. Но автор – проекция Его интенций; шедевр «как бы» сотворен не поэтом, а через него – такова модель искусства как искусства. Лик – центр «композиции», исток импульса, духовного «сюжета», организующий «контекстное» пространство, преобразующий географическую протяженность в безрамочный фон смыслов – в Богородичную «землю родную», *неперсонифицированную* Св. Русь. Имя Его задает вертикаль, сходящую к горизонту земли, связывая Творца и мир в вечном Совете, диалоге. В стихах проступает «иконный» принцип организации пространства: не мы вглядываемся в него, а оно взыскует нас. Не то же ли имеем в «видении» Алеши (гл. «Кана Галилейская»), в образе ночи, близком к «Выхожу один я...» Лермонтова?

2. Евангельский реализм характеризуется структуризацией личного начала в диалоге. Но «Инквизитора» и стихи отличает монологичная форма выражения.

а). Действительно, Иван излагает «легенду» монологически; поэзии же исконно присущ монологизм исповеди. Но исповедь предполагает исповедника; и любящее молчание Пришельца и Алеши сильнее всех доводов. Это же наблюдаем в «Селениях»: безмолвие Христа-«гостя», «странника», проходящего по краю земной жизни, выразительней всех приемов риторики. А в Благой вести явление Сына значимей Его слов. Монолог автора-героя обрамлен «глаголющим» безмолвием, входит в структуру общения, задает его сюжетно-жанровую форму. Тем самым снимается антагонизм, но не напряжение между монологической формой и диалоговым смыслом. Противостояние трагедийности Вяч. Иванова и полифонии Бахтина в определении романов Достоевского предстает разрешимым. Они выступают моментами иной жанровой формы, включающей в себя «явление», «мытарства», «хождения по мукам». Эта форма названа писателем: христианская *мистерия* и «кризисное» (Г. Пономарева) «житие великого грешника». И разве «трагизм» мира не снимается драмой Искупления, питающей полифонию, столкновение «правд» в Свете Цели и цельности?

б). Художники воскрешают евангельский символизм, а знаками времени выступает апокалиптизм, связующий утонченный «панпсихизм» с гибельным «жизни преизбытком». От модерна их отделяет пасхальное ликование, преображающее скорбь в радость. Это проявляется не только в умилении героев в судные минуты (Алеша, Грушенька в «Луковке», Митя после объявления приговора: за их «минутную» радость Иван принял бы «квадриллион квадриллионов» лет муки[10]), но и в форме «вставных» сюжетов, где душевные излияния сродни «фрагментам» поэта.

в). Лирические «фрагменты» Тютчева соотносимы с «незавершенностью» русских сюжетов, преображающих «хаос иудейский» *рождающей* (пасхальной) смертью. Мы вправе констатировать и наличие «хвалы из ада», данной в «литературном предисловии» Ивана к «поэмке», оцененной Алешей как «хвала Христу». О «реализме в высшем смысле» русских авторов можно говорить как о христианском реализме (В. Захаров) и евангельской онто-поэтике, внеположной квази-религиозным и номиналистическим спекуляциям. Но следует помнить, что идея задает основу и структуру методологии, инструмент анализа; замещая *живую жизнь*, она провоцирует на подмены[11]. При разности творческих судеб поэта и романиста вполне правомерно говорить о родстве их поэтических миров, коренящемся в иномирной почве. Потому близость их стихов и прозы к поэтической *исповеди сердца* особенно ощутима[12]. Кроме того, их *учительность* дополнялась общественным темпераментом, унаследованным от Слова о Законе и Благодати. И главное, *трезвением* в Духе.

Список литературы:

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Т. 14. – Л., 1976. – С. 226-227.
2. Так «Безумие», «Странник» Тютчева представляют собой аналоги творческих состояний «Пророка», «Странника», «Не дай мне Бог сойти с ума...» Пушкина, «Пророка» Лермонтова.
3. Они, как гугнивый Моисей, косноязычны: Девушкин, Капернауовы, каллиграф Мышкин, Рогожин, «необразованный» Митя жеста не имеют, мучаются родовыми муками «оговорочного» слова, отличного от «готового».
4. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему...» (Быт. 1; 26). Именуя вещи и явления первозданного мира, Адам выявлял их сокровенную «в себе»

сущность и значение «для нас», т.е. творя ноумены, преображая, созидая вторую реальность, «образ мира в слове явленный» (Б. Пастернак). Воля к творчеству сменилась детски неблагодарной жаждой чудотворства, магизма.

5. Митин Г. Суд Пилата: Евангельский сюжет в русской литературе XIX - XX вв. // Литература в школе. – 1994. – № 1. – С. 17.

6. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. – М.; Л., 1958. – С. 81, 85.

7. Аверинцев С. «Аналитическая психология» К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике. – М., 1972. – С. 137.

8. См.: Журавлева А. Стихотворение Тютчева «Silentium!» (К проблеме «Тютчев и Пушкин») // Замысел, труд, воплощение. – М., 1977. – С. 179–190.

9. Мрак апофатики таит Бога-Слово: «Свет во тьме светит, и тьма не объяла Его» (ср.: «И мы плывем пылающею бездной / Со всех сторон окружены»). Не только слово бывает «огненным», но и молчание; так свет слепит, а мрак блистает. И. Ильин в исихии Иисусовой молитвы, в сведении ума в сердце, ведущем к теозису, слышал поющее сердце. Для о. Сергия (Булгакова) это состояние тихих дум, для свт. Игнатия Брянчанинова – глаголющее и вопиющее безмолвие.

10. «Освободите же изверга, он гимн запел», – иступленно кричит Иван. Даже его черт готов «рявкнуть аллилуйя».

11. «Если вместо ФОРМЫ стихотворения будем брать за основание только ДУХ, которым оно писано, – то никогда не выпутаемся из определений» (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 6 тт. – Т. 5. – М., 1950. – С. 30).

12. Митя в «Исповеди горячего сердца» замечает: «...И горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы». «Горячность» и «начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским не отрицает и идеала Мадонны...» (Достоевский Ф.М. – Т. 14. – С. 100).

V. Suzi

MOTIVE OF THE SILENCE IN TYTCHEV'S AND DOSTOEVSKY'S CREATION

Abstract: In my mind the motive of *silence*, presenting both in Tytchev's poetry and in Dostoevsky's prose, defines the kinship of them. Our attempt is to define and substantiate it in the given article. This are not «intertextual relations» (term of the J. Kristeva), but impersonal, metatextual, contextual relations.

Key words: Poetics, metatextual communication, silence, motive of the inexpressible.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЛАДОПИСЬМЕННОЙ ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ОСЕТИНСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ): АКТУАЛИЗАЦИЯ И УПРАЗДНЕНИЕ ГРАНИЦЫ*

Аннотация: В статье рассматриваются культурологические (семиотические) и философско-этические аспекты феномена русскоязычной осетинской литературы как младописьменной транслингвальной литературы, вопросы ее генезиса с точки зрения категорий культурной границы, пограничной культуры и культурной экспансии и ее природа в контексте процессов положительной глобализации.

Ключевые слова: взаимодействие культур, семиотические отношения, метакультурный язык.

Рассматривая сложный и, в общем, достаточно неоднозначный процесс взаимного сближения и конечного присоединения Осетии к России, мы лишь раз убеждаемся в том, что «пружины» культурно-исторического развития часто действительно лежат в сфере не всегда эмпирически поверяемых национальных инстинктов. В таком контексте становится вполне понятной внешне несколько циничная мысль К. Юнга, сравнившего народ с «большим слепым червем, ползущим за своей судьбой» [1].

«Слепота» в данном контексте – это метафора фатальности и неизбежности движения народа по определенной траектории, его следования во многом подсознательным инстинктам. Большое значение имеет для судьбы народной особи уже «комплиментарность на уровне культурного типа» [2], о которой писал Гумилев; русские всегда почти безотчетно *нравилась* осетинам и, возможно, здесь сказываются общие индоевропейские корни, нашедшие выражение в братстве легендарных потомков Иафета – Скифа и Словена.

Не отрицая в народе способности сознательного выбора, следует признать, что взаимодействие культур характеризуется, помимо всевозможных умозрительных гуманитарных критериев, чисто *механическими* и *физическими* параметрами. Конечно, они не менее умозрительны в случае, когда речь идет о всегда метафизическом общении этносов. Но, во всяком случае, они всегда более наглядны.

Прежде собственно филологического рассмотрения материала и процесса русскоязычной осетинской литературы (далее РЯОЛ) необходимо определить общие культурологические принципы, в свете которых мы представляем себе взаимодействие этнокультурных субъектов вообще и России и Осетии в частности. Здесь актуализируется ряд терминов физико-механистического характера: *граница, пространство, гравитация, тело, масса, орбита, вектор, взрыв* – и мы вполне отдаем себе в этом отчет.

Физико-механистический взгляд рискует сказаться очередной вульгаризацией тончайших процессов межнационального духовного общения, но его действенность доказана структурализмом и семиотикой. Само понятие струк-

* © Хугаев И.С.

турализма представляет собой актуализацию механической составляющей любой субъектно-объектной системы; структура – уже механизм, и тем более – структура *временная*.

Культурологические процессы Ю.М. Лотман рекомендует рассматривать как процессы динамические на химическом, физическом и биологическом уровнях, что позволяет раскрыть их «функциональное место в общей динамике мира» [3]; семиотика имеет универсальный методологический характер, потому что по-своему апеллирует к атомистической теории мира, иллюстрируя сложнейшие процессы элементарными моделями.

При этом мы исходим из того, что культурно-исторические процессы континентального и глобального масштаба подчиняются тем же законам, что и механизмы локального значения; существуют некие *абсолютные константы* среди параметров движения вообще, исторического движения в частности и культурно-эстетической эволюции специально. Все события, структуры и знаки необходимо поверять указанными выше константами: и малые, и большие семиотические организмы развиваются и деградируют с одним *ускорением*, испытывают нравственные и адекватные им механические *нагрузки* пропорционально их *массе, плотности, температуре* как степени «пассионарности» и пр. Стихии сокрушают корабли империй и не причиняют вреда народам, стоящим в тихих гаванях истории; но их будущее оказывается проблематичным в силу пожара, вспыхнувшего на берегу.

«Гравитационные» отношения культур регулируются их физическими параметрами, но мы не можем согласиться с тем, что «культуры, как и народы, могут быть великими и малыми» [4] – уже потому, что определение «великое» содержит эмоционально-оценочный обертон, требующий в качестве альтернативы не «малое», а «ничтожное». Культура – категория абсолютная (либо она есть, либо ее нет); и даже когда мы говорим о сравнительной «престижности» той или иной культуры, мы уже имеем в виду не столько культуру, сколько соответствующий ей уровень цивилизации.

При моделировании межкультурных отношений как семиотических механизмов следует исходить из того, что семиосфера не может существовать как монополярная организация: уже понятие собственно сферы предполагает как минимум два полюса.

Подобно тому как отдельный знак лишен единичного существования – ему необходим *другой*, – тексту необходимы другие тексты, а культуре – *другие культуры*. Знаки образуют тексты, тексты – культуру, культуры – семиосферу. «Ни один семиотический механизм не может функционировать как изолированная, погруженная в вакуум система. Неизбежным условием его работы является погруженность в семиосферу – семиотическое пространство» [5].

Уже здравый смысл подсказывает, что новый текст (знак) возможен исключительно «на фоне» другого; культура есть организм (совокупность текстов, «мифов»), бытие которого исторично лишь в определенном семиотическом контексте, в режиме общения (форма контакта – другой вопрос) с другими культурами-текстами; «вакуум» как *отсутствие контекста* сам по себе лишен существования. Не только знак не может существовать вне контекста, но и наоборот.

Принципиальным соображением является то, что любой знак в контексте семиотического пространства уже фактом своего существования вносит кор-

---

рективы в общие параметры семиосферы и так или иначе содержит информацию об этих параметрах: основание того, что все сущее – в том числе *РЯОЛ* – достойно изучения.

Различить знак (как определенную форму) возможно при условии «хорошего зрения», предполагающего ясное видение контуров – *границ* вещи. Понятие формы сводимо к понятию границы: определить, дефинировать что-либо – значит *отграничить данное нечто от всего, что им не является*, будь это последнее другая литература, другой литературный период, или другой литературный жанр.

Категория границы при исследовании культурных феноменов имеет особое значение и как объективная реальность истории. До сих пор исторические вехи сводятся к войнам и революциям: это показывает, что граница является основным принципом геополитического и социального порядка. Уже в основание мира была положена идея разграничения – разделения и разделенность как таковая: сначала были отделены тверди одна от другой, затем мужчина и женщина, а потом и языки (*Вавилон*) и, соответственно, культуры; наконец, Иисус «принес на землю меч» – и разделил самого человека.

Динамика исторических и культурных явлений – это всегда *динамика пограничного конфликта*. Периоды затишья, стагнации не содержат скольконибудь серьезных «художественных условий». Историзму художественному нет дела до парадоксальности исторической тишины, в которой, по мнению Ницше, как раз и вершатся все подлинно «великие события» [6]. И это естественно: стабильность семиосферы гораздо менее симптоматична, нежели моменты нарушения ее равновесного состояния, актуализирующие бытие *границы*.

По мысли Лотмана, граница является «одним из основных механизмов семиотической индивидуальности», которую можно определить как «черту», на которой кончается периодичная форма. Это пространство определяется как «наше», «свое», «культурное», «безопасное», «гармонически организованное» и т.д. Ему противостоит «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое» [7].

Но именно в связи с этим противопоставлением особую важность приобретает парадоксальная природа границы, отмеченная Д.С. Лихачевым: «Понятие границы в культуре несет в себе нечто таинственное. Что это – полоса общения или, напротив, стена разобщенности? Очевидно – и то, и другое» [8]. В самом деле, объективная природа границы требует специального внимания: если физически граница, как стена (или медаль), имеет две стороны и потому *разделяет*, то метафизически, сущностно, граница уже и нечто *соединяет* – как шов, линия или поверхность *контакта*, как «стык» В.И. Абаева [9]. Это можно было бы оспорить или оставить за неактуальностью, если бы границу между семиосферами (культурами) мы могли уподобить *разрыву* или *пропаст*. Но мы этого не делаем, даже произвольно следуя здравому смыслу, подсказывающему, что семиосфера не терпит пустоты (вакуума); и «стена» Лихачева оказывается здесь адекватной как образ монолитности и плотности.

Такое положение актуализирует, вслед за понятием *границы культуры* (*культурной границы*), явление *пограничной культуры* или *культуры границы*.

Как известно, в политологии – а отсюда и в других общественных науках – импульсом к специальному исследованию феномена пограничной культуры

послужили глобальные процессы последних десятилетий. Эти процессы изучает, в частности, работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка», в которой автор, исследуя природу отношений между цивилизациями, называет разделяющие их пространства «линиями разлома» и говорит о них как о «линиях будущих фронтов» [10]. Развивая некоторые позиции Хантингтона, В. Цымбурский в своей известной статье «Народы между цивилизациями» предлагает уточнение, согласно которому задача заключается не только в установлении характера взаимодействия цивилизаций, но и «характера взаимодействия каждой цивилизации с прилегающими этнокультурными *лимитрофами*» [11]. Отношения между *текстом* культуры и ее *контекстом*, характер процессов, происходящих в пограничной области культуры, особенности пограничных культур в различных геополитических обстоятельствах рассмотрены в статьях О.В. Журавлева «О понятии пограничной этнической идеологии» [12] и И.В. Кондакова «К теории пограничных процессов в культуре» [13]. В ряде работ теория иллюстрируется интересными наблюдениями над разными историческими формами семиосфер. Так, В.Е. Багно в работе «Пограничные культуры – пограничное сознание» исследует русскую и испанскую культуры как пограничные и определяет черты, присущие всем пограничным культурам [14]; Б. Малиновский, анализируя процесс взаимовлияния африканской и европейской культур в статье «Научные принципы и методы исследования культурного измерения», говорит о рождении некой «третьей культурной реальности» [15]; Ф. Боас в статье «Эволюция или диффузия?» выделяет «территории, занимающие срединное положение» и т.н. «промежуточные культурные формы», для которых характерны «переходные типы социальной организации» [16]; культурно-психологические и лингвистические аспекты индивидуальной идентификации исследует З.А. Марданова в статье «Личность в пограничной культурной ситуации» [17]. Эти исследования в совокупности показывают, что проблема пограничных культур (в широком смысле границ вообще) имеет стратегически важный характер для положительного решения как локальных проблем, так и вопросов глобального выживания.

Понятно, однако, что нас категория пограничной культуры интересует постольку, поскольку с этим феноменом мы в значительной мере идентифицируем и культуру Осетии. Геополитически Осетия дислоцируется на самой границе Запада и Востока, Севера и Юга (примечательно, что территория Осетии подобна седлу, перекинутому через Кавказский хребет), и испытывала на себе энергетическое и информационное «давление» двух исторически оппозиционных, антагонистических культурно-цивилизационных центров: христианского северо-запада (*Европа* и *Россия*), и исламского юго-востока (*Турция* и *Персия* прежде всего); при ближайшем рассмотрении картину дополняет фактор *грузинского* влияния.

По сути дела здесь воспроизведена *экспозиция* той исторической фабулы, завязку которой правомерно относить к рубежу XVII-XVIII веков, к «моменту» *просветительского «взрыва»* в Западной Европе, с которого и начинается новейшая история Европы и – в значительной мере – Евразии.

Понятие смыслового или «семантического» взрыва, неотделимое от «волновой» теории в культурологии, необходимо для наглядной фиксации кульминационных явлений истории культуры, всегда сопровождающихся выбросом

более или менее значительной энергии. Фронт энергетического давления, расходясь от центра к периферии подобно кругам на поверхности воды или собственно *взрывной волне*, способен «накрывать» другие объекты семиосферы, и таким образом эпицентр включает их в свое «гравитационное поле», в свою сферу влияния и организации; эпицентр, таким образом, приобретает качество *культурной метрополии*.

Идеология ценностей *liberte – egalite – fraternite*, а также в целом безусловно жизнеутверждающая вера в могущество человеческого *разума* (в его способность творческого, позитивного преобразования действительности) под действием центробежных сил, характерных для любого волнового явления, *двигались – распространяясь, развиваясь и адаптируясь к условиям новых семиотических систем и пространств – на Восток*. Заметим в скобках, что если принять во внимание степень реального, а не декларативного, утверждения высоких гуманистических ценностей, то просветительская программа еще далеко не исчерпана, – в этом смысле эпоха Просвещения продолжается по сей день.

Та или иная идея не может существовать иначе как двигаясь, развиваясь, мутируя, метастазируя, *завоеывая себе новые пространства*, оплодотворяя окружающие объекты семиосферы, мотивируя их внутреннюю структуру и внешние коммуникации, подчиняя их новой мировоззренческой оптике и новому алгоритму самосознания. Иначе говоря, единственно возможная форма существования для идеи и идеологии – семантическая и семиотическая *экспансия*, необходимо раздвигающая *границы* явления. Динамика смыслоносущей и смыслотранслирующей системы сводится к тому, что оно «в каждый момент его существования... выхватывает и вводит в свой круг действия что-либо новое из внешней среды и не перестает выхватывать, доколь не поглотит всего в этом круге, доколь вся материя не будет носить печати его действия и все духи не образуют единый дух с его телом» [18]. Фихте говорит о развитии «Чистого Духа», но суть и динамика процесса остается прежней.

Движение Российской империи к югу, освоение Северного Кавказа – это закономерное развитие европейского Просвещения; оно естественно вписывается в общий фронт русской экспансии XVIII-XIX веков и носит не только колониальный, но и ярко выраженный просветительский характер. В XVIII столетии это движение было еще не вполне методичным, целенаправленным и регулярным, но важно, что оно было мотивировано идеологически и оснащено научно (отметим, в частности, открытие в 1725 году в Петербурге Российской академии наук), что, в конце концов, и позволяет, на наш взгляд, трактовать эту экспансию, при всей ее внешне милитаристской форме, как положительное, объективно необходимое и прогрессивное для осваиваемых географических пространств и населяющих их народов явление. До сих пор разрозненные и несистемные наблюдения по отдельным направлениям науки начинают оформляться в научные теории и концепции. В XVIII веке начинается изучение географии, природных условий и систематическое картографирование страны. Открываются и осваиваются залежи руды на Урале, ведется разведка Донецкого каменноугольного бассейна и бакинской нефти, обследуются внутренние районы Сибири, Казахстан, Средняя Азия, побережья Ледовитого океана, Аральского и Каспийского морей.

По своим основным характеристикам Российская империя и русский

народ были оптимальным проводником Просвещения (*освещения, света*) на огромных евразийских просторах и, в частности, на Северном Кавказе. Мы говорим как об административно-государственных параметрах России, так и о свойствах русского менталитета: его традиционной лояльности к другим народам, вероисповеданиям и культуре и, наконец, едва ли не самом главном психологическом качестве самой русской культуры – природной русской *деликатности*, – вот, как нам кажется, первые основания «русского мессианства» по Ф.М. Достоевскому.

Зарождение РЯОЛ означает победу западной (русско-европейской) цивилизации и культуры в Осетии и, по меньшей мере, преимущественную сознательность выбора периферийной Осетии из альтернативных культурных концепций.

При ближайшем рассмотрении такие объективно негативные явления, как кризис «этнодемаркационной функции» [19] осетинского языка и снижение его «престижного потенциала» [20] (наблюдающиеся с XV века) оказались необходимым и достаточным условием для зарождения транслингвальной (русскоязычной) осетинской литературы в XIX столетии.

Но, какова бы ни была степень «размягчения» указанной этнодемаркационной линии, важно, что РЯОЛ возникает *на границе русской и осетинской культур*, потому ее определение и содержит *два национальных «имени»*.

По А.Дж. Тойнби, все цивилизации «рождаются и развиваются, успешно отвечая на последовательные Вызовы» и «надламываются и распадаются тогда, когда встречают Вызов, на который им не удастся ответить» [21]. Однако естественно расширить это правило на едва ли не все геополитические образования – в том числе и на так называемые «малые народы» (мы условились на счет всеобщности «механистических» законов в культурологии). Для малого народа адекватный ответ на тот или иной вызов даже более актуален, чем для империи, поскольку в противном случае он не только распадается на компоненты, но бесследно растворяется в семиотическом пространстве. Идеальным же и наиболее адекватным меняющейся жизни ответом может быть именно «лингвистический» ответ: только язык дает власть над текучим и вечно меняющимся миром.

Можно сказать, что пограничность и кризис «этнодемаркационной» (Абаев) функции языка – это *вызов*, брошенный осетинской культуре историей, а культура пограничности (границы) – это *ответ* данной культуры на исторический вызов: раз возникнув, РЯОЛ – как яркое явление культурной пограничности – становится мощным органом *сцепления* двух разных культур.

Очевидно, однако, что данное «сцепление» не исчерпывает процесса в масштабах больших гуманитарных эпох.

Проблемы литературного *генезиса* вынуждают нас максимально расширить временной контекст в сторону прошлого, вплоть до процессов глоттогенеза; вопросы литературной *эволюции* обязывают сделать то же в сторону будущего. Если литература как часть мира возникает из синкретической точки, то не требует ли такой же точки и перспектива? Любая теория конечности мировой истории гуманна в том смысле, что она защищает смысл бытия. Этот смысл возможен при том же условии, при котором возможно предложение как текст: если в конце поставлена точка. Бесконечная симфония, поэма или эпопея – нонсенс в буквальном смысле слова. Примером подобного «искусства» высту-

---

пают современные сериалы: бесконечность как отсутствие предела и границы есть отсутствие формы; отсутствие формы влечет за собой разрушение идеи.

Но, в конце концов, существуют и такие широкие контексты, в которых теряется само понятие бытия и человека (не говоря о литературе). Фихте восклицает: «Земля и небо, время и пространство и все границы чувственности исчезают для меня при этой мысли; как же не исчезнет для меня и индивид? К нему я не приведу вас обратно!..» [22].

Никакое гуманитарное исследование не может игнорировать современные глобальные гуманитарные процессы; содержание последних всегда сказывается хотя бы опосредованно-методологически. Нельзя трактовать никакие процессы (прошлые и современные), не имея гипотезы их будущего – конечного или бесконечного.

В нашем случае необходимость оговорить максимально широкий методологический контекст обусловлена, помимо остального, очевидной связанностью нашей темы с неоднозначной российско-кавказской культурно-политической проблематикой последних двух столетий. В известной мере нам – в силу *русскоязычия* нашего исследования – тоже предстоит *воевать* (осваивать) Осетию и Кавказ с *севера* и *запада*, со стороны России. Но и этого мало: нужно увидеть движение народов навстречу не только друг другу, но и своей общей судьбе.

В. Соловьев говорил о мировой истории как о совокупности неисповедимых путей, которыми в единое целое «собирается вся земля, целое человечество» [23]. Один из этих путей – война, которая до сих пор была важнейшим средством для «осуществления мира» [24]. Соловьев очень реалистичен в вопросах «опытных», и если земля у него «собирается» вокруг «единого христианского центра» и в мировое теократическое государство, то это всего лишь вопрос *пафоса* собирания земли; для нас же важна здесь механика, логика и динамика процесса, отвлекаясь от мистицизма и эсхатологии. С логической точки зрения «таинственная» *двойкая* природа границы, указанная Лихачевым, «работает» и вне сферы сугубо культурных и положительно духовных процессов. Война актуализирует, подчеркивает границу (в «зловещем» качестве линии фронта), но, как пишет Лотман, «даже для того, чтобы вести войну, необходимо иметь общий язык» [25].

Очевидно, что всемирное единение человечества неизбежно и является целью истории *по форме*. Эта *формальная программа* мировой истории, ее процедурная сторона, которая будет выполнена в любом случае (исключая, разумеется, *скоропостижную* и *безвременную* глобальную катастрофу), и участие доброй воли не является здесь столь уж необходимым (как не обязательна добрая воля для создания трансконтинентальных коммерческих компаний): «*Ducunt fata volentem, nolentem trahunt*» («Послушных рок ведет, строптивых – гонит (тащит)»).

Глобализация в ближайшем рассмотрении – это объективный семиотический, механический процесс, фатальный характер которого подтверждается тем обстоятельством, что его антагонистическая, полярная этому процессу тенденция в конечном счете устремлена к той же точке перспективы: антиглобализм как *международное движение* является просто еще одной формой глобализации. Как таковой процесс глобализации движется *под- и бессознательными* инстинктами. Но если цель на всех уровнях – а не только механически –

достигается необходимо, смысл бытия сомнителен, так как задача человека не ясна. Как говорит Лотман, «исконная предначертанность цели снимает вопрос о свободе» [26]. В конце концов, нам дорога вера в то, что вселенная не только лаборатория, то и произведение искусства. В таком случае, задачи сознания, разума и воли заключаются в том, чтобы сделать этот процесс возможно более управляемым, гармоничным, *доброкачественным*, – и если оно возможно при выполнении данных качественных установок, – то и ускорить процесс.

«Мы все должны полюбить друг друга или умереть» (Оден): такая «эсхатология» тоже является нашим методологическим приоритетом. Проверенные тысячелетиями идеалы суть основные методы и орудия познания. Мы рассматриваем историческое прошлое – конечно, в том числе и прошлое литературное – не только, да и не столько с позиций дня сегодняшнего (такое рассмотрение тоже механистично и произвольно), но именно в отношении к идеалу, на фоне идеала, в оптической перспективе идеала. Целесообразно вспомнить весьма примечательные поправки М. Горького в теорию *художественного историзма*, – именно так мы понимаем его призыв «развить в себе умение смотреть на него (прошлое. – И.Х.) (...) с высоты великих целей будущего» [27]. Только контекст этой «субкультурной» перспективы придает смысл отдельным эпохам (событиям), и частным явлениям частной жизни.

Так, частная жизнь *хочет* быть явлением социума, жизни общественной; любое явление культурной истории того или иного общества *хочет* иметь всечеловеческое значение – и внутренне тяготеет к значимости всеобщей, к значимости для общего блага. *Индивидуальное* сознание гарантирует сознание *общественное* и *национальное* (подобно тому, как «рубль копейку бережет»); национальное сознание выступает гарантом выработки, формирования и утверждения *общечеловеческих* ценностей и приоритетов, цельного и гармонического глобального сознания – земной семиосферы или ноосферы.

Любой субъект каких-либо семиологических отношений пребывает в непрерывном, хоть и в разной степени интенсивном, поиске собственной формы – и добавим к этому – формы, максимально адекватной его собственным «представлениям» об идеале. Только представления различны (что выступает иногда причиной конфликта), но идеал – один. Мировая история – естественная, *естественно* обязанная цепь отчаянных и героических попыток, несмотря на самую высокую цену, – преодолеть, преступить, снять, упразднить границу, обрести более совершенную форму.

Что граница подлежит упразднению, так же очевидно, что упразднению подлежит само государство: «Жизнь в государстве не принадлежит к абсолютным целям человека (...), но оно есть средство (...) для основания совершенного общества. Государство, как и все человеческие установления, являющиеся голым средством, стремится к своему собственному уничтожению: цель всякого правительства – сделать правительство излишним...» [28]. Заметим, что аналогичным образом у Соловьева милитаризм – т.е. сама война – «съест» войну [29]. Здесь подчеркивается принцип энтропии, соответствии с которым всякая система работает на «самоликвидацию». В этом смысле конечна и литература, или, во всяком случае, *литературный период* духовной истории человечества.

Итак, если, как мы сказали выше, граница тождественна форме, то цель истории – *преодоление формы как ограниченности*. И если история человека –

это бытие, разлученное с самим собой (разделенное в самом себе бесчисленными границами), то миссия человека – воссоединение всего.

Не случайно в художественном сознании человека на протяжении столетий глобальная семиосфера или ноосфера будущего ассоциировалась с так называемым «золотым веком», в условиях которого достигается *полнота* человеческого бытия во всех отношениях и на всех уровнях. Полнота по определению антонимична границе, которая всегда кладет чему-либо предел, что-либо *ограничивает*. Наш Идеал, Полярная звезда *осознанных* и *подсознательных* человеческих чаяний и устремлений – *мир без границ*, семиосфера без пресловутых «разломов», «фронтов» и «лимитрофов». И надо специально отметить: вместе с упразднением в мире *границы* как таковой сама собой отпадет нужда в указанном физико-механистическом инструментарии (без которого не может пока обходиться ни одна даже самая гуманитарная наука), поскольку мир перестанет быть внутренне механистичным.

Конечное воплощение универсального метакультурного языка и конечное достижение Идеала земного *общезития*: это и есть та точка перспективы, к которой стремятся и в которой так или иначе сходятся *все векторы всех сил и тенденций мироздания*.

В этой объективности заключается имманентный гуманистический характер нашего мира.

Действительно, даже самые взаимоисключающие теории в конечном счете опять же согласуются: все дороги познания ведут в «философский» Рим. Поэтому не вполне ясен образ Н.Я. Данилевского, писавшего, что «прогресс человечества состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще человеческой деятельности, исходить в разных направлениях» [30]. Зато совершенно понятен Жан-Поль Рихтер, утверждающий, что «вся философия с древнейших времен не искала ничего иного, но искала начало» [31]. Думается, не менее справедливым будет утверждение, что она также искала и ищет конец. Начало и конец: философия тоже занимается границами; и поиск границ мира для нее то же, что поиск *собственных*.

С одной стороны, граница необходима любому субъекту семиотических отношений для окончательного оформления; с другой, развиваясь и раздвигая свои границы, она также борется с формой как ограниченностью.

Этически вопрос давно решен: «Правда выше народа» [32]. Или: «Истина может быть только вселенскою» [33].

Известны и лингвистические интерпретации: «Языки человеческие ущербны, ибо многочисленны, отсутствием верховного глагола...» [34]. Или: «В некоем отдаленном будущем будет существовать новый язык, сперва как торговый, а затем как язык духовного общения для всех – так же достоверно, как и то, что некогда будет существовать воздухоплавание. И для чего же, как не для этого, языкознание целое столетие изучало законы языка и определяло необходимое, ценное, удачное в каждом отдельном языке?» [35].

В самом деле, ни отдельный индивид, ни отдельная нация не могут физически обладать истиной в полной мере; соответственно, ни один национальный язык, как бы ни был широк ареал его функционирования и как бы он ни был «велик, могуч, свободен и правдив», – также физически не в состоянии выразить эту истину, именно потому, что объяснение истины равнозначно *обладанию* истиной. «Исходно предполагается, – пишет Лотман, – существ-

вованье двух степеней объективности: мира, принадлежащего языку (то есть объективного, с его точки зрения), и мира, лежащего за пределами языка», – отмечает Лотман, выводя отсюда два «частных вопроса: 1) необходимость более чем одного (минимально двух) языков для отражения запредельной реальности; 2) неизбежность того, что пространство реальности не охватывается ни одним языком в отдельности, а только их совокупностью. Представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией. Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир. Сама эта неспособность есть не недостаток, а условие существования, ибо именно она диктует необходимость *другого* (другой личности, другого языка, другой культуры). (...) Языки эти как накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же, так и располагаются в «одной плоскости», образуя в ней внутренние границы. Их взаимная неперевоидимость (или ограниченная перевоидимость) является источником адекватности внеязыкового объекта его отражению в мире языков. Ситуация множественности языков исходна, первична (исходна, пожалуй, в пределах опытно обозримой истории; во всяком случае, миф о разделении языков при вавилонском столпотворении тоже имеет отношение к вопросам глоттогенеза. – И.Х.), но позже на ее основе создается стремление к единому, универсальному языку (к единой, конечной истине)» [36].

Национальные языки и содержащиеся в них гносеологические средства и алгоритмы представляют собой *частные* интерпретации высшего и общего смысла. В этом отношении попытки создания искусственного языка, такого, к примеру, как эсперанто, есть нечто большее, чем просто интеллектуальные экзерсисы: подсознательно, вероятно, человек хочет научиться говорить на *наднациональном* языке, освободиться от национально-субъективных стереотипов, необходимо содержащихся в любом органическом языке, и тем самым приблизиться к уяснению общечеловеческих смыслов и ценностей (другое дело, насколько эти попытки успешны). Аналогичное этическое значение имеет в культуре многих народов лингво-мифологический феномен «ангельского» языка, наделяемый непознаваемой природой, адекватной, соответственно, всему, что непознаваемо или еще не познано человеком.

Как отмечает Х.З. Багиров, «по оценке лингвистов, социолингвистов и других специалистов, динамика развития двуязычия и многоязычия в мире и нашей стране будет сохранять устойчивую тенденцию к росту» [37]. Динамика «роста» многоязычия как раз и отражает культурно-лингвистическую глобализацию на современном этапе истории.

В контексте стремления к гуманистическому Идеалу парадоксальная сущность границы и ее функции как явления семиотического пространства приобретает утешительный и оптимистический характер: граница уже не только *соединяет* нечто, но она и *растворима*. Такое растворение мы наблюдаем на разных уровнях текста *русскоязычной осетинской* литературы, в которой не всегда легко установить, что определяется в ней русским языком и русским литературным образцом, и что – осетинским ментальным «субстратом». 200-летие присоединения России и Осетии торжественно отмечалось под «слоганом» «РОССЕТИЯ»: данная анаграмма ярко символизирует феномен пограничности и упразднения границы.

В реальных условиях земной истории *пограничная культура* является собой яркий пример приверженности наднациональным ценностям (именно когда народ, «не теряя своего национального характера», освобождается «от своего национального эгоизма») [38]: будучи в значительной мере формируема фактором соприкосновения с другой культурой, культура границы компенсирует и «амортизирует» жесткую ограниченность «периодической формы».

В 1774 году Осетия пришла в Россию, чтобы стать отчасти Россией, Россия приняла в себя Осетию, чтобы уже отчасти сделаться Осетией: на уровне отдельного субъекта семиотических отношений мы всегда наблюдаем внешнее стремление к экспансии; но целое семиотических отношений всегда стремится к ликвидации внутренних границ.

В самом деле: на земле не было и нет ни одного геополитического образования, которое не возникло бы из конфликта *по поводу границы*, но с точки зрения целого и всеобщего нет ни духовной, ни политической, ни вооруженной борьбы за расширение границ и пределов (здесь просто кончаются обозримые сознанию мотивировки); есть только борьба за *упразднение* границы как таковой.

Есть только одна *законная* граница: граница между добром и злом, между истиной и ложью; как видим, она относится к этическим категориям, а не к государственно-политической или культурной истории. Строго говоря, только в этической истории война ведется ради *победы*, тогда как в политической войны ведутся всего лишь ради *мира*. Политический же мир может быть только более или менее хорошим, в соответствии с тем, насколько успешна была война: «Хороший мир есть тот, который заключают лишь тогда, когда цель войны достигнута» [39]. В качестве примера «хорошего» мира герой В. Соловьева вспоминает Кучук-Кайнарджийский мирный договор, и нам следует иметь это в виду: политическая граница между Россией и Осетией потеряла актуальность в результате успешной войны и с наступлением хорошего мира: это тоже было гарантией дальнейшего доброкачественного культурного обмена.

Итак, дело, конечно, не только в кризисе «идеологической» функции границы. В момент возникновения РЯОЛ (как и любого другого аналога) мы, строго говоря, имеем дело с *конфликтом* между реальным положением вещей – кризис границы и падение языкового *потенциала* – и *потенциальной* народной воли к жизни, творчеству и общению с другими народами. *Такая* литература становится единственно возможным выходом из кризиса и компенсацией за издержки языковой и идеологической «аннексии».

«Филологическая» история человечества показывает, что транслингвизм – это всегда движение в направлении к более престижному языку (культуре) или, по меньшей мере, к равновеликому, и никогда – в противоположном» [40]. Это верно, но парадокс в том, что представитель «большой» культуры не в состоянии понять «малую» так же полно, как представитель «малой» культуры усваивает «большую». Победенный лучше знает победителя, нежели победитель – побежденного; *центростремительные* силы культурной метрополии воздействуют на индивида гораздо активней *центробежных*.

Победенному не остается иного, как усвоить язык победителя, но тем самым он перестает быть побежденным.

Вот что, в сущности, подчеркивается в *положительной* формулировке проблемы осетинского русскоязычия: «не нечто навязываемое нам извне, а

наша внутренняя, осознанная необходимость, наше естественное состояние, наша судьба» [41].

Русскоязычную осетинскую литературу следует рассматривать в контексте «стремления к единой и конечной истине», к универсальному метакультурному языку, как новый язык нового качества национального осетинского бытия, возникший из динамического напряжения на умозрительной границе русского и осетинского миров, и своим «телом» уже ликвидирующий эту границу.

Список литературы:

1. Юнг К.Г. Метаморфозы и символы либидо. – М., 1988. – С. 172.
2. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М., 2004. – С. 44.
3. Лотман Ю.М. Семiosфера. – СПб., 2001. – С. 347.
4. Балеевских К.В. К. В. Балеевских. Писатель-билингв: свой среди чужих? http://www.uspu.yar.ru/vestnik/novye_issledovaniy/12_2/
5. Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 642.
6. Ницше Ф. Сочинения: В 2 Т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 95.
7. Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 257.
8. Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. – СПб., 1999. – С. 103.
9. Абаев В.И. Избранные труды: В 4 Т. – Владикавказ, 1995. – Т. 2. – С. 299.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1. – С. 41.
11. Цымбурский В. Народы между цивилизациями. // Pro et Contra: 1997. – Т. 2. – № 3. <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55629.htm>
12. Журавлев О.В. О понятии пограничной этнической идеологии // Русская литература. – 1995. – № 3. – С. 73-80.
13. Кондаков В. К теории пограничных процессов в культуре // Динамика культуры: теоретико-методологические аспекты. – М., 1989. – С. 24-42.
14. Багно В.Е. Пограничные культуры – пограничное сознание // Россия – Восток – Запад. – М., 1998. – С. 41-49.
15. Малиновский Б. Научные принципы и методы исследования культурного измерения. Функциональный анализ // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. – СПб., 1997. – С. 371-384.
16. Боас Ф. Эволюция или диффузия? // Антология исследований культуры. Т. 1. – СПб., 1987. – С. 343-347.
17. Марданова З.А. Личность в пограничной культурной ситуации // Вестник Института цивилизации. – Владикавказ, 1998. – Вып. 1. – С. 162-166.
18. Фихте И.Г., Шопенгауэр А. Немецкая классическая философия: В 2х Т. – М.; Харьков, 2000. – С. 71.
19. Абаев В.И. Указ. соч. – Т. 2. – С. 18.
20. Там же. – С. 292.
21. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.; СПб., 1996. – С. 49.
22. Фихте И.Г., Шопенгауэр А. Указ. соч. – С. 72.
23. Соловьев В.С. Избранные сочинения: В 2х Т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 552.
24. Соловьев В.С. Указ. соч. – Т. 1. – С. 467.
25. Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 267.
26. Там же. – С. 348.
27. Горький М. О литературе. (Литературно-критические статьи.) – М., 1955. – С. 616.
28. Фихте И.Г., Шопенгауэр А. Указ. соч. – С. 29.
29. Соловьев В.С. Указ. соч. – Т. 2. – С. 552.
30. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – С. 87.
31. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. – М., 1981. – С. 296.
32. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 30 Т. – Л., 1976. – Т. 26. – С. 198-199.
33. Соловьев В.С. Указ. соч. – Т. 2. – С. 301.
34. Малларме С. Кризис стиха // Коллекция переводов. – М., 1989. – С. 42.

35. Ницше Ф. Указ. соч. – Т. 1. – С. 383.
36. Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 12-13.
37. Багировов Х.З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков). – Майкоп, 2004. http://www.agulib.adygnet.ru/el_res/bagirokov/index.htm
38. Соловьев В.С. Указ. соч. – Т. 2. – С. 304.
39. Там же. – С. 710.
40. Балеевских К.В. К.В. Балеевских. Писатель-билингв: свой среди чужих? http://www.ySpru.yar.ru/vestnik/novye_Issledovaniy/12_2/
41. Абаев В.И. Указ. соч. – Т. 2. – С. 294.

I. Khugaev

CULTUROLOGICAL MEANING OF TRANSLINGUAL LITERATURE THAT HAS RECENTLY ACQUIRED A WRITTEN FORM (ON EXAMPLE RUSSIAN-LANGUAGE OSSETIAN LITERATURE): ACTUALIZATION AND ABOLITION OF BORDERS

Abstract: The author analyzes culturological (semiotic) and philosophic-ethical aspects of the phenomenon of the Russian-Language Ossetian literature as a translangual literature that has recently acquired a written form; issues of its genesis from the point of view of categories of cultural boundaries, conjunction of cultures (cross-cultural issues), as well as cultural expansion and its nature in the context of positive globalization.

Key words: Interaction of cultures, semiotics relations, metacultural language.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГЁТЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИТАЛЬЯНСКИХ АВТОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ*

Аннотация: В статье рассматриваются процессы влияния гётевского творчества на литературную среду Италии. Итальянские авторы XIX века, переосмысливали на своей национальной почве темы, мотивы, идеи, образы гётевского наследия. Трансформация творческого потенциала Гёте приобрела наиболее яркие черты в произведениях: Джакомо Леопарди, Джованни Прати, Джозуэ Кардуччи, Арриго Бойто, Габриэле Д'Аннунцио, Гвидо Гоццано и др.

Ключевые слова: гётевское наследие, литературная традиция, мотив, образ, жанр.

Во многих произведениях итальянских литераторов, созданных ещё при жизни немецкого классика, наблюдались элементы гётевского влияния. Некоторые тенденции эстетики и поэтики Гёте, внедрялись в итальянскую литературную традицию на протяжении многих десятилетий XIX века. Итальянские авторы в собственных произведениях наиболее активно использовали и трансформировали мотивный, образный, жанровый потенциал: «Страданий юного Вертера», «Фауста», «Римских элегий», философской и пейзажной лирики Гёте.

Во время первого итальянского путешествия (1786-1789 гг.) произошёл непосредственный контакт Иоганна Вольфганга Гёте с литературными кругами Италии, ознаменовавшийся знакомством немецкого поэта с драматургом Винченцо Монти, сатирическим поэтом Касти, римским литератором Джованни Герардо де Росси, вступлением великого немца в римскую литературную академию «Аркадия», утончённому стилю которой отдавали дань Вольтер, Дидро, Виланд, лицейский Пушкин.

Феномен «вертеризма» проник в творчество Винченцо Монти (1754-1828) (стихотворное переложение «Страданий юного Вертера» и драма «Аристоклеме») и Уго Фосколо (1778-1827) (роман «Последние письма Якопо Ортиса») [1: 67]. Большая роль в эстетическом и философском освоении первой части гётевского «Фауста» в Италии принадлежала критику Джузеппе Мадзини (1805-1872). Первые элементы «фаустианства» появились в произведениях Джакомо Леопарди (1798-1837). В области творческой рецепции гётевского наследия этот писатель, поэт и мыслитель являлся смелым жанровым экспериментатором. Так мотивы эпистолярного романа о Вертере проникли в его лирику («Консальво», «Брут младший», «Последняя песнь Сафо»), а ключевые фаустианские мотивы «договора с дьяволом» и «мгновения счастья» [2: 109] стали основой прозаического произведения «Диалог Маламбруно и Фарфарелло» («Чернокнижника и чертёнка»), наделённого одновременно и духом глубоких философских размышлений, и сатирическим звучанием. Трансформированный феномен «фаустианства» проник и в лирику Леопарди: «Гимн к Ариману», «Дрок, или Цветок пустыни».

* © Черепенникова М.С.

На итальянское восприятие конгломерата гётевских произведений в начале XIX века влияли германские (Вольфганг Менцель) [3: 52], французские (мадам де Сталь), английские (Томас Карлейль) суждения. Но постепенно, во второй половине XIX столетия, благодаря переводческому, научному, художественному осмыслению гётевского творчества, в Италии начали доминировать собственные критерии его оценки. В области научно-критической рецепции наследия Гёте особенно влиятельными стали мнения Анджело Ридольфи, Чезаре Канту, Джузеппе Монтанелли, Джулио Базеви, Антонио Бенчи, Николо Томмазо, Джузеппе Мадзини. Итальянцы, знавшие немецкий язык (особенно жители северных областей) читали Гёте в оригинале, для освоения его творчества много сделали переводчики: Антонио Беллати, Андреа Маффеи, Джузеппе Скальвини, Джузеппе Рота, Джованни Батиста Больца. Некоторые из них испытали гётевское влияние в собственном поэтическом творчестве. Этапы гётевской эволюции освещали лучшие литературные журналы Италии «Ривиста Вьеннезе», «Эко», «Глоб», «Антология», «Кончилияторе». В последние годы жизни немецкий классик активно интересовался итальянским литературным процессом, исследуя его в статьях «Классики и романтики Италии в непримиримой борьбе» [4: 345-352] и «Современные гвельфы и гибеллины». Найденные великим немцем формы освещения эстетических итальянских тенденций стали магистральными направлениями для нескольких поколений итальянской критики.

Во второй половине XIX века в итальянской литературной среде появился новый интерес к наследию Гёте, связанный во многом с феноменом «фаустианства». Перевод и осмысление целостного «Фауста» (двух его частей) предопределили последовательные витки трансформации творческого потенциала Гёте в произведениях итальянских авторов. За творениями Джакомо Леопарди: «Диалог Маламбруно и Фарфарелло», «Диалог Тассо и его демона» из «Моральных очерков» (1824-1827) и «Гимн к Ариману» (1833) последовали художественные произведения других итальянских авторов, вдохновлённых образами, мотивами, коллизиями, приёмами, философскими концепциями великой трагедии Гёте: поэма «К Сатане» (1863) Джозуэ Кардуччи (1835-1907); «Армандо» (1864-1868) и «Сатана и Грации» (1855) Джованни Прати (1814-1884); философско-аллегорические поэмы «Люцифер» (1877) и «Иов» (1884) Марио Раписарди (1844-1912); либретто к опере «Мефистофель» (1868) Арриго Бойто (1842-1918), поэтические и прозаические произведения других представителей направления «Скапильятура». Сложная трансформация фаустианских мотивов наблюдалась в начале XIX века в романе Мандзони (1785-1873) «Обручённые» (1821-1842), а затем те же процессы обрели новый виток литературного воплощения в конце столетия в прозаических произведениях Д'Аннунцио (1863-1938): «Наслаждение» (1889), «Невинный» (1892).

Когда германское развитие «фаустианства» в конце XIX века несколько замедлилось, итальянский творческий диалог с «Фаустом» был в самом разгаре не только в силу естественного запаздывания рецепции, но и в силу особых общественно-политических обстоятельств, предшествовавших созданию итальянской республики. Впоследствии на итальянскую рецепцию гётевской трагедии оказала воздействие тенденция трактовки «образа Фауста – сверхчеловека» ницшеанского типа» [5: 61]. Но в парадигме рецепции этого произведения наблюдались и моменты взаимовлияния итальянских авторов, действующих в рамках единой национальной литературной традиции.

Взаимное влияние сказалось в произведениях Прати и Кардуччи. Поэтическое произведение Джованни Прати «Армандо» синтезировало и трансформировало в новом оптимистическом ключе мотивы гётевского «Фауста» и байроновского «Манфреда». С поэтикой Прати связан гимн «К Сатане», написанный Кардуччи, но появление этого произведения предшествовало созданию «Армандо». В данном гимне-поэме Кардуччи переосмыслил и карнавалом перевернул традиционные образы, для того чтобы подчеркнуть идею прогресса и торжества разума. В контексте творчества Кардуччи проявилась тенденция синтеза опыта романтизма и классицизма. Один из лучших итальянских поэтов второй половины XIX века, лауреат Нобелевской премии (1906) – Кардуччи экспериментировал с классицистическими формами, отвергал романтическую концепцию иррационального гения, но, создал, как Гёте, Фосколо, Leopardi и Гуальдо, пейзажно-философскую лирику, поражающую глубиной слияния «космоса» – природы и «микрокосма» – человека. Влияние на поэзию Кардуччи оказало не только творчество Гёте, но также идеи и приёмы немецкого поэта Генриха Гейне.

Литературная традиция Италии второй половины XIX столетия была ознаменована романтизмом второй волны, иными словами наступила постромагическая эпоха, характерными представителями которой являлись Прати и Алеарди. Феномен появления итальянской литературной школы «Скапильятура» (основные представители: Э. Прага, И. У. Таркетти, А. Бойто) был предопределён вызовом, брошенным миланской богемой, вырождавшемуся, эпигонствующему романтизму и байронизму; попыткой вернуться к иррациональной, неистовой поэтике ранних немецких романтиков. В поэзии и прозе «Скапильятуры», испытавшей влияние «северного романтизма» [6: 123], новое прочтение приобрела проблема «двоемирия» [7: 35-41], иногда фантастического, иногда психологического. А. Бойто воплотил её в стихотворном либретто оперы «Мефистофель» (1868).

Поэтический текст либретто А. Бойто являлся первым творческим осмыслением двух частей гётевского «Фауста» в рамках итальянской литературной традиции. Значительно сократив гётевскую структуру сцен, Бойто не утратил философско-эстетической основы произведения. Авторские комментарии к опере «Мефистофель», раскрывшие для итальянцев новые стороны поэтики Гёте, стали в то же время своеобразным манифестом дуалистической философии и эстетики синтеза искусств, поддерживаемой Бойто и другими представителями направления «Скапильятура».

Итальянская литература конца XIX – начала XX веков представляла собой отдельный интереснейший период, подаривший массу разнообразных эстетических течений не только Италии, но и всему миру (например, итальянский и русский футуризм). Литературная ситуация рубежа веков была для Италии особенно продуктивной еще и потому, что дух европейского декаданса проник в страну, находившуюся на эмоциональном и политическом подъёме. Это сочетание противоположностей дало довольно необычные плоды. Одним из них было творчество Габриэле Д'Аннунцио (1863-1938). Отказ от устаревшей на взгляд Д'Аннунцио этики, разочарование в науке и мифах XIX века привело его к эстетизации мира и творчества, как самоцели, к поиску новой мечты, к идеалу полуницшеанского сверхчеловека, то ностальгирующего по прошлому, то рвущегося к неведомым горизонтам.

Обращение к прошлому в виде сложной интеллектуальной игры аллюзиями и реминисценциями проникало и в прозу, и в поэзию итальянского автора. Интертекстуальные диалоги с гётевским наследием в произведениях Д'Аннунцио являлись частью этой сложной игры. «Римские элегии» (1882) итальянского поэта были одновременно результатом традиции и эстетического спора с древнеримскими авторами и Гёте. История создания цикла элегий началась с июня 1887 года, с момента замысла первых стихотворений, и закончилась 30 мая 1892 года – в день выхода книги Д'Аннунцио в издательстве «Дзаникелли». Пять лет, в течение которых итальянский поэт писал это произведение, были наполнены смелыми художественными поисками, результаты которых нашли отражение в тематике и поэтике «Римских элегий».

Чёткая структура организации цикла свидетельствовала о влиянии архитектоники гётевского произведения. Использование жанра элегии придавало важность, торжественность и размеренность личным впечатлениям итальянского поэта. Индивидуальность принимала характер вневременного обобщения.

Гётевский лирический герой являлся не только носителем глубинных переживаний поэта, но и мифологическим «северным странником» в «Вечном городе». Поэтический голос Д'Аннунцио, приобретая поддержку гётевской формы, в то же время сохранял интонацию дневникового размышления об угасании прежней любви и зарождении новой. При этом итальянский цикл, как и немецкий, представлял собой картину чувств и широкую панораму философских обобщений – оппозиций: «времени» и «вечности», «чувства» и «рефлексии», «жизни» и «искусства», «существования» и «небытия». В интерпретации Д'Аннунцио стержень характера лирического героя составлял переход от наивной юности к беспокойной зрелости.

В 1896 году перевод «Римских элегий» Гёте осуществил Луиджи Пиранделло, ставший в начале XX века одним из самых известных итальянских драматургов. Роман Д'Аннунцио «Наслаждение», пронизанный различными интертекстуальными пластами, на уровне гётевского подтекста представил диалог одновременно с тремя произведениями великого немца: с «Вертером», «Фаустом» и «Римскими элегиями». В этом соединении поэзии и прозы в жанре романа таился новый виток реализации глубоко ценимой Гёте и итальянскими авторами идеи синтеза искусств, использования выразительных средств каждого из жанров для создания нового полифонического звучания произведения, стремящегося объять многогранные явления жизни и искусства.

На рубеже XIX–XX веков своеобразное прощание с эстетикой и поэтикой уходящего столетия осуществило в Италии новое направление «сумеречной» поэзии: Гвидо Гоццано, Серджо Кораццини, Марино Моретти, Коррадо Говони. В отличие от футуристов (Томмазо Маринетти, Альдо Палаццески), устремлённых в будущее, отвергающих старое, поэты-«сумеречники» [8: 45] больше говорили о прошлом, осознавая при этом необратимость исторического процесса, описывая закат прежних идеалов. Меланхолический взгляд «сумеречников», иронично смотрящих на мир и самих себя, зачастую уводил их в глубины памяти и истории, в полный фамильных ценностей и предметов искусства XIX век, понимаемый как безвозвратно утраченный золотой век культуры.

В рамках этого направления была создана, пронизанная вертеровскими мотивами, поэма Гвидо Гоццано (1883–1916) «Подруга синьоры Надежды», яв-

ляющаяся картиной духовной жизни девушки Шарлотты – своеобразной лирической души ушедшего, но не забытого XIX века. Поэма таила в себе сложную цепь литературных аллюзий и реминисценций, непосредственно связанных с наследием Байрона и Гёте:

*Вдруг ты входила тоже в дом Паризины-красотки?
Юный и кроткий Вертер в тебя был влюблён, быть может?*

(перевод Черепенниковой М. С.) [9: 59]

Синтезируя мотивы «Паризины» Байрона и «Страданий юного Вертера» Гёте, Гоццано в лирической форме иллюстрировал тенденцию смещения байроновских и гётевских влияний в Италии начала и середины XIX века (статья Мадзини «Гёте и Байрон», синтез мотивов «Манфреда» и «Фауста» в «Армандо» Прати). Автор поэмы продолжил данную ассоциативную цепочку, упомянув имена Джузеппе Мадзини и Уго Фосколо, чьи произведения демонстрировали национальную самобытность в сочетании с элементами гётевского влияния:

*«Мы же висим над бездной!» – «Как у Мадзини, знаешь?»
«Что за стихи!» – «Читаешь?» – «Он подарил мне любезно
Книгу: в одну героиню пылко герой влюбился.
Помнишь: он застрелился, а у неё моё имя».*

(перевод Черепенниковой М. С.) [9: 59]

Лирические герои произведения Гоццано, одновременно существуют в разных хронотопах и интертекстуальных пространствах: они ассоциируют себя с персонажами «Вертера» (конец XVIII в.); их общение происходит в 1850 году, в период наиболее яркого и полного освоения гётевского наследия в Италии (писатель и публицист Мадзини дарит итальянской девушке Шарлотте книгу о Вертере); лирический герой на рубеже XIX-XX вв. с помощью реминисценций и аллюзий моделирует обстоятельства свидания с героиней поэмы.

Карнавальные маски гётевских персонажей, общие литературные пристрастия, помогают выявить духовную близость Шарлотты и её воображаемого собеседника. Интертекстуально поддерживает вертеровскую тему упоминание о романе «Последние письма Якопо Ортиса» – «итальянском Вертере», написанном Уго Фосколо.

Так, объединяя гётевский сюжет с наиболее характерными тенденциями освоения наследия немецкого классика в Италии, Гвидо Гоццано создал особую лирическую атмосферу воспоминания о прошедшей идиллии, по духу близкой к «Римским элегиям» Гёте. Гоццано оказалась близка не только проблематика, но и эстетика гётевских творений, позволяющая ему лирически воскресить уходящее столетие, ознаменовавшееся продуктивным синтезом германских и итальянских литературных традиций.

Итальянские поэты, драматурги и романисты начала XX века, увлечённые бурными социально-историческими событиями и культурными преобразованиями, происходящими во всём мире, искали новый художественный язык, способный выразить новизну явлений. Но этот процесс не привёл к полному отрыву от традиций, пропагандируемому футуристами. Развитие итальянской литературы XX века привело не к разрыву с традицией, но к её пересмотру, переосмыслению. Та же специфика реализовывалась и в продолжавшемся освоении наследия Гёте.

К диалогу с Гёте, включающему в себя элементы трансформации творческого потенциала немецкого классика, на протяжении всего XX века, так или

иначе, обращались Томмазо Ландольфи, Итало Кальвино, Эудженио Монтале, Джузеппе Конте и многие другие авторы. В этих диалогах была как доля собственного прочтения произведений великого немца, так и доля уже сложившейся гётевской традиции в контексте итальянской литературной парадигмы.

Список литературы:

1. Massano R. Goethe e Foscolo, Werther e Ortis/ Problemi di lingua e letteratura italiana del Settecento. – Wiesbaden, Steiner, 1965.
2. De Feo I. Leopardi: L'uomo e l'opera. – Milano, 1972, p. 79.
3. Menzel W. Della poesia tedesca. Opera di W. Menzel. Versione dall'originale Tedesco di G. B. Passerini. – Milano, Fontana, 1836.
4. Goethes Werke in Zwolf Banden. Aufbau Verlag Berlin und Weimar, 1981, Bd. 11, S. 345-352.
5. Якушева Г.В. Фауст и Мефистофель вчера и сегодня. – М., Труды Гётевской Комиссии по истории мировой культуры РАН, 1998. – С. 61.
6. Bosco U. Aspetti del romanticismo italiano. – Roma, 1942, p. 123.
7. Храповицкая Г.Н. Двоемирие и символ в романтизме и символизме/ Филологические науки. – № 3. – М., 1999. – С. 35-41.
8. Livi F. Tra crepuscolarismo e futurismo: Govoni e Palazzeschi. – Milano, 1980, p. 45.
9. Черепенникова М.С. Традиции поэтического наследия Италии. Антология итальянской поэзии от эпохи Возрождения до наших дней. – М., 2008. – С. 59.

M. Cherepennikova

TRANSFORMATION OF GOETHE'S CREATIVE POTENTIAL IN ITALIAN LITERATURE OF THE 2ND HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract: This is an article “Transformation of Goethe’s creative potential in Italian literature of the second half of the XIX century”. In this scientific article we talk about an influence of Goethe’s works and we see this subject under the light of literary traditions of Italy. In the XIX century Italian writers were influenced by Goethe’s literary traditions. Transformation of Goethe’s creative potential we can find in the works of: Giacomo Leopardi, Giovanni Prati, Giosue Carducci, Arrigo Boito, Gabriele D’Annunzio, Guido Gozzano and many others.

Key words: Goethe heritage, literary tradition, motive, image, genre.

Публикации аспирантов

УДК 821.161.1–31

ББК Ш5(2Рос=Рус)5–8 Мельников П. И.

Е.В. Жидкова

**СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ
ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ П. И. МЕЛЬНИКОВА
(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКОГО) «В ЛЕСАХ»***

Аннотация: Статья посвящена проблеме своеобразия художественного воплощения женских образов в романе П. И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах», входящего в состав дилогии «В лесах» и «На горах». На основе проведенного анализа устанавливаются особенности построения женского характера в романе и художественная роль женских образов в указанном произведении.

Ключевые слова: женский образ, портрет, поведение персонажа, сюжет, композиция, коллизия, поэтика, роман, дилогия, реализм, образная система, эстетическое, этическое.

Роман П. И. Мельникова «В лесах», входящий в дилогию о старообрядцах «В лесах» и «На горах», представляет собой самостоятельное произведение со своей системой образов.

Образный мир романа многолик: купцы-тысячники, монахи и монахини старообрядческих монастырей и скитов, скрытых в труднопроходимых заволжских лесах. Яркие образы, созданные в романе, были настоящим открытием писателя. Многие стороны указанных романов были изучены в исследованиях отечественных ученых, начиная с первых работ А. Измайлова [1] и Н. А. Янчука [2] и до недавних работ Э. Т. Кикильбаевой [3], И. В. Кудряшова [4], Е.В. Гневковской [5], и др.

Мир героев-старообрядцев, представленный в романах Мельникова, включает в себе поистине полный комплекс исконно русских ценностей: глубокую религиозность, уважение к предкам и старшим по роду, почитание национальных традиций, милосердие к окружающим и доброту, тонкое восприятие красоты, в котором тесно сливаются эстетическое и этическое начала.

Особый пласт романа – его женские образы. Их разнообразие и глубина, с которой писатель проникает в самую сущность женской души, дает основание говорить о Мельникове-Печерском как о художнике, сумевшем дополнить великолепную галерею женских типов, созданных русской литературой в XIX веке. В романе «В лесах», составляющем первую часть дилогии, мы встречаем женщин разного возраста – от совсем молодых девушек, почти девочек из купеческих семейств купцов-тысячников, монахинь и послушниц раскольничьих скитов до «стариц» и почтенных настоятельниц монастырей. Все они – выходцы из старообрядческой среды, и на этом их сходство, пожалуй, закан-

---

* © Жидкова Е.В.

чивается. У каждой из героинь своя судьба, свой путь, свой характер, проявляющийся, как правило, у Мельникова-романиста в поступках героинь.

Занимающая в раскольничьем доме определенную нишу, зависящая в своем личностном утверждении от отца, мужа, старшего брата, женщина, тем не менее, проявляет волю и творит свой жизненный путь. Уже в самом начале повествования определено особое положение женщины в среде старообрядцев: «Так исстари ведется. Раскол бабами держится, и в этом деле баба голова, потому что в каком-то писании сказано: “Муж за жену не умолит, а жена за мужа умолит”» [6, т. 1, с. 16]. Следует также сказать, что и отношение самого Мельникова-Печерского к женским образам его романов иное, нежели к мужским: вся его симпатия – человеческая, писательская, мужская, наконец, – сосредоточена на них.

Женские образы в романах П. И. Мельникова о раскольниках являются не только самыми привлекательными, но нередко превосходят мужские образы по силе характера и цельности внутреннего мира. Кроме того, если говорить о положительном герое в романах этого писателя, то мы, бесспорно, должны констатировать, что это – женские образы романа. В этом писатель следует той литературной традиции, которая сформировалась еще в начале XIX века. Это пушкинская Татьяна, тургеневская девушка, женские образы из романов Гончарова и т. д.

Значительная часть повествования в романах Мельникова-Печерского посвящена женским судьбам – любви, замужеству, детям. Женщина дается в самой сути своего отношения к этим основополагающим сторонам бытия: в своем отношении с любимым, мужем, детьми, Богом. Именно в этом раскрывается все существо женского характера, поступка, личности.

Идейный и композиционный центр романа «В лесах» составляют несколько женских образов. Это – Настя Чапурина, дочь заволжского купца-тысячника Потапа Чапурина; мать Манефа, игуменья одной из старообрядческих женских обителей, аскетическая в своем монашеском бытии; Марья Гавриловна, молодая вдова купца-миллионера, набожная и безвольная; озорная и непокорная Флёнушка, незаконная дочь матери Манефы, послушница монастыря. Именно вокруг этих героинь формируются основные сюжетные линии романа. Кроме того, в романе активно взаимодействуют и пересекаются и другие весьма многочисленные и разные по своей сути женские персонажи. Это – монастырские черницы, белицы, канонницы – обитательницы скитов и раскольничьих монастырей, а также купеческие дочери – родные и «богоданные» – то есть приемные, и другие главные и второстепенные персонажи.

Все они ведут жизнь, характерную для купеческой среды или монашеской обители. В художественной ткани романа они образуют особую систему женских образов, с одной стороны, дополняющую и оттеняющую мужские образы, и в то же время обладающую своей этической и эстетической завершенностью.

Роман «В лесах» посвящен во многом закрытому для постороннего глаза миру заволжских старообрядцев: «Верховное Заволжье – край привольный. Там народ досужий, бойкий, смышленный и ловкий» [6, т. 2, с. 7]. Так с первых слов романа характеризуются люди, о которых пойдет речь. По преданию это – новгородцы, поселившиеся в Заволжье в давние Рюриковы времена, помнящие невидимый град Китеж, который и сейчас цел с «белокаменными сте-

нами, златоверхими церквами, с честными монастырями, с княженицкими узорчатыми теремами, с боярскими каменными палатами, с рубленными из кондового, негниющего леса домами» [6, т. 2, с. 7]. Некий сказочный зачин повествования сразу вводит в особый мир, населенный особыми людьми. Но при всей «особости» этого мира он – исконно русский, родной и понятный по мироощущению, чувству, поступкам и судьбам героев и героинь романа.

Исследователями творчества Мельникова-Печерского давно и справедливо замечено, что писатель «фиксирует с безупречной этнографической точностью ... внешнюю форму раскольничьего бытия» [с. 13], но не менее подробен он и в создании характерологии своих персонажей.

Частная жизнь человека всегда была в центре внимания писателей-реалистов XIX века, но старообрядческий мир с его строгим уставом, вековым укладом и традициями впервые открылся со всей полнотой со страниц романа «В лесах».

Основу раскольничьего быта составляет семья. Семейный уклад, строгое следование вековым обычаям и традициям – основа всей жизни. Купеческий дом с его трудовой, торговой и семейной жизнью, воспитанием детей, богоугодными делами, грехами, заботами, счастливыми замужествами «уходом», несчастной любовью, наконец, смертью – вот то место, где сосредоточена жизнь. Здесь все подчинено как бы раз и навсегда заведенному вековому порядку. В обрамлении семьи чаще всего и даются образы героинь романа. В семье главного героя – Потапа Максимыча Чапурина преобладают женщины: «Семья у него была небольшая, сам с женой да две дочери. Богоданная дочка еще была – Груня – сиротка, сызмальства Чапуриным призревшая... <...> Родны дочери... на возрасте были: старшей Настасье, восемнадцать минуло, другая, Прасковья, годом была помоложе. Только что воротились они в родительский дом от тетки родной, матери Манефы, игуменьи одной из Комаровских обителей» [6, т. 1, с. 13].

Семьи купцов-тысячников из старообрядцев тщательно сохраняют свой уклад. Главная цель – сохранить чистоту старой веры, передать ее дальше. Одна из важнейших забот купца-тысячника Потапа Чапурина – воспитать дочерей в традициях старой веры. Но вместе с тем, в романе есть эпизод, в котором показано, что девушки, только что вернувшиеся из монастыря, где они пять лет обучались «божественному писанию», привозят с собой в родительский дом не только рукописные тетради с богоугодными произведениями – «Стихи об Иоасафе царевиче», «Об Алексее божьем человеке», но и другие, те, в которых говорится:

Сизенький голубчик,
Армейский поручик.

Девушки на выданье есть девушки: мысли у них о будущей любви, которая вот-вот случится.

Важной стороной женского воспитания, кроме важнейшего обучения духовному служению, является обучение традиционным женским занятиям – белорусному мастерству и рукоделию: бисероплетению – учились «бисерны лестовки вязать», ткачеству – «шелковы кошельки да пояски ткать», вышиванию – «по канве шерстью да синелью вышивать» [6, т. 1, с. 13].

Одной из характерных черт повествования в романе «В лесах» является параллельность сюжетных линий, что дает возможность писателю показать

женский характер в сравнении-противопоставлении. Так в романе часто противопоставлены такие персонажи, как две сестры Чапурины – Настя и Параша. Настя – красавица, умница, девушка с большим чувством собственного достоинства. В романе не раз дается ее портрет: «В алом тафтяном сарафане с пышными, белоснежными тонкими рукавами и в широком белом переднике, в ярко-зеленом лавантиновом платочке, накинутом на голову и подвязанном на подбородке, сидела Настя у Фленушкиных пялец, опершись головой на руку» [6, т. 2, с. 85]. В этом будничном наряде она встречает своего возлюбленного Алексея.

Когда семья Чапуриных встречает возможного богатого жениха Насти, она разодета по-праздничному: «Особенно богато и нарядно разодета Настасья Потаповна. В шелковом пунцовом сарафане с серебряными золочеными пуговками, в пышных батистовых рукавах, в ожерелье из бурмицких зерен и жемчугу, с голубыми лентами в косах, роскошно падавших чуть не до колен, она была так хороша, что глядеть на нее – не наглядисься...» [6, т. 2, с. 113]. В другом месте романа ее наряд описывает ее подруга Фленушка: Был на ней сарафан шелковый голубой, с золотым кружевом, рукава кисейные, передник батистовый, голубой синелью расшитый, на голове невысокая повязка с жемчугами. А как выходить на улицу, на плечи шубейку накинула алого бархата, на куньем меху, с собольей опушкой. Смотреть загляденье!» [6, т. 2, с. 358]. Не зря о ней сказано – «разрядится – просто королева» [6, т. 2, с. 358].

В одежде девушки, как мы видим, Мельников подчеркивает яркие цвета, чаще других – алый, пунцовый, голубой; дорогие украшения – из бурмицких зерен – крупного, по-видимому, морского жемчуга, который отличался от мелкого – речного, размерами и формой. Жемчуг – традиционное девичье украшение, которое должно подчеркнуть ее чистоту и невинность, а яркая и дорогая одежда не только оттеняет красоту девушки, но и говорит о достатке дома, в котором она выросла.

Внимание повествователя сосредоточено не только на внешнем облике девушки. Столь же ярко обрисован ее характер. Характер Насти проявляется, прежде всего, в ее любви к Алексею Лохматому. Полюбив его, девушка решает свою судьбу раз и навсегда. Это понимают многие окружающие. Так, ее крестная мать Никитишна говорит о ней: «Ну, уж девка! Кипяток!.. Бедовая!.. Вся в родителя, как есть вылита: нраву моему перечить не смей» [6, т. 2, с. 134]. Почувствовав корыстолюбие своего возлюбленного, усомнившись в искренности его чувств к ней, Настя горько разочаровывается в нем: «Жалок ей стал трусливый Алексей!.. И то приходило на ум: “Уж как загорелись глаза у него, как зачал он сказывать про ветлужское золото... Корыстен!.. Не мою, видно, красоту девичью, а мое приданое возлюбил погубитель!.. Нет, парень, стой, погоди!.. Сумею справиться. Не хвалиться тебе моей глупостью!..”» [6, т. 2, с. 463]. Тяжелейший душевный кризис, чувство вины перед родителями, людьми и Богом, которые переживает Настя, приводит к ее физическому недомоганию и трагической смерти. Настя умирает, не в силах перенести ни своего девичьего позора, ни предательства любимого, но даже на смертном одре она просит отца «не делать зла» неверному возлюбленному.

Самые светлые и проникновенные страницы романа посвящены образу Насти. Ясный, чистый духовный мир девушки не выносит корыстного мира. Чистота ее подчеркнута в романе в сцене ее кончины: «В это время откуда ни

возьмись малиновка – нежно, уныло завела она свою песенку, звучней и громчей полилась с поднебесья вольная песня жаворонка... Повеял тихий ветерок и слегка шолохнул приподнятые оконные занавеси.

– Молитесь, – оглянув всех, шепнула Никитишна, – ангелы за душой прилетели» [6, т. 2, с. 551].

Менее ярко обрисован в романе образ Параши, второй дочери Чапурина, которая, несомненно, теряется рядом с красавицей сестрой – Настей. Образ Параши во многом контрастен с образом Насти.

Настя и Параша – «отецкие дочки», родные и любимые отцом. Но есть у Чапурина и «богоданная» дочка – Груня, о которой хозяин дома Чапурин проявляет не меньше заботы, чем о них. Сама Груня описана как «бесценное сокровище», «ангельская душа»: «Разумом острая, сердцем добрая, ко всем жалостливая, нрава тихого, кроткого...» [6, т. 2, с. 121]. Выйдя замуж за вдовца, на руках у которого остались малые дети, она заменила им мать. В образах домовитых женщин – Аксиньи Захаровны и Груни показано место женщины в раскольничьей семье. «Испокон веку народ говорит: жена добрая, домовитая во ста крат ценней золота, не в пример дороже камня самоцветного» [6, т. 2, с. 117].

Мир Груни, Аграфены Петровны, светел и ясен, тепла, которое излучает эта женщина, хватает на всех – детей, своих и чужих, мужа, сестер и других домочадцев: «Свежая, здоровая, из себя пригожая, Аграфена Петровна вот уже пятый год живет с ним замужем, и, хоть Иван Григорьевич больше, чем вдвое старше ее, любит седого мужа всей душой, денно и ночью благодаря создателя за счастливую долю, ей посланную. Ясное, веселое лицо Аграфены Петровны верней всяких речей говорило, что нет у нее ни горя на душе, ни тревоги на сердце» [6, т. 2, с. 117].

Эти и другие образы романа – Аксинья Захаровна, Никитишна, домашние Чапуриных, составляют как бы единый мир – важнейший композиционный центр романа. Но другим, не менее важным аспектом в создании женского характера в романе, является изображение скитской раскольничьей жизни. В центре того мира – образ матери Манефы, в юности Матренушки Чапуриной – родной сестры Потапа Максимовича.

История любви Матренушки с Якимом составляет одну из сюжетных линий романа. Юная красавица из рода Чапуриных отличалась строгим нравом и неприступностью: «Высокая, стройная, из себя красивая, девушка цветет молодостью» [6, т. 2, с. 177]. Никто из парней не мог похвастаться тем, что она сказала ему ласковое слово. Но сурова жизнь старообрядческого мира – разлучили Матренушку с любимым: «Заперли рабу божию в тесную келейку. Окромья матери Платониды да кривой старой ее послушницы Фотиньи, никого не видит, никого не слышит заточенница... Горе горемычное, сиденье темничное!.. Где-то вы, дубравушки зеленые, где-то вы, ракитовы кустики, где ты, рожь-матушка зрелая – высокая, овсы, ячмени усатые, что крыли добра молодца с красной девицей?...» [6, т. 2, с. 182]. Вся дальнейшая жизнь Матренушки, в монашестве матери Манефы – суровый подвиг отречения, забот об обителе, о судьбе «тайной» дочери – Фленушки.

Мать Манефа представлена в романе как умная и рачительная хозяйка обители: «Обитель при ней процветала. Она считалась лучшей обителью не только во всем Комарове, но и по всем скитам керженским, чернораменским».

Она – сторонница всего русского, хранительница старинного, векового уклада. В ее обители множество старинных икон «древней иконописи», которые составляли «заветную родовую святыню знатных людей допетровского времени» [6, т. 2, с. 334].

Труд и молитва – вот основное времяпровождения в святой раскольничьей обители. И здесь женщина – труженицей и молельницей. «Келарня (монастырская кухня. – Е. Ж.) служила сборным местом жительниц обители. Сюда сходились старшие матери на сборы для совещаний о хозяйственных делах, для раздачи по рукам денежной милостыни, присылаемой благодетелями; здесь на общем сходе игуменья с казначеей учитывала сборщиц и канонниц, возвращавшихся из поездок; сюда сбегались урвавшиеся от “трудоу” белицы промеж себя поболтать, здесь же бывали зимними вечерами “супрядки”. С гребнями, с прялками, с пяльцами, с разным шитьем и всяким рукодельем после вечерен белицы и инокини, которые помоложе, работали вместе вплоть до ужина под надзором матушки-келаря» [6, т. 2, с. 337].

Женские характеры в романе «В лесах» сформированы национальной стихией и верой. Источники их внутреннего богатства подспудны и невидимы. Они – в недрах национальной жизни. В создании женского характера Мельников очень подробен: портрет, бытовые картины и описания будничных одеяний и праздничных нарядов выражали не только своеобразие жизненного уклада старообрядцев, но становились средством художественного изображения, одним из средств создания характера.

Список литературы:

1. Измайлов А. А. Творчество П. И. Мельникова (Андрея Печерского) // Мельников-Печерский П. И. / П. И. Мельников-Печерский // Полное собрание сочинений. – М., 1909. – Т. 1. – С. 5–22.
2. Янчука Н. А. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский) / Н. А. Янчука // История русской литературы XIX века: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. – М., 1915. – Т. 4. – С. 194–207.
3. Кикильбаева Э. Т. Диалогия П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» (Система образов и особенности жанра): Дис. ... канд. филолог. наук / Э. Т. Кикильбаева. – М., 1990.
4. Кудряшов И. В. Диалогия П. И. Мельникова «В лесах» и «На горах» (поэтика портрета): Дис. ... канд. филолог. наук / И. В. Кудряшов. – Волгоград, 2000.
5. Гневковская Е. В. Проблемы поэтики диалогии П. И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах» и «На горах»: характерология, художественное пространство и время: Дис. ... канд. филолог. наук / Е. В. Гневковская. – Нижний Новгород, 2003.
6. Мельников-Печерский П. И. Собрание сочинений: В 6 т. / П. И. Мельников-Печерский. – М., 1963.

E. Zhidkova

THE SPECIFIC CHARACTER OF ARTISTIC EMBODING OF FEMALE CHARACTERS IN THE NOVEL “IN THE WOODS” BY P.I. MELNIKOV»

Abstract: The object of research of the article deals with the investigation of the essence of the female characters. On the basis of the detailed and composite analysis specified the female characters, their place and role in the novel.

Key words: Female image, portrait, behaviour of the character, plot, composition, collision, poetics, the novel, dialogi, realism, figurative system, aesthetic, ethical.

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РОЛЬ АВТОРСКИХ ОТСТУПЛЕНИЙ В РОМАНЕ В.П. АСТАФЬЕВА “ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ”*

Аннотация: В статье рассматривается идейно-художественная роль авторских отступлений в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты». Их значимость в мировоззренческом отношении, в композиционном плане бесспорна. Они придают произведению многомерность, полифоническое звучание, акцентируют внимание читателя на трагическом аспекте повествования.

Ключевые слова: автор, трагическое, произведение, роль, символ, конфликт, интерпретация.

В художественном мире произведения чрезвычайно большую роль играют отступления. Они «обогащают эмоционально-экспрессивные пределы повествования, расширяют сферу идеального, заметно уточняют авторские интенции и одновременно читательскую направленность произведения» [1: 90], воссоздают сознание автора, «где логика соседствует с чувствами и желаниями, ценностными приоритетами, волевыми устремлениями, – словом, на рассуждениях лежит печать некоего характерного «я» [1: 75].

В авторских отступлениях романа Астафьева «Прокляты и убиты» запечатлеваются все константы бытия: мир и война, жизнь и смерть, хаос и гармония, космос и земля, огонь и вода. Большинство из них носит философско-публицистический, полемический характер, при этом в них можно выделить элементы дидактики, наставления и поучения. Проникновенные строки о красоте родной земли, об истоках русского национального характера написаны в лирическом ключе. К сожалению, специальных исследований, посвящённых их анализу, в современной науке нет, хотя некоторые авторы касались этой проблемы. В этой статье поставлена задача раскрыть их роль в произведении. Если классифицировать отступления в «Проклятых и убитых», то обнаруживаются следующие тематические блоки: судьба российского крестьянства и тема земли, хлеба; проблема веры и возмездие за богоотступничество целой страны; октябрьская революция, её последствия и отношение к вождю мирового пролетариата; советская система, пожирающая человеческую личность; развал армии в стране Советов; война как проклятье, нависшее над судьбами человечества, и её ничтожные вдохновители; уничтожение русского народа.

Для Астафьева трагическое время в России началось с «оперетки под названием Октябрьская революция» [2: 111] (из письма В.В. Миронову от 19.1.92 г.). «Революция и революционеры зажгли русскую землю со всех сторон, и до сих пор она горит с запада на восток» [3: 240]. Автор-повествователь подчёркивает актуальность темы войны на сегодняшний день, ведь и сейчас на планете немало огневых точек, где во всю мощь разворачиваются военные конфликты. А зажёг революционный пожар «выродок из выродков, вылупившийся из семьи чужеродных шляпников и цареубийц» [3: 239], который принёс «бесплодие самой рожалой земле русской, погасил смиренность в сознании самого

* © Карасева Э.Л.

добродушного народа» [З: 239].

Мысль о вождях двух народов тоже звучит в одном из отступлений. Жесток и беспощаден приговор Верховному главнокомандующему, которого «надо было бить трубкой или чем потяжелее по башке» [З: 507], за то, что «невежда и вертопрах поторопился согнуть в бараний рог отечественную науку и безголово пересадил, уморил в лагерях родную химию» [З: 507], нанеся тем самым вред сельскому хозяйству, «подрывая мощь любимой армии» [З: 507]. «Его коллега по другую сторону фронта, не менее мудрый и любимый народом» [З: 507], «ефрейтор по уму и званию, прежде чем сажать и посылать в газовые камеры своих мудрых учёных, дал им возможность всласть потрудиться на оборонную промышленность» [З: 507]. Нелицеприятны суждения автора-повествователя и о легендарном полководце А.В. Суворове: «Истаскал за собою по Европе, извёл тучи русских мужиков, в Альпах их морозил, в чужих реках топил, в Оренбургских степях пугачёвский мужицкий мятеж в крови утопил и – герой на все времена» [З: 337].

Ещё в «Последнем поклоне» Астафьев писал о разрушении крестьянского образа жизни, повлекшем за собой необратимые изменения в психологии русского крестьянина. Революционный переворот явился главной причиной вырождения самого многочисленного, самого мощного класса – крестьянства. Эта же мысль прослеживается и «Проклятых и убитых»: «Какой же излом, какое уродство, какие извращения, какие чудовищные изменения произошли в человеческом сознании, когда пахарь и сеятель начал терять уважение к хлебному полю, перестал ему молиться, почитать его» [З: 239].

Значительное место в отступлениях занимает тема хлеба, хлебного поля, что символизирует родную землю, Русь – кровно связанные между собой понятия. Хлебное поле – это начало всех начал, рождение колоса – священнодействие, хлеб – святость, символ жизни на земле. В произведении звучит гимн хлебному полю: «О, поле, поле, хлебное поле, самое дивное творение человеческих рук!» [З: 238]. Но война не пощадила и русское поле, которое, разорённое и убитое, «похоже сейчас на смуту охваченную отчизну свою, захиревшую от революционных бурь, от преобразований, от братоубийства, от холостого разума самоуверенных вождей, так и не выростивших ни идейного, ни хлебного зерна» [З: 241], поэтому «силы небесные карают чадо Божье за самый тяжкий грех: предание огню и гибели хлеба насущного» [З: 241]. Автор использует словосочетания из православной молитвы для того, чтобы подчеркнуть важность и значимость своей мысли, усилить трагизм, лежащий в основе его убеждения. И всё же Астафьев верит в то, что «пока есть хлебное поле, пока зреют на нём колосья – жив человек и да воскреснет человеческая душа» [З: 241]. «Война временна, поле вечно» [З: 241], – заключает автор-повествователь, противопоставляя вечное и сиюминутное. На протяжении всего романа утверждается мысль, что человек приходит в этот мир для созидательной работы, вспахивать поле, растить детей, а не разрушать гармоничное устройство Божественного бытия.

Астафьев любит Россию, русский народ, русскую землю, русскую историю, что не могло не отразиться на всём художественном пространстве произведения. Одно из отступлений – воистину признание ему в любви: «Русские люди, как обнажено и незлопамятно ваше сердце! Можно рукой потрогать его под полушубком, услышать ладонью его тревожный стук, его доверчивое теп-

ло почувствовать» [3: 299]. Война истерзала человеческое сердце, посылая на него «сокрушающее зло, безумие и страх» [3: 485], и всё же «маленькое и ни в чём не виноватое, честно работающее человеческое сердце, ещё слышит, ещё внимает жизни, оно ещё способно болеть и страдать» [3: 485].

В публицистических отступлениях содержится критика советской системы, в которой «действует машина, давняя тупая машина» [3: 103], в которой «узнаваемо обозначился облик советского учителя, советского врача, советского партийного работника» [3: 153]. «Начавши борьбу за создание нового человека, советское общество несколько сбилось с ориентира и с тропы, где назначено ходить существу с человеческим обликом, сокращая путь, свернуло туда, где паслась скотина» [3: 153], «но наибольшего успеха передовое общество добилось в выведении породы, пасущейся на ниве советского правосудия» [3: 153]. Такой суд защищает систему, основу которой составляет коммунистическая идеология. Автор-повествователь негодует: забыты Божьи заповеди, среди которых: « Не судите да несудимы будете!», ибо «отменили Его в России, выгнали, оплевали и суд здесь не Божий идёт, а правый, советский, по которому выходит, что все людишки, наполняющие эту страну, всегда во всём виноваты и подсудны» [3: 155].

По мнению автора «Проклятых и убитых», изменился и облик советской армии, задача которой – «держат всех и всё в унижительном повиновении» [3: 651]. Позор советской армии – заградотряды. Заградотряд – это когда «брат брата во Христе предаёт, брат брата убивает» [3: 335]. Астафьев неоднократно подмечает, что политический строй вносил свои коррективы в структуру армии: «За фронтом тучей движется надзорное войско, строгое, умытое, сытое, с бабами, с музыкой, со своими штандартами, установками для подслушивания, пыточными инструментами, с трибуналами, следственными и другими отделами» [3: 328].

Оценка войны – магистральная тема авторских отступлений. В них чётко, рельефно проступает обезображенный «лик войны» [3: 387], «бездушная сущность её» [3: 387]. Война, «грязная тварь, состоящая из жёлтой жижи, покрытая красной пеной» [3: 387], «на человека неумолимо наползающая» [3: 387], принимает «зрячий образ» [3: 387]. Не случайно Высота Сто кишит ненасытными крысами, объевшимися человечиною. Война та же крыса, пожирающая жизнь. Не только крыса, но и вошь символизирует хаос, ад, нестерпимые муки, посланные войной: «Плесневелое, непроницаемое, опьяненное от сытости, еле ползущее облако вшей накрыло людей на клочке земли» [3: 719]. Для неблагородной твари – это «пир во время чумы», пир во время войны. По мнению Астафьева, война – ад, трагедия, независимо от того, кто погибает – русский или немецкий солдат, да и теряют они свои жизни во имя амбициозных целей вождей.

Войне, порождающей дисгармонию мира, противопоставляется совершенство природных начал, красота земли. Авторские отступления о ней в «Проклятых и убитых» – это эмоционально окрашенные суждения, описания широких пространств, это «обязательное слагаемое художественного мира» [1: 75] произведения. Они полны нескрываемого восторга, восхищённого любования: «Светлым приветом катит утро, над рекою густеет туман, белой наволочью ползёт к берегам, успокаивая реку тихим дыханием, бестелесной плотью соединяя берега, которые задумывались Создателем для единого земного мира,

но не для враждебного разъединения» [3: 382]. Приём антитезы в романе усиливает несоответствие между суетностью человеческих устремлений, войной, как одним из её проявлений и невозмутимым, величественным спокойствием природы. Если бы не война, то «всё воспринималось бы как в древней сказке с хорошим, мирным концом» [3: 265], – заключает В. Астафьев.

Лейтмотив всего произведения – проблема отношения человека к Богу. Богоотступничество целой страны – величайший грех, ведь «самый большой, самый предельный трагизм есть трагизм в отношении человека к Богу» [4: 353]. Бог задумал мир гармоничным, а человека – творцом, созидателем добрых и славных дел на земле. Пренебрежение заповедями Всевышнего, война и любое проявление вражды приносят в этот мир хаос, разрушая при этом природу и суть человеческого естества. Божье наказание неминуемо. Отсюда и название – «Прокляты и убиты». Повествователь говорит о людях, которые занимаются «избиением друг друга» [3: 470], несут «переходящее проклятие» из поколения в поколение. [3: 470]. В. Астафьев пытается отыскать ту точку отсчёта, с которой и начинается проклятие. Оно берёт начало с предательства, с «незащищённой, братьями преданной жизни» [3: 470]. Одно из отступлений – крик души, доходящий до неистовства: «Боженька, милый, за что, почему Ты выбрал этих людей и бросил их сюда, в огненно кипящее земное пекло, ими же сотворённое? Зачем Ты отворотил от них Лик Свой и оставил Сатане на растерзание? Неужели вина всего человечества пала на головы этих несчастных, чужой волей гонимых на гибель?» [3: 393]. По мнению исследователя Т.М. Вахитовой, «образ Христа как высшая этическая идея является у Астафьева критерием жизни, исторических событий, человеческого поведения» [5: 25]. Тема Христа появляется в романе и тогда, когда автор размышляет о судьбе России. Поскольку разрушены многовековые традиции русского народа, необходимо опереться на христианские ценности. У Астафьева Бог – безусловное требование нравственного закона в каждом. За что прокляты Богом? За то, что отступили и забыли Его вследствие навязанных России революций, кровавого сталинского режима, чудовищной братоубийственной войны. Автор персонифицирует разбухшие войной в человеке слепые природные инстинкты: вражду, насилие, ненависть.

Анализ авторских отступлений в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты», предпринятый в этой статье, позволяет судить о значимой роли в произведении. В них раскрывается художественная идея романа, проявляется позиция автора, его система ценностей. Трагическая скорбь, гнев, рождаемые зрелищем поруганной страны, боль, которая не проходит, память, которая не забудет, – вот движущие силы авторских отступлений, да и всего произведения в целом. Отступления акцентируют внимание читателя на трагическом аспекте произведения В.П. Астафьева «Прокляты и убиты», «расширяя рамки повествования и горизонт читательского восприятия, а также непосредственно обозначая свою позицию» [1: 364]. Они придают роману многомерность, значимость, полифоническое звучание. Их значимость в композиционном плане, в идейно-художественном аспекте, мировоззренческом отношении бесспорна.

Список литературы:

1. Введение в литературоведение / Под редакцией Л.В. Чернец. – М., 2006.
2. Астафьев В.П. Собрание сочинений в 15-ти томах. Т. 15. – Красноярск, 1998.

3. Астафьев В.П. Прокляты и убиты. – М., 2005.
4. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. – М., 1995.
5. Вахитова Т.М. Народ на войне (Взгляд Астафьева из середины 90-х. Роман «Прокляты и убиты») // Русская литература. – 1995. – № 3.

E. Karaseva

**ARTISTIC ROLE OF AUTHOR'S DEVIATIONS IN V. ASTAFIEV'S NOVEL
«CURSED AND KILLED»**

Abstract: The purpose of the article is to reveal a role of author's deviations in Astafiev's novel "Cursed and killed". The role of author's deviations is great, as the position of the author, the belles-lettres idea of the novel, it's creative will and the system of values is shown in it. Their importance in the composite plan, ideologically-art aspect, and the world outlook attitude is indisputable.

Key words: The author, tragical, product, a role, a symbol, the conflict, interpretation.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗА МАТЕРИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ*

Аннотация: Статья носит обзорный характер. На материале русской поэзии рассматривается такой органично присущий ей феномен как образ матери (тема матери) в историческом развитии и важнейших своих проявлениях. За всю историю существования темы матери в русской поэзии от начала возникновения до наших дней, можно выделить три главных ипостаси образа матери – реально-бытовой, связанный с личной матерью каждого, высший идеальный аспект, восходящий к образу Богоматери, и – особенно значимый в русской поэзии образ матери как родины, восходящий к святому на Руси образу матери-земли.

Ключевые слова: тема, образ матери, русская поэзия, Богоматерь, родина, земля.

Тема матери столь издавна и органично присуща русской поэзии, что представляется возможным ее рассмотрение как особого литературного явления. Беря исток от самого зарождения русской словесности, эта тема последовательно проходит через все этапы ее развития, но даже в поэзии XX века сохраняет свои главные черты.

В русский фольклор образ матери переходит из общего для всех народов в эпоху матриархата культа Великой Богини, из славянских языческих верований, особого почитания на Руси матери-земли. В народных верованиях женское божество, ассоциируемое с «мать-сырой-землей», жило и в языческой, и в христианской форме вплоть до XX века, сочетаясь на Руси наряду с главным впоследствии поклонением Богородице [1].

Первые проявления темы матери в литературе мы можем наблюдать в фольклорных произведениях, изначально – в бытовом обрядовом фольклоре, в свадебных и похоронных песнях. Уже здесь заложены основные черты образа матери, свойственные ему и впоследствии – в особых эпитетах при прощании с матерью: *Как денной нашей заступушки, / Ночной да богомольницы...* [2: 114]. Такая характеристика давалась обычно в народе Богородице, ее называли «скорая помощница, теплая заступница», «печальница наша», «заступница наша и молебница, защитница всему роду христианскому». Так образ личной матери каждого соотносился с небесным высшим материнским образом.

В похоронных заплачках выражалась также глубинная связь матери с матерью-сырой-землей, а в девичьих свадебных причитаниях при разлуке с «матушкой» и родным домом, так же, как и в рекрутских песнях, образ матери стоял в связи с образами родных мест, родины.

Итак, три главных ипостаси образа матери, которые сохраняются в поэзии вплоть до наших дней, существовали уже на заре словесного искусства Руси – Богоматерь, мать, родина: «В кругу небесных сил – Богородица, в кругу природного мира – земля, в родовой социальной жизни – мать, являются на разных ступенях космической божественной иерархии носителями одного

---

* © Мелексетян М.В.

материнского начала. «Первая мать – пресвятая Богородица, / Вторая мать – сыра земля, / Третья мать – как скорбь приняла...» [3: 78].

Образ Богоматери, особенно чтимой в народе, чаще всего воплощался в народных духовных стихах и апокрифах, где «страсти Христовы» переданы через страдания матери («Сон Богородицы», «Хождение Богородицы»). Г.П. Федотов подчеркивает особенность русского образа Богородицы, которая отличает ее образ от западно-католического: «В образе Ее, не юном и не старом, словно безвременном, как на православной иконе, народ чтит небесную красоту материнства. Это красота матери, а не девы» [4: 49]. При этом образ божественной небесной Матери в народных стихах наделен чертами человечески-женскими. Ее плачи по Сыну совпадают по своему образному и лексическому составу с похоронными заплачками простых матерей. Этим также подтверждается сближенность в народном сознании образов Божьей Матери и земной матушки человека.

В фольклоре же находим еще одно существенное для развития темы матери явление: эта тема могла воплощаться от первого лица, когда образ матери раскрывался через ее речь о себе, через ее переживания и внутренний мир. Таков образ матери прежде всего в плачах матерей по детям, где мать непосредственно выражает свою скорбь, отчасти и в колыбельных, в которых заложена мысль одновременно о будущем ребенка и о судьбе самой матери. Этот способ воплощения образа матери – от лица самой матери – перейдет в поэзию XX века.

В древнерусской письменной литературе продолжается линия развития образа Богоматери, идущая от духовных стихов – в апокрифах, в произведениях о чудотворной силе этого образа. Так, в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище», Богоматерь спасает русский народ, но при этом образ Ее стоит здесь наравне с образом всей русской земли, за которую идет битва, а также сырой земли, почвы, к которой преклонил слух князь Дмитрий, чтобы она подсказала ему исход битвы.

Ближе к литературе нового времени, в 17 веке, в литературу вновь входит образ земной матери, в связи с возрастанием личностного начала, авторства, углубления психологизма, с таким понятием, которое Д.С. Лихачев определил как «индивидуализация быта» [5]. Эти тенденции особенно заметны в ключевом для развития образа матери произведении – «Повесть об Улиании Осорьиной», где «идеал матери изображен в лице Юлиании Лазаревской сыном ее Калистратом Осорьиным» [6: 296]. Мать автора предстает в этом почти агиографическом произведении святой, но идеализация ее образа идет уже «на сниженной почве», ее святость заключается в «хозяйственном служении домохладцам» (Д.С. Лихачев).

В дальнейшем развитие темы матери в поэзии связано с именами Лермонтова и Некрасова. В поэзии Лермонтова тема матери, только начинающая входить в классическую высокую поэзию, имеет автобиографическое начало (известна его запись о песне, которую «певала покойная мать» – с этой записью напрямую соотносятся стихи того же периода: «Кавказ», а также «Ангел», где не случайно именно песня несет некое прекрасное воспоминание). В поэзии Лермонтова был заложен сложный единый узел из романтического воспоминания о собственной матери, постепенного усложнения, психологизации и «снижения» женского образа в его лирике, а также из образов земной природы

и молитв к Богородице. Все нити этого узла тянутся от начала существования русской литературы – через поэзию Лермонтова и Некрасова – дальше, вплоть до наших дней, и каждая из них имеет важное значение как составляющая темы матери в литературе. Приближение женского образа к реальности, тенденции реализма, постепенно усиливающиеся в поэзии Лермонтова, ведут к иному способу воплощения темы матери – объективному, когда образ матери в поэзии почти равен отдельному литературному персонажу. Так, его «Казачья колыбельная», связанная с бытом, с фольклорными традициями, отразила общий уклон литературного процесса по пути «демократизации» (Д.Е. Максимов) и представила первый образ простой матери из народа в последующей галерее подобных.

Следует также подчеркнуть особую роль Н.А. Некрасова в становлении темы матери в русской поэзии – поэты XX века шли в создании образа матери именно от Некрасова. Его поэтическое наследие предоставляет богатый материал решения этого образа как в романтическом, так и в реалистическом ключе. Так, все, что было связано с родной матерью поэта, составило в его поэзии область, как будто оставшуюся не тронутой общим уклоном его творческого пути к реализму («Родина», «Рыцарь на час»). Вершина развития подобного «идеального», даже обожествленного образа матери – предсмертное стихотворение Некрасова «Баюшки-баю», где мать прямо наделена божественными чертами и возвышается до образа Богородицы и одновременно другой некрасовской святыни – родины. Но в поэзии Некрасова как реалиста с самого начала присутствует и образ матери, воплощенный «на сниженной почве». Эта линия в его творчестве идет еще с пародии на лермонтовскую «Казачью колыбельную» 1840-х годов. Позже она приведет к народному образу матери («Орина, мать солдатская», поэмы «Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо»), созданному по эпическим законам, на принципах объективной реальности. Это уже не мать поэта, которую он воспекает и увековечивает со своих субъективных позиций, а некий персонаж, возникающий в стихотворении со своей историей, личностными особенностями и речевой характеристикой.

В поэзии XX века воплощение темы матери можно разделить прежде всего по типам отношений субъекта речи, лирического Я к образу матери, в связи с чем возникают три особых способа существования темы матери в поэзии: как особая направленность, обращенность поэзии к образу матери; как поэзия непосредственно от лица матери; как «объективный» образ матери, приближенный к персонажу. Из всего поэтического наследия XX века тема матери наиболее полно и ярко отразилась в творчестве таких авторов, как А. Блок, А. Ахматова, А. Твардовский. Романтические корни поэтики Блока, символизация как главный ее принцип, постепенное обращение к действительности, влияние реалистических (некрасовских) традиций, снижение лексики, прозаизация, вхождение темы города, бытовой сферы в поэзию, образов-персонажей из народа, (наряду с лирическим Я и Ты), приводят в итоге к лирике третьего тома с центральным образом родины-матери. Итог развития темы матери у Блока – «Коршун». В нескольких строчках здесь переданы основные, знаковые темы и мотивы Блока – в образе одной, затерянной в полях простой русской матери, соотношенной с образом Богородицы, и в женственном образе самой Руси, родины: *А ты все та ж, моя страна, в красе заплаканной и древней...* [7: 188].

Образ матери у Блока как национальный символ, соединяет религиозно-

философскую категорию высшего женственного начала и исторический образ родины.

Ахматовский образ матери, выраженный от первого лица, когда ее лирическая героиня равна образу матери, – это расширение личного, частного до всеобщего, национального, возвышение образа матери от реально-бытового в ранний период (*Спи, мой тихий, спи, мой мальчик, / Я дурная мать...* [8: 251]) до образа Богородицы («Реквием») и – родины в поздний период творчества, в стихах, обращенных к солдатам и «сиротам» Великой Отечественной войны.

У Твардовского образ матери возникает в стихах-посвящениях его собственной матери и развивается в соответствии с сильным эпическим началом его поэзии: он является персонажем его сюжетной, повествовательной лирики и всегда тесно связан с образом утраченной малой родины, а в войну олицетворяет собой родину вообще. Образ Анны из «Дома у дороги» – это образ матери в высшем аспекте матери-России – выстоявшей, спасшей детей и даже в плену сохранившей дом солдата: *Тот дом без крыши, без угла, / Согретый по-жилому, / Твоя хозяйка берегла / За тыщи верст от дому* [9: 334], а значит, общую родину. Завершается тема матери у Твардовского вместе с жизнью матери поэта – циклом «Памяти матери».

Итак, мы убедились: главные материнские образы в русской культуре – земля, Богоматерь и мать – сохранились с древнейших времен до наших дней. Способы их выражения (романтически-возвышающий, открывающий мир душевных переживаний матери от лица самой матери и объективный) также переходят в поэзию наших дней из древней и классической поэзии.

На всех этапах развитие темы матери в поэзии шло от образа личной, собственной матери человека к возвышению и расширению частного до всеобщего. Высшее проявление образа матери, данное на самой начальной исторической стадии русской поэзии в образе Богоматери, в дальнейшем находит свое воплощение в идеальном образе матери, часто связанном с автобиографическим отношением автора к матери. Черты «демократизации» литературы и «снижения» образа матери в XX веке еще усиливаются. Снижение идет за счет проникновения в литературу бытовых реалий и социально-исторического фона. Так образ матери становится более конкретным, реально-бытовым. Следует отметить, что начальному этапу литературы свойственны попытки очеловечения и заземления божественного (Богоматери, мать-сырой-земли), а последующие периоды характеризуются напротив тенденцией возвышения и обожения земного (родной матери, родных мест, своей избы, образов детства).

В поэзии XX века постепенно высшим аспектом образа матери становится образ родины. Берущий истоки от образа матери-земли, теперь через память о малой родине, доме, через призму войн и социальных потрясений, земной образ личной матери начинает возвышаться именно до общезначимого уровня образа родины. Эволюция образа матери в этом направлении обнаруживается как при рассмотрении общего хода развития русской поэзии, так и в пределах творческого пути каждого из наиболее крупных представителей темы матери в поэзии XX века. Блок, связанный в начале века с поисками идеального женственного начала и возвышающий в своем творчестве женский образ до божественного, в конечном итоге через снижение (даже падение), конкретизацию и прозаизацию женского образа и всей своей поэтической манеры выходит к образу матери именно в значении родины («На поле Куликовом», «Коршун»).

Ахматовский образ матери, равный ее лирической героине, проделал путь от социально-бытового в раннем творчестве, социально-исторического в период “Реквиема” (с аллюзиями на образ Богородицы) до образа всеобщей матери-родины во время Великой Отечественной войны, от лица которой она обращается к “детонькам”. Творчество Твардовского целиком подтверждает подобный переход: женский образ как объект любовной лирики у него отсутствует вовсе, но при этом образ матери с самых ранних стихов и до конца связан с памятью о родных местах, а во время войны поднят на высоту образа родины.

Список литературы:

1. См. об этом: Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверья: Поэтические воззрения славян на природу. – М.; СПб., 2002.
2. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. – Т. 3. – Петрозаводск, 1991. – С. 114.
3. Федотов Г.П. Стихи духовные». – М., 1991. – С. 78.
4. Федотов Г.П. Там же. – С. 49.
5. См. об этом: Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. – СПб, 1998.
6. Буслаев Ф.И. О литературе: исследования, статьи. – М., 1990. – С. 269.
7. Блок А. Собр.соч. и писем в 20 т. – М., 1997. – Т. 3. – С. 188.
8. Ахматова А.А. Собр.соч. в 6 т. – Т. 1. – М., 1998. – С. 251.
9. Твардовский А.Т. Собрание сочинений в 6 т. – М., 1976. – Т. 2. – С. 334.

M. Meleksetyan

THE HISTORY OF AN IMAGE AND A THEME OF MOTHER IN THE RUSSIAN POETRY

Abstract: The subject of given article - an image and a theme of mother in the Russian literature. It has survey character. The theme of mother is inherent in the Russian literature from the beginning of its occurrence. We consider the development and great value of it on a material of Russian poetry from the existence beginning up to nowadays. There are three various images of mother we can see: the real mother of each, the highest ideal aspect of an image of mother, occurring from an image of the Mother of God, and the most important in Russian poetry form of it – the motherland.

Key words: Theme, image of mother, Russian poetry, the Mother of god, the native land, the earth.

ЛИТЕРАТУРА НА СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ*

Аннотация: Статья содержит обзор и анализ литературных программ современного российского телевидения от анонсов книжных новинок до телеспектаклей и телефильмов на литературной основе. Телеспектакли рассматриваются в контексте истории данного жанра. Также приведены и проанализированы видовые различия между телевизионными экранизациями литературных произведений и аналогичными фильмами большого экрана.

Ключевые слова: телевизионная экранизация, киноэкранизация, телеспектакль, чтение, литература, литературное произведение.

Присутствие большой литературы на современном российском телевидении не ограничивается фильмами на основе литературных произведений. Литературе посвящен ряд авторских программ, предназначенных для зрителей, являющихся также и читателями в широком смысле этого слова, людьми читающими.

«Разночтения» Н. Александрова знакомят зрителей-читателей с книжными новинками, в ежегодных циклах передач в рамках рассмотрения литературной ситуации той или иной страны снимаются передачи, посвященные творчеству конкретных зарубежных писателей, включающие в себя длинные подробные интервью. В течение четырех последних лет Н. Александров познакомил зрителя с ныне живущими писателями Германии, Франции, Финляндии и Исландии. Эти передачи имеют безусловную информативную ценность, и предназначены читателям, заинтересованным в составлении собственного мнения не только и не столько о конкретном произведении, но и о личности автора, процессе его труда и творчестве в целом.

В программе «Апокриф» В. Ерофеева («ток-шоу с ограниченной ответственностью») обсуждаются важные культурные, моральные и этические вопросы, которые ставит литература перед современным человеком, и ответы на которые она сама же порой и подсказывает. Постановка вопросов и поиск ответов на них, коллективное размышление происходит в студии среди приглашенных участников и зрителей. В размышления оказывается втянут и телезритель. Эта программа позволяет нам активизировать наш читательский багаж, наш культурный опыт, посмотреть на что-то под иным углом зрения, с чем-то согласиться, а с чем-то поспорить.

Циклы передач о поэзии И. Анненского, такие как «Серебро и чернь», «Засадный полк» – о судьбах и творчестве ушедших поэтов. Они, как и программы Н. Александрова, в целом носят ознакомительный характер, но более патетичны и эффектны, поскольку речь идет о персонах, давно признанных национальным культурным достоянием. Эти передачи призваны, помимо творчества и биографии поэта, вводить зрителя-читателя также и в контекст времени, в которое тот жил. Впрочем, циклы И. Анненского не требуют от зрителя быть непременно еще и читателем поэзии. Нужно быть просто вниматель-

* © Решетникова В.В.

ным и чутким слушателем, поскольку объем поэтического произведения, как правило, позволяет воспринять его звучащим с экрана. Из собственного опыта автор знает, что стихотворение, впервые услышанное, производит не меньшее воздействие, чем прочитанное с листа.

В программе «Линия жизни» тема литературы возникает в тех передачах, героями которых являются ныне живущие писатели, чье значение для русской культуры не подлежит сомнению. Хочется отметить интересную встречу со зрителями-читателями Ю. В. Мамлеева.

25-серийный цикл передач «Гений места с Петром Вайлем» затрагивал тему большой литературы в зависимости от изображаемого города и персоналии, связанной с ним: Токио как город Кобо Абэ, Прага как город Ярослава Гашека и т. д. Более того, сам цикл телепередач является своеобразной экранизацией одноименной страноведческой, биографической и культурологической книги П. Вайля.

С сожалением можно отметить тот факт, что все эти программы выходят только на канале «Культура». До недавнего времени существовавшая передача «Графоман» с поэтом и издателем А. Шаталовым в качестве ведущего «двигалась» к каналу «Культура» через каналы «НТВ» и «РТР», словно бы не приживаясь ни на одном из них.

3 канал имеет в своей сетке вещания программу о книжных новинках «Контекст» с ведущей М. Контэ, однако эта передача носит слишком уж рекламный, коммерческий характер. Книга представляется здесь только в качестве ходового товара.

На прочих каналах современного российского телевидения, конечно, возможны интервью с писателями, участие писателей и поэтов в не специфически литературных ток-шоу, но в основном остальные каналы почти не уделяют внимания теме литературы, чтения и нуждам аудитории зрителей-читателей.

Однако интервью с писателем можно прочитать в прессе, так же, как и рекламную аннотацию или пресс-релиз по поводу выхода новой книги. По принципу своего устройства вышеназванные передачи на литературные темы не являются продуктами специфически телевизионными. Они отличаются от газетных и журнальных публикаций (за исключением цикла П. Вайля) прежде всего наличием движущейся картинки вместо фотографий и озвученным текстом.

Тот же канал «Культура» возродил такой долгое время бывший забытым специфически телевизионный жанр, как чтецкие передачи и телевизионные спектакли, укрепив этим позиции художественной литературы на домашних экранах в виде подлинного синтеза двух искусств.

Чтецкие передачи существовали на советском телевидении до 1980-х годов. Исполнение сказки П. Ершова «Конек-Горбунок» Б. Чирковым, снятое в 1972 г., и О. Табаковым, снятое в 1973 г., поэма А. Твардовского «Василий Теркин» в исполнении О. Табакова, 1979 г., чтение маленькой трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» актрисой И. Саввиной и литературоведом Ю. Карякиным (1972 г.) выдвигали на первый план и предлагали зрительскому восприятию прежде всего сам текст, а в последнем названном случае еще и его литературоведческую интерпретацию, спор двух читателей одного и того же текста.

Современные чтецкие программы канала «Культура» выходят в эфир в

течение последних трех лет, хотя не все они сняты в это время. В этой рубрике демонстрируются передачи, снятые на протяжении последних 10 лет, которые раньше по непонятным причинам до телезрителя не доходили. Прекрасные актеры, такие как А. Адоскин, С. Шакуров, А. Филиппенко, Э. Быстрицкая, М. Казаков, А. Баргман читают как поэтические, так и прозаические произведения различных авторов: А. Пушкина, Д. Хармса, Д. Самойлова, В. Набокова и многих, многих других. Некоторые из этих программ являются по сути моноспектаклями, другие – литературно-музыкальными композициями. Некоторые повторялись по 2-3 раза.

Можно только радоваться возобновлению этого замечательного традиционного для телевидения жанра. Эти передачи требуют минимума усилий по чисто экранной трактовке художественных образов – текст обязан говорить сам за себя, а телезрителю необходимо умение слышать произведение и желание его воспринимать, не отвлекаясь на тонкости игры нескольких актеров, работу операторов, костюмеров, детализацию стиля эпохи и прочее необходимое для «полновесного» фильма. Воображение, которым пользуется читатель для «домысливания» читаемого текста и здесь играет большую роль. На первый взгляд может показаться, что и эти передачи не являются произведениями специфически телевизионными, потому что просмотр такой программы может быть с успехом заменен простым чтением. Но это только на первый взгляд. Способность профессионального актера, (а не ведущего книжного обзора, зачитывающего цитату), удерживать зрительское внимание одним только чтением само по себе является большим искусством, оно позволяет зрителю расслышать такие тонкости текста, такие его фонетические, лексические и синтаксические особенности, такие интонационные возможности, заложенные в нем, которые могут стать для читателя настоящим открытием. Актерская мимика, не доступная нашему восприятию, например, по радио, служит делу усиления акцентов, важных для понимания, «вчувствования» в текст. Современное общение часто задействует цитаты, уровень которых зависит от кругозора общающихся: от попсовых песен и всем известных кинокомедий до подлинной литературы. Талантливое исполнение стихов и прозы служит делу хорошего усвоения фрагментов текста, пополнению активного запаса устойчивых конструкций в общении, повышению, в конечном итоге, интеллектуального уровня зрителя-читателя, пробуждению интереса к чтению серьезной литературы, внимания к красоте слова, уважения к писательскому труду.

Не меньшего сожаления заслуживает и почти забытый жанр телевизионного спектакля. Среди прекрасных работ литературно-драматической редакции центрального телевидения – «Всего несколько слов в честь господина де Мольера» по пьесе М. Булгакова (1973, А. Эфрос), «Детство. Отрочество. Юность» (1973, П. Фоменко, Я. Гордин) по прозе Л. Толстого, «Повести Белкина. Выстрел» по повести А. Пушкина (1981, П. Фоменко), «Страницы журнала Печорина» по повести М. Лермонтова «Княжна Мери» (1975, А. Эфрос), «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» по повести Н. Гоголя (1976, В. Фокин), «Игроки» по его же пьесе (1978, Р. Виктук), «Между небом и землей» по повести В. Токаревой (1978, В. Фокин), «Будденброки» по роману Т. Манна (1972, А. Орлов), «Дядюшкин сон» по повести Ф. Достоевского (1981, А. Орлов) и др.

Под «телевизионным» автор данной статьи понимает не любой спектакль,

---

демонстрируемый на домашнем экране. Это спектакль, снятый в телевизионной студии, а не из зрительного зала театра. Такой спектакль может быть телевизионным повторением какой-либо удачной и известной театральной постановки, например, спектакль театра «Современник» «Двенадцатая ночь», но особенно ценными в плане жанрового своеобразия являются такие работы, которые сняты специально для телевидения, не имевшие перед тем театральной «обкатки», как большинство перечисленных выше.

На советском телевидении такие спектакли ставили известные талантливые режиссеры, такие как А. Эфрос, П. Фоменко, В. Фокин, Р. Виктук, и зритель, живущий как угодно далеко от Москвы и тогдашнего Ленинграда, мог у себя дома получить продукт, задуманный и исполненный специально для него, именно в том виде, в котором он поставлен и снят, а не обедненную, производящую впечатление конспекта, копию того, что видят зрители столичных театров.

Известные театральные режиссеры имели возможность работы в некоем «переходном» жанре, не являвшемся ни театром, ни кино, что безусловно расширяло и обогащало их творческий опыт, их режиссерский багаж. То же самое можно сказать о больших актерах того времени, которые бывали заняты в таких постановках и всегда воспринимали данную работу всерьез, как еще одну возможность проявить себя в профессии, а не как халтуру.

Как правило, такие экранные произведения не требовали больших материальных затрат на декорации и бутафорию. Телевизионная студия вполне допускает минимализм средств, оставляя большой простор зрительскому воображению, домысливанию, что, в свою очередь, служило делу воспитания умного зрителя, способного воспринимать суть того, о чем идет речь, не отвлекаясь на созерцание внешних рельефных деталей. Так, в спектакле «Детство. Отрочество. Юность» легкие светлые кисейные занавеси не просто обозначают пространство помещения, в котором происходит действие, но и создают верное ощущение того, что происходящее перед нами суть воспоминания героя, лучшие воспоминания о самом дорогом времени, людях и отношениях, ушедших безвозвратно. Перед нами небольшое пространство, в отличие от пространства сцены целиком входящее в телевизионный кадр, в котором нам, зрителям, не нужно делать поправку на то, что на сцене все выглядело бы иначе. Напротив, все выглядит именно так, как и должно быть: как задумано, так и снято.

К счастью, нельзя констатировать, что современное телевидение полностью отказалось от создания произведений в жанре телевизионного спектакля. Телевизионный режиссер Игорь Штернберг в начале 2000-х годов снял 24 телеспектакля в Нижегородской государственной телерадиокомпании и 7 работ этого жанра на канале «Культура», а именно: «Последняя любовь Тютчева», «Рождество», моноспектакль «Свидание», «Юмористические рассказы Шишкова», «Великий инквизитор», чтецкую программу «Сон смешного человека», где занял в главных ролях таких актеров, как Ю. Беляев, В. Лановой, М. Ульянов, И. Кваша. К сожалению, спектакли нижегородского телевидения не являются достоянием всех российских телезрителей, а снятые на канале «Культура», пройдя по телевидению в момент своего первого появления в эфире, практически не повторяются более. То есть, можно сказать, что в основном эти экранные произведения проходят мимо массового зрителя.

Жанр телевизионной экранизации литературных произведений является

еще одним, хотя и опосредованным, способом бытования литературы на современном телевизионном экране.

Исследователь А. Юровский пишет: «...язык <телевизионных фильмов>, выразительные средства суть в основе своей язык, выразительные средства кино»[1].

Несмотря на это, фильмы, снятые по произведениям литературы на телевидении имеют свою специфику, которая отличает телевизионные экранные произведения от имеющих литературную основу фильмов большого экрана. Поскольку этому жанру более или менее отдают дань все телевизионные каналы, попытаемся здесь эти отличия обозначить.

Признаками, отличающими телеэкранизации от киноэкранизаций, на наш взгляд, можно считать:

1. Общеизвестный феномен **интимного вторжения**. Экран кинематографа больших размеров со стереофонией звучания словно втягивает своего зрителя в происходящее, порождает эффект соучастия в экранном действии. Телевидение же само приходит в пространство дома, но при этом оно настолько камерно, что не вызывает протеста у зрителя-реципиента: тончайший акт выхода в индивидуальное зрительское пространство совершается посредством экрана гораздо меньших размеров, на котором изображение приближено к натуральным размерам разговаривающего с нами человека на крупном плане. Телеэкран также обходится без форсированного по уровню громкости звука, как это свойственно кинематографии.

2. **Контакт со зрителем**. Кино является преимущественно **закрытой** системой общения со зрителем, телевидение – сравнительно **открытой**. Кино стремится к художественному обобщению, телевидение в жанре экранизации может позволить себе **большую документальность**, внимание к деталям и более **близкий контакт со зрителем**.

3. **Серийность или прерывистость (дискретность) повествования** является в данном случае одной из важнейших временных особенностей экранного произведения. Телеэкранизация может быть любой продолжительности, что позволяет ей гораздо теснее соотноситься с реальной жизнью, чем кинофильму. Здесь значение имеет не только собственно экранное время телефильма, могущее быть более растянутым в сравнении с кино, но и то, что зритель обычно ждет следующей серии понравившегося ему фильма, структурируя собственное время в зависимости от времени начала следующей передачи. Время между сериями для увлеченного зрителя также является временем ожидания, внутреннего настраивания на восприятие и раздумий над увиденным, а постоянные, «сквозные» персонажи на время демонстрации многосерийного фильма становятся нашими спутниками, еще одним параллельным направлением нашей жизни, почти как жизнь наших друзей и знакомых, с которыми мы видимся не постоянно, а время от времени.

Кинокритик Нея Зоркая назвала многосерийные телефильмы «телевизионной прозой – своеобразным вариантом прозы литературной»[2], подчеркивая сходство с издавна публиковавшимися в периодике романами с неизменной строчкой «продолжение следует».

Многосерийность телевизионного фильма также способна весьма и весьма помочь актерам – исполнителям ролей. У них появляется возможность не только полнее раскрыть образы своих героев по сравнению с тем, что дает в

этом плане кинематограф, но и умножить актерский успех за счет того, что зритель привыкает видеть героя литературного произведения с внешними данными и пластикой конкретного исполнителя. За десять вечеров, в которые мы являемся зрителями экранизации романа Ф. Достоевского «Идиот» мы привязываемся не просто к князю Мышкину, а к князю Мышкину в исполнении Евгения Миронова.

Так, для автора данной работы один из любимых героев отрочества, Овод, чьим конспиративным именем называется роман Э. Л. Войнич, обладает внешними данными исполнителя его роли в телевизионном фильме «Овод» (реж. А. Машенко, 1980 г.) актера А. Харитонова. И это несмотря на то, что роман был прочитан прежде, чем увиден фильм. Просмотр не менее широко известного произведения для большого экрана – фильма «Овод» (реж. А. Файнциммер, 1955 г.) с О. Стриженовым в главной роли, состоявшийся значительно позже, через полтора десятка лет после знакомства с телеверсией, не привел к замене уже имевшегося внутреннего образа другим. Слишком помнилось юношеское ожидание трехдневного, соответствующего трем сериям фильма, зрительского счастья пополам с настоящим человеческим горем из-за трагической судьбы героя.

Довольно популярный среди юношества в нашей стране в конце 80-х – английский телевизионный сериал «Робин Гуд», в основу сценариев серий которого положены старинные английские баллады о национальной легенде – благородном разбойнике Робине Гуде потерял большую часть своих горячих поклонников не только в Англии, но и в России, и по всему миру в результате ухода из проекта актера Майкла Прайда, игравшего Робина в первых 13-ти частях. Произведенная замена не устроила почти никого. Казалось бы, что же тут такого: заменен только один герой, но вместе с его исчезновением с экрана в этой роли погибла популярность сериала, оказалась утрачена зрительская любовь. Сериал выходил на экраны несколько последующих лет, но до сих пор поклонники его «золотого периода», имеющие свое обширное многонациональное Интернет-сообщество на английском языке, передают друг другу копии первых 13-ти серий, устраивают ролевые игры по сюжетам именно этих «первых» серий, встречи с актерами, занятыми в них, отслеживают творческий путь этих актеров, их профессиональные биографии в целом. Двоих исполнителей из этого творческого коллектива уже нет в живых. Их смерть стала подлинным горем для преданных зрителей первых серий фильма, хотя со времени начала сериала в Англии прошло уже больше 25 лет.

Помимо представлений о вымышленных и легендарных персонажах, домашний экран, телевизионные фильмы также способны до некоторой степени определить наше представление и о реальных исторических лицах. Автор данной работы признается в том, что своими «внутренними образами» героев Великой французской революции Максимилиана Робеспьера и Луи Антуана Сен-Жюста она обязана соответственно французским актерам Пьеру Ванеку и Патрису Александру, сыгравшим их роли в двухсерийном французском телефильме «Сен-Жюст и сила обстоятельств» по одноименной исторической монографии Альбера Оливье, (реж. П. Кардиналь, 1975 г.) Хотя портреты этих подлинных исторических лиц существуют, и даже в немалом количестве, тем не менее, образы, созданные художниками, в лучшем случае обладают «родственным сходством» между собой. Поэтому внешность и психофизика живых

актеров в каждом случае оказывает огромное «корректирующее» влияние на наши представления о персонажах реальной истории.

Безусловно, в значительной степени этот механизм относится и к кинематографу. Актер, качественно выполнивший свою работу на большом экране, также способен надолго, если не навсегда слиться в нашем сознании со своим персонажем. И все же просмотр кинофильма – мероприятие почти одномоментное по сравнению с возможной длительностью зрительского контакта с телевизионным фильмом. Таким образом, телевидение способно многократно усилить этот эффект за счет своей дискретности, стимулирующей наше ожидание, нашу самонастройку на восприятие в определенное время, указанное в программе, следующей серии демонстрируемого действия.

«Очень сожалею, что не стал делать «Преступление и наказание» для ТВ, – писал режиссер Л. Кулиджанов. – Если бы я делал 6 серий, мне не нужно было устраивать эту вивисекцию – отрубать очень важные куски романа. У меня бы поместился весь Свидригайлов, например, и многое другое. Это была бы более полная экранизация и, наверное, она оказалась бы лучше, чем то, что я сделал. Есть в многосерийности какое-то веление времени» [3].

4. Эффект присутствия. Если серийность – это временной аспект воздействия телевидения на зрительское сознание, то эффект присутствия – пространственный. Он связан прежде всего с тем, что телевизор, как это ни просто звучит, является бытовым прибором, расположенным в пространстве каждого дома, и все персонажи телефильмов являются как бы нашими гостями, а в случае, если фильм нам нравится – дорогими гостями, которых невозможно ни на минуту выпустить из поля зрения.

Эта особенность телевизионного кино близка названному выше феномену интимного вторжения, но обозначает собой более узкий и тонкий момент взаимоотношений зрительского сознания с предложенным ему телематериалом. «Вторжение» может быть любым, в том числе и нежелательным, вызывающим протест, в таком случае наш контакт с непонравившейся, раздражающей нас передачей может быть моментально прерван нами – мы переключим канал или выключим телевизор.

Эффект присутствия – это тот положительный, ценимый нами контакт с предлагаемым нам материалом, от которого мы сами не захотим уклониться. Эффектом присутствия, к примеру, обладают вещи, связанные в нашем сознании для нас с нашими дорогими людьми, подарки близких, друзей. При каждом взгляде на такую вещь мы с теплотой вспоминаем ее дарителя или обладателя, он незримо присутствует в нашем домашнем пространстве. То же и в случае с полюбившимся телефильмом: в момент демонстрации очередной серии мы не выпустим экрана из поля зрения, герои ее будут с нами, будут присутствовать в нашем доме и наше общение с ними будет приятно и дорого нам, и никакие повседневные домашние дела нас от него не отвлекут.

Эффект присутствия наряду с серийностью также способствует тому, что герои словно бы сходят с экрана и вступают в реальную жизнь не как вымышленные персонажи, а как подлинные, живущие вместе с нами люди. Не случаен поэтому всплеск интереса к тому или иному произведению литературы практически сразу после того, как на телеэкраны выходит фильм, поставленный по нему.

Для сравнения: в кинозале нет и не может быть для зрителя повседневной

реальной жизни, кинозал – помещение строго функциональное, он существует только для демонстрации кинофильмов, которым не приходится бороться за наше внимание с множеством привычных нам бытовых отвлекающих факторов. Не кинофильм «присутствует» в нашем пространстве, а мы находимся у него «в гостях».

5. Телеэкранизацию также отличает **меньшая** по сравнению с кинофильмом по литературному произведению **автономность** по отношению к **фрагментарному** зрительскому суждению, меньшая защищенность от такового. Для того, чтобы зритель понял, соответствует ли передаваемая в эфир телеэкранизация его собственным читательским представлениям и зрительским ожиданиям, ему часто бывает достаточно, переключая каналы домашнего телевизора, уделить экранному действию всего лишь несколько минут внимания и принять решение о продолжении просмотра, то есть о включении данного произведения в свой культурный багаж либо об отказе от него. Кинофильм же требует в таком случае предварительной зрительской мотивации: потребителю необходимо принять самостоятельное решение о походе в кинотеатр или о покупке кинофильма на том или ином носителе и о моменте включения бытовой воспроизводящей техники. Процесс просмотра кинофильма в кинозале опосредован необходимостью похода в кинотеатр, приобретения билета, размещения в кинозале, поэтому кинозритель более, чем телезритель, настроен на восприятие экранного произведения в целом, во всей его полноте. От современного телезрителя, избалованного «фрагментарным» телевизионным мышлением, к сожалению, приходится с очень малым основанием ожидать интереса к экранному произведению, если оно моментально не завладевает его вниманием. Таким образом, на создателях современных телевизионных экранизаций лежит трудная и ответственная задача создания «полноты картины», бережного тщания в подходе к материалу буквально в каждой сцене, в каждом эпизоде.

6. **Совмещение коллективного и индивидуального восприятия.** Телевидение создает более массовые, по сравнению с кино, поводы к зрительскому общению, обмену мнениями, «собственными версиями», занятию активных художественных позиций, при том что непосредственное восприятие экранного произведения происходит не при большом скоплении людей, а в отдельных жилищах. Телевидение суггестивно (способно к внушению) более, чем кино, поскольку зрителями телеэкранизации является одновременно гораздо большее количество людей, чем могут вместить кинозалы.

Магия большого экрана, безусловно, существует, ее потрясающего эмоционального воздействия, ее притягательной силы невозможно отрицать. Ныне поклонники тех или иных блокбастеров, вроде «Властелина колец», «Ночного дозора» или «Гарри Поттера», имеют возможность живо обмениваться мнениями в сети Интернет, создавать сетевые форумы и сообщества. Еще совсем недавно такого способа общения быть не могло. Часть зрителей, увидевших интересующий их фильм не в самые первые дни его демонстрации, может вначале стать читателями и слушателями отзывов уже посмотревших, что, безусловно, притупляет свежесть восприятия. Более прагматическая и менее фанатичная часть возможных кинозрителей может подождать несколько недель или месяцев до момента снижения цен на билеты, появления в продаже видеоверсии фильма и, наконец, год или два спустя – показа переставшей быть сенсацией ленты по телевидению. Два последних способа просмотра уже ничего не остав-

ляют от «магии большого экрана», перенося воспринимаемое нами на тот же домашний экран. Там, где принятие решения «как, где и когда смотреть» зависит от нас самих, уже не может быть речи о массовой суггестии.

Что же касается телевидения с его экранизациями, то оно не оставляет нам временного выбора, назначая нам встречу с тем или иным произведением, на которую нам остается только успеть и которую не нужно предварительно оплачивать.

Каждую серию телеэкранизации смотрит вся огромная страна, и смотрит практически если не одновременно, то в одно и то же время для своего часового пояса, как правило, в вечернее время. Просмотр серии в кругу семьи или друзей допускает непосредственную возможность незамедлительного обмена мнениями – ведь мы не в кинозале, а дома, и можем позволить себе не откладывать живую реакцию до конца просмотра. На следующий день со знакомыми в транспорте, с коллегами на работе, с друзьями по телефону мы будем обсуждать эту серию – ведь ее видели практически все. Мы активизируем память, вспомним время, когда читали текст, положенный в основу фильма, и саму книгу, дорогие нам цитаты, фрагменты, мы сравним особенности нашего восприятия, моменты согласия или несогласия с трактовкой авторского коллектива, а вечером, к началу показа следующей серии, мы постараемся завершить все прочие дела и оказаться у телевизора. Интернет же в данном случае еще более увеличит широту обмена мнениями за счет тех людей, с которыми мы чаще всего даже и не знакомы.

Еще совсем не так давно недостижимой мечтой было иметь у себя копию любимого фильма. К огромному зрительскому счастью, теперь это стало возможно, и мы даже выделим это в качестве отдельной особенности телеэкранизации.

7. Возможность немедленного «присвоения» телевизионного продукта. Телевизионный фильм, в отличие от кино, смотрящего в кинозале, благодаря развитию разного рода современной бытовой техники, может немедленно пополнить домашнюю фонотеку зрителя, будучи записан на VHS или DVD. Нам не нужно ждать выхода видеoverсии заинтересовавшего нас фильма, мы можем стать обладателями его копии прямо во время просмотра, если нажмем кнопку «запись». Наличие таймера позволяет даже на некоторое время отложить сам просмотр, варьировать время индивидуального «сеанса», если мы по какой-либо причине не можем посмотреть фильм в момент его демонстрации: аппарат фиксирует его для нас, для этого необходимо только совместить время его включения со временем передачи фильма в эфир.

Таким образом, литература присутствует на современном российском телевизионном экране, преломляясь через целый ряд жанров: от непосредственной рекламы книжных новинок до искусства телевизионной экранизации литературных произведений. И все же остается пожалеть о таком положении вещей, при котором каждый канал считает своим долгом иметь в сетке вещания новости, эстрадные и юмористические программы, передачи, служащие самовыражению простых телезрителей, вроде «Народного артиста», передачи для домохозяек, ток-шоу, реалити-шоу, передачи о домашних животных и любовных историях известных людей, в то время как присутствие литературы на современном российском телевидении по большому счету обеспечивается лишь каналом «Культура».

Список литературы:

1. Юровский А. Телевидение – поиски решения. – М., 1975.
2. Журнал «Советский экран». – 1975. – № 1.
3. Сергеев Е. Перевод с оригинала. – М., 1980.

V. Reshetnikova

LITERATURE ON MODERN RUSSIAN TV

Abstract: The article contains overview and analysis of literary programs on modern Russian television from announcements of new books to teleplays and TV films based on literary works. Teleplays are considered in the context of history of the genre in question. Also specific difference between television adaptations of literary works and similar cinema versions is shown and analyzed.

Key words: Television screen version, film screen version, teleplay, reading, the literature, literary work.

РЕЦЕНЗИЯ
на «Словарь неологизмов Игоря-Северянина»
В.В. Никульцевой
(М.: Издательский центр «Азбуковник, 2008. – 380 с.)

Авторская лексикография на сегодняшнем этапе развития лингвистики отнюдь не падчерница, не «трудный подросток» в благородной области кропотливейших филологических разысканий, целью которых является оптимизация методики составления словарей и само их создание. В этой сфере уже многое сделано отечественными учеными, а потому разнообразен круг изданных трудов, запечатлевших отношение мастеров слова к средствам русского языка и демонстрирующих их репертуар, отразивших поиски новых средств воплощения идеи, создания образности. Велика заслуга в этом ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова, обобщающего опыт и координирующего словарные проекты (Л. Л. Шестакова), но весьма значимой является и научная инициатива исследователей, которые посвящают свою деятельность феномену языка художественной литературы, изучению идиолектов и идиостилей прозаиков, драматургов, поэтов.

Викторией Валерьевной Никульцевой при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №07-04-94479д) создан замечательный «Словарь неологизмов Игоря-Северянина» (под редакцией профессора В. В. Лопатина), посвященный памяти академика Н. М. Шанского, с научным руководством которого связано начало исследовательского пути автора книги, проникновение в секреты филологического анализа текста по модели «идея – образ – слово» (с. 8).

Рецензируемый словарь дает глубокое представление о тенденциях и масштабах словотворческой деятельности «Короля поэтов» Серебряного века Игоря-Северянина (выбор варианта написания псевдонима И. В. Лотарева объясняется В. В. Никульцевой тем, что автор сам «до конца жизни подписывал таким образом рукописи своих произведений и письма» – с. 5), который завораживает читателя тонкой игрой со звуком-словом-образом: *Ярко-цветная зелень сосен, / Желтозлать берез...; Снежеет, ледеед даль...; Июлил вечер, мечтая звёзды высець...; И лес в одежде цвета изумруда, / И небо шатровидное из туч.*

Избрав в качестве объекта словарной фиксации индивидуально-авторский неологизм, В. В. Никульцева отразила в своем труде живой интерес к таким актуальным проблемам антропоцентрической парадигмы лингвистики, как *языковая личность и картина мира* творца текста, слово-неологизм как оригинальный вход в *концептуальное пространство* творчества, *субъективное и объективное* в идиолекте и идиостиле и т. д. Это нашло отражение и в реализованной В. В. Никульцевой концепции построения словаря, согласно которой неологизм понимается широко (ср.: *цитрист* – «Человек, играющий на цитре», или *нежно-кроткий* – «Одобр. Нежный и кроткий», или *ограндиозив* – «Шутл. Сделав грандиозным»). В словаре неологизм представляется «и языковым, и речевым явлением [Выделено автором словаря. – В. Л.]: возникающая в индивидуальной речи писателя, слово затем переходит в язык писателя / писателей – отсюда большое количество неологизмов заимствованного характера» (с. 7), которые сначала принадлежат определенному литературному кру-

гу, а по опубликовании произведений становятся тиражируемыми в широкой аудитории поклонников талантов, читателей. Помещение этого материала дает пищу для серьёзных филологических раздумий.

В. В. Никульцева сумела преодолеть такие препятствия при подготовке словаря, как отсутствие полного собрания сочинений Игоря-Северянина, затрудняющие трактовку семантики, опечатки и искажения текстов некогда изданных произведений, выделив методом сплошной выборки 3300 единиц из 37 книг, в том числе рукописных, а также из неопубликованных стихотворений. Корпус словаря впервые представляет неологизмы поэта так полно. Её работа имеет прочную научно-теоретическую базу, главным методом исследования послужил комплексный аналитико-синтетический, причем неологизмы рассматривались в синхронном и диахронном планах с использованием важного в таком случае приема сопоставления, для чего требовался учет данных семного анализа – тонкой операции, провести которую успешно может лишь чуткий исследователь-интерпретатор текстовой поэтической ткани.

Принципы составления словаря, его микро- и макроструктура являются глубоко продуманными и заслуживают внимания современных исследователей поэтического слова, поскольку позволяют выполнить полиаспектное описание-представление фиксируемых единиц.

В макроструктуре «Словаря неологизмов Игоря-Северянина» выделяется введение, собственно корпус словаря и приложения (№ 1 – словник-индекс, № 2 – список литературы), что указывает на поддержку автором рецензируемого труда традиций в словарном деле. Особенности словарной статьи свидетельствуют о новизне в подходе к микроструктуре лексикографического издания. Так, в ее структуре В. В. Никульцевой отмечается 12 компонентов, соответствующих как традиционным для большинства словарей и признанных лексикографами необходимыми для пользователя зонам (входная, т.е. заголовочное слово – *лексема*; зона *помет*, говоря о которых подчеркнем важность акцентологических и грамматических сведений, контекстуальную определенность стилистических интерпретаций; зона *толкования*; иллюстративная – *цитаты* с точным адресом), так и мотивированных жанром аспектного словаря с неологизмом как объектом фиксации (зона сведений о *способе* образования, производящем слове; обращение к *языку-источнику* для образований от заимствованных морфем).

Большой заслугой В. В. Никульцевой считаем определение значения и стилистического потенциала каждого неологизма. Эта операция требовала от ученого осмысления сверткста Игоря-Северянина, большой гибкости и одновременно строгости в оценке контекстуальных смыслов, несомых единицей, учета семантического окружения, понимание влияния узуса и среды, решения вопроса о полисемии и омонимии единиц идиолекта поэта. См.: *БЛЁКЛО-ШУМНЫЙ*, -ого, прил. Содержащий тихий шум. Сколько тайной печали, пустоты и безнадежья / В нарастающем море, прибегающем ко мне, / В тишине симфоничной, в малахитовом изнежье, / Мне целующем ноги в блёклошумной тишине («Морская памятка», 1912; 3, с. 64=Р, с. 5); *ИСКУССТВИК*, -а, м., суц. Человек искусства. Однако же, у всяких вкусов / Излюбленный *искуств<в>ик* свой: Одним мил Дэбюсси и Брюсов, / Другим – Серов и А. Толстой («Тайна песни», 1918; С, с.172); ...А Игорь, в очередь свою, / С улыбкой *исхитро-бесовской* / Собрал *искуствиков* семью: / Бурлюк, Игнатъев, Маяков-

ский (КСЧ, 1923, ч. II, с. 37); - *Вы гений милостью Господней, / Искусствик Вы par excellence!* (РЛ 2, 1925, ч. III, с. 60); *Я, перечитывая Ваши письма, / С десят<e>ричным повсеместно "i", / Куда искусствик столь искусно втиснул / Нить похвалы, те вспоминаю дни* («Сергею Прокофьеву», 1927; ЛС, л. 80).

Как можно наблюдать, читая словарь В. В. Никульцевой, неологизмы семантизируются с учетом всего контекста стихотворения или (как идиолектемы, в нашем понимании) ряда произведений, учитываются закономерности идиостилевого повтора.

К несомненным достижениям лексикографа, которые презентированы этим изданием, относится то, что В. В. Никульцева проникает в глубинно-образное содержание северянинских неологизмов и регистрирует важные для осознания их креативного характера семы в толкованиях лексем, что особенно нужно в случаях квалификации такого типа новообразований, как семантемы, которые имеют узуальный омоним или омоним в языке / стиле другого автора-современника: *ОДНОЛЕТНИК* -а, м., сущ. Разг. Сверстник. *Со мною Гришка-однолетник, Шалун, повеса из повес, / Сын рыжей скотницы Евгений; / И там, средь бричек, тюльбэри, / Мы, стибрив в кладовой варенье, / В пампассы, - черт нас побери! - / Катались с ним, на месте стоя...*(РОЧ, 1923, ч. II, с. 35). ... Ср. МАС: *Однолетник* «однолетнее растение». См. также: ТАЛЬ, -и, ж., сущ. *Талая вода, капель. Дитя и зверь, Анахорет и воин. / Фиорда лед и оттепели таль* («Гамсун», 1925; МСВ, с. 25). ... Ср. [Блок, II-15]: *И ушла в сиреневую даль, / Где дымилась весенняя таль, / Где кружилась над лесом печаль* («На весеннем пути в теремок...», 1905); [Блок, II-45]: *Весенних талей вздохи томны, / Звездясь, синее тонкий лёд* («Вот – в изнурительной работе...», 1904); [Блок, III-153]: *Вербы – это весенняя таль, / И чего-то нам светлого жаль, / Значит, - теплится где-то свеча, / И молитва моя горяча, / И целую тебя я в плеча* («Вербы – это весенняя таль...», 1914). Ср. [Пастернак, I-98]: *Разве только грязь видна вам, / А не скачет таль в глазах?* («Весна, 3», 1914). Ср.: ССРЛЯ-17, Уш.: *Таль* «оттепель». Как видим, В. В. Никульцевой в последнем примере при семантизации неологизма Игоря-Северянина *таль* отражается дифференцирующая смысловая составляющая – ‘капель’, чем подчеркивается своеобразие единицы.

У «Словаря неологизмов Игоря-Северянина» В. В. Никульцевой много различных достоинств, о которых следует писать. Но мы еще раз подчеркнем, что считаем особенно ценным сравнительно-сопоставительный характер представления состава корпуса, благодаря чему неологизмы Игоря-Северянина не оторваны от литературного контекста эпохи и тенденций развития художественно-стилистических направлений Серебряного века. Все свидетельствует об актуальности, практической значимости рецензируемого издания, где демонстрируется такой подход к индивидуальному, субъективному в тексте и, следовательно, в идиолекте и идиостиле автора, применение которого раскрывает объективные связи тенденций креативной деятельности писателей-современников. Этот подход позволил В. В. Никульцевой получить интересные данные, он методически оправдан и будет способствовать развитию авторской лексикографии в целом.

*Рецензент – доктор филологических наук,
профессор кафедры современного
русского языка МГОУ Леденёва В.В.*

Научная жизнь

ИНФОРМАЦИЯ О МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»

31 марта – 2 апреля 2009 года состоялась VIII Международная научная конференция «Русское литературоведение на современном этапе». Конференция была организована усилиями кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета, кафедры русской литературы Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, отделения литературы Международной академии наук педагогического образования (МАНПО). В конференции приняли участие учёные России, США, Германии, Финляндии, Украины, Армении.

Конференции открылась 31 марта пленарным заседанием, где к участникам конференции с приветственными словами обратились ректор МГГУ им. М.А. Шолохова проф. В.Д. Нечаев, выпускники МГОУ – секретарь Правления Союза писателей России В.Н. Крупин и главный редактор журнала «Литература в школе» Н.Л. Крупина. Содержательные доклады В.Ю. Троицкого, И.П. Щерблыкина, В.А. Шеншиной, Н.М. Щедриной, протоиерея Владимира (Мокренко) и других участников касались самых разных областей литературоведения и были одобрены слушателями.

В рамках конференции работало 6 секций: «Фольклор. Древняя литература. Русская литература XVIII века», «Русская литература первой половины XIX века», «Русская литература второй половины XIX века», «Русская литература первой половины XX века» и «Русская литература второй половины XX века», «Зарубежная литература». 2 апреля состоялся круглый стол «Актуальные проблемы изучения творчества Н.В. Гоголя на современном этапе (к 200-летию со дня рождения)». В заседании круглого стола приняли участие ведущие современные литературоведы В.Н. Аношкина, В.А. Воропаев, И.А. Виноградов, Ю.И. Сохряков, А.Н. Ужанков, Л.И. Шевцова, И.П. Щерблыкин, доценты и аспиранты российских вузов.

На базе МГОУ были проведены секции «Фольклор. Древняя литература. Русская литература XVIII века» (руководители – проф. О.М. Буранок и доц. Т.А. Алпатова), «Русская литература первой половины XIX века» (руководители – проф. В.Н. Аношкина и доц. И.А. Киселёва), подсекция «Поэты пушкинского круга» (руководитель – проф. Т.К. Батунова). Интересы секции «Фольклор. Древняя литература. Русская литература XVIII века» были сконцентрированы на изучение жанрово-стилевых особенностей литературы. Авторы докладов обращались к исследованию творчества малоизвестных писателей XVIII века: В.В. Измайлова, М.Д. Ильинского, Никанора Ознобишина, в ряде докладов изучались новые аспекты биографии и творчества Г.Р. Державина, М.Н. Карамзина, М.М. Хераскова. Секция «Русская литература первой половины XIX века» была самой многочисленной, было заявлено 27 докла-

дов. Большое место в работе секции заняли юбилейные доклады, связанные с творчеством Н.В. Гоголя (200 лет со дня рождения), А.С. Пушкина (210 лет со дня рождения), М.Ю. Лермонтова (195 лет со дня рождения). В докладах В.Н. Аношкиной, В.Н. Сузи, Е.А. Стратийчук изучались духовно-религиозные основы творчества Н.В. Гоголя, эстетика и поэтика его повестей. Развернулась дискуссия о соотношении художественной образности и миссионерского слова Гоголя. В работе подсекции «Поэты пушкинской поры» участвовали как светские ученые из Москвы, Петрозаводска, Мичуринска, так и духовенство. Особой глубиной и проникновенностью отличался доклад монаха Лазаря (писателя В.В. Афанасьева) о слепом поэте И.И. Козлове. Проблематика докладов других участников была связана с творчеством А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, Д.В. Давыдова, П.А. Вяземского. Внимание слушателей привлекли доклады, содержащие новый взгляд на творчество М.Ю. Лермонтова – И.А. Киселёвой, Н.И. Милевской, Г.Е. Горланова; развернулась дискуссия, в которой приняли участие члены Межрегионального Лермонтовского общества. Ряд докладов секции восходил к коллективной работе сотрудников МГОУ – В.Н. Аношкиной, Т.К. Батуровой, И.А. Киселёвой – над темой «Россия и славянский мир в творческом наследии Ф.И. Тютчева»; доклады были одобрены и получили высокую оценку. На конференции выделился также интересный, прежде сего, методологически доклад д.ф.н. О.Г. Егорова о книге-«романе» В.Ф. Одоевского «Русские ночи». Работа секций прошла в творческой обстановке, все доклады были рекомендованы к печати. Участники секций выражали благодарность организатором конференции, и лично профессорам В.Н. Аношкиной (МГОУ) и Л.И. Шевцовой (МГГУ им М.А. Шолохова), возглавляющей оргкомитет конференции.

Серия конференций «Русское литературоведение на современном этапе» вот уже 8 лет собирает российских и зарубежных учёных, работа конференции всегда являет собой событие в научной жизни РФ. Конференция «Русское литературоведение на современном этапе», уникальная по своей универсальности и широте географического и социального охвата, отличается заинтересованной работой всех участников и обращением к самым насущным вопросам современной науки.

*Кандидат филологических наук,
доцент И.А. Киселева*

НАШИ АВТОРЫ

Антонова Елена Михайловна, соискатель степени кандидата филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка и перевода Смоленского гуманитарного университета; www.antonushka@mail.ru

Батакова Марианна Егоровна, аспирант кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург), старший преподаватель кафедры русского языка Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко; e-mail: batakova.marianna@rambler.ru

Гимаев Ян Азратович, аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: yan097@mail.ru

Головачёва Ольга Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Брянский государственный университет; kafedralekant@yandex.ru

Гусаренко Сергей Викторович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации факультета романо-германских языков Ставропольского государственного университета; e-mail: sgusarenko@mail.ru

Жидкова Екатерина Викторовна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева; e-mail: katrin.bar@mail.ru

Иосифова Вера Евгеньевна, кандидат филологических наук, докторант-соискатель кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; kafedralekant@yandex.ru

Канафьева Аля Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; kafedralekant@yandex.ru

Карасева Элла Леонидовна, преподаватель Московского государственного колледжа информационных технологий, аспирант Московского государственного областного университета; e-mail: Britwww34@yandex.ru

Киселева Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; тел.: 265-08-07

Лаврентьев Виталий Александрович, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета; e-mail: vitalij37@yandex.ru

Лебедева Е.В., аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Московского городского педагогического университета; e-mail: alena_jam@mail.ru

Леденёва Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; kafedralekant@yandex.ru

Логинов Александр Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мичуринского государственного педагогического института, докторант кафедры современного русского языка Московского педагогического государственного университета; e-mail: krasaverenei@mail.ru

Мелексетян Марина Валерьевна, аспирант кафедры новейшей русской литературы Литературного института имени А.М.Горького. E-mail: meleksetyan@comyo.ru; mmeleksetyan@yandex.ru

Меньшиков Тимур Владимирович, кандидат филологических наук, Литературный институт им. А.М. Горького; тел.: 8 (496) 223-64-22

Моисеенко Марина Валентиновна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры, факультет гуманитарных и социальных наук Российский университет дружбы народов; e-mail: mmv555@mail.ru

Недельская Т.А., соискатель кафедры славянской филологии Московского госу-

дарственного областного университета; kafedralekant@yandex.ru

Новикова Альбина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры истории литературы и мировой культуры Уссурийского государственного педагогического института; e-mail: novikaleks.49@mail.ru

Окатьева Ольга Витальевна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Московского городского педагогического университета; e-mail: della-reina@bk.ru

Осетров Игорь Германович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова; e-mail: igorosetrov@yandex.ru

Пузрякова Наталья Викторовна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; тел. 521-37-00

Решетникова Валерия Вячеславовна, аспирант кафедры сценарного мастерства и искусствоведения Института повышения квалификации работников телевидения и радиовещания; e-mail: reinecke@yandex.ru

Серафимова Вера Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент МПГУ, кафедра русской литературы и журналистики XX-XXI вв. Тел.: 8 (499) 618-80-22.

Солодовник Вера Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежных литератур Московского государственного областного университета; тел.: 265-08-07

Сузи Валерий Николаевич, кандидат филологических наук, доцент (г. Петрозаводск); e-mail: kafedralekant@yandex.ru

Терентьева Ольга Николаевна, аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, учитель русского языка и литературы МОУ «Лицей № 4» г. Красногорска; e-mail: ton2203@rambler.ru

Топтыгина Елена Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: kafedralekant@yandex.ru

Фролова О.А., Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище (военный институт) им. Маргелова В.Ф., преподаватель кафедры русского языка

Хугаев Ирлан Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова; e-mail: shmiksel@rambler.ru

Черепенникова Маргарита Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры Зарубежной литературы Литературного института им. А.М. Горького; e-mail: chrita@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

О.А. ГОЛОВАЧЁВА. О языке и стиле произведений Н.С. Лескова, посвященных «женскому вопросу».....	3
С.В. ГУСАРЕНКО. Когнитивно-семантические структуры в антиэнтропийной организации текста заключения судебно-лингвистической экспертизы.....	12
И.В. ЗАМЯТИНА. Морфологические категории личной и безличной формы причастного предикатива.....	19
И.В. ЗАМЯТИНА. Употребление личной и безличной формы причастного предикатива.....	25
В.Е. ИОСИФОВА. Побудительные высказывания с формами сослагательного наклонения..	31
А.В. КАНАФЬЕВА. Частицы как репрезентаторы модально-эмоциональных значений риторического высказывания.....	37
В.А. ЛАВРЕНТЬЕВ. Значение неопределенности лица.....	42
А.В. ЛОГИНОВ. Адресант и адресат в диалогическом пространстве.....	49
И.Г. ОСЕТРОВ. Симметрия и асимметрия: онтологический и лингвистический аспекты.....	55
Е.Н. ТОПТЫГИНА. О субъективной модальности газетно-публицистического текста.....	61
Е.Н. ТОПТЫГИНА. О модальном потенциале междометий.....	66

Публикации аспирантов

Е.М. АНТОНОВА. Метафорическое моделирование финансово-экономических терминов....	70
М.Е. БАТАКОВА. Компонентный критерий при разграничении семантической омонимии и полисемии	76
Я.А. ГИМАЕВ. Реализация концепта родина в школьных учебниках для 6 класса.....	82
Е.В. ЛЕБЕДЕВА. Условия успешности комических речевых действий.....	89
Т.А. НЕДЕЛЬСКАЯ. История лексемы <i>сущий</i> в русском языке.....	96
О.В. ОКАТЬЕВА. Языковая игра в поэме Л. Кэрролла «Охота на Снарка» как средство развития лингвистической компетенции.....	99
Н.В. ПУЗРЯКОВА. Ода-панегирик как продукт осознанной необходимости. Лингвистический аспект.....	104
О.Н. ТЕРЕНТЬЕВА. Об объекте оценки в бисубстантивном предложении.....	108
О.А. ФРОЛОВА. Фразеологизмы с противопоставлением: особенности семантики.....	113

ЛИТЕРАТУРА

Т.В. МЕНЬШИКОВ. Русская национальная идея в произведениях отечественных писателей и мыслителей.....	118
М.В. МОЙСЕЕНКО. И.А. Ильин о проблеме художественного акта (на примере творчества Н.В.Гоголя и Ф.М. Достоевского).....	125
М.В. МОЙСЕЕНКО. И.А. Ильин о специфике художественного акта Л.Н. Толстого и И.А.Бунина.....	133
А.А. НОВИКОВА. Рассказ А.П. Чехова «Архиерей» в оценке русской критики.....	143
В.Д. СЕРАФИМОВА. Исторические, фольклорные источники повести Л. Бородина «Царица смуты». Поэтика. Доминантные идеи.....	151
В.Н. СОЛОДОВНИК. Загадочная Лукерья. Проблемы восприятия западной критикой «русской религиозной духовности» (на материале рассказа И.С.Тургенева «Живые мощи»).....	160
В.Н. СУЗИ. Мотив <i>безмолвия</i> у Тютчева и Достоевского.....	171
И.С. ХУГАЕВ. Культурологическое значение младописьменной транслингвальной литературы (на примере осетинской русскоязычной литературы): актуализация и упразднение границы.....	177
М.С. ЧЕРЕПЕННИКОВА. Трансформация творческого потенциала Гёте в произведениях итальянских авторов второй половины XIX столетия.....	190

Публикации аспирантов

Е.В. ЖИДКОВА. Своеобразие художественного воплощения женских образов в романе П.И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах».....	196
Э.Л. КАРАСЕВА. Идеино-художественная роль авторских отступлений в романе В.П. Астафьева “Прокляты и убиты”.....	202
М.В. МЕЛЕКСЕТЯН. История развития и значение образа матери в русской поэзии.....	207
В.В. РЕШЕТНИКОВА. Литература на современном российском телевидении.....	212

РЕЦЕНЗИИ

В.В. ЛЕДЕНЕВА. Рецензия на «Словарь неологизмов Игоря-Северянина» В.В. Никульцевой (М.: Издательский центр «Азбуковник, 2008. – 380 с.).....	222
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И.А. КИСЕЛЕВА. Информация о международной научной конференции «Русское литературоведение на современном этапе».....	225
--	-----

НАШИ АВТОРЫ.....	227
------------------	-----

CONTENTS
RUSSIAN LANGUAGE

O. GOLOVACHEVA. On language and style in N. Leskov's words devoted to «women's issue».....	3
S. GUSARENKO. Cognitive semantic structures in anti-entropy organization of the judicial linguistic examination text.....	12
I. ZAMYATINA. The morphological categories of personal and impersonal forms of participle predicate.....	19
I. ZAMYATINA. The using of personal and impersonal forms of participle predicate.....	25
V. IOSIFOVA. Imperative sentences with the forms of subjunctive mood.....	31
A. KANAFIEVA. Particles as means of expression of modal-emotional meaning in rhetorical statements.....	37
V. LAVRENTJEV. The meaning of indefiniteness of person.....	42
A. LOGINOV. Speaker and addressee in a dialogue.....	49
I. OSETROV. Symmetry and asymmetry: ontological and linguistic aspects.....	55
H. TOPTYGINA. The subjective modality of journalistic text.....	61
H. TOPTYGINA. Modal meaning of interjection.....	66

Publications of post-graduate students

E. ANTONOVA. Metaphorical modeling of english business terms.....	70
M. BATAKOVA. Component criterion in distinguishing semantic homonymy and polysemy.....	76
Y. GIMAEV. Realization of the concept «motherland» in literature textbooks for 6 grades.....	82
E. LEBEDEVA. Condition of success of comic speech acts.....	89
T. NEDELSKAYA. Histoire du lexeme «mère» dans la langue russe.....	96
O. OKATYEVA. Language game in L. Carroll's poem «The hunting of the Snark» – means of development of linguistic competence.....	99
N. PUZRYAKOVA. Ode – the panegyric as a product of the realized necessity. Linguistic aspect.....	104
O. TEREPTYEVA. About the object of assessment in bisubstantival sentence.....	108
O. FROLOVA. Idioms with contrasting components: semantic features.....	113

LITERATURE

T. MENSHIKOV. Russian national idea in works of home writers and thinkers.....	118
M. MOISEENKO. I. Ilyin on a problem of the art action (on example of N. Gogol's and F. Dostoevskiy's creativity).....	125
M. MOISEENKO. The phenomenon of the art action through a prism of of L. Tolstoy's and I. Bunin's creativity (on I. Ilyin's articles).....	133
A. NOVIKOVA. Story by A. Chekhov «Bishop» in Russian criticism.....	143
V. SERAFIMOVA. Die historischen, folkloristischen Quellen L. Borodin «Die Zarin der Wirren» zu führen. Die Poetik. Die dominanten Ideen.....	151
V. SOLODOVNIK. Mysterious Lukeria. The problems of perception of «The Russian religious spirituality» by western criticism (on I. Turgenev's story «Living relics».....	160
V. SUZI. Motive of the silence in Tytchev's and Dostoevsky's creation.....	171
I. KHUGAEV. Culturological meaning of translingual literature that has recently acquired a written form (on example Russian-language Ossetian literature): actualization and abolition of borders.....	177
M. CHEREPENNIKOVA. Transformation of Goethe's creative potential in Italian literature of the 2nd half of the XIX century.....	190

Publications of post-graduate students

E. ZHIDKOVA. The Specific Character of Artistic Embodiment of Female Characters in the Novel «In the Woods» by P.I. Melnikov.....	196
E. KARASEVA. Artistic role of author's deviations in V. Astafiev's novel «Cursed and killed».....	202

M. MELEKSETYAN. The history of an image and a theme of mother in the Russian poetry.....207
V. RESHETNIKOVA. Literature on Modern Russian TV.....212

REVIEW

V. LEDENEVA. The review of «The Dictionary of neologisms of Igor-Severyanin»
V.V. Nikultseva (M.: the Publishing centre «Azbukovnik, 2008. – 380 p.).....222

SCIENTIFIC LIFE

I. KISELEVA. The information on the international scientific conference
«Russian literary criticism at the present stage».....225

OUR AUTHORS.....227

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О «ВЕСТНИКЕ МГОУ»

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году.

Многосерийное издание университета – «Вестник МГОУ» – включено в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России 6.07.2007г. (См. Список на сайте ВАК, редакция апреля 2008 г.).

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», каждая из серий будет выходить 4 раза в год, все 10 – в рекомендательном списке ВАК (см.: **прикреплённый файл** на сайте www.mgou.ru).

Первый номер 2008 г. по всем сериям подписывается в печать 5 февраля, второй- 5 мая, третий - 5 августа, четвертый - 5 ноября; с этой даты статью можно указывать в авторефератах.

Подписка на Журнал осуществляется через Роспечать или непосредственно в издательстве МГОУ.

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»
в каталоге «Газеты и журналы», 2009, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» (всех его сериях), публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов.**

Для публикации статей в сериях «Вестника МГОУ» необходимо по электронному адресу vest@mgou.ru прислать в едином файле (в формате Word) следующую информацию:

- а) авторскую анкету:
  - фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках;
  - ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название, а не аббревиатура) на русском и английском языках;
  - адрес (с индексом) для доставки Ваших номеров журналов согласно подписке;
  - номер контактных телефонов (желательно и мобильного);
  - номер факса с кодом города;
  - адрес электронной почты;
  - желаемый месяц публикации;
- б) аннотацию на русском и английском языках (примерно по 400 знаков с пробелами);
- в) текст статьи;
- г) список использованной литературы.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно 1) раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов, 2) отмечается научная и практическая значимость статьи, 3) указывается на соответствие ее оформления требованиям «Вестника МГОУ». Замечания и предложения рецензента, если они носят частный характер, при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой). Авторы получают рецензии с мотивированным отказом в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию «Вестника МГОУ»: vest@mgou.ru. Конт.тел. (495) 723-56-31. Наш адрес: ул. Радио, д.10А, комн.98.

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, обед с 13 до 14 часов. Потапова Ирина Александровна. Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович. Более подробную информацию можно получить на сайте www.mgou.ru

Требования к оформлению статей

- документ MS Word (с расширением doc);
- файл в формате rtf;
- текстовый файл в DOS или Windows-кодировке (с расширением txt).

В начале публикуемой статьи приводится индекс УДК, который должен проставить автор, руководствуясь сведениями, полученными в библиографических отделах библиотек, которые располагают изданиями «Универсальной десятичной классификации» (УДК).

Файл должен содержать построчно:

на русском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Фамилия, имя, отчество (полностью) Полное наименование организации (в скобках - сокращенное), город (указывается, если не следует из названия организации) Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Аннотация»
на английском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Имя, фамилия (полностью) Полное наименование организации, город Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Abstract»
на русском и английском языках	Перечень ключевых слов в количестве 5-7
на русском языке	Для докторантов минимальный объем статьи 16000 символов, включая пробелы Список литературы

Формат страницы - А4, книжная ориентация. Шрифт не менее 14 пунктов, межстрочный интервал – полуторный.

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах
- **допускается** выделение слов полужирным шрифтом, подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;
- **наличие рисунков, формул и таблиц** допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. **Все формулы** должны быть созданы с использованием компонента **Microsoft Equation** или в виде четких картинок

- **запрещено уплотнение интервалов;**

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затекустовые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на дискете и бумажного варианта!

В случае принятия статьи условия публикации оговариваются с ответственным редактором.

Ответственный редактор серии «Русская филология»—доктор филологических наук профессор *Лекант Павел Александрович*, **зам. отв. редактора**—доктор филологических наук профессор *Шаповалова Татьяна Егоровна*.

Адрес редколлегии серии «Русская филология» «Вестника МГОУ»: 107005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 21-а, МГОУ, комн. 105. Телефон (495) 265-08-07.

ВЕСТНИК
*Московского государственного
областного университета*

Серия
«Русская филология»

№ 2

Подписано в печать: 05.05.2009.
Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBookC».
Уч.-изд. л. 17. Усл. п. л. 14,75. Тираж 275 экз. Заказ № 88.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, Радио, д. 10а.